

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный аграрно-технологический
университет имени академика Д. Н. Прянишникова»

А.И. Паутов

Дорогами войны

Пермь
ИИЦ «Прокростъ»
2017

УДК 94 (470) «1941/1945»
ББК 63.3(2) 622
П 214

П 214 Паутов, А. И.

Дорогами войны / М-во с.-х. РФ, федеральное гос. бюджетное образоват. учреждение высшего проф. образов. «Пермский государственный аграрно-технологический ун-т имени академика Д.Н. Прянишникова». –Пермь : ИПЦ Прокрость, 2017.– 464 с.
ISBN 978-5-94279-362-3

Анатолий Иванович Паутов – участник Великой Отечественной войны, бывший сотрудник кафедры почвоведения Пермской ГСХА. Повествование основано на автобиографических данных, дает возможность читателю пережить события войны. Важны его выводы и напутствия молодому поколению.

Книга предназначена всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны.

УДК 94 (470) «1941/1945»
ББК 63.3 (2) 622

Печатается по решению ученого совета Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д.Н. Прянишникова.

Редакторский коллектив:
Е.А. Граевская, Г.И. Жаворонкова, С.В. Гриценко.

Литературное издание
Паутов Анатолий Иванович

Дорогами войны

Подписано в печать 19.10. 2017. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л 29. Тираж 100 экз. Заказ № 134

ИПЦ «Прокрость»

Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени академика Д.Н. Прянишникова,
614090, Россия, г. Пермь, ул. Петропавловская, 23 тел. (342) 210-35-34

ISBN 978-5-94279-362-3

©ИПЦ «Прокрость», 2017
© Паутов А.И., 2017

Предисловие

Личные ощущения и впечатления от общения с Анатолием Ивановичем – это восторг и гордость за поколение советской научной, трудовой и фронтовой интеллигенции. А.И. Паутов – яркий представитель этого поколения победителей, настоящей и нестигаемой «соли земли». Его же «Дорогами войны» непременно должна увидеть свет и прожить долгую жизнь, питая не одно поколение молодежи и земляков-уральцев.

Вот поэтому мною было предложено издать воспоминания и размышления А.И. Паутова отдельной книгой в нашем университете.

*Ю.Н. Зубарев,
ректор Пермского государственного
аграрно-технологического университета
им. академика Д. Н. Прянишникова*

В своей книге Анатолий Иванович Паутов – бывший доцент кафедры почвоведения – повествует о военных годах в своей судьбе. Анатолий Иванович оказался талантливым рассказчиком. Понравились язык, образность, чистосердечие, простота изложения. А уж событиями жизнь его была богата. Предлагаем вам подлинный рассказ талантливого человека, любящего жизнь. После Великой Отечественной войны, окончив Пермский (Молотовский) СХИ, работал на Целине в Оренбургской земпартии. Затем была аспирантура и преподавательская деятельность. Преподавателем он был замечательным.

Вот что вспоминает бывшая студентка, а ныне доцент кафедры почвоведения Ираида Алексеевна Самофалова в очерке «Гордость кафедры» в книге «Лики истории» (2015, с. 344-345): «Воинственный и самоотверженный Анатолий Иванович всегда стремился развивать профессиональные качества у студентов, которые в большей степени могли проявиться и на занятиях почвенного кружка. Руководство научной работой студентов доставляло ему удовольствие, т.к. он прививал своим ученикам любовь к науке, желание и стремление докопаться до истины, точности при выполнении различных аналитических процедур, умение защищать свои научные результаты, четко их аргументируя... Анатолий Иванович, как мне кажется, очень любил собирать вокруг

себя студентов различных курсов в лаборатории, где до позднего вечера проводились какие-то аналитические определения, чтения, споры, дискуссии, беседы. Он, как маг и волшебник, совершенно незаметно для студентов руководил их научной работой, не забывая при этом устраивать удивительные чаепития, перемещаясь между молодыми учеными и попевая старинные русские романсы. Кроме того, предлагал угадать, что это за романс, или читал свои стихотворения. С ним было очень интересно заниматься научной деятельностью. Хочу признаться, что любви к науке, к поиску неординарных решений, чтению и изучению научной литературы, а также многому другому научил меня мой научный руководитель, друг и единомышленник, наставник, мастер своего дела – Анатолий Иванович Паутов...».

Надо сказать, что А.И. Паутов не потерял своей повадки и в свои 95 лет. Многим интересуется. И память у него хорошая. Собеседник интересный. Много размышляет, например, о судьбе крестьянства в России, раскулачивании, репрессиях и о войне. Он много читает: и художественную литературу, и документальную – о войне, о политических событиях, эссе и воспоминания, о жизни деятелей науки, культуры. Его мозг требует пищи, привыкнув всегда трудиться. Чтобы писать свою повесть о войне, Анатолий Иванович освоил компьютерную грамоту и сейчас все печатает сам, сам организует свою работу. При всех творческих занятиях А.И. Паутов не забывает и о хозяйственных делах, саде. Любит лыжи, в предыдущие годы по несколько раз осваивал лыжню. Держится солдат и не теряет интереса к жизни.

Дорогой читатель, у тебя есть возможность окунуться в события, которым уже более 70 лет, увидеть происходящее глазами молоденького солдата.

*Г.И. Жаворонкова,
главный библиотекарь КИЦ*

Начало

Я – участник Великой Отечественной войны. По специальности – штурман. Окончил Челябинское военное училище (ЧВАУ). Но судьба распорядилась так, что воевать мне пришлось флагманским воздушным стрелком на двухместных ИЛах, которые появились на фронте в начале 1943 г. после Сталинградской битвы, в составе 951 штурмового авиационного полка (306 дивизия). Командиром экипажа был помощник командира полка по политической части майор В.С. Квелидзе – опытный летчик, уже побывавший на фронте. Полком командовал подполковник В.Н. Цветков. Воздушным стрелком у него был мой однокашник по училищу Алексей Пименов. Формирование полка происходило в городе Чапаевске под Куйбышевым (ныне Самара).

Вспоминая свое военное прошлое, я всегда «заикливаюсь» на вопросе о том, как и почему в прошедшей войне мы потеряли свыше 27 млн человек? Это моя непреходящая боль. Поэтому в своих воспоминаниях я прямо или косвенно, но неизбежно буду касаться этого вопроса.

Предвоенная государственная пропаганда постоянно твердила о нашей военной мощи. Мы верили этому, бодро распевали песни: «Малой кровью, могучим ударом...», «И помчаться лихие тачанки...» и т.д. А что стало потом в начале войны?.. Не могу без слез смотреть телевизионную передачу о том, как формировалось московское ополчение. Людям, не имеющим никакой военной подготовки, разных возрастов и специальностей, вручают старые трехлинейные винтовки и два десятка патронов к ним. И это против танков, бронемашин, мотоциклов и прочей военной техники. Не мне судить, насколько все это было оправдано, – позади Москва. И подобным примерам нет числа.

А что было с нами?

К весне 1943 года полк был сформирован. В нем по штатному расписанию 32 машины. Столько же пилотов. Из них только 3-4 человека обладали опытом боевых действий. Остальные – выпускники летных училищ с двухгодичным сроком обучения и «налетом» в 150 часов, вместо 300 по программе обучения. И когда встал вопрос о получении машин с заводского аэродрома, то

из рядовых летчиков только двое оказались способными на это. Пришлось срочно доучиваться. Недалеко ушли мы от московского ополчения по уровню подготовки.

В апреле 1943-го полк был полностью укомплектован машинами, определены экипажи, пилоты получили некоторые навыки самолетовождения, указан район боевых действий – юго-западный фронт. Можно было перебазироваться к месту назначения. Но случилось непредвиденное – во время перелета, в сложных метеоусловиях летчикам пришлось делать вынужденную посадку «на живот» около с. Поворино Воронежской области. Девять машин получили серьезные повреждения и требовали ремонта. С большим трудом их переправили на ближайший аэродром в город Борисоглебск. А личный состав полка оказался полностью разобщенным: часть людей, главным образом младшие специалисты (мотористы, оружейники, прибористы), в основном девушки, остались в Чапаевске, техники-механики ремонтировали машины в Борисоглебске, воздушных стрелков на транспортных самолетах перебросили в район боевых действий.

Боевое крещение

И вот мы в прифронтовой полосе. Все ново, непривычно: дома, люди, образ жизни. Село Троицкое. До линии фронта 20-30 километров. Каждое утро на высоте 1,0-1,5 км на восток над селом пролетает немецкий самолет – разведчик Ю-88 («Юнкере»), или двухфюзеляжный Фокке-Вульф-190 (на фронте его часто называли «Рамой»). Вначале мы с опаской посматривали на них: кто знает, вдруг бомбить вздумает. Но заметив, что местное население не обращает на них никакого внимания, перестали опасаться, и мы быстро привыкли. Это был первый, открытый мною атрибут войны.

Кроме нас в селе было много других военных. В центре села большой клуб с кинозалом и просторным фойе. В кинозале по вечерам демонстрировали старые довоенные фильмы. После окончания фильма народ не спешил расходиться по домам: началось «веселье» – играли в «кошки мышки», в «третий лишний», пели песни. Играл духовой оркестр, звучали модные в то время танцы: вальс, танго, фокстрот, кадрили. Были и пляски.

Я никак не мог понять причину такого веселья: ведь война, рядом фронт, гибнут люди. Мне все это напоминало «пир во время чумы». И только значительно позже пришло озарение: за годы войны люди истосковались по мирной жизни. Конечно, где-то в глубине сознания люди понимали, что все это ненадолго, и в любой момент может кончиться, но «хоть день, да мой». И это тоже атрибут войны. Как в известном стихотворении Е. Симонова «На вокзале»:

Здесь ласки долги не бывают.
Мужчины говорят: «Война»,
И наспех женщин обнимают.

И действительно, для нас все кончилось внезапно. Пришел приказ перебазироваться в станицу Глубокая, где будет наш аэродром. Станица и железнодорожная станция Глубокая – это крупный железнодорожный узел между Ростовом и Воронежем. Здесь были ремонтные мастерские, водокачка, депо.

Мы уселись в нашу полковую изрядно потрепанную «полуторку» и поехали к месту назначения. Дорогой попали под ливень и вымокли до нитки. В тот день на путях стоял состав с поврежденными танками и цистернами, в депо временно хранили снаряды и другие боеприпасы.

Глубочка (так называли местные станицу) была расположена в небольшой низине, окаймленной пологими холмами. Когда мы поднялись на такой холм, то увидели страшную картину: станция и прилегающие к ней здания были в огне, в воздухе беспрестанно крутились вражеские самолеты Ю-87 – одномоторные пикирующие бомбардировщики. Были слышны разрывы падающих бомб. Не было видно ни одного нашего истребителя, не слышно было и выстрелов зениток. Хорошо сработала немецкая разведка. Въезжать в это месиво не было смысла. Мы молча и с горечью наблюдали эту картину, опасаясь: вдруг немцы заметят нашу машину. Наконец, все самолеты улетели, и мы осторожно въехали на одну из окраин станицы. Быстро нашли своих, и нас тут же разместили по квартирам. Мне досталась небольшая комната на первом этаже восьмиквартирного каменного дома.

Разбирая свои пожитки, я обнаружил, что все они изрядно вымокли. Поэтому я решил подсушить их, разложив на полу. По-

ка знакомился со своим жилищем и раскладывал вещи, прошло примерно с полчаса. Я уже хотел пойти на улицу и посмотреть, что там творится, как услышал какой-то шум, увидел куда-то бегущих людей. Выглянул в окно – и, о, ужас! Новая армада бомбардировщиков приближалась к станции. Я насчитал 62 вражеских самолета, на этот раз Ю-88. Первое желание было куда-нибудь бежать, но, поглядев на разложенные на полу вещи, решил вначале собрать их и сложить обратно в чемоданчик. А когда открыл дверь комнаты, то увидел, что прихожая была плотно забита женщинами, некоторые были с грудными детьми и крепко прижимали к себе ребятшек. Стояли молча, в тревожном ожидании того, когда ВСЕ ЭТО опять начнется. Больше всего меня поразило то, что и дети тоже молчали, не плакали, не канючили. В глазах испуг. Видно нутром тоже чувствовали опасность. Один миг потребовался мне, чтоб все это увидеть, а все помню до сих пор, да вряд ли забуду когда.

А бомбежка к этому времени уже началась. Первый удар по станции самолеты нанесли сходу. Десятки и сотни бомб с пронзительным воем беспрестанно сыпались сверху, завершаясь глухими, но мощными взрывами, сотрясая все вокруг. Стены дома ходили ходуном, сыпалась сверху штукатурка. Я сидел на койке и видел все, что творилось на улице. Вот одна из бомб упала под основание огромной серебристой цистерны с горючим – мощный взрыв, черные клубы дыма и яркие языки пламени взметнулись вверх, а цистерна взлетела в воздух, медленно перевернулась и рухнула на землю. Вторая – в туалет... и нет его. Не знаю, отчего внезапно исчезли два пакгауза, что стояли за перроном. К глухим взрывам бомб прибавлялись хлопки взрывов от цистерн, что стояли на путях: очевидно некоторые из них были с горючим. Все слилось в сплошной грохот, от которого хотелось закрыть уши и глаза. Положение осложнялось тем, что я не мог никуда убежать, спрятаться.

Если первые самолеты бомбили по преимуществу вокзал и депо, то последующие стали сбрасывать бомбы и на жилые кварталы. Одна из бомб улетела метрах в ста от дома, вторая – на соседнюю улицу. «Следующая – моя», – мелькнуло в голове (как штурман, я ведь хорошо знал законы бомбометания), но пронес-

ло: упала за домом. Бомбы беспорядочно сыпались где-то рядом (а может, это мне только казалось). Со звоном вылетело стекло в окне. Опасаясь осколков, я спрыгнул с койки на пол, под окно, прижался к стене и закрыл уши. До сих пор помню, как в голове назойливо билась одна и та же мысль: «Господи, когда все это кончится? Хватит уж! Сколько можно?..». Нечто подобное мы ощущаем в зубном кабинете, когда нам сверлят больной зуб под пломбу.

В одну из небольших передышек я подошел к зеркалу, чтоб посмотреть, как я выгляжу. Характер у меня в те годы был довольно легкомысленный, соответственно и выражение лица такое же. Но в зеркале на меня смотрел строгий, посерьезневший молодой человек, без каких-либо признаков страха или паники. «Ну что ж, неплохо», – с некоторым удовлетворением решил я.

Побросав бомбы, как попало и куда попало, самолеты улетели. Я понял это по наступившей тишине. Прихожая опустела. Я тоже вышел на улицу. Из домов, убежищ, погребов постепенно, робко, то и дело посматривая на небо и оглядываясь по сторонам, выходили люди. Они вели себя по-разному. Одни, несмотря на пережитое, к моему удивлению, не потеряли чувства юмора, даже улыбались, шутили, спрашивали друг у друга: «Ну, как вы там? Натерпелись страху? Живы?». Наверное, это было естественное чувство радости, что остались живы, что наступила, может быть короткая, но все-таки передышка. Безусловно, сказалось и нервное напряжение. Я и сам чувствовал себя примерно также. Поиному вели себя те, кто проживал недалеко от станции, которая была полностью разбита, вокзал разрушен. Повсюду полыхали пожары. Пострадавшие и их соседи тщетно пытались бороться с огнем, лихорадочно качали воду из ближайших колонок. Плакали женщины и дети, мужчины молча и как-то отрешенно смотрели на все происходящее.

У больницы, что находилась на окраине, кучковались раненые. Одни пришли сюда сами, других принесли на самодельных носилках. Помимо людей, были жертвы и среди домашнего скота (животные не умели прятаться). Почему-то мне было жаль их больше, чем людей.

Внезапно в небе появилось несколько немецких истребителей Me-109. Но после пережитого местное население не очень опасалось их. Да и истребители больше гонялись за людьми, которые, спасаясь от бомб, разбежались по окрестным полям.

В поле, за больницей, стоял наш подбитый танк. Два танкиста копошились около него, устраняя какую-то неисправность и не обращая никакого внимания на истребителей. Но один из них, внезапно спикировав, дал по ним длинную пулеметную очередь. Один из танкистов был ранен. Сильно прихрамывая на правую ногу, он направился к группе женщин и попросил сделать ему перевязку. У него оказалось пулевое ранение в пах. У одной из женщин нашлись бинты, вата, йод. Немного стесняясь, не очень умело и волнуясь, женщина все же выполнила его просьбу. Танкист поблагодарил ее и направился к своему танку. Вот так все просто, обыденно, буднично.

Истребители попытались обстрелять и нашу полуторку, но шофер Володя (фамилию не помню), умело лавируя между домами, всякий раз как-то умудрялся увилить от обстрела. С крыльца моего дома мы со смехом наблюдали этот поединок, давали советы, подбадривали, иногда аплодировали. Смешно? Да. Типично? Нет. Но и это тоже война.

Вот так и закончился для нас всего лишь один день войны. Всего один. А сколько событий уместилось в нем! Сколько материальных ценностей уничтожено! Сколько погибло и ранено людей! Сколько осталось сирот! Сколько слез пролито! А кто и как подсчитает душевные переживания людей?

В вопросах патриотизма наше поколение воспитывалось на примере героев из фильмов «Чапаев», «Котовский», «Если завтра война» и др. В кино этих героев показывали крупным планом, красивым ракурсом, на лихом коне с шашкой наголо. А то, что я увидел в тот день, никак не вписывалось в рамки моих представлений о войне. Меня поразила какая-то обыденность происходящих событий, отсутствие у людей сознания того, что все они - участники войны. А сам я никак не мог понять: я уже на фронте, или это всего лишь прелюдия? Но один вывод мне уже был ясен: **ВОЙНА МНОГОЛИКА.**

На войне как на войне

Нам не забыть ту давнюю пору,
Ночные бомбежки и плач матерей,
Штабные землянки и рокот моторов,
И Гибель,
И Гибель,
И Гибель,
И Гибель!
Наших друзей.

Бомбежки Глубокой продолжались и дальше. Они прекратились только после того, как станцию стали охранять несколько зенитных орудий. Немцы изменили тактику и налеты стали делать одиночными самолетами, обычно по ночам. Во время таких налетов мы прятались в заранее вырытых «щелях» (узких окопах, вырытых в виде зигзага). Но вскоре мне это надоело. Я решил, что «от судьбы не уйдешь» и оставался в здании, тем более что бомбы сбрасывались не прицельно.

В апреле 1943 г. полк был в основном укомплектован и летным, и техническим составом. Здесь же была сформирована и 306-я ШАД, в которую, кроме нашего полка, вошли 672-й и 955-й полки.

К маю в Глубокую стали прилетать те самолеты, которые были отремонтированы в Борисоглебске, и те, что оставались в Чапаевске. В июне весь полк, наконец, собрался в «кучу», и мы перебазировались на более крупный аэродром в с. Покровское. С этого момента жизнь наша была привязана не столько к тем населенным пунктам, в которых мы проживали, сколько к аэродромам, на которых мы базировались. В Покровском были окончательно укомплектованы экипажи. Летчики тренировались в бомбометании, совершенствовали технику пилотирования, воздушные стрелки пристреливали свои пулеметы. Оружейники, главным образом девушки, учились снаряжать патроны и снаряды в ленты, подвешивать бомбы и ЭРЭСЫ (реактивные снаряды типа «катюш» – к крыльям самолета).

Дивизию направили на Юго-Западный фронт, поближе к району предстоящих боев. Наш 951-й полк разместился на аэро-

дроме Покровское, остальные – на аэродромах Песчаное и Буденковский. Все – недалеко от Белгорода.

Командование полков, зная, что скоро начнутся «горячие денечки», зря время не теряло: летчики быстрым порядком отрабатывали все то, что потребует боевая обстановка: взлет, сбор в боевой порядок, выход на цель, противозенитные маневры и пр. Младшие специалисты уточняли свои обязанности.

С целью разведки мы делали иногда облеты «передовой», но далеко за линию фронта не углублялись. Немцы себя тоже не демаскировали – этакое «мирное содружество».

Активные боевые действия начались с 5 июля с начала Курского сражения. До Курска было далеко, поэтому туда мы не летали. А все полки нашей дивизии штурмовали скопления пехоты и механизированных соединений под Белгородом. Отсюда немецкое командование предполагало охватить Курск с правого фланга. Полк сразу же понес большие потери. Это и не удивительно, так как в бой пошли молодые необстрелянные ребята, не имеющие никакого боевого опыта. Дорогой ценой летный состав и штабные работники учились здесь искусству боя.

После Сталинградской битвы на всех фронтах было относительное затишье. Но было ясно, что это ненадолго. Было известно, что противник готовит крупномасштабную операцию в районе так называемого «Курского выступа», где линия фронта глубоко вклинивалась в оборону противника. Этот выступ немцы намеревались как бы выровнять с остальной линией фронта и путем фланговых ударов с севера – у Орла – и с юга – со стороны Белгорода, при одновременном наступлении по центру в направлении Курска.

Для осуществления этой операции на сравнительно узком участке фронта немцы сосредоточили почти все свои людские и технические резервы. Главная ставка делалась на технику. Именно здесь появились новейшие танки «Тигр», «Пантера» и самоходные орудия «Фердинанд». Только на нашем Белгородском направлении было сосредоточено 8 танковых дивизий под командованием генерала Манштейна. Его задача заключалась в

том, чтобы, наладив понтонные переправы через реку Северный-Донецк (в нескольких километрах на север от Белгорода), все силы бросить на Воронеж. Всего таких переправ было 6.

Не помню точно, были ли боевые вылеты 5 июля, но на следующий день уже с раннего утра на аэродроме кипела жизнь. Туда и сюда сновали бензо- и маслозаправщики, механики и мотористы устраняли какие-то неисправности в моторах и опробовали их, оружейники копошились под крыльями самолетов, проверяли надежность крепления бомб и ЭРЭСов. То и дело раздавались пулеметные очереди – это стрелки проверяли надежность своего боевого оружия. Началось!!! Паники и суеты не было.

Из штаба дивизии сообщили, что севернее Белгорода на переправах идут тяжелые кровопролитные бои (в этих боях принимала участие не только авиация, но и сухопутные силы). Нашему полку было приказано наносить бомбовые удары по этим переправам.

Первые боевые вылеты Цветков решил сделать с более опытными летчиками: Зубко, Савиновым, Павленко, Кобелевым и др. И только позже, когда стали известны цели, их местоположение и оборона, на задания полетели более молодые летчики. И... На войне как на войне. Появились потери. Полилась кровь.

Мл. лейтенант В. Балашов на горящем самолете с большим трудом «дотянул» до своего аэродрома и сделал вынужденную посадку. Но сам он сильно обгорел, особенно – лицо. На следующий день на самолете, изрешеченном пулями и осколками зенитных снарядов, тоже с трудом долетел до своего аэродрома и сделал посадку сержант Скалабан. У него было два пулевых ранения в руку и т.д.

Все эти дни полк жил в напряженном боевом ритме. Летчики иногда совершали по несколько вылетов в день. Механики, мотористы, оружейники не знали покоя ни днем, ни ночью. Днем обслуживали боевые вылеты, ночью ремонтировали побитые машины и готовили их к следующему дню. Наш самолет стоял недалеко от КП, поэтому я часто видел летчиков, только что вернувшихся из боя. Безмерно уставшие, с хмурыми лицами, гимна-

стерки под лямками парашютов в поту. На наши вопросы: «Что там?», – хмуро отвечали: «Пекло. Огонь. Все горит. Дым. Ни х... не разберешь».

Мы с майором в это пекло слетали, по-моему, дважды. Задание, на первый взгляд, не было сложным – разрушить одну из переправ, по которой немцы переправляли боевую технику на противоположный берег Донца. И тут я сам увидел этот самый кошмар. Речка неширокая, переправа, очевидно, понтонная. Около нее столпотворение и суматоха. По ней медленно, в одиночку, ползут бронемашины и другая боевая техника. Солдаты, кто вплавь, кто бегом по понтону перебираются на противоположный берег. Изредка около расположения переправы видны разрывы снарядов – это старается наша дальнобойная артиллерия. Много немецкой техники горело, дым стлался по ветру. Цель, конечно, отличная... если б не одно обстоятельство. А дело в том, что на нашем самолете были подвешены стокилограммовые бомбы (сотки). А бомбить ими на малых высотах по уставу не полагалось, т.к. взрывная волна могла опрокинуть и сам самолет. Поэтому бомбометание приходилось производить на высотах 200-300 м. Но на этих высотах мы становились легкой добычей вражеских зениток. Надо отдать им должное – немецкие зенитчики работали отменно. Около наших самолетов то справа, то слева, то спереди постоянно возникали то белые, то черные облачка от разрывов мало- и крупнокалиберных зениток и снарядов. И даже были слышны приглушенные разрывы от них. А то совсем рядом мелькали трассирующие строчки от пуль зенитных пулеметов. Было такое ощущение, что по нам «лупят» все, кому не лень. В голове непрощено возникала мысль: «Господи, пронеси... Как проскочить сквозь этот сплошной частокोल огня»? Дорогой читатель, не судите нас строго за это некоторое малодушие: ведь нам в то время было всего-то по 20.

Но одновременно был и азарт. Особенно после того как мы, освободившись от бомб, стали «обрабатывать» цель из ЭРЭСов, пушек и пулеметов. Пилот, делая противозенитный маневр, бросал машину то вправо, то влево, то полого, то пикировал на цель. Во время выхода из пике или планирования открывал огонь и я

из своего пулемета. Стрельба была неприцельной. Я просто «поливал» огнем многочисленные скопления живой силы и техники противника, скопившиеся перед переправой. Вот так и воевали – то он, то я. В какой-то момент я увидел в воздухе несколько «Мессеров» (Me-109). Подумал, что они охотятся за нами. Не скрою – стало страшновато. Но вскоре выяснилось, что они воюют с нашими МиГами – отлегло.

На цель мы прилетели в составе шестерки под командованием майора. Но в процессе одиночного бомбометания и последующих атак мы как-то подрастерялись и поэтому на аэродром возвращались порознь. Почти на бреющем легко и без помех проскочили то, что еще недавно было так называемой линией фронта, и по каким-то причинам майор сделал вынужденную посадку недалеко от с. Щебекино. А это была уже наша территория. Не выходя из кабины, он долго и пристально изучал карту, осторожно вырулил на какой-то пустырь, попросил меня пройтись по этому пустырю и проверить – нет ли там пеньков, ям, рытвин и прочих неровностей. Я не очень тщательно просмотрел направление предстоящего взлета и, вернувшись, сказал, что все в порядке. Каким-то чудом майору удалось поднять машину в воздух и через несколько минут мы были уже на своем аэродроме. По-моему, он просто потерял ориентировку. Остальные машины были уже на аэродроме. Вот так закончился мой первый боевой вылет.

Примерно так же происходил и наш второй вылет. На этот раз мы летали на штурмовку живой силы и механизированных колонн противника северней Белгорода. Сохранившиеся переправы бомбили другие группы. Вражеского огня тоже не отмечалось. Квелидзе вел шестерку осторожно, по мелочам не разменивался. И если обнаруживалась большая группировка противника, то делал большой круг и, если представлялась возможность, то против солнца, на малой высоте атаковал ее. Его большой опыт и природная смекалка кое-что значили. Может быть, поэтому в нашей группе потерь не было. Именно в те дни я понял, что **СОЛДАТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ**.

В общей сложности бои нашего полка под Белгородом продолжались дней 10. Срок небольшой. Но, и это поразительно, за

этот срок и летчики, и механики, и другие специалисты очень быстро вошли в боевой ритм. На войне темпы жизни свои. Меньше стало неразберихи, научились быстро высыпаться за короткие июльские ночи. В общем, каждый научился грамотно выполнять свои обязанности. Нужда заставила.

Чувствовалось, что противник стал «выдыхаться». В небе реже стали появляться немецкие самолеты, летевшие на свои задания. Хваленые танковые дивизии Манштейна были разгромлены. Операция «Цитадель» провалилась. Большой вклад в эту победу внесли и наши воздушные силы. Так, например, только за ОДИН (!) день 7 июля летчики нашей 306-й дивизии уничтожили 37 танков, 80 автомашин, 6 бензоцистерн, 8 зенитных батарей, 2 склада боеприпасов, 7 переправ и много живой силы противника.

Но победа далась нам дорогой ценой как в людях, так и в технике. Так, например, наш полк в этих боях потерял 8 машин. 672-й полк – не менее 20.

После поражения немцев под Курском и Белгородом началось массированное отступление немецких войск и на нашем участке фронта, и в середине июля мы перебазировались на новый аэродром Ольшаны (Вельки Вильшаны по-украински).

Ольшаны – большое, вытянутое в длину село вдоль речки Ольшанки. Рядом – дорога, за ней различные хозяйственные постройки бывшего колхоза, далее – поля и пастбища. На них и расположился наш новый аэродром. Нас, очевидно, ждали, так как по периметру аэродрома были выкопаны так называемые «капониры» для стоянки самолетов. Капониры – это высокие земляные валы в виде подковы, в которых самолеты находились в ночное время и которые спасали их от осколков бомб и пулеметного обстрела. Рядом небольшая землянка, или палатка, в которой хранилось немудреное хозяйство экипажа: чехлы, инструменты, рабочая одежда, мыло, полотенце и пр. В конце аэродрома, рядом со взлетной полосой, – КП (командный пункт). За ним – самолет командира полка, рядом – наш, далее – самолеты эскадрилий.

Несмотря на военное время и пережитую оккупацию, село выглядело каким-то уютным: беленькие домики (мазанки), много

садов, народ приветлив, одет скромно. В одном таком домике поместили и меня вместе со стрелком командира полка Алешей Пименовым. Хозяйка – еще не старая приветливая женщина и ее дочь – милостивая девушка лет 14 (кстати, панически боялась ночных бомбежек). Во дворе, в маленькой, чистой и прибранной амбарушке, разместился мой хороший друг Аркаша Попов, по полковому просто Аркашка. Это полноватый курносый парень из Ижевска, мы вместе с ним учились в ЧВАУ. Летал он с командиром II эскадрильи.

Боевая жизнь полка и здесь не прекращалась ни на день. Бои шли за Донбасс. Немцы в спешке пытались вывезти оттуда самое различное оборудование. Наша 306-я ШАД действовала на Изюм-Барвенковском направлении. Было приказано уничтожать боевые порядки противника, бомбить железнодорожные пути, уничтожать переправы на реках Оскол и Донец-Северский. Немцы отчаянно сопротивлялись. На боевые задания самолеты уходили почти каждый день. Мы несли значительные потери.

Тяжелые, кровопролитные бои шли и на суше. Характерно, что мирное население очень чутко и внимательно следило за боевой жизнью полка. Всегда замечали, сколько самолетов ушло на задание и сколько возвратилось обратно. К вечеру они лучше нас знали количество не вернувшихся. Болезненно переживали потери, плакали.

Не знаю, с какой целью, но на открытой местности, около ничем не примечательных деревень Хрестище, Маяк и Адамовка, немцы создали мощный, укрепленный район. Пехота не раз пыталась штурмом овладеть им, но каждый раз, неся большие потери, была вынуждена отступать. Тогда командование фронта решило нанести по этому району мощные бомбовые удары. Цель бомбили и бомбардировщики Пе-2, и Илы, и другие самолеты.

В один из таких дней шестерка наших Илов, что были «на ходу», улетели на задание еще утром. Итог был печальным: две машины не вернулись с задания. Летчики, из тех, что вернулись, сообщили, что этот район очень сильно защищен зенитной артиллерией всех калибров. Вторая шестерка ушла на задание в обед. Результат тот же. Я видел, как летчики, вернувшиеся с за-

дания, шли на КП с докладами мрачные, сосредоточенные лица, гимнастерки под парашютными лямками были мокрыми от пота. Самолеты были все в «дырах» от пуль и осколков зенитных снарядов. Мотористы и механики уже ползали на плоскостях (крыльях) заделывая «раны».

Послеобеденный период был относительно спокойным, но техники уже готовили машины к новым вылетам. Бензовоз и масловоз заправляли баки горючим и маслом, оружейники набивали ленты патронами и снарядами, подвешивали бомбы и РСы. Шла обычная, ставшая уже привычной, предполетная подготовка.

Под вечер мы с Аркашкой и Пименовым уже собирались на ужин: умылись, оделись, привели себя в порядок. Вдруг к самолету командира полка подъехала наша доблестная полуторка. Из кабины быстро вышел Цветков и, найдя обращаясь к своему механику Букрееву, приказал готовить самолет к вылету. Сняты чехлы, опробован мотор, стрелок дал пару пробных очередей из пулемета. Бомбы и прочее вооружение были установлены заранее. Машина порулила на старт. Из разных эскадрилий к ней присоединилось еще пять машин. Командир решил третий день вылета возглавить лично. Красная ракета, старт – и машины одна за другой взлетают в воздух. Круг над аэродромом, самолеты выстраиваются в боевой порядок. Последняя в строю слегка качнула крыльями. В этот момент, наверное, никто из оставшихся не предполагал, как закончится этот вылет.

Не прошло и полчаса, как Илы были уже над целью. Их сразу же встретила сплошная завеса зенитного огня. По рассказам летчиков, вернувшихся с задания, дальнейшие события развивались следующим образом. Не обращая внимания на заградительный огонь, командир направил шестерку на центральную часть укрепрайона. Разворот и новая атака. В ход пошли ЭСы. Вот и появились первые пожары. Затем группа разделилась: два самолета вели пулеметно-пушечный огонь по зенитным установкам, остальные – по основным объектам укрепленного района. Но в какой-то момент крупнокалиберный зенитный снаряд угодил в

самолет Цветкова, очевидно в бак. Вначале появился шлейф черного дыма, но самолет по инерции все еще летел вперед. Но вскоре, почти вертикально «пополз» вверх, потерял скорость и рухнул на землю. Остальные самолеты, израсходовав почти весь боекомплект, вернулись обратно.

Мы с Аркашей дождались возвращения самолетов и, наверное, одними из первых узнали о гибели Цветкова и его стрелка Пименова. А дома у Цветкова остались жена и двое детей. Удрученные случившимся, мы медленно и молча пошли в столовую. Там уже было много народа. О гибели Цветкова уже знали все. За столом летчиков (технический персонал питался отдельно) сидел изрядно подвыпивший инженер-механик второй эскадрильи Жернаков. Уронив голову на стол, не стесняясь слез, он горько плакал. Это было видно по его вздрагивающим плечам. Увидев нас, он сквозь слезы произнес: «Только, Аркашка... жаль мне всех вас»... В ответ я сказал ему: «Инженер, ты чего хоронишь нас раньше времени? Мы ведь еще живы...». «Какая разница, – ответил он, – конец-то ведь все равно известен... На то и война...». Не думал я тогда, что его слова окажутся почти пророческими: пройдет совсем немного времени, и я окажусь «на краю», а Аркашку собьют в январе 44-го.

Выпив почти двойную порцию «боевых сто грамм» и помянув Алексея Пименова, слегка поковырявшись в котлетах, мы с Аркашкой направились домой. Хозяйка с дочерью встретили нас у калитки. Взглянув на них, я понял, что они знают все. У матери по щекам скатывались крупные слезы, у дочери мелко вздрагивали губы.

– А Леша где? – прерывающимся голосом спросила хозяйка.

– Нет Леша, – ответил я, отвернувшись, – не было сил смотреть на них.

Прошло уже много лет, а я до сих пор не могу без слез вспоминать этот вечер. Так прошел и так закончился для нас один (всего лишь один!) день войны.

Всего за время базирования в Ольшанах мы потеряли 9 машин. Помимо В.Н. Цветкова, были сбиты командиры 1-й и 3-й эскадрилий капитаны Павленко и Савинов, командиры звеньев лейтенанты Мордовин и Бурцев, старшие сержанты Чайка и Пе-

стов. Младший лейтенант Н.С. Шмелев повторил подвиг Гастелло, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

Медленно, с боями, но неуклонно, линия фронта перемещалась на запад. Настало время проститься и нам с Ольшанами, с их добрым и отзывчивым народом, с нашей гостеприимной хозяйкой и с ее обаятельной дочкой.

Наш новый аэродром был около с. Нежурино, недалеко от небольшого городка Сватово. Аэродром размещался на возвышенном водоразделе двух облесенных логов, впадающих в большую, с ассиметричными склонами, балку. На противоположном от аэродрома склоне этой балки располагалось село Нежурино. Еще при колхозах на месте нашего аэродрома росла высокая, по пояс, люцерна. Но перед нашим приездом ее скосили. В конце аэродрома, почти перед склоном в балку – КП. Капониров не было. Самолеты маскировались в лесах, частично выходили из логов на водораздел.

Полк наш к этому времени был изрядно «потрепан». Самолетов и летного состава насчитывалось не более половины изначального. Изредка, правда, прибывало пополнение.

Здесь произошло одно знаменательное для меня событие. А было так: один раз, после завтрака, я подхожу к своей машине, вижу, пилот майор Квелидзе (после гибели Цветкова он исполнял обязанности командира полка) разговаривает с каким-то капитаном не из нашего полка. Поздоровался, присматриваюсь: лицо его показалось мне знакомым. Ах да! Это же один из летчиков-инструкторов ЧВАУ. Подхожу ближе, спрашиваю:

– Товарищ капитан, Вы меня не узнаете?

– Нет, отвечает он.

– Я учился у Вас в первом отряде ЧВАУ.

– Ну, вас там были сотни. Всех не упомнишь.

Майор, слушавший наш разговор, спрашивает:

– Вы что, знакомы?

– Да, – отвечаю.

– Вот и хорошо, – сказал он, обращаясь к капитану. Вот машина, вот стрелок впридачу. Осваивайте новую технику.

Оказалось, что капитана (это был А.М. Заболотнов) прислали к нам в полк на вакантную должность заместителя командира полка по стрелковой подготовке. Линия фронта была в 20 км от аэродрома, поэтому наличие стрелка было не лишним.

Освоение машины происходило довольно медленно, поэтому майор, пожалев свою машину, выделил для него одну из стареньких, довольно потрепанную и не имеющую «хозяина».

Освоение новой техники в нормальных условиях производится обычно на так называемых «спарках» – учебных самолетах со второй кабиной и спаренным управлением для летчика-инструктора. Здесь ничего этого не было, поэтому Заболотнов дня два гонял машину по аэродрому, пока не научился «чувствовать» ее. Дело в том, что Ил – машина тяжелая. Ее мотор, кабина пилота, радиатор были закованы в броню. При полном боевом снаряжении машина несла 400 кг бомб, 8 реактивных снарядов (РС). В крыльях, недалеко от фюзеляжа, было установлено две тяжелых пушки калибра 20 мм и два пулемета. Крейсерская скорость 360 км/час. Это на 100 км/час меньше, чем у немецких истребителей, но зато хвост машины был защищен воздушным стрелком задней кабины.

На третий день капитан решился на самолетный взлет уже со мною. Но «первый блин» оказался комом. Взлет прошел нормально, а посадка – с большим «промазом» – без притирки и на одно колесо, которое сразу же лопнуло. Вильнув, машина встала на крыло, едва не опрокинувшись на «спину». Слегка покрутившись, упала на второе, которое тоже лопнуло. К счастью, шасси оказались целы.

Но все проходит. Через неделю он освоил машину довольно хорошо. Взлет, «коробочка», посадка – все в норме.

И вот мы летим на боевое задание. Полные баки с горючим и полное боевое снаряжение. Полет в одиночку, без группы. Задание не сложное – блокировать движение поездов, идущих с Донбасса на Запад по одной из железнодорожных веток. Старт, самолет набирает скорость. Пилот пытается оторвать машину от земли, но это ему не удается. Одна, вторая попытка – все тщетно. Кончается взлетная полоса, далее нескошенная люцерна!!! Реакции никакой. Конец аэродрома, дальше – балка. Инстинктивно

упираюсь руками в турель пулеметной установки. Самолет не трясет на кочках, значит, летим, но куда? Вот мелькнули деревья, что растут в логу. Значит, мы уже в балке... еще 2-3 секунды – и последует взрыв. Откидываюсь назад, плотно прижимаюсь к спинке кабины (Какой смысл!!! В случае взрыва ни от нас, ни от машины ничего не останется), мысленно отсчитываю секунды до взрыва и чувствую, как волосы под шлемофоном поднимаются «дыбом». Но взрыва нет. Неистово на форсированном режиме ревет мотор. Открываю глаза. Под самолетом, в 2-3 м земля. Самолет, круто задрав нос, медленно (как мне показалось) очень медленно выбирается из балки. Можно было бы развернуть самолет вдоль балки, но при такой высоте была явная опасность зацепить землю крылом. Но вот земля стала уходить вниз, значит, набираем высоту. Отлегло. Вздохнул с облегчением... Таковы фронтовые будни.

Минут через 20 на удивление спокойно пересекли передовую. Вот и железная дорога. Летим рядом с ней. Первый состав – десятка два товарных вагонов. Вот и второй состав: вагонов побольше. Впереди еще один, вагонов – не менее 100, много открытых площадок с каким-то оборудованием. Впереди – мост через небольшую речку. Высота метров сто. Пилот обстреливает паровоз из пушек. Тот, выпустив облако пара, резко тормозит. Машинист с помощником спешно выпрыгивают на насыпь, скатываются по ней вниз, ползком взбираются на рельсы и прячутся под вагонами.

На противоположном берегу речки немцы. Они, очевидно, охраняют мост и встречают нас огнем из зенитных (спаренных) пулеметов. Это видно по полоскам трассирующих пуль, пролетающих рядом. Обстановка проясняется. Самолет разворачивается на новую атаку. На вираже успеваю разглядеть два зенитных орудия справа и слева от моста. По одному из них даю короткую очередь. Увы, мимо. У нас в запасе четыре стокилограммовых бомбы «сотки». В полетном задании бомбить мост было не рекомендовано, поэтому Заболотнов решает израсходовать их по железнодорожному составу. Пологий разворот с набором высоты (на малой высоте взрывная волна от бомб может опрокинуть машину на «спину»). У моста самолет слегка подбросило, две бом-

бы летят вниз, два взрыва недалеко от насыпи – тоже мимо. Уже зная расположение зенитных установок, я веду по ним огонь. Не знаю результатов своей стрельбы, но трассирующих полосок рядом стало поменьше. А вот и серия белых облачков, и глухие разрывы зенитных снарядов метрах в 30 от нас – это зенитки «лупят» по нам вдогонку.

Разворот – и еще одна атака в сторону моста. Еще два взрыва наших бомб. Одна из них попала в насыпь рядом с рельсами. Это уже кое-что! Миновали речку, высота метров двести, веду огонь по одному из зенитных орудий. Вижу, как прислуга суетится около установки. Некоторые раздеты до пояса: видно не ждали нас. Попал? А кто его знает. Еще одна атака на состав, в ход пошли РСы. На этот раз более удачно: видна яркая вспышка на локомотиве, вторая – на одном из вагонов. Успеваю дать еще одну очередь по зениткам, кажется, более успешно: взрывы вдогонку прекратились. Обнаруживаю, что приемный мешок для пустых гильз от пулемета почти полон. Это означает, что патроны на исходе. Сообщаю об этом пилоту и решаю прекратить огонь на случай появления истребителя противника. «Идем домой», – ответил Заболотнов. Еще одна, последняя атака по второму и третьему составу.

Трудно сказать, сколько времени мы пробыли над целью. Наверное, не более десяти минут – бои в воздухе скоротечны.

Когда возвращались обратно, я все время посматривал в воздух; не появятся ли истребители противника. Их могли вызвать по радию. Еще бы, какая заманчивая цель – одиночный, беззащитный самолет без прикрытия, с полностью израсходованным боекомплектом.

После того, как мы вернулись на аэродром, я спросил Заболотного:

– Довольны ли Вы вылетом?

– Нет, – ответил он, – очень хотелось поджечь хотя бы один вагон... не удалось.

Так закончился наш боевой вылет, всего лишь один, а сколько самых разных событий впитал он в себя.

Дорогой читатель, не судите нас строго за столь скромные результаты этого вылета. Для Заболотного он был первым, да и мой опыт был невелик. Прошло совсем немного времени, и май-

ор Заболотнов стал одним из лучших летчиков полка – мастером воздушных атак. Молдавия, Румыния, Венгрия, Австрия – вот этапы его боевого пути. Осенью 45-го в боях с японскими захватчиками он уже генерал-майор, командир авиационной дивизии.

Прошло много лет после войны, на одной из встреч с однополчанами в селе Лесное Одесской области я спросил его:

– Александр Михайлович, а почему Вы не смогли оторвать самолет от земли в нашем первом вылете, помните, в Нежурино? Смущенно улыбнувшись, он ответил:

– Забыл нажать кнопку, которая изменяет «шаг винта» на взлете.

– А когда вспомнили?

– А когда в балку провалились...

В Нежурино мне привелось сделать с ним еще два вылета. Всякое бывало. Не без того, да всего не опишешь.

На отдыхе

В сентябре на этом аэродроме мы потеряли еще часть экипажей. В полку осталось не более пяти самолетов. Пришел приказ все самолеты передать другим подразделениям дивизии. А нас отправили на отдых в Краматорск.

После полевых аэродромов, после многочисленных деревенских «мазанок», солдатских палаток и землянок небольшой заводской городок показался нам верхом цивилизации, хотя пережил довольно продолжительную оккупацию. В городе было два самостоятельных района: старый сельский и новый заводской. Административный центр города располагался в новом районе. В нем были довольно крупные по тем временам кирпичные как жилые, так и управленческие здания, магазины, больницы, кинотеатры. В кинотеатрах с утра до вечера, совершенно бесплатно, демонстрировались наши довоенные фильмы «Цирк», «Волга-Волга», «Парень из нашего города», «Трактористы», «Истребители» и др. Залы, особенно в вечерние сеансы, были всегда полными. После оккупации люди, конечно же, соскучились о своем родном. Ну и мы тоже не упускали такой возможности. Было странно и как-то непривычно сидеть на хороших стульях.

Мы с удовольствием смотрели эти знакомые нам фильмы с участием таких звезд, как Орлова, Крючков, Бернес, Андреев и др. Нет бомбежек, нет вылетов, нет потерь. Было такое ощущение, что нет и войны, что живем мы в мирное время. Особенно после одного происшествия, которое приключилось со мной. А дело было так.

Личный состав полка размещался в старом, менее разрушенном районе города. Мы с Аркашкой жили в небольшом, но уютном домике. Хозяйка – миловидная дама средних лет и двое ее детей 12-14 лет. Муж хозяйки, кадровый военный, был где-то на фронте. Однажды я увидел, как хозяйка что-то ищет в стареньком шифоньере. Я спросил, не осталось ли у нее чего-нибудь из гражданской одежды ее мужа. Оглядев меня снизу доверху, ответила:

– Да. Вот рубашка, вот брюки. Хочешь примерить? Пожалуйста.

Я тут же переоделся. Рубашка была вышита по-украински. Брюки обычные. Все немного мешковато, но приемлемо. Долго искали туфли, но нашлись и они. Стою, разглядываю себя в зеркало, улыбаюсь.

– Настоящий хохол, только усов не хватает, – сказала хозяйка.

– А можно мне немного погулять в таком наряде?, – робко спросил я.

– Да, пожалуйста.

Дело было уже к вечеру. Смеркалось. Но я не удержался и тут же направился в дом, где проживали наши девчата. Кстати, это был дом одного крупного инженера, который во время оккупации активно сотрудничал с немцами и который при их отступлении уехал вместе с ними. В доме даже остался рояль инженера. Я без стука захожу в одну из комнат, бесцеремонно прогуливаюсь между койками. Девчата не узнают меня и начинают ворчать, что какие-то посторонние люди бродят здесь по ночам. Но когда я проходил около окна, одна из девчонок все-таки узнала меня и вскрикнула:

– Девчата, да это Толька!

Все повыскакивали со своих мест, окружили меня, щупали одежду, удивлялись и хохотали. Что ж, в войну бывало и такое.

На следующий день к вечеру, после ужина, я и мои боевые друзья направились в кино. Дорогой наскочили на комендантский патруль.

– Предъявите документы, – попросили они.

Все предъявили. Я воздержался.

– Вы тоже, – это ко мне.

Документы у меня были. Но я, опасаясь, что нахожусь не в форме, и об этом могут сообщить командованию полка, сказал, что забыл их дома. Подошел начальник патруля с красной повязкой на рукаве, спросил:

– В чем дело?

– Да вот, подозрительный тип и без документов.

– Отведите его в комендатуру, пусть там разберутся.

Не знаю, чем бы закончился этот инцидент, если б мои друзья активно не вступились за меня. Но воинское удостоверение старшего сержанта пришлось все-таки предъявить. С явной неохотой начальник патруля отпустил меня, сказав на прощание, что ходить военным в гражданской одежде разрешается только офицерскому составу.

– Учтем, товарищ капитан, – таким было его воинское звание, – бросил я на прощание, – спасибо.

В начале октября, на краматорском аэродроме, на котором, кстати, в полнейшем беспорядке валялось много самой разной немецкой авиатехники, нам представили нового командира дивизии. Это полковник А.Ф. Исупов, бывший до этого заместителем командира по политчасти 5-й ШАД. Небольшого роста, плотно сбитый, простой в обращении, он имел большой опыт боевых действий на ИЛах. А.Ф. Исупов не сидел в штабах, а часто сам летал на боевые задания наравне с рядовыми летчиками, и поэтому пользовался у них большим авторитетом. Нам он тоже понравился сразу.

Эх, не думал я тогда, что и его, и моя судьба очень скоро переплетутся самым необычным образом и совсем в другой об-

становке. А с его женой – Капитолиной Ивановной – много лет спустя мы станем добрыми друзьями. Но это уже совсем другой разговор.

Пути господни неисповедимы.

Фронтовые будни и наши полковые девушки

Быстро и как-то незаметно пролетели дни отдыха в Краматорске. Стало казаться, что так все и будет неопределенно долго. Мы как-то быстро привыкли к мирному образу жизни. И, честно говоря, не очень хотелось снова менять аэродромы, в боях терять друзей–товарищей.

В войну, когда речь заходила о высоком патриотизме наших солдат, бытовало расхожее выражение: «люди рвались в бой». Даже если и так, то не столько от желания героически погибнуть в этом бою, сколько по чувству ДОЛГА: ТАК НАДО! А умирать никто не хотел...

Но все проходит.

Сменив несколько промежуточных аэродромов, в конце октября мы перебазировались в Синельникове. Это небольшой городок на левобережье Днепра и крупный железнодорожный узел. Рядом большой аэродром, на котором базировались самолеты как нашего полка, так и других подразделений дивизии. Здесь же, на ж.-д. станции, располагался штаб Юго-западного фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина. Естественно поэтому и аэродром, и железнодорожный узел для немецкой авиации представляли значительный интерес. Но так как все эти объекты усиленно охранялись зенитной артиллерией, то бомбовые удары по ним немцы наносили по ночам. Во время этих бомбежек мы часто выходили на улицу и любовались работой мощных прожекторов, лихорадочно «ощупывающих» небо, цветными трассами летящих ввысь снарядов и их взрывами в небе. И только то когда осколки от их разрывов металлическим дождем сыпались на землю, спешили под какое-нибудь укрытие. Но большей частью бомбометание производилось одиночными самолетами или в паре, было неприцельным, и поэтому результативность была

невысокой: прямых попаданий бомб ни по штабу, ни по нашим самолетам не было.

Но настало время рассказать и о других героях моего повествования. В нашем полку было 20 девушек. Прибыли они к нам в Чапаевск в январе 43-го. Мы жили тогда в больших утепленных землянках, вмещающих до 200 человек личного состава, практически весь полк. Встречать пополнение высыпало почти все мужское население землянки. Перед нами стояло некое подобие армейского строя. Мы с любопытством и некоторой жалостью рассматривали их. За некоторым исключением это были маленькие «пичужки» в длинных, не по росту шинелях чуть не до пят, в больших валенках, в шапках, нависающих на глаза: в армии не было обмундирования, соответствующего их росту. Все это было перешито ими «под себя».

По воинской специальности это были мотористки, оружейницы, прибористки и др. Глядя на них, мы думали, как они будут подвешивать тяжелые бомбы, снаряжать и таскать пушечные ленты снарядов? В землянке им отвели отдельный угол, плотно занавесив его одеялами.

Пока самолетов в полку не было, девушек привлекали к несению караульной службы, рабочими в столовой и на кухне, дневальными по землянке. Одна из них – парашютоукладчица, теперь уже прабабушка Е.В. Бровкина, до недавнего времени проживала в Перми на Краснополянской улице напротив «ВЕЛТЫ», к сожалению, не так давно она ушла из жизни.

Вскоре мы увидели, что девушки не стонут, не плачут и стойко переносят все тяготы армейской жизни. Добросовестно несут караульную службу, по утрам ни свет, ни заря идут на кухню, чтоб помочь поварам приготовить завтраки и обеды. А из-за занавески иногда слышалось более или менее дружное пение. Постепенно мы привыкли к их присутствию в землянке, перезнакомились, и вынуждены были признать, что они в какой-то мере даже скрашивают наше мужское общество.

Вскоре я подружился с одной из них – Надеждой Русиной, оружейницей из 2-й АЭ, родом из Алма-Аты. Это была совсем еще юная девочка, небольшого росточка, с голубыми улыбчивы-

ми глазами и очень наивная. Иногда, после вечерней поверки, когда до отбоя осталось полтора-два часа свободного времени, мы усаживались с ней около топящейся печки, переворачивали полусырые дрова и вели тихие, неспешные разговоры обо всем на свете. Идиллия.

Но вскоре эта идиллия закончилась. В феврале-марте, когда летный состав и механики были уже на фронте, младшие специалисты, часть штабных работников и другие все еще оставались в Чапаевске. На фронт они ехали поездом в обычных в то время теплушках. Ехали долго, недели три. К нам прибыли, когда мы жили в Глубочке. Выглядели неважно: уставшие, грязные, да вдобавок еще завшивели. Первым делом прошли вшивобойку (термическую обработку одежды против вшей). Командование БАО организовало им баню: небольшое кирпичное здание, железная бочка на двух кирпичных подставках и костром под ней. В углу – небольшой «полок» (парилка). Дело было уже к вечеру. И надо же такому случиться: началась бомбежка. Как развивались события дальше, поведала мне Надюшка:

– Только мы намылились, слышим – бомбы рвутся. С перепугу мы все забрались под полок. Сидим, дрожим, не пикнем. Вдруг Ленка Соломкина (одна из них) говорит: «Девчата! Какого черта мы тут сидим? Вылезайте, обкатимся и побежали домой...». А мы все на нее зашикали: «Тише ты...».

– А почему зашикали? – спрашиваю я.

– Так она очень громко говорила...

– Ну и что?

– Как что? А вдруг немецкий летчик услышит и бомбу на нас сбросит...

К концу 43-го в полку у нас было два патефона и гора пластинок как отечественных, так и трофейных, добытых всеми правдами и неправдами. Среди них было много немецких: танго «Цыган», вальс «Над волнами», медленный фокстрот (слоу-фокс) «Я знаю одно маленькое кафе» и др. А мне в то время очень хотелось научиться танцевать. Своим желанием я поделился с Надюшкой. Она охотно согласилась давать мне уроки. Вскоре обнаружилось, что ученик я не очень способный, да и ее педаго-

гические способности тоже слабоваты. Но я был настойчив, не упустил случая потанцевать с ней, поэтому обучение, хотя и медленно, но продвигалось вперед.

В Синельниково полковые танцульки проходили обычно в одном из домов, где проживали наши девушки. Парни, главным образом из летчиков, если не было вылетов или была нелетная погода, обычно после ужина заявлялись к девчонкам гурьбой и, несмотря на поздний час, просили их «завести шарманку» (так называли мы наш патефон) и потанцевать. Мы были немного эгоистами: знали, что многим из них завтра надо рано вставать опробовать моторы, снарядить ленты для пушек. Девушки безропотно соглашались. Из горького опыта они уже знали, что через день, два, через месяц кого-нибудь из этих молодых парней уже не будет в живых, и поэтому не могли отказать нашим просьбам. А впрочем, потанцевать-то и сами были не прочь. И для них подобные вечера были отдушиной в нашем нелегком ратном труде.

Хорошо помню дом, где жили девушки – это почти рядом с аэродромом. Хозяев дома временно расселили по соседям. В горнице несколько коек по периметру, в центре стол. На нем какие-то кухонные принадлежности, личные вещи жильцов, обломок зеркала, патефон и горка заигранных пластинок. Тут же, в эмалированной чашке коптилка – гильза от снаряда, сверху сплюснутая, в щель втиснута обычная тряпка – фитиль. Внутри гильзы бензин. На окнах занавески из старых одеял для светомаскировки.

Во время танцев стол отодвигали в угол, чтобы освободить «паркет». Охрипший патефон (иголки были в дефиците) крутит очередную заигранную пластинку. Полдюжины молодых летчиков в кирзовых сапогах шаркают по шершавому полу. Девчонки – в застиранных солдатских гимнастерках, но по такому случаю в простеньких гражданских юбочках.

И вдруг налет! Глухие взрывы бомб на поле аэродрома почти рядом, и сразу же мощные лучи прожекторов заметались по небу. Зенитки у вокзала открыли густой заградительный огонь.

Недалеко от дома, в котором жили девушки, была оборудована огневая зенитная точка – малокалиберная, 37миллиметровая пушка. В ее затвор перед стрельбой помещалась обойма с 8-ю

снарядами. Во время стрельбы эти снаряды автоматически, один за другим, выстреливали по цели: пинь... пинь ... пинь... Грохот от пушки, поскольку она стояла рядом, был слишком хорошо слышен в доме.

Подобное случалось часто, поэтому девчонки уже привыкли к нему, хотя и ворчали по ночам: «Спать проклятая не дает». Так было и в этот раз.

Прислуга у пушки девичья, и только командир орудия был мужчина – пожилой капитан, очевидно, из резервистов.

Вспоминая события того времени, я часто думаю: неужели это были те самые девчонки, которые всего лишь полгода до этого прятались в бане под полком в бомбежку? Как быстро война обучила их мужеству, закалила характеры! А еще говорят, что у войны не женское лицо.

Не знали и не ведали девушки тогда, что их боевой путь только начинается. По дорогам войны им предстояло пройти Молдавию, Румынию, Болгарию, Венгрию, Австрию. Не ведали, что в холод и зной, в грязь и непогоду им предстоит обслужить по 700-800 боевых вылетов каждой!

Не думали они тогда, что из летчиков, с которыми они начинали свой боевой путь в 1943-м и

с которыми танцевали под звуки старенького патефона, к концу войны останутся буквально единицы. Все это надо будет перенести, и привыкнуть к этому невозможно.

Где вы теперь, наши славные девушки?.. Многих уже и в живых-то нет. В том числе и Надежды Русиной.

За ваш ратный труд надо бы всем памятник соорудить, да молиться за вас. А современная молодежь зачастую даже место в автобусе не уступит. Как быстро меняются нравы... До чего же коротка память народная! Как низко мы пали...

А боевая жизнь полка протекала своим чередом. Время от времени прибывало пополнение, большей частью молодые летчики: Степан Шпак, его воздушный стрелок М. Козлов, самолетный механик А. Тиунов (ныне проживающий в Перми) и др. Но костяк полка составляли летчики, уцелевшие в летних боях: Зубко, Кобелев, Сергеев, Краснов, Платонов, Курмаев и др. Это были

уже опытные мастера своего дела. В полку насчитывалось менее десятка самолетов, поэтому боевые вылеты в составе групп были не частыми. Но практиковалась так называемая «свободная охота», когда одиночный самолет или пара летели в заданный район и цели для атаки выбирали по своему усмотрению. При этом, конечно, выполняли и разведочные функции. Кстати, «охотой» увлекался и Квелидзе.

В конце октября наши войска освободили Днепропетровск и Запорожье, а 7 ноября – Киев. Начались ожесточенные бои на всей правобережной части Украины. Наш полк действовал в направлении Кривого Рога и Апостолово.

В конце ноября внезапно заболел майор (приступ малярии) и его положили в госпиталь нашего БАО (батальон аэродромного обслуживания, осуществляющий продовольственное, вещевое, техническое и боевое снабжение полков). Механик В. Поляков улетел в Куйбышев получать новые машины. Из экипажа я остался один и усердно исполнял должность механика. Следил за тем, чтобы у пушек и пулеметов был полный комплект снарядов и патронов, чтобы самолетные баки были заправлены горючим и маслом. По вечерам (было уже прохладно) сливал воду из радиаторов.

Я нашел себе хорошую квартиру в городе. Хозяйка – учительница начальной школы – жила с сыном, учеником четвертого класса. В доме была небольшая библиотека, в которой, к своему удивлению, обнаружил «Педагогическую поэму» Макаренко. Я читал ее еще раньше. Книга мне понравилась, и я решил ее перечитать. В ночь с 28 на 29 ноября (я хорошо запомнил эту дату) при свете самодельной коптилки я легко осилил чуть ли не половину этой замечательной книги, а утром 29-го взял ее с собой в надежде дочитать в самолете. Ничто не предвещало никаких трагических событий в тот день. Не было у меня и никаких тяжелых предчувствий. Но в столовой, за завтраком, мне сообщили, что на сегодня намечается вылет. Не спеша, направился на КП. (А этот день – день последнего моего пребывания в полку, я запомнил навсегда). У КП на меня с руганью набросился начальник штаба майор П. Акимов.

– Ты где шляешься?

– Нигде. Майор болен, лежит в госпитале. Механик в Куйбышеве.

– Никаких госпиталей. Вот он на «двойке» сидит тебя дожидается... («Двойка» – это хвостовой номер машины).

Взглянув в указанном направлении, я с удивлением обнаружил, что майор действительно уже находится в кабинете самолета и угрожающе машет мне кулаком. Быстро подбегаю к самолету. Из-за пазухи комбинезона, на ходу, достаю книгу и отдаю ее механику, наказываю при этом, чтоб никуда ее не девал: вечером буду дочитывать. Быстро надел парашют, застегнул шлемофон, привычно заскочил в кабину. Взлет. В воздухе опробовал пулемет. Все в порядке.

Шестерка самолетов была уже в воздухе. Мы сходу пристроились с краю. Спрашиваю пилота: «Куда летим?».

– На Кривой Рог.

Вот и Днепр. По тому, за сколько секунд его пересекаем, пытаюсь определить его ширину. Еще немного – и мы у цели. В районе города большое скопление войск противника. Трудно определить, где свои, где чужие. «Шестерка» атакует скопление пехоты. Майор отвернул машину в сторону, пошел на свою любимую «охоту». А зря!!! С «шестеркой» было бы надежней. Но у группы свое задание и свой командир.

Мы атакуем механизированную колонну. Она хорошо охраняется, и около самолета то и дело появляются трассирующие строчки пулеметного обстрела. Справа, слева и спереди постоянные разрывы зенитных снарядов (заградительный огонь). Их не только видно, но даже слышно. Невольно возникает мысль: «Господи, как проскочить сквозь этот частокол зенитного огня...?». Выполняя противозенитный маневр, майор то и дело бросает машину то вправо, то влево, то пикирует. Мне трудно нести прицельный огонь. Ладно – побережем патроны.

В какой-то момент вижу, как к нам осторожно подкрадываются два МЕ-109. «Может еще не к нам», – подумалось. Увы, ошибки нет, они «на хвосте». По СПУ (самолетное переговорное устройство) сообщаю об этом майору. Резкий разворот влево, потом вправо. «Мессера» не отстают. Ясно, мы в «клещах». Сейчас

начнется. Волнуюсь. Страшно все-таки. Истребители медленно приближаются к нам, до них уже метров 150. Пытаюсь прицелиться. Не получается. Они постоянно маневрируют. Наконец, нервы не выдерживают, даю две длинных очереди по первому и второму самолету. Отвалили, слава богу. Может, уйдут. И тут обнаруживается, что я выстрелом повредил антенну самолета. Ее обрывки, зацепившись за киль самолета, треплются на ветру. Это плохо. Мы потеряли связь с основной группой. А «мессера», постоянно маневрируя, подкрадываются к нам снизу. Осторожничают, а может, хитрят. Расстояние до них метров 200. Вижу вспышки огня из их пушек («Эрликон» 20 мм). На сей раз бьют точно. На нашей машине то в одном, то в другом месте то и дело появляются крупные пробоины. И вдруг атака. Интенсивный огонь из пушек и пулеметов сразу с двух сторон и сверху. Веду ответный огонь. Пилот бросает машину в разные стороны, прицельного огня опять не получается, все в движении. «Мессера» пролетели над нами. Крутой разворот и новая атака – пушечный обстрел с дальней дистанции и пулеметно-пушечный – с более близкого расстояния. В голове беспорядочный рой самых разных мыслей: хватит ли патронов, почему пилот не принимает участия в поединке, ведь у него тоже есть пушки, РСы, пулеметы? Где основная «шестерка»? Почему никто не приходит на помощь? И тут же приказываю себе: «Спокойно, не суетись, подпусти ближе, бей прицельно»... Какое уж тут «ближе», когда их огонь из восьми огневых точек льется прямо на меня.

Вот вдребезги разбит «фонарь» моей кабины (ее остекленная часть), холодный ветер обжигает лицо. Их контуры даже не умещаются в поле прицела. Пора. Открываю огонь. По трассирующим пулям вижу, что и мой огонь тоже эффективен. Оба вражеских самолета сразу же отвалили в сторону.

«А вдруг они решили оставить нас в покое», – обрадовано подумал я. Но нет. Вот они опять заходят на новую атаку. Решение пришло мгновенно: открывать огонь первым и не подпускать их на близкое расстояние. Но на этот раз немцы изменили тактику. Они набрали высоту, и один – справа, другой – слева, пикируя, берут нас в «клещи», короткими очередями ведут огонь из

всех огневых точек. Пытаюсь отстреливаться, но малоэффективно: пулемет не рассчитан на стрельбу вверх. Но вдруг пулемет замолк... Но и «мессера» отвалили в сторону. Воспользовавшись небольшой передышкой, пытаюсь установить причину неисправности. Вроде все нормально. Нажимаю на спусковой крючок... выстрела нет. Еще раз – то же самое... пулемет молчит. Делаю перезарядку, одну, вторую. Из казенника выпадают не выстрелянные патроны на дно кабины. В голове непроизвольно рождается мысль: «А что, если пулемет отказал капитально?..». И холодок пошел по телу.

Немцы вначале не поняли, что у меня произошло, и по-прежнему осторожничали. Но с каждым разом подходили к нам все ближе и ближе, и с каждым разом все прицельнее обстреливали нас. Они поняли все. О каждой новой атаке истребителей я сообщал майору, кричал по СПУ: «Товарищ майор!!! Атакуют!! Атака!». И тут же сигнал красной лампочкой. Поняв, что пулемет не работает, «мессера» стали обстреливать нас с максимально близкого расстояния. Но пилот молчал и почему-то перестал маневрировать. Этот период поединка я до сих пор помню, как кошмарный сон: из восьми огневых точек с близкого расстояния немцы расстреляли меня почти в упор. Самолет был весь изрешечен пулями и снарядами. Сквозь широкие щели фюзеляжа была видна несущаяся земля, припорошенная снегом. Обшивка стабилизатора на хвосте самолета во многих местах была сорвана, ее отрывки трепыхались по ветру. Броневая створка, защищающая ноги стрелка, была пробита в нескольких местах. Я постоянно слышал сухие щелчки пуль и снарядов о броневую спинку моей кабины, которая защищала бензобак, расположенный между нашими с пилотом кабинами.

Страх я не испытывал, но было отчаяние от того, что ничего не могу предпринять против этого огневого шквала. Перед каждой из атак, я, как мышонок перед кошкой, вжимался то в один, то в другой угол кабины, то прятал голову за бронестворкой. Если б не парашют, который ограничивал мои движения, я, наверное, спрятался бы на дно кабины.

В одну из очередных атак, метров с 50-ти, я на миг увидел лицо немецкого летчика. Эх! Если б работал пулемет! И в голове мелькнула дерзкая мысль: «А вдруг на самом деле заработает...». Прижимаюсь к нему щекой, привычным жестом нажимаю на спусковой крючок... Чудес не бывает. Пулемет молчит. И в этот момент почувствовал, что мне в глаза как будто кто-то бросил горсть песку. Сразу понял, что вражеский снаряд (или пуля) попали в пулеметный прицел, основным органом которого являлся так называемый «коллиматор». Это толстое, в палец, матовое стекло, в котором, за счет подсветки проецируется прицельная сетка. В глазах потемнело. И в этот же миг заглох мотор самолета. Самолет сначала не сильно, а потом круто повалился вниз. Страшный удар о землю и такой же страшный удар затылком о броню. Теряю сознание. Темнота и какая-то неестественно блаженная тишина – вот что запомнилось мне в этот миг.

Не знаю, сколько времени я находился в таком состоянии, но когда очнулся, то увидел, что майор суетливо бежит около хвоста самолета и зовет меня (он почему-то называл меня по фамилии): «Паутов, Паутов, вылезай. Бежим. Быстрее вылезай!».

Отстегивая карабины парашюта, я увидел, что колени мои были все в крови. На руках у меня были шерстяные перчатки. Я потрогал ими лицо, чтоб определить, откуда кровь. Они сразу намokли от крови. Значит, ранен в лицо. Я почему-то брезгливо сбросил их и уже голыми пальцами быстро отстегнул парашют, вывалился на изрешеченное крыло и непривычно, прямо с крыла шагнул на землю. Мельком взглянул на место падения самолета. Знаю, что это будет звучать шаблонно, но распластаный на земле самолет действительно напоминал подраненную птицу. Одно крыло было выше другого, винты помяты, рядом валялся оторванный радиатор и «дутик» (заднее посадочное место).

– Бежим быстрее. Бак пробит, бензин вытекает, «мессера» могут добить его на земле, – скомандовал майор.

Истребителей в воздухе не было, и требование майора куда-то бежать мне казалось бессмысленным, но... старшим надо подчиняться. По мере того, как мы удалялись от самолета, я все больше и больше начинал испытывать острую боль в голено-

стопном суставе правой ноги. Взглянув на сапог, я увидел в нем небольшое отверстие размером с десятикопеечную монету. Не только бежать, но и просто идти становилось все трудней. Я стал постепенно отставать от майора.

– Что с тобой?

– Я ранен в ногу.

– Держись за меня.

Я обхватил его за шею, и мы медленно поковыляли дальше. Так мы удалились от самолета метров на 70. Вдруг майор остановился, встал на колени и я увидел, что он лихорадочно откручивает от гимнастерки свои ордена, из карманов достает какие-то документы, все это заворачивает в носовой платок и прячет «за пазуху». И тут я понял, что мы находимся на вражеской территории...

А сам я давно уже чувствовал, как из-под шлемофона и с лица за воротник шерстяного свитера медленно стекает теплая, липкая, соленая кровь. Пришлось встать на четвереньки и опустить голову вниз. Алая теплая кровь частой каплей сразу же окропила чистый, девственно-белый серебристый снег. От нее поднимался легкий парок. Кровь заливала глаза, я все хуже и хуже видел окружающую местность. Попеременно закрывая глаза пальцами рук, к своему ужасу я обнаружил, что левый глаз еще кое-что видит, правый не видит ничего! Осторожно ощупал его пальчиками. Но кроме кровавого месива ничего не обнаружил. Глаз выбит! Эта мысль, словно молния, пронзила все мое сознание.

Пленение

... Вдруг майор встал на ноги, подошел ко мне, дотронулся коленом до головы и тихо произнес: «Вставай». Я встал, повернулся и увидел, что к нам приближается группа немцев. Их было человек 10 (позже мы узнали, что это были не немцы, а венгры). Они быстро окружили нас. Майор знаками показал, чтоб мне сделали перевязку. У кого-то из них оказался индивидуальный медицинский пакет, и тот забинтовал мне правый глаз. Частично бинт нависал на левый глаз, и для того чтобы хоть что-нибудь увидеть, мне приходилось постоянно задирать голову вверх.

В сопровождении вражеского конвоя мы медленно поковыляли в сторону небольшой деревушки, примерно в полукилометре отсюда. Дорогой я обнаружил, что ранен еще и в голову: шлемофон был пробит и окровавлен, по волосам медленно, по каплям стекала кровь.

Меня часто спрашивают, было ли мне в то время страшно. Как ни странно, но никакого страха я не испытывал. Был ШОК! Еще бы. Всего лишь час назад у меня было все: РОДИНА, ПОЛК, ДРУЗЬЯ, ЛЮБОВЬ, РОДНЫЕ, ЧЕСТЬ, наконец. А сейчас НИЧЕГО этого не стало, да здоровья и зрения в придачу. НИЧЕГО!!! Жизнь потеряла всякий смысл и всякую ценность. Кто я теперь? Беспомощный, окровавленный пленный, да еще в стане врагов. Происходящее казалось каким-то нереальным. Будто все происходит не со мной, а с кем-то другим, а я только свидетель. Все это как-то не укладывалось в сознании.

Вскоре нас привели к небольшому, но аккуратному домику, стоящему на самом краю деревеньки. В домике располагался штаб какого-то небольшого воинского подразделения. Нас оставили во дворе под охраной одного из солдат. Рядом небольшая хлевушка, о чем я догадался по остаткам соломы в ней. Вскоре майор, показывая на эту хлевушку, знаками попросил часового оправиться. Тот согласно кивнул головой. Во время «оправки» майор незаметно выбросил в угол хлевушки сверток с орденами и документами. Еще через некоторое время из дома с ведрами вышла хозяйка за водой. Когда она шла обратно, майор попросил у нее попить воды. Утащив ведра на кухню, она принесла майору ковш с водой. Попивая воду небольшими глотками, майор незаметно сообщил ей о свертке. Она также незаметно кивнула головой. Наблюдая эту сцену, я вынужден был признать, что майор, в отличие от меня, очевидно, не был подавлен ни физически, ни морально, чему я даже немного позавидовал.

Постепенно я стал понимать, что, начиная с сегодняшнего дня, жизнь наша пойдет совсем в другом измерении. Да только вот в каком? «Что день грядущий мне готовит?».

Через полтора часа к домику подъехала грузовая машина, в кузов которой набралось порядочно солдат. Туда же предложили забраться и нам и даже освободили место на скамейке.

Фыркнув газом и буксуя на многочисленных ухабах, машина медленно продвигалась вперед. Мы с майором сидели на заднем сиденье, почти у самого борта. Справа и слева от нас – немцы. Они ведут между собой бесконечные разговоры, не обращая на нас никакого внимания. А я подумал: они-то ведь пехотинцы, и русских пленных видали, наверное, предостаточно. А мы-то видим впервые. И, может быть, именно поэтому ощущение нереальности происходящих событий никак не покидало меня.

Я вспоминаю сегодняшнее утро: «Педагогическую поэму», завтрак в столовой, аэродром, ПК, начальника штаба. Все это было лишь пару часов назад. А сейчас я в одной машине с немцами, которые сидят рядом. Этого не может быть! Но это есть!

За годы войны в нашем сознании сформировался определенный образ врага. А я смотрю сейчас на этих немцев и к удивлению своему обнаруживаю, что они никак не вписываются в этот образ: люди как люди. Одни из них сделали мне перевязку, другие освободили место в машине, третьи, видя мои окровавленные бинты на лице, смотрят на меня с явным сочувствием. Да и я почему-то не питаю к ним никакой вражды или ненависти. А внутренний голос нашептывает мне: «А как быть с истребителями, которые только что расстреливали тебя в упор?».

Я отвечаю сам себе: но ведь и я тоже пытался уничтожить их. И если бы мой пулемет не испортился, то еще неизвестно чем бы закончился этот поединок. И тут в голове моей внезапно, как озарение, отчетливо сформировалась следующая мысль: люди, если они не фанатики, террористы и маньяки, становятся врагами только в бою. А в мирной обстановке они люди как люди.

А внутренний голос опять нашептывает:

– А вот если б тебе представилась возможность бежать к своим. Бежал бы?

– Да.

– И опять воевал бы?

– Да.

– Значит, противоречишь себе?

– Нет. Я воевал бы за независимость своей Родины, против фашизма и его человеконенавистнической теории.

Не знаю, к каким еще выводам пришел бы я в своих размышлениях, если б не нога, боль в которой усиливалась с каждым часом, так что на каждом ухабе мне приходилось удерживать ее на весу. Да, и бинты постепенно наливались кровью.

Наконец, мы въехали в какое-то довольно крупное село (как мы потом узнали, оно называлось Петраковка). Остановились у большого двухэтажного дома. У входа часовой. Не то штаб, не то какая-то «сельская управа». Пилота увели внутрь, я остался один, по существу, без всякой охраны. Ко мне то и дело подходили какие-то местные жители, спрашивали обо всем, жалели, совали в руки хлеб, сало, простенькие постряпушки. Никакого аппетита у меня не было, но, подумав, что рано или поздно вопросы питания станут актуальными, все это совал за пазуху впрок.

А когда майор вернулся, я попросил его разрезать сапог. У кого-то из местных жителей нашелся нож, а сапог разрезал я сам от верха и почти до пальцев ног. Голенище связал каким-то шнурочком, чтоб не распахивалось.

Этот день принес нам еще один сюрприз. Сюда же, к «управе» привезли еще четверых пленных, в их числе двух летчиков. К нашему изумлению летчиками оказались наши однопольчане пилот Степан Шпак и стрелок Михаил Козлов. Их сбили в том же вылете, что и нас, но в другом месте. С. Шпак – стройный красивый парень 22 лет. Сегодняшний вылет был у него первым и, очевидно, последним... Случившееся он очень сильно переживал, был хмур и неразговорчив. Козлов был более раскован, но тоже больше молчал. Как-то так случилось, что ни сегодня, ни в последующие дни так и не удалось узнать обстоятельства их пленения.

Вскоре появился какой-то начальник с двумя конвоирами. Нас всех подняли и куда-то повели. Но я идти не мог, вышла заминка. Но у одного из пехотинцев нашлась полевая брезентовая палатка. Меня усадили на нее, и майор, Шпак и Козлов понесли меня «на весу», как индийского божка. Пехотинцы шли рядом. Наверное, это было печальное зрелище. К нам то справа, то слева подходили какие-то женщины, слышался их приглушенный украинский говорок: «Дывись, кого несут. Цэж кто такий? Ма-

будь литак, хиба нэ бачишь. Який же вин молодэнький, весь у крови». Подобные разговоры и у меня невольно вызывали чувство жалости к себе. Многие, не церемонясь с часовыми, совали мне в руки хлеб и другую немудреную провизию, а то и просто клали на палатку. Часовые, правда, не очень строго, пытались отгонять их: «Weg, wegab!»! (Прочь, прочь отсюда).

Наконец нас привели к небольшому, одиноко стоящему домику, завели внутрь. В углу стоял небольшой столик с лампой, у входа - скамейка, на полу – не первой свежести солома. Один из часовых остался внутри, другой – у наружной двери. Всем велели лечь. Чтоб не беспокоить соседей своими болячками, я расположился в самом дальнем углу. Здесь мы провели весь остаток дня и всю ночь.

Пока было не поздно, в домик то и дело заходили жители поселка, преимущественно мужчины. Спрашивали, как идут дела на фронте и в тылу, скоро ли закончится война, собираются ли союзники открывать второй фронт и т.д. Наверное, здесь мы были не первыми.

Уже было поздно, когда в ночлежку нашу завалился еще один посетитель. Он был изрядно пьян. Панибратски поздоровался с немцами и вальяжно, развалившись на скамейке, спросил: «Ну, как там Иоська поживает?». Никто из нас не понял, кого он имел в виду, поэтому все молчали. Наконец, я не выдержал и, приподнявшись на локте, спросил: «Про какого Иоську идет речь?». Увидев меня (а в комнате было уже довольно темно), он произнес: «О-О-О, ты оказывается еще жив, а я уж думал, ты уже окочурился». Потом добавил: «Виссарионыч, конечно. Кто еще?». После небольшой паузы я ответил: «Нормально поживает». А кто-то, кажется Шпак, добавил: «Скоро в гости к нам придет, так что встречай».

– Ох, напугал, – ответил он. Внутренний часовой, почувствовав, что разговор принимает нежелательный оборот, попросил его удалиться, что он и сделал, сказав на прощанье нам всем: «Адью».

После ухода незваного посетителя наружную дверь нашего жилища закрыли на замок, но часовой там остался. Стемнело.

Внутренний часовой зажег небольшую лампу. В комнате воцарился тусклый полумрак. Тихо. Никто не спит, у каждого свои думы. Не спит и часовой. Время от времени он внимательно поглядывает на нас и перебирает какие-то бумаги. Я тихонько спросил майора:

– Как далеко от линии фронта упал наш самолет?

– В двух километрах, – ответил он.

Всего лишь в двух километрах! 30 секунд лета! Не судьба значит. Всю ночь я думал о своем бедственном положении: израненный, почти слепой, беспомощный, в руках врага. Что дальше? Да и будет ли оно это ДАЛЬШЕ? Как сложится наша дальнейшая судьба? Цепляться за жизнь ни желания, ни воли не было.

Молчал и майор. Он лежит рядом, и я чувствовал, что он тоже не спит. Я понимал, что его положение как политработника и как человека с более высоким воинским званием в сложившейся ситуации является более сложным, чем наше. Я невольно задумался над тем, как он поведет себя по отношению к немцам и как они поведут себя по отношению к нему.

По ту сторону

Уже под утро я вспомнил, что в заднем кармане моих брюк находится блокнот, в котором записаны летно-тактические данные самолетов ПЕ-2 и Ил-2. Посчитав, что этот материал является очень секретным, я решил его уничтожить. Весь остаток ночи я осторожно вырывал листочки блокнота, слегка разжевывал их и «жвачку» прятал в солому. О, святая простота!

Когда рассвело, к дому подъехала машина, часовой открыл дверь и в комнату вошел унтер-офицер, но не в зеленой, а в темно-серой униформе (авиация). На ломаном русском приказал: «Четырем русским летчикам быстро в машину!». Ребята помогли забраться мне в машину. На наш вопрос: «Куда едем?» он без обиняков ответил: «В Апостолово», – и без особой опаски забрался к нам в кузов. Ехали быстро, не останавливаясь. Боль в ноге немного утихла, но все равно на ухабах мне приходилось держать ногу на весу. В городе машина остановилась перед какими-то кирпичными складами, огороженными невысоким дощатым забором. Водитель предъявил охраннику пропуск (аусвайс),

и мы въехали внутрь. Унтер, оставив нас на попечении водителя, направился в служебное здание – стандартный немецкий барак.

Из-под повязки, нависающей над моим глазом, окружающий мир я мог видеть только фрагментами. Наверное, поэтому все виденное надолго врезалось в мою память. Вот и сейчас, взглянув из-под тента нашей машины, я увидел, как недалеко от нас небольшая группа женщин в грязном одеянии деревянными лопатами выгружала из машины картошку прямо на землю. Рядом стоял солдат и что-то записывал в тетрадь. Факт этот сам по себе ничего не значит, но для меня это веха моих воспоминаний.

А унтер вскоре вышел на крылечко барака и, махнув рукой, велел нам следовать за ним. Мы вошли в большую, почти без мебели, комнату. Здесь нас поджидал молодой паренек лет 20, тоже в темно-серой немецкой униформе. Поздоровался по-русски, предложил сесть. Просил обождать, пока не появится начальство. Поинтересовался: кто мы такие и давно ли в плену?

Заинтересовались и мы что за «птичка» такая. И тут пока мы ждали «начальство», произошел разговор, который также врезался мне в память. Спрашиваем его:

– Ты русский?

– Да.

– А почему в немецкой форме?

– Я вольнонаемный. Нас здесь много таких. Жить на что-то ведь надо.

И, улыбнувшись, добавил:

– Не думайте, что я ваш непримиримый враг. Так сложились обстоятельства.

– А если немцы будут отступать? Ты тоже с ними?

– Нет, я ведь не мобилизованный и никакой их присяги не принимал.

– А когда город освободят, придется ведь идти в нашу армию?

– А я и не возражаю.

– А не опасаясь, что за сотрудничество с немцами придется нести какую-нибудь ответственность.

Помолчав, он ответил: «Я этого не исключаю». Ему, оче-

видно, не хотелось продолжать разговор на эту болезную тему, и он внезапно сам обратился к нам с вопросом:

– Вас сегодня кормили?

– Нет.

– Минуточку.

Он внезапно вышел в соседнюю комнату и, вернувшись, предложил нам 4 скромненьких бутерброда с колбасой. Вручая, добавил:

– Извините, больше ничем не располагаю.

Есть не хотелось, но чтоб не огорчать его, мы приняли угощение. Как ни странно, но мы почему-то не испытывали к нему ни ненависти, ни отвращения. Ни его внешность, ни разговор, ни поведение никак не соответствовали тому образу изменника родины, какой был сформирован нашей пропагандой.

Не знаю, как мои друзья по несчастью, но я постепенно начинал понимать, что мы находимся «ПО ТУ СТОРОНУ». Здесь несколько иные представления о жизни, чести и морали. Пока мы уничтожали бутерброды, я задал ему еще один вопрос:

– А как складываются Ваши взаимоотношения с немцами?

– М-м... трудно сказать. Если в деловом отношении, то все вроде нормально. А вот в другом (он замолчал, очевидно, подбирая слова)... дело в том, что МЫ и ОНИ – это две разных нации и поэтому общего языка не получается.

– А кем Вы у них работаете?

– Переводчиком.

Взглянув на мои бинты и разрезанный сапог, он добавил:

– Я не знаю, куда Вас определят дальше, но в городе есть больница наша русская, там Вам могут сделать перевязку.

В комнату вошел уже знакомый унтер-офицер, о чем-то переговорил с молодым человеком и отвел нас к новому месту жительства, недалеко отсюда. Как потом выяснилось, – это было, выражаясь современным языком, нечто вроде бытовки, в которой проживали шоферы того подразделения, из которого мы только что вышли. В углу довольно просторной комнаты был небольшой закуток, куда нас поместили, меня в угол. Как сейчас помню шершавую кирпичную стену рядом, и трухлявую солому подо мной. В противоположном углу небольшой столик и стул для

охранника, который приходил на ночь. У противоположной стороны большой стол, на котором хозяева обедали, читали книги, играли в карты, хранили личные вещи. Спали они на полу на жиденьких ватных матрацах. На день убирали их под стол. Под потолком небольшая электролампочка. Свет загорался только с наступлением темноты. Комфорт не велик.

В тот день жильцы бытовки пришли довольно поздно. Их было, по-моему, четверо. Лиц их я почти не помню, но если судить по разговору, то двое из них были русские, один украинец (из Краснодара) и один не то казах, не то узбек. Увидев нас, они искренне обрадовались. Сразу начали расспросы: кто такие, откуда, когда сбили, как там в России дела, как дела на фронте?

Из разговора мы узнали, что все они действительно работают шоферами в той воинской части, в которой мы сегодня уже побывали. Но меня больше всего поразило, что все они – бывшие пленные. Поглощенный думами о своей горькой судьбе, я не принимал особого участия в разговорах. Но, когда услышал об этой новости, не удержался и спросил:

– Ребята, а вам не кажется, что за все ЭТО рано или поздно придется держать ответ?

Наверное, вопрос мой был не очень корректным, потому что сразу же воцарилось длительное молчание. Из всей группы жильцов наиболее разговорчивым, общительным, мыслящим был украинец из Краснодара. Вот и сейчас, даже встав со стула, он строго спросил меня:

– За что ЭТО?

– Ну,.. за связь с немцами.

– Вот что, мил человек, нас вот таких здесь тысячи, да проживающих на оккупированной территории миллионы. Так что на всех нас никаких следователей не хватит.

Снова сел, молчал, и, обращаясь больше к самому себе, не к окружающим, добавил, очевидно, не раз обдуманное и выстраданное:

– Сначала полстраны сдали немцам, а теперь обвиняют людей в сотрудничестве с ними.

Наступило тягостное молчание. Очевидно, был затронут большой для всех вопрос. Слова украинца, и то, как он их произ-

нес, больно резанули и мое сознание. А все, что им было сказано, оказалось для меня совершенно новым. Я лежал и думал: «Как так случилось, что мы все лето общались с людьми, пережившими оккупацию, ни разу!!! не поинтересовались у них, а как они там жили, чем питались, как воспитывали детей, где работали, как сосуществовали с немцами?»».

Мучительные мысли! Почему молчит майор? Как и что он думает по этому поводу? Что думают остальные? А коварная и подлая мыслишка исподтишка вкрадывается в сознание: «Может быть, и ты окажешься в таком положении?? Нет! Никогда! Это я решил для себя твердо».

* * *

Поздно вечером пришел охранник немец. Увидев нас, произнес:

– O. None gefangern.

– Да, – ответил за нас украинец.

И, кивнув головой в сторону немца, уже для нас вполголоса добавил:

– Вот вам и сотрудничество...

Вечером шоферы скромно поужинали. Приглашали нас, но мы отказались. Я вспомнил про свои запасы, вытащил их из-за пазухи, отдал майору.

Утром, довольно рано шоферы ушли на работу. Охранник ушел, закрыв нас на замок.

Так начался новый этап нашего пребывания в плену. Шоферы приходили и уходили на работу. Охранник появлялся к ночи. По-моему он больше охранял нас, а не обитателей бытовки. Первое время нас совсем не кормили. Потом, тот же охранник стал приносить нам в обед по весьма скромной порции картофельного пюре и маленькому кусочку колбасы, вечером полусладкий чай и кусочек хлеба. Постепенно стало появляться чувство голода, чему я даже обрадовался: значит, организм мой продолжает жить по своим, данным ему природой законам. А, кроме того, это отвлекало меня от горьких размышлений о своей печальной участи.

Угнетала неопределенность. Кто мы? Что мы? Зачем мы здесь? Сколько пробудем тут? Что дальше? Со всеми этими вопросами мы однажды обратились к нашим соседям. Они сказали

нам, что мы тут не первые, были люди и до нас – тоже летчики; здесь нас немного «поднакопят», а потом отправят по лагерям. Куда? Точно не знают, кажется в Польшу. Это было уже кое-что.

Не знаю, почему, но даже в этих условиях между собой мы почти не разговаривали. Каждый думал о своем. И только один раз Шпак затронул вопрос о возможности организации побега. Но детального обсуждения этой проблемы не получилось. Все понимали, что для успешного проведения в жизнь задуманного, в первую очередь, нужна гражданская одежда, а мы все были одеты в меховые зимние комбинезоны. Потребуется также связи с гражданским населением, а для этого нужно время и общение с ними. Кроме того, было ясно, что я из побега исключаясь, но майор вряд ли бросит меня на произвол судьбы. Таким образом, этот вопрос повис в воздухе.

Но один раз Квелидзе собрал нас в кучку и сказал:

– Наверное, нам предстоит допрос, все должны давать сходные показания, поэтому помните следующее: все мы из 677 ШАП, базировались в Павлограде. Я – старший лейтенант, комэск 3-й АЭ.

Он был старше нас по возрасту, и по званию, и по должности, поэтому с предложенной легендой мы согласились, не раздумывая. Она вселяла в нас какую-то определенность.

Эх! Не думали мы тогда, какую глупость совершаем! Пройдет всего лишь несколько дней и от принятой нами легенды не останется и следа.

В общении с окружающими мне очень мешали бинты на глазах. Но когда я попробовал размотать их, то обнаружил, что они накрепко присохли к лицу. А, кроме того, по ссохшимся на голове волосам я обнаружил еще одно ранение. Металлический осколок застрял в кости и даже легко прощупывался пальцами. Показал рану майору, он все это подтвердил. Еще одной проблемой стало больше.

В конце недели я обратился к краснодарскому шоферу с просьбой узнать, можно ли мне попасть на прием к главному врачу в городской больнице? Он выполнил мое поручение, сказав, что врач приедет сюда сам. И действительно, через день врач был уже у нас, остановил машину во дворе у самого дома. Меня вы-

вели к нему на улицу. Было довольно холодно, поэтому он тут же усадил меня в машину. До сих пор не пойму, почему он поступил именно так: ведь можно было зайти в дом. Он был невысок, в гражданской одежде, с типично русским лицом, немногословен. Выслушав мои жалобы, он размотал бинты. Ватными тампонами, смоченными в спирте, осторожно протер глаза. Приготовившись к самому худшему и боясь открыть глаза, я спросил его, буду ли я видеть, он включил плафон верхнего света, еще раз внимательно осмотрел оба глаза, произнес:

– Зрачок левого глаза цел, зрение может восстановиться полностью, но не скоро, месяца через два. По поводу правого глаза сказать ничего не могу. Повреждены белок и роговица. Все в крови.

Почувствовав, что по щекам опять сочится кровь, я спросил:

– А откуда кровь хлещет?

– У вас в лице очень много осколков... почему-то стеклянных.

Мне пришлось объяснить ему причину их происхождения, и я спросил:

– А сейчас их нельзя вытащить?

– Нет. Их слишком много. А, кроме того, я не хирург.

– Вы опять наложите бинты?

– Да.

– Тогда не закрывайте мне левый глаз, пожалуйста.

– Это можно.

Когда перевязка была закончена, я горячо и от души поблагодарил его. «Пожалуйста», – ответил он, и без лишних слов сразу же уехал. У меня сложилось такое впечатление, что он куда-то спешил или опасался лишних свидетелей. Так я и не узнал, кто он. Свой, чужой? Русский или немец? Как звали, как фамилия? Он, наверное и не представлял, какое доброе дело сделал для меня. Как много добрых людей попадалось мне на пути в то время, в той обстановке. В годину всеобщего горя добрых людей бывает больше, чем в более счастливые времена. Это я понял значительно позже.

Много ли человеку надо для счастья? Одна фраза врача о том, что зрачок цел, буквально оживила меня. Я еще не знал, что

будет с правым глазом, но то, что буду видеть хотя бы одним из них, уже окрыляло. Пока еще подспудно, но в голове уже бродила мысль: «Мы еще проживем. Мы еще повоюем и осколки вытащим».

После отъезда врача произошло еще одно немаловажное событие. Майор куда-то ушел, и я остался во дворе один. Делать нечего, надо было возвращаться домой самостоятельно. Я внимательно осмотрел двор (пока еще плохо, с какими-то пятнами в поле зрения), но я уже видел!!! В углу двора лежала кучка дров. Среди них валялся ивовый прутик толщиной с палец, рядом старый и довольно тупой колун. Я на четвереньках дополз до той кучки, с трудом, на коленях, отрубил от прутика мелкие ветки, оставив палку (некое подобие трости) длиной больше метра. Опираясь на нее, уже на своих (!) ногах, я поковылял к дому. Дверь отворилась, и в ее проеме появился майор. Он остановился, удивленно рассматривая меня. Осторожно, опираясь на палку, я медленно, шаг за шагом, приближался к двери. И тут, пожалуй, впервые за последнее время, я увидел на лице его радостную улыбку. И сам, как мог, улыбнулся ему.

– Никак пошел, – удивленно произнес он.

– Пытаюсь...

– Помочь?

– Нет, я сам.

В тот день я, пожалуй, впервые с аппетитом поел. А вечером самостоятельно сходил на улицу. И даже обнаружил, что боль в ноге значительно утихла. В тот же вечер кто-то из шоферов привез мне самодельную трость – обычную палку с утолщенным в виде набалдашника верхом.

Обрадованный всем происходящим (а до этого я вообще не верил, что в плену можно чему-то радоваться), я то и дело вставал со своей соломенной «перины» и ковылял по комнате взад-вперед. Одновременно пытался тренировать и зрение: постоянно мигал глазом, пытаясь устранить темные пятна в поле зрения. Собственно, это были даже не пятна, а петлевидные образования в нижней части поля, полупрозрачные, темно-зеленого цвета. Они двигались вместе с глазом и мешали рассматривать видимые предметы. Надо было привыкать и к видению окружающего мира не двумя, а одним глазом. И то, и другое мне пока не удавалось.

Зеленые, в виде водорослей петлевидные образования, исчезли много лет спустя, уже в мирное время. Врач немного ошибся.

Только теперь я смог разглядеть лица шоферов и охранника, как, впрочем, и они мое.

А дня через три, в сопровождении охранника в нашу комнату шумно ввалились два немца. Один из них сразу подошел к нашему закутку (видно в первый раз) и приказал на немецком языке: «Быстро всем встать!».

И взмахом руки велел следовать за ним.

Мы быстро оделись. Уходя, я по-немецки попрощался с охранником (как-никак, а ничего плохого он нам тут не сделал). Он немного удивился, но промолчал.

Каждый из нас с тревогой думал: куда ведут, зачем, что будет? Около дома стояла крытая грузовая машина. В ее кузове уже находилось человек 10-12 немцев. Не без труда, забрались туда и мы. Вспоминая (еще со школы) немецкие слова я спросил сопровождающего нас немца (это был фельдфебель):

– Куда мы идем?

– Nah aerodrom.

И действительно, через некоторое время мы приехали на небольшой полевой аэродром, где нас уже поджидал старенький, какой-то неуклюжий, пузатый транспортный немецкий самолет...

Перелет

На аэродроме стоял старенький потрепанный немецкий транспортный самолет. Был он какой-то неуклюжий, громоздкий. Как только к нему подъехала наша машина, открылась широкая бортовая дверь. В ее проеме появились два человека в авиационной форме. Они были очень молоды, не более двадцати лет. Ровесники, подумал я, невольно сравнивая их с собой. Вскоре оказалось, что именно они будут пилотировать этот самолет. Летчики быстро установили легкую дюралевую лестницу для входа. Вначале немцы, а потом и мы вошли во внутрь самолетного чрева. Шпак с Козловым помогли взобраться и мне.

В центре грузового отсека, ниже днища самолета, было углубление в виде вытянутого ящика глубиной около полуметра. На дне этого углубления лежали какие-то металлические кон-

струкции, картонные коробки с каким-то грузом. Сюда же немцы побросали свои рюкзаки. Почти все немцы уселись по периметру этого углубления, прямо на пол самолета, опустив ноги на дно ящика. Нас предусмотрительно разместили раздельно. Не знаю, почему, но сидеть рядом с немцами мне было неприятно. Интересно, что чувствовали немцы, сидевшие рядом со мной (это были уже пожилые солдаты, ехавшие на побывку домой). К ним я не питал никакой вражды..., но такова сила предубеждений.

Помимо солдат и нашего охранника в самолете находились еще две молодые девушки в гражданской одежде. Когда самолет был уже в воздухе, а летчики сидели на своих местах, они постоянно торчали около двери в летную кабину, что-то кричали им в уши, совали им прямо в рот конфетки, и постоянно над чем-то хихикали. До сих пор не могу понять, кто они такие и зачем они тут? Солдаты тоже смотрели на них неодобрительно: отвлекают летчиков от дела. И только значительно позже вдруг подумал: а не выполняли ли они какую-нибудь специальную миссию?

Вспоминая события того времени, я часто задаю себе вопросы:

1. Чем объяснить несколько повышенное внимание к нам, четверем русским летчикам?

2. Почему нас разъединили с пленными пехотинцами еще в Петраковке?

3. Почему нас больше недели держали под особым контролем в Апостолово?

4. Почему для нас подали чуть ли не персональный самолет сегодня?

Я, конечно, догадывался, что дело не в нас троих (Шпак, Козлов и я), мы слишком мелкая сошка, а дело в майоре. К тому времени немцы, наверное, еще не знали его настоящего воинского звания, но догадывались, что он, по-видимому, какой-то крупный начальник. Об этом говорило следующее: в отличие от нас, рядовых летчиков, одет он был в хороший хромовый реглан с меховой подкладкой. На нем была не обычная армейская хлопчатобумажная зеленая гимнастерка, а коверкотовая темно-серого цвета и широкий офицерский ремень, хромовые сапоги и шерстяные брюки. Я уже не говорю про изрядно лысую голову - значит, не молод... Кто он фактически - немцы вряд ли знали. И вряд ли верили в то, что он -

старший лейтенант, командир эскадрильи, кем он мог называть себя на предварительных допросах в Петраковке, согласно принятой нами легенде. Но все это не более чем предположения, так как мы не знали, о чем шел разговор в петраковской «управе». Об этом он нам ничего не говорил, а мы его ни о чем не спрашивали.

Немаловажным было и то, что он не русский, а как теперь говорят, человек «кавказской национальности». А дело в следующем.

В конце 43-го и начале 44-го в армии Власова началось формирование не только наземных, но и воздушных подразделений. В них вербовались советские летчики, пожелавшие по тем или иным причинам воевать в его армии. По слухам, центр, где формировалась власовская авиация, был расположен в Пруссии, в местечке Марицвили. Возглавлял этот центр полковник Мальцев, бывший заместитель командующего Забайкальским военным округом.

Обо всем этом поведал мне один мой знакомый по Уманьскому лагерю, тоже пленный летчик по имени Павел (фамилии не знаю). О его интересной судьбе чуть позже.

Вербовку наших летчиков производило и немецкое командование. При этом особым вниманием пользовались летчики не русской, а другой национальности. Вот в этом плане Квелидзе представлял для них особый интерес. Но вернемся в самолет.

Майор сидел через два-три человека от меня. По выражению его лица я видел, что он о чем-то усиленно думает (в такие моменты у него левая бровь изгибалась дугой и становилась как бы выше правой). Время от времени он осматривал внутренности отсека, соседей напротив, вход в кабину летчиков. Каким-то чутьем я догадывался, что он оценивает обстановку на возможность захвата самолета. Но, прямо скажем, что шансов на это никаких: у нас не было никакой предварительной договоренности и плана; количество немцев в самолете было в три раза больше чем нас; многие из них были вооружены, мы – нет; неясно было, как поведут себя немецкие летчики; и уж никто из нас не знал, как пилотировать незнакомый немецкий самолет (вспомним, как мучительно осваивал новую технику капитан В.М. Заболотнов).

А вскоре этот вопрос отпал сам собой – самолет шел на посадку. Мы приземлились на аэродроме города Умань. К самолету

быстро подъехала грузовая машина. В ней водитель и два младших офицера. Сопровождавший нас фельдфебель жестом приказал нам выйти из самолета и пересест в подъехавшую машину. В сопровождении трех немцев мы поехали в город, самолет полетел дальше.

Машина, немного поплутав по городским улицам, остановилась у красивого двухэтажного здания с обширным двором. У здания и во дворе много легковых машин. «Куда привезли нас? Что ждет нас здесь?», – с тревогой думал каждый из нас. Может быть, сносное существование, как в Апостолово? А может, кровавые застенки с орудиями пыток? Неведение всегда угнетает.

Машина наша с некоторым шиком остановилась перед металлическими воротами во двор. Часовой проверил бумаги охранников, и нас ввели внутрь двора. Перед входом в само здание было небольшое крылечко и две двери. Одна лестница – на первый, вторая – на второй этаж. Охрана отсутствовала. Наш фельдфебель и немец, который ехал с нами на машине, сразу же ушли на второй этаж. Второй охранник остался с нами. Полагая, что нас здесь могут подзадержать, я спросил его по-немецки: «Где здесь туалет?». Немец неопределенно махнул мне рукой вглубь двора. Когда я вернулся обратно, моих друзей здесь уже не было. Я спросил его по-немецки:

– А где мои друзья?

– Их уже отвели, – ответил он по-русски.

– Вы русский?

– Да.

– И что здесь делаете?

– Работаю.

– Кем?

– Это неважно. Длинная история.

– А что это за организация?

– Это штаб 12-го воздушного немецкого флота. В нем есть разные отделы: материально-технический, кадровый, связь, разведка. Вот вас и привезли в этот отдел.

– И что там спрашивают?

– Кого как, всех по-разному.

Посмотрев на меня, добавил:

– Да ты не бойся, это не ГЕСТАПО. И ушел наверх. «Вот ведь как», – подумал я. – «Уж третий русский работает у немцев. Наверное, и наши разговоры во время езды от самолета до штаба слышал. А виду не подавал...».

Допрос

Когда я не без труда доковылял до своих, то обнаружил, что допрос уже начался. Первым вызвали Козлова. Шпак и майор стояли в узком коридорчике рядом с дверью. Козлов появился минут через 10. По его расстроенному выражению лица мы поняли, что дела наши обстоят неважно.

– Ну, что там?

– Они все знают...

– Что именно?

Но в этот момент вышел следователь, заглянув в соседнюю комнату, где, очевидно, находились его помощники и приказал им развести нас по отдельным местам. Не знаю, кого куда, а меня привели, очевидно, в радиоузел. Довольно большая комната, сплошь заставленная различной радиоаппаратурой. За приемниками и передатчиками сидели радисты. Один из них работал «на ключе», другой принимал какие-то сводки и что-то записывал, третий тщетно пытался наладить связь с каким-то «Алмазом». И только один, очевидно, от нечего делать, крутил ручку приемника, пытаясь найти какую-нибудь интересную передачу. Из приемника приглушенно раздавались то шипение, то свист, то чья-то речь, то музыка.

В комнате было жарко, и стоял устойчивый запах работающей аппаратуры. Я в очередной раз почувствовал, что меня начинает подташнивать. Дело привычное: откидываю голову на спинку стула, закрываю глаза и глубоко дышу носом. И вдруг мелодия, льющаяся из приемника, показалась мне знакомой... А вот и слова. Ну, да! Сомнений нет. Это же наша полковая пластинка «Их вайе айн клайнен кафе». И в памяти сразу же всплыли видения прошлого: наши полковые танцульки в девичьем общежитии под охрипший патефон, самодельная коптилка из пушечной гильзы и даже зенитная канонада по немецким бомбардировщикам. Невольно подумалось: «Эх, Надюшка, вот и встретились. Ты сей-

час, наверное, уже с Аркашкой танцуешь, а я вот здесь с немцами окровавленный сижу». И так мне стало жаль себя.

Но события, связанные с предстоящим допросом, быстро отвлекли меня от приятных воспоминаний, ушедших в далекое безвозвратное прошлое. Всего-то десять дней, а словно вечность.

Невольно задумался над тем, а что будут спрашивать на допросе? Наверное, следствие будет интересоваться вопросом о том, каково штатное расписание полка, сколько в нем самолетов, хорошо ли охраняется аэродром зенитной артиллерией? Мысленно приготовил на них ответы.

О, святая простота! Пройдет несколько минут и станет ясно, что никто таких глупых вопросов не задает.

В комнату зашел уже знакомый мне, очевидно, сотрудник разведки и велел следовать за ним. Мы вошли в кабинет следователя. Немец сразу же удалился, а я остался со следователем один на один.

Передо мной стоял мужчина средних лет, небольшого роста, слегка полноватый, тщательно побрит. У него острый цепкий взгляд, но что меня поразило: какое-то насмешливое выражение лица. На нем обычный солдатский китель темно-серого цвета, погоны без каких-либо знаков отличия, но несколько орденских ленточек на отворотах кителя. Кабинет был небольшой, уютный. На стене, что напротив входа, развешаны карты. Слева, во всю стену, ряды встроенных ячеек-ящичков, наподобие тех, что сейчас на вокзалах служат для хранения багажа. Посередине стол. Не помню, были ли окна, но над столом висела яркая электрическая лампочка. Ни страха, ни робости я почему-то не испытывал.

– Присаживайтесь, – пригласил он меня на чистейшем русском языке без какого-либо акцента.

Я молча сел по правую сторону стола, он – напротив. На столе не было никаких бумаг, и никаких протоколов допроса он не вел. Но в столе и, наверное, в соседней комнате, запись разговоров, по-видимому, велась.

– Военный билет с собой?

– Нет.

– А что так?

После непродолжительного молчания, я ответил:

– Я ведь не знал, что здесь окажусь.

– Гм. Резонно. Обычно все или «теряют» или «забывают»...

Далее посыпался ряд ничего не значащих вопросов: фамилия, имя, отчество? Год рождения? Образование? Когда призван в Армию? Где и кем служил? Несмотря на кажущуюся безобидность поставленных вопросов, я все-таки постоянно был «настороже». Отвечая на последний вопрос, я решил скрыть, что учился в ЧВАУ [Челябинское военное авиационное училище] и ответил так:

– В Армию был взят в 41-м году перед самой войной. Службу проходил в полигонной команде ЧВАУ, где определяли точность учебного бомбометания у курсантов этого училища.

– Это где?

– Полигон?

– Да.

– Недалеко от полигона было озеро Тептярги, так недалеко от него. (Это полностью соответствовало действительности).

По-моему следователь поверил моим словам, так как больше никаких вопросов на эту тему не задавал. Но я с тревогой ожидал вопросов о нашей легенде.

Надо отметить, что следователь был вежлив, ко мне обращался на «Вы» и производил впечатление культурного и интеллигентного человека. Часто отвлекался на различные темы и в такие моменты разговор наш больше напоминал безобидную беседу, а не допрос. Я, конечно, догадывался, что все это делается для усыпления бдительности и рассчитано на таких простаков, как я. И он прекрасно изучил все их повадки и приемы. А мы-то ведь впервые! И поэтому допрос больше напоминал игру в «кошки-мышки». Говорю об этом не в оправдание, а истины ради.

В данных воспоминаниях я не привожу «стенограммы» допроса, а останавливаюсь только на существенных моментах. Так, например, после некоторых отвлеченных разговоров он спрашивает:

– А как Вы попали на фронт?

– Полигонных команд, как наша, в ЧВАУ было несколько. Один раз нас собрали вместе и сделали специальную медицинскую комиссию, отобрали человек 12 наиболее здоровых. Приехал «покупатель» и повез нас на Запад.

– Самолетом? Поездом?

Тут я вспомнит, как ехали на фронт наши девушки весной этого года, и уже более уверенно ответил:

– Поездом. Долго, недели три.

– И сразу в полк?

– Нет, вначале нас привезли, по-моему, в Миллерово, потом в Краматорск и оттуда – в полк.

– Всех в один?

– Нет, распределили.

– И в какой Вас?

Вот оно! Как не хотелось врать. Я не знал, что говорили в этом отношении остальные мои друзья. Но делать было нечего: легенду надо было сохранить и я, наверное, не очень уверенно произнес:

– В 667-й.

Следователь метнул на меня быстрый испытывающий взгляд, но ничего не сказал. И после непродолжительного молчания продолжал:

– А Ваш однополчанин Козлов из Вашей компании?

– Нет. Я его даже не знаю. Он прибыл в полк после меня.

– Когда именно?

– Примерно месяц назад.

– А его пилот... как его?

Вот ведь хитрец. Прекрасно знал его фамилию, но делал вид, что подзабыл.

– Шпак, – подсказал я.

– Во-во, спасибо. Он давно в полку?

– Нет, он тоже прибыл недавно.

– А до этого Вы с ним встречались?

– Нет. Только перед вылетом.

И не меняя тона разговора и без какой-либо паузы, спросил:

– А откуда был вылет?

Вот оно: сам напросился. Что ж, легенду надо спасать.

– Из Павлограда...

Нет, следователь не кричал, не стучал кулаком по столу, не грозил мне всеми небесными карами. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он только спокойно произнес:

– Там два аэродрома. На котором из них Вы базировались?

Вопрос был явно провокационным. Но я не знал, сколько их там и как они называются: «Восточный», «Северный», «Южный»? А может, вообще ни одного. Я мучительно искал удачный ответ, но не находил его. Наступило тягостное молчание.

Уважаемые читатели этих строк, хотя бы задним числом подскажите мне, как надо было ответить??? Я и сейчас не нахожу удачного ответа.

Видя мое замешательство, следователь встал, подошел к одной из карт, висевшей на стене, попросил:

– Подойдите сюда.

Я медленно, опираясь на тросточку, подошел к карте. Дорогой успел подумать, что я ведь из полигонной команды и в картах ничего не понимаю. Рукой он показал мне расположение города. Произнес:

– Вот здесь...

Я хотя и плохо, но все ж разглядел город. Увидел также, что никаких аэродромов вокруг города нанесено не было. Я долго крутил головой, делая вид, что разглядываю карту, а сам усиленно размышлял о том, как мне выйти из этого положения и, наконец, произнес:

– Извините, у меня глаз ранен, и я очень плохо все это вижу.

Он быстро вернулся к столу, я за ним. И тут произошло непредвиденное. Когда я уже сел за стол, то вдруг почувствовал, что меня опять начинает тошнить. «Господи, только этого мне еще не хватало», – подумал я. Но по привычке, откинув голову немного назад, стал глубоко дышать. Следователь некоторое время смотрел на меня, наконец, спросил:

– Вам плохо?

– Да, извините, меня тошнит. Это бывает. Скоро пройдет.

Не берусь судить, какими соображениями он руководствовался. Наверное, опасался, что допрос может сорваться, но он быстро вышел из комнаты, а через минуту вернулся, держа в руках блюдце с двумя маленькими малосольными огурчиками. Поставил блюдце на стол передо мной, произнес:

– Попробуйте. Говорят, помогает.

Я поблагодарил его. Откусывая угощенья небольшими порциями, я медленно разжевывал огурчики, инстинктивно стараясь оттянуть продолжение разговора об аэродромах. (Огурчики, впрочем, были очень вкусными). Он не торопил меня, а, выдвинув внутренний ящик стола, что-то внимательно рассматривал в нем. Когда уже второй огурчик подходил к концу, он спросил меня:

– Ну, как помогло?

– Вроде проходит.

– Ну, вот и хорошо. Коль скоро мы переключились на питательные темы, то скажите, как у Вас кормят летный состав в полку?

– Нормально, по пятой норме.

– По пятой норме, это хорошо или плохо?

– Это хорошо, хватает.

– А что входит в нее?

Я кратко рассказал, что у нас бывает завтрак, обед и ужин. Не забыл упомянуть и про «боевые сто грамм».

– А офицерский состав питался отдельно?

– Нет. Все вместе.

– А технический?

– Они отдельно. У них четвертая норма, она похуже нашей.

Я даже набрался нахальства и спросил:

– А как у вас?

– Жиров, мяса у нас поменьше, но больше сладостей: печенье, конфеты, фрукты.

Вот ведь хитрец: все он знал прекрасно, но «зубы заговаривал». А я и рад был, что отошли от больной темы, и можно было немного расслабиться.

Затем, не меняя тона разговора и интонации, как бы продолжая начатый разговор, он опять спросил:

– Вот у вас, да и у нас тоже, в каждом полку на самолетах бывают нарисованы определенные отличительные знаки: у кого звезда, у кого - стрела. А какие были нарисованы на самолетах в вашем полку?

Я сразу вспомнил, как на своем самолете с номером 32 я белой краской намалевал одну широкую и одну узкую полосу на фюзеляже и на киле, и потому спокойно ответил на его вопрос. Следователь согласно кивнул головой и совершенно спокойно

добавил:

– Правильно. С места падения вашего самолета нам сообщили то же самое.

Немного помолчав, будто речь все еще идет о преимуществах пятой нормы питания, он совершенно спокойно добавил:

– Но дело-то в том, что эти опознавательные знаки принадлежат не 677-му, а 951-му полку...

Это был нокаут. «Крыть мне было нечем». Я молчал, уставившись в стол и сгорая от стыда, от сознания того, что так элементарно «провалился».

Анализируя этот эпизод допроса, уже позже, да и сейчас, я вынужден признать, что положение мое в этой ситуации было все равно безнадежным, так как я не знал, как на этот вопрос ответили мои остальные друзья. И какие бы опознавательные знаки я ни назвал следователю, они все равно не совпали бы с теми, что пришли сюда с места падения нашего самолета и с теми, что были сказаны моими друзьями. Таким образом, я изначально был обречен на провал. Это прекрасно понимал и следователь, который все это и подстроил. Он смотрел на меня слегка насмешливо, даже с некоторой долей сочувствия: что, мол, теперь делать-то будем?..

А вскоре меня ждал еще один удар, пожалуй, похлеще этого. А было так. После обоюдного молчания, резко меняя тему разговора, следователь вдруг спросил меня:

– А кто у вас сейчас командует дивизией?

«Ну, нет», - подумал я. – «Исупова я прикрою». И поэтому ответил так:

– Точно не знаю, но краем уха слышал, что, вроде бы, полковник Миклашевский.

Действительно, полковник Миклашевский командовал нашей дивизией до вступления в эту должность майора А.Ф. Исупова осенью этого года в Краматорске. Так что я ничего не выдумывал.

– Ну, Вы отстали от жизни.

– Может быть.

Следователь встал со стула. Открыл одну из ячеек встроенного шкафа, вытащил оттуда папку-скоросшиватель с твердыми картонными корочками, положил ее на стол и открыл первую

страницу. В этот момент в кабинет вошел какой-то немецкий полковник-«оберст». Следователь быстро вскочил с места, передвинул раскрытую папку на середину стола и вытянулся «в струнку». И они начали какой-то деловой разговор на немецком. Разговор длился минут пять. От нечего делать я решил украдкой взглянуть на раскрытую папку. То, что я там увидел, потрясло меня еще больше, чем широкая и узкая полоса на самолете.

На первой странице была небольшая (6 на 9) фотография. Качество ее было очень плохим, очевидно она была увеличена с маленькой. Под ней небольшой пояснительный текст на немецком языке: год рождения, фамилия, инициалы, и еще какие-то сведения строчек 10-12. Несмотря на свое «одноглазое» зрение, несмотря на плохое качество фотографии и немецкий текст под ней, я все-таки узнал, что это было фото А.Ф. Исупова и досье на него. Не скрою, я был поражен, но, вспомнив, что по легенде я его не знаю, я равнодушно откинулся на спинку стула и стал рассматривать карты, что висели на стене. А про себя подумал: «Эх, Александр Филиппович, вот ведь где пришлось нам повстречаться... Кто бы мог подумать?».

Когда оберст ушел, следователь, ни слова не говоря, взял раскрытую папку со стола, положил ее в свою ячейку, и никаких комментариев...

До сих пор не могу понять: весь этот спектакль был подстроен специально, или все это произошло совершенно случайно. Но я все-таки беспокоился, заметили ли они мое первоначальное изумление? Думаю, нет. Бинты на лице и глазах на сей раз сыграли положительную роль: скрыли все видимые эмоции.

Надо сказать, что следователь время от времени любил задавать такие вопросы или приводить такие данные, которые, по идее, должны были свидетельствовать о том, что ему о нашем полку известны не только наиболее общие вопросы, но и мелкие детали, чтоб повергнуть допрашиваемого в шок. Но были некоторые проколы и у них. Так, например, после ухода оберста следователь спросил меня:

- А как там Акимов поживает?
- Какой Акимов? (Я уже тоже кое-чему научился).
- Майор Акимов. Начальник штаба Вашего полка.

– Не знаю. Я с ним не якшаюсь.

– Ну, как! Еще дня четыре назад он ругал вас всех в столовой за разболтанность и слабую дисциплину... (Он видно, забыл, что мы здесь уже десять дней, и ни о каких четырех днях речи быть не может). Но я не стал ставить его в неудобное положение и ответил:

– По этому поводу нас постоянно ругают, так что мы уже привыкли...

Второй раз, как бы между прочим, спрашивает:

– Скажите, а Ваше командование не информирует Вас о том, что в случае, если Вас собьют на вражеской территории, Вам следует идти туда-то и к тому-то, где можно найти временное пристанище и помощь?

Я без труда разгадал подноготную этого вопроса и ответил отрицательно, что, кстати, соответствовало действительности.

– Плохо они о Вас беспокоятся, – ответил он. – У нас лучше.

По-моему меня допрашивали дольше всех (а может, казалось?). Думаю, не менее часа. Не менее часа постоянного нервного напряжения, на грани шока. Чувствовал, что силы постепенно покидают меня. А ведь еще не было вопросов про майора, которых я опасался более всего. Уже начинал подумывать, что разговор о нем следователь специально оставляет на конец. Может так оно и было, но из соседней комнаты внезапно пришел его помощник, украдкой показал на часы. Они о чем-то переговорили, и тот ушел, а следователь, «под занавес», решил огорошить меня еще целым рядом вопросов и, фривольно развалившись на стуле, с улыбочкой спрашивает:

– А кто такая Шухова?

С неподдельным интересом отвечаю:

– Мотористка.

– А Королева?

Я насторожился: Королева была оружейницей на нашем с майором самолете. Не думает ли подъехать к майору с этой стороны? Но ответил:

– Точно не знаю. Но, по-моему, оружейница.

– А Соломкина? А Светлакова?..

И еще ряд других. И все это без каких-либо шпаргалок. В самом деле, удивительно. И вдруг!

– А Русина?

Я непроизвольно усмехнулся. Этот «жест» не ускользнул от его внимания и он спросил:

– Что, знакомая?

– Да. Мотористка.

Уже вечером этого же дня я рассказал майору этот эпизод и спросил:

– Откуда все это ему известно?

– Это элементарно, – ответил майор. – Еще в Петраковке меня тщательно обыскали и в заднем кармане брюк обнаружили этот список. Это участники художественной самодеятельности.

Так просто. А я-то думал...

До сих пор не могу понять, почему не возник разговор о майоре? Они его или «вычислили», или не хотели показать свою неосведомленность, или он сам где-то проговорился? (пишу «они» потому что к концу допроса понял, что следователь работал не один, а целой бригадой). И вдруг в моей голове возник один очевидный вопрос, который я тут же решился задать следователю. Он уже закончил свой рабочий день, прибирал стол, закрывал на ключи какие-то внутренние шкафчики.

– Скажите, а до нас кто-нибудь из нашего полка здесь уже побывал?

– Конечно

– И кто именно?

– Всех не помню, но, по-моему, Павленко, Савинов, Мордовин.

– И где они сейчас?

– Наверное, в лагерях военнопленных.

– А что будет с нами?

– Сейчас вас тоже отвезут в лагерь. Он недалеко отсюда, за городом.

И тут я сразу понял: вот в чем причина их осведомленности. Не исключено, что майор им был уже известен.

Следователь нажал невидимую кнопку, и из соседней комнаты сразу же появился один из его помощников, который отвел меня в уже знакомый мне радиоузел. Мои друзья были уже там.

Но тут произошло еще одно немаловажное событие. Немец, который привел меня сюда, увидев здесь Шпака, спросил его:

– Ты к своим показаниям ничего не добавишь?

– Нет, – твердо ответил Шпак.

– Тьфу, – выругался он и вышел из комнаты.

Мы быстро окружили Шпака, пытаюсь узнать, в чем дело? После некоторого молчания он сообщил следующее:

– Я сказал следователю, что в полк прибыл неделю назад. Это мой первый вылет. В полку никого не знаю и далее все по нашей легенде.

Не знаю, как остальные, но я был ошеломлен. И ни тогда, ни сейчас не могу дать однозначной оценки его поведению. С одной стороны его поступок – это несомненный героизм: он ведь не знал, как могут немцы поступить с ним за явно ложные показания, но был готов ко всему. С другой стороны, а где здравый смысл? Ведь уже со слов Козлова было видно, что следствию о нас, если не все, то многое было известно. В дальнейшем, уже в наших лагерных похождениях, я не раз убеждался, что с немцами он вел себя мужественно, пожалуй, даже вызывающе, словно свое слишком короткое участие в боях против них (один боевой вылет) он хотел компенсировать своим презрением к ним. Дальнейшая судьба Шпака сложилась довольно трагично. А события развивались следующим образом.

Летом 1944 года около села Лесное (Одесская область, рядом с Молдавией) в одном из воздушных боев был сбит советский штурмовик Ил-2. При падении самолет врезался глубоко в землю. Шли годы и уже в 70-х гг. поисковый отряд школьников Леснянской средней школы «Поиск» под руководством директора школы Г.П. Глыгало нашел место падения самолета и установил фамилию пилота. Им оказался Герой Советского Союза майор Г.Н. Зубко. Из 951-го ШАП. Останки пилота со всеми воинскими почестями были перезахоронены на центральной площади села, недалеко от школы.

Через Центральный архив Советской Армии (г. Подольск под Москвой) были установлены фамилии и адреса многих других воинов этого полка.

В 1986 году состоялась встреча ветеранов. Встреча, как встреча, по-русски: возгласы, объятия, поцелуи, слезы и, что греха таить, вино без ограничения: в Лесном был винодельческий совхоз и небольшой заводик по изготовлению известного на всю страну виноградного вина «Изабелла».

Но на встрече Шпак вел себя несколько отчужденно, что было вполне естественно, так как из летчиков и техников первого состава он никого не знал, а с ветеранами конца 1943 года был почти ни с кем не знаком. Через год была назначена новая встреча, но на нее он не приехал. А в адрес Совета ветеранов, который возглавляли уже известные читателям генерал В.М. Заболотнов и полковник В.И. Краснов, пришло письмо его жены. Она сообщила, что с первой встречи Степан вернулся очень взволнованным, был «взвинчен» и вскоре покончил жизнь самоубийством.

Война многолика, было и такое. Люди того поколения по разным причинам гибли не только в войну, но и после нее. Многие спивались. Причина ясна: Победа пришла не в светлых ризах, не такой ее ждали. На руинах империй яркие цветы не растут.

Но вернемся на радиостанцию.

Не успели мы узнать у Шпака подробности его допроса, который, по его словам, длился не более пяти минут, как в комнату вошел один из тех немцев, который сопровождал нас с аэродрома до «штаба». Коротко бросил: «Поехали» – и повел нас к выходу.

Кончился еще один короткий, но очень насыщенный этап нашей жизни «по ту сторону». А что дальше?

Та же машина, на которой нас привезли сюда, стояла за воротами. Второй сопровождающий был уже в ней. Минут через 40 мы подъехали к лагерю. Вышли из машины, огляделись. Вот он, лагерь. Высокий «забор» из колючей проволоки, вышки с часовыми по периметру, ряды кирпичных барачков, бывших когда-то военными складами, теперь – жилье для пленных. В центре, с половиной футбольного поля, плац. Местная охрана быстро провела внутрь лагеря. Вот мы и за колючей проволокой. «Что ждет нас здесь?», – думал каждый из нас.

Два полица, из русских, меня и майора (по его просьбе) провели в госпиталь. Козлова и Шпака – в соседний отсек этого же барака, в котором, как мы вскоре узнали, помещали русских летчиков.

Лагерная жизнь началась.

В лагерьном госпитале

Лагерный полицай ввел нас в так называемый «госпиталь».

– Начальник, – обратился он к человеку, сидевшему в левом дальнем углу довольно просторной комнаты. – Принимай гостей, два человека.

И, ни слова не говоря, ушел.

«Начальником» госпиталя был молодой человек лет 25. Он внимательно оглядел нас. По кожаному реглану майора, по меховой летной куртке на мне и по окровавленной повязке на моем лице сразу понял, кто мы такие. Молча провел нас в противоположный угол комнаты и сказал:

– Сегодня уже поздно. Все остальное оформим завтра. А пока располагайтесь здесь. И показал нам на две металлические койки.

В комнате, под самым потолком, вполнекала, тускло горела лампочка. На соседних койках, прямо поверх одеял лежали еще два человека с обожженными лицами. Как мы потом узнали, тоже летчики. В комнате было сравнительно тепло, поэтому мы сняли с себя верхнюю одежду, расстелили ее поверх одеял и молча улеглись. Впервые за последние десять дней подо мной была не солома. С утра мы ничего не ели, но голода я не чувствовал. Но и заснуть долго не мог, молча переживая события прошедшего дня. Со смешанным чувством горечи и стыда вспоминал все детали допроса, и все больше склонялся к мысли, что вся наша «легенда» была зряшной и глупой затеей: некоторые детали наших биографий (номер полка, место его базирования) никакой ценности для немецкой разведки не представляли. Но, как говорят в народе, «хорошая мысль приходит опосля». Через все это надо было пройти.

Не спал и майор. Ему, наверное, было еще тяжелее. И только под утро сон все-таки одолел меня.

Утром, довольно рано, нас разбудил «начальник» (его все здесь звали почему-то «фельдшер»). Так будем называть его и мы. Он выдал нам по небольшому полотенцу, наволочки к подушкам и по крохотному кусочку мыла. Я обратил внимание на то, что и полотенца, и наволочки были далеко не белоснежными. Он, перехватив мой взгляд, произнес: «Не удивляйтесь, мыло здесь в дефиците. Но все белье прокипячено и прожарено: немцы опасаются эпидемий». И далее продолжил: «Умывальник у входа направо, там же и бак с водой. Горячей воды нет. Туалет за нашим баракom, у забора. Кормежка два раза в день. Утром немного какой-нибудь каши, или картошка. В обед – похлебка. Хлеба 400 г в день. Немного сахара с чаем по утрам. Скоро все это принесут мои помощники».

Когда немного рассвело, мы с майором разделись и я, впервые со дня пленения, помыл руки и левую, свободную от бинтов, часть лица. В ожидании завтрака я внимательно рассмотрел так называемый «госпиталь» – наше новое жилище. Это была большая, переделанная из складского помещения, комната метров восемь в длину и шесть-семь метров в ширину. Слева, сразу после входа, стояли сплошные двухэтажные деревянные нары. На них, на голых досках, лежал какой-то человек с опухшим и окровавленным лицом. Сердобольный «фельдшер» подстелил ему под голову связку какого-то тряпья. Он рассказал нам, что это тоже пленный. Со своими друзьями по работе они где-то раздобыли немного самогона. Подвыпивши и расхрабрившись, он затеял драку с полицаями. Те и «разукрасили» бедолагу. Взглянув на него, добавил: «Думал, не выживет. Да, нет – очухался. Сам виноват».

Нары продолжались примерно до половины комнаты. За ними стоял небольшой шкаф с постельным бельем и немудреным медицинским оборудованием. В углу комнаты койка самого «фельдшера». Рядом простенький стол, покрытый довольно чистой простыней. На нем медицинское оборудование (если так можно назвать обыкновенные ножницы, пинцет, два маленьких флакончика с йодом и «зеленкой», небольшой рулончик бумажного гофрированного бинта). Рядом табуретка для приема больных.

В некотором отдалении от стола стояли еще две койки для ассистентов. Они ходили за обедом, делали уборку помещения.

Если возникала необходимость, ухаживали за ранеными и больными. В свободное время валялись на постели, читали какие-то затрепанные книжки. Один из них, по фамилии Черепанов (имя не помню), оказался моим земляком – он был из Кишерт. Узнав, что я из Орды, он неподдельно обрадовался. А когда я сказал ему, что в Кишerti бывал не раз, спросил:

– Это когда?

– В 1938- 1939 гг. Мы играли с вами в футбол на первенство области.

– И ты тоже?

– Да. 2:1. Я и вашего главного забойщика хорошо знал – Чирков, черный такой, кудрявый. Хорошо играл. Технично.

– Да, да. Его вся Кишерт знала. Он же капитаном нашей сборной был.

Как ни странно, но эта, совершенно случайная встреча, за тысячи километров от Родины, оказалась для меня полезной... Увидев мой разрезанный сапог и самодельную тросточку, он через пару дней где-то раздобыл мне костыль. А когда нам с майором выдали причитающуюся норму махорки - помог обменять ее на хлеб. По утрам, за завтраком, незаметно подкладывал нам немного каши. Он посоветовал мне из мехового комбинезона сделать шапку, предупредив, что комбинезон немцы или полицаи все равно заберут. Что я и сделал с его помощью из штанов. Куртку пока оставил: зима ведь.

В правом, дальнем углу комнаты у окна, головами к стене, стояли наши койки – майора, моя и двух обожженных летчиков. Позже мы узнали, что один из них – младший лейтенант – истребитель, летал на Як-3, воевал на Кубани. Сбит был не очень давно. Второй стрелок – радист с Пе-2. Сбит под Белгородом еще летом. Все лицо и руки у него были в рубцах. Веки и губы в уголках срослись, и поэтому глаза открывались наполовину, то же было и с губами. Ел он маленькой ложкой, рот открывал не полностью, голову откидывал немного назад и пищу с ложки как бы высыпал прямо в рот. И так каждый раз.

Историю о том, как они попали в этот госпиталь, поведал нам «фельдшер». Привожу ее по памяти с некоторыми сокращениями.

«Радист прибыл к нам уже из другого лагеря. Лицо и руки были у него забинтованы, как у «человека-невидимки» в одном из довоенных фильмов. Напротив глаз и у рта были сделаны отверстия. Я растерялся: под бинтами не было видно человека. Кто он? Старый? Молодой? И что с ним делать? Как лечить? Пригласил врача из главного лагерного госпиталя. Он сказал, что рано или поздно, но бинты все равно придется снимать, поэтому сделать это лучше сейчас. Об этом же просил и летчик. Но, когда я разбинтовал его, то ... ужаснулся: здоровой кожи у него почти не было... было непривычно розовое мясо. На фронте я делал перевязки сотням раненых, но такое увидел впервые. К счастью уже началось рубцевание. Губы и веки начали срастаться. А что дальше? Я ведь не хирург, а всего лишь войсковой санинструктор. Я тогда все «мокрые» места обработал марганцовкой и вновь наложил бинты. Так повторилось раза два. Но вскоре марлевые бинты закончились, бумажные быстро намокали. Пришлось лечить открытым способом. Заживление, по-моему, стало происходить даже быстрее. А истребителя привели позднее. Ожоги у него были послабей, поэтому я не стал его бинтовать».

Обожженных летчиков видел я и раньше, и даже в своем полку, но вот так близко и каждый день – впервые. Зрелище не из приятных.

Вот тогда я и понял, что РАНЫ, КРОВЬ, БОЛЬ и СТРАДАНИЯ – ОДНА ИЗ САМЫХ УЖАСНЫХ СТОРОН ВОЙНЫ...

Не знаю уж, почему, но, глядя на них, я все время пытался представить, какими они были ДО?.. И опять не знаю, почему, но оба они, хотя и по-разному, но представлялись мне только красивыми. Такая же участь постигла одного из летчиков в нашем полку – младшего лейтенанта Балашова. А какой красавец был!

Но больше всего меня поражало то, что оба они, несмотря ни на что, не теряли присутствия духа и даже пытались шутить (а точнее горько шутить). По утрам, когда «фельдшер» «раскрашивал» лицо истребителя марганцовкой, радист произносил:

– Какой ты у нас сегодня красивый...

Тот отшучивался:

– Ты на себя посмотри.

А когда у меня сняли с лица бинты и тоже «раскрасили» зеленой, кто-то из них произнес:

– Еще один красавец появился. Ничего себе, компания подобралась. Но, глядя на них, я стал поменьше «зацикливаться» на своих болячках: все познается в сравнении.

Прошло уже много лет, а я с неистребимой сердечной болью, не исчезающей со временем, вспоминаю те дни моей лагерной эпопеи: наш убогий полутемный «госпиталь», избитого до полусмерти пленного на голых нарах, обгоревших летчиков, «фельдшера», который делал все, что мог, чтобы облегчить страдания людей.

И рад бы забыть все, да НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ... Но вернемся к описанию госпиталя.

За койками летчиков, немного в стороне, стояла еще одна. На ней прямо в пальто лежал пленный, больной туберкулезом. У него было серое одутловатое бескровное лицо. Был он замкнут, целыми днями молчал.

Утром следующего дня, после завтрака «фельдшер» в толстую клеенчатую тетрадь огрызком карандаша кратко записал все мои данные: фамилию, год и место рождения, воинское звание, номер части, должность, когда сбит. Положив тетрадь на тумбочку, спросил:

- Что с лицом?
- Мелкие осколки.
- Глаз видит?
- Не знаю. Вроде, да...
- Когда была последняя перевязка?
- Дня три назад.
- Ну что ж. Приступили.

Он осторожно снял бинты с правого глаза, увидев мое изрешеченное осколками, лицо, откинулся назад и удивленно спросил:

- А почему стекло?

Я кратко рассказал ему суть дела. Он осторожно протер лицо бумажным бинтом, так как крупные раны еще кровили. Усмехнулся. Спросил:

– Что делать будем?

Меня больше всего интересовало зрение, поэтому попросил его промыть мне глаза.

– Это можно.

В обыкновенной алюминиевой чашке он слегка подогрел воду, слегка покрасил ее марганцовкой, и небольшим ватным тампоном осторожно протер мне оба глаза.

– Видишь?

Я поморгал глазами, закрывал ладонью то один, то другой глаз и к своему удивлению и радости обнаружил, что мой правый глаз, хотя и плохо, но видит!!! Не в силах скрыть радость, я сказал «фельдшеру»: «Спасибо!», словно именно он вернул мне зрение.

– Не за что, – ответил он. – Белки глаз красные, но думаю, что со временем это пройдет. А сейчас иди и ложись на свою койку.

Обернувшись, я увидел, что майор стоял сзади и внимательно следил за происходящим. Увидев мое улыбающееся лицо, он тоже слегка улыбнулся. А я, впервые увидев его обоими глазами, как-то враз обнаружил, как он постарел за эти дни. Это было заметно по его седеющей двухнедельной бороде и по легкому седому пушку на лысеющей голове.

«Фельдшер» приготовил раствор марганцовки, вату, пинцет, и, присев на койку майора, приступил к извлечению осколков. Эта процедура оказалась не очень болезненной. Я в шутку назвал ее «извлечение квадратного корня». Не знаю, был ли он знаком с математикой, но шутка ему понравилась.

Все выковырянные осколки он складывал в стакан с марганцовкой. Работа продвигалась успешно, и через полчаса на дне стакана лежало с полдюжины наиболее крупных стеклянных осколков.

– На сегодня хватит: ранки кровоточат. Придется лицо забинтовать. Это уже ... ерунда. Главное я ВИДЕЛ! ВИДЕЛ!

«Извлечением квадратного корня» мы занимались дня четыре. За это время в стакане накопилось 24 крупных стеклянных осколков. С мелкими он возиться не стал. Они, кстати, сохранились у меня и до сегодняшних дней.

К этому времени ранки подсохли и «фельдшер» снял с лица и глаз бинты. Но тут я вспомнил про осколок в ноге.

– Покажи, – попросил он.

Ранка, не более сантиметра, была открытой. Болевые ощущения, особенно при ходьбе, не проходили. «Фельдшер» осторожно прощупал область ранки, смазал ее йодом и, помолчав, сказал:

– За это не берусь. Я не хирург. В лагере есть еще один главный госпиталь, но там скажут это же. А, кроме того, попадать туда я не советую: друзей своих можете порастерять...

Примерно на третий день нашего здесь пребывания в госпиталь вошла молодая красивая статная женщина в гражданской одежде лет 25. Ее сопровождали пожилой мужчина тоже в штатском и полицай. Она поздоровалась с «фельдшером», потом с санитарями. Чувствовалось, что здесь она не впервые. Со словами «Поправляйтесь» положила туберкулезному больному небольшой кулек с яйцами. Увидев нас с майором, обратилась к «фельдшеру»:

– Я вижу, у нас новенькие?

– Да, тоже летчики.

И они все вместе подошли к нашим койкам. Мы с майором оба встали: как-никак женщина. Ничего не понимая, я с удивлением рассматривал эту процессию. Выручил «фельдшер», сказав нам, что это представители городского общества Красного Креста, шефствуют над нашим лагерем.

– Как Вы себя чувствуете? – обратилась она ко мне.

– Ничего, – ответил я, неопределенно пожав плечами.

– Что с ним? – спросила она у «фельдшера».

– Многоосколочное ранение в лицо и осколок в ноге. Немного подживает.

В это время в разговор вмешался Черепанов. Он попросил даму в следующий раз принести нам хоть какое-нибудь зеркало.

– Хорошо, – ответила она и попросила своего помощника, чтоб он взял это на заметку.

И действительно, через день полицай, сопровождавший женщину, принес нам небольшой обломок зеркала.

Современный молодой человек, читающий эти строки, может подумать: «Эка невидаль, зеркало. Стоит ли писать об

этом?». Но для нас, лишенных элементарных удобств, этот факт оказался не просто событием, а событием немаловажным.

Когда они ушли, я спросил у «фельдшера»:

– Часто они приходят сюда?

– Да нет. Примерно раз в месяц.

– А что, принести зеркало раньше было нельзя?

Он долго молчал. Потом произнес:

– Я был против. Опасался вон за них (он кивнул в сторону летчиков). Да и ты еще неизвестно как среагируешь, когда увидишь собственную физиономию...

Самое печальное заключалось в том, что он был почти прав. Оба летчика молча лежали на своих местах и вовсе не спешили взглянуть на то, какими они стали. Глядя на них, не спешил взглянуть на себя и я. Ситуацию разрядил майор. Он спокойно взял зеркало, повернулся лицом к свету, потрогал густую, двухнедельную бороду, и задумчиво произнес:

– Побриться бы. И вопросительно посмотрел на «фельдшера».

«Фельдшер», наводивший в это время некоторый порядок на своем столе, ответил:

– Ножи, бритвы, заточки и другие острые предметы пленным иметь и хранить воспрещается. Можно и карцер схлопотать. Но в лагере есть парикмахерская. Мастер скоро придет в соседний, за стенкой отсек. Я сообщу вам об этом.

Так мы узнали, что за стенкой, рядом с нами находятся тоже летчики, но не требующие лечения.

Я долго не решался взглянуть на себя в зеркало, но любопытство побороло. Дело в том, что я не раз замечал, что все, кто заводил со мной разговор, почему-то избегали смотреть мне прямо в лицо, а отворачивались в сторону. Я полагал, что это из-за бинтов. А сейчас, мельком взглянув в зеркало, я... я не узнал себя: все лицо было в еще не заживших ранках, густо смазанных зеленкой и йодом, а белки глаз были кроваво-красного цвета. Я испугался: а вдруг это навсегда?

«Фельдшер» сидел на своей койке и молча наблюдал эту сцену. Он не был врачом-профессионалом, не был психологом, но был, видимо, не глупым человеком, насмотрелся всего. Видя

мой испуг и замешательство, он все понял, подошел ко мне и произнес:

– Месяца через два-три пройдет, не раньше. Не унывай.

Утешает, наверное. Но поверил.

А обломок зеркала долго еще лежал на столе у «фельдшера», как теперь говорят, неостребованным.

Оба летчика надолго замолчали. Радист уткнулся в подушку. Истребитель, у которого ожоги еще не зарубцевались, лежал на спине и молча глядел в потолок, лишенный и этой возможности уткнуться лицом в подушку и, может быть, утереть непрощенную слезу. На фронте и в плену многие детали быта, казалось бы, мелкие, имели другие единицы измерения. Современному человеку это трудно понять и в это трудно поверить.

В эти дни все свободное время я усиленно осваивал костыль, подаренный мне Черепановым. Кто как, а я отношу его к великим изобретениям человека. С ним я получил возможность более свободного «перемещения в пространстве». Дня два прогуливался по госпиталю, а потом стал выходить на улицу. Бродить по лагерю без надобности было запрещено, но около барака было можно. Тем более что недалеко от нашего барака располагался «туалет», если его можно было так назвать.

Иногда, если не спалось, я вставал пораньше, выходил на улицу и наблюдал процедуру «утреннего развода».

В восемь утра, после завтрака, пленных выводили на утреннюю поверку. Они выстраивались около своего барака в строгую колонну по четыре. Не могу сказать точно, какова была численность пленных в лагере, но, по-моему, не менее тысячи.

Поверку довольно быстро проводили немцы. При этом часто возникали различные конфликтные ситуации: кого-то недо считали, кто-то болел, кто-то симулировал. Конфликты разрешались уже с помощью полицаев. Все это сопровождалось крепкой руганью и различными ссорами.

После поверки пленные расходились по рабочим командам (арбайтс-командо). В большинстве случаев пленные работали за

пределами лагеря. Конвой был смешанный: и немцы, и полицаи. Не знаю точно всех объектов работы, но главнейшие – аэродром и погрузочно-разгрузочные работы на железнодорожной станции. Часть пленных была занята на работах внутри лагеря: баня, уборка территории, кухня, госпиталь, сапожная и пошивочная мастерские, немецкая комендатура.

Дней через пять в лагере с утра начался какой-то переполох: команды не ушли на работу, пленные с худенькими котомками переходили из барака в барак. Немцы и полицаи суматошно сновали из одного барака в другой, постоянно ругались, что-то доказывая друг другу.

Как оказалось, в результате успешного наступления наших войск, немецкое командование было вынуждено ликвидировать лагерь военнопленных в Кировограде. При этом часть пленных прибыла в наш лагерь. Нас это коснулось самым неожиданным образом. Дело в том, что среди прибывших был один квалифицированный врач-хирург. Его поселили в наш барак в отдельную комнатушку. Это был высокий, стройный, с военной выправкой, сидящий мужчина лет 50-ти, с крупными, грубоватыми чертами лица.

Утром следующего дня я поковылял к «отхожему месту» и увидел, как он делал зарядку и даже обтирался снегом. Я был восхищен и даже позавидовал ему. «А ты смог бы так?» – мысленно спросил я себя. Пожалуй, нет. Странно, ему завидую, а сам не могу. Видать, не герой.

После завтрака он был уже у нас. Представился:

– Полковник медицинской службы.

Спросил, кто мы такие? И тут же в сопровождении «фельдшера» подошел к нам. Познакомился с каждым. Поинтересовался жалобами. Дошла очередь и до меня. Увидев меня с разукрашенным лицом (уже без бинтов), вначале даже не понял, что это за чудо?

– Что с ним? – спросил он «фельдшера».

– Многоосколочное ранение со множеством стеклянных осколков. Каждый день выковыривал понемногу.

Увидев мой распоротый сапог, спросил:

– Еще жалобы есть?

– Осколок в голеностопном суставе. Болит, но не заживает и не выходит.

– Рентгена у нас нет, но я могу прощупать ранку специальной иглой. Будет больно, может быть даже очень. Если согласны, можем сделать это прямо сейчас.

После некоторых колебаний я согласился. Он сходил в свой «кабинет», вернулся с длинной стальной иглой с утолщенным, тупым окончанием, наподобие булавы. Я сел на койку майора, положив ногу на свою. Хирург осторожно ввел иглу в рану. Вначале было терпимо, но когда начались поиски осколка, я невольно застонал. Соседи по койкам потом сообщили мне, что даже матерился. Но сам я этого не помню. Вся процедура длилась не более минуты, но мне она показалась вечностью. Когда врач вытащил иглу, я спросил его:

– Ну как?

– Ничего не прощупывается: осколок ушел в голеностоп.

– А что дальше?

– А ничего, найдет там удобное место и останется надолго.

Хирург оказался прав. Лет семь назад я проходил комиссию ВТЭК, и рентген обнаружил осколок в «полном здравии» в «обществе» многочисленных косточек сустава.

Так прожили мы в госпитале уже неделю. И однажды майор попросил меня обращаться к нему не по званию, а по имени Вахтанг. Мало ли что: в лагерях многие жили под псевдонимами. Я все понял без дополнительных объяснений и постарался выполнить его просьбу. И вот однажды я спросил Вахтанга, где сейчас Шпак и Козлов?

– В соседней комнате, за стенкой. Там собрались летчики со всего лагеря. Я уже был там не раз.

В тот же день после обеда мы направились туда. Это была такая же комната как у нас в госпитале. Справа и слева во всю длину комнаты стояли деревянные двухэтажные нары без матрацев и подушек. Между ними, в проходе – большой деревянный стол, на котором была уложена чисто вымытая обеденная посуда и стакан соли. В отличие от госпиталя, здесь было шумно, тепло и по-своему уютно.

В комнате находилось около тридцати человек, преимущественно летчиков. Большинство было уже в гражданской одежде, поэтому я не смог определить у них ни чинов, ни званий... Среди них были и танкисты и даже два моряка.

Многие просто валялись на нарах. Одни читали какие-то потрепанные книжки (представители Красного Креста позаботились об этом). Другие спали, третьи, собравшись в кучки, о чем-то оживленно беседовали или спорили. На одном конце стола человека четыре азартно «резались» в карты, на другом выясняли отношения шахматисты, за игрой которых молча наблюдали болельщики. Вахтанга здесь уже знали, поэтому на нас никто не обратил особого внимания. Подошел Козлов и любезно предложил нам табуретки. На мой вопрос, здесь ли Шпак, ответил:

– Да, вон там в углу. Спит, наверное. Мы с ним почему-то мало общаемся.

Вскоре к нам подошел еще один из обитателей комнаты. Коротко поприветствовал Вахтанга: «Здравия желаю». Я сразу обратил внимание на то, что он тоже не назвал его звание. Это был невысокий коренастый парень лет 25-ти с открытым русским лицом. Придвинув свободную табуретку, уселся рядом. Вахтанг был с ним, очевидно, знаком, и представил его мне:

– Это Павел.

В комнате его все звали «Пашка», на что он нисколько не обижался.

Немного поговорив, мы вернулись в свой госпиталь, и там Вахтанг поведал мне весьма драматическую историю про этого Павла.

История эта такова.

Павел был пилотом офицера связи одного из штабов нашего фронта. Офицером связи была женщина майор Мария Ситник. В их распоряжении был старенький самолет У-2, конструкции Поликарпова. («Небесный тихоход» – так ласково называли его летчики). Один раз им поручили отвезти секретные материалы в штаб одного воинского подразделения в прифронтовой полосе. Представители этого подразделения должны были встретить их на одном из полевых аэродромов, недалеко от фронта. Но, пока они летели, обстановка на этом участке фронта резко изменилась, и аэродром был захвачен немцами.

Далее рассказ Павла я привожу со слов майора:

– Немцы каким-то образом (очевидно, от служащих порта) узнали о нашем прибытии и поджидали нас. А мы, как обычно, сделали посадку, но немного удивились, что нас никто не встречает. Но вскоре из здания порта вышел какой-то служащий в гражданской одежде и знаками показал нам, чтоб мы подрулили к зданию порта, что я и сделал, но мотор не выключил, а оставил его на малых оборотах. Мы с майоршей (так звал ее Павел в обиходе) осторожно подошли к нему. Он встретил нас спокойно, козырнул, поздравил с удачным прибытием. Кивком головы поздоровался со мной и крепко, за руку, с майоршей. В это время из здания порта выскочило несколько немцев в военной форме. Они быстро скрутили нам руки и увели в здание порта. Ситник не успела опомниться, как ее планшет был уже в руках захватчиков. Все было сделано быстро и четко. Я даже не сразу понял, что мы находимся в плену. Нас обезоружили, надели наручники, затолкали в какую-то машину и под усиленным конвоем привезли в Умань. Майоршу долго допрашивали, меня – нет. Сидел в какой-то комнате. Вечером того же дня были уже здесь, в лагере.

Первое время Ситник жила здесь же, со всеми. Позже ее перевели в отдельную комнату.

Немцы сразу же стали ее усиленно «обрабатывать». Дали понять, что за утрату секретных материалов, попавших в руки немецкого командования, у своих ей «не поздоровится»... Ее сравнительно хорошо кормили. Устроили свидание с детьми и матерью, которые, как оказалось, жили недалеко отсюда – в Кировограде. Надо отдать должное, баба она боевая. С немцами вела себя мужественно, даже дерзко.

Через несколько дней их обоих увели в комендатуру и куда-то отправили.

С Павлом мы встретились примерно через месяц совсем в ином месте. Но это уже другая история.

А время шло. Вот уже полторы недели как мы в госпитале. Стал привычным распорядок дня, лечебные процедуры. Плохо ли, хорошо ли лечили меня, но бинты с лица уже сняты, ранки стали подживать, зрение немного улучшилось. По совету хирурга

я с костылем почти каждый день гулял на улице по морозному воздуху, «расхаживая» раненую ногу. Мы подружились с обгоревшими летчиками, узнали обстоятельства их пленения. Узнали, что нашего «фельдшера» зовут Федором. А вот фамилию не помню.

По вечерам, после ужина ко мне на койку частенько подсаживался Черепанов. И мы с удовольствием вспоминали наш родной и такой далекий Урал с его быстрыми реками и бесподобно красивыми скалистыми берегами, Каму, Сылву, Чусовую, необъятную ширь лесов на холмистых взгорьях, Кунгурскую пещеру ну и, конечно, футбольные встречи. Казалось, что все это было давным-давно, в далеком невозвратном прошлом. Я только тогда понял, сколь прекрасна моя Родина. Увижу ли ее когда-нибудь???

Забегая вперед, должен сказать, что лагерь, в котором мы находились, слыл довольно либеральным. Городское общество Красного Креста как могло, помогало больным и раненым. Те из пленных, что работали за проволокой, имели отлаженные связи с городским населением. Трудившиеся на погрузочных работах подворовывали кое-что из продуктов. Среди пленных были мастера по различным поделкам: рамки к фото, кухонная утварь и прочее. Все это сбывали горожанам преимущественно за продукты. Особым авторитетом пользовались художники. Они делали увеличенные карандашные рисунки с семейных фото. К ним обращались и немцы из лагерной комендатуры, делая заказы для себя.

По выходным в городе шумела барахолка, где горожане за бесценок продавали различный домашний скарб или обменивали его на продукты, которые иногда привозили крестьяне из окрестных деревень.

Только не надо путать Уманский лагерь с печально известными Уманскими ямами. Они существовали в начале войны на месте выработанных не то песчаных, не то еще каких-то карьеров. В них немцы сгоняли (другого слова не нахожу) десятки тысяч наших пленных. В карьерах не было ни жилья, ни больниц, ни пунктов приема пищи... Одним словом ничего! Охрана по периметру. За малейшую попытку к бегству – огонь без предупреждения. Пленные гибли сотнями от ран, болезней и голода. Точно не знаю, до какого времени просуществовали эти «ямы». Наверное, до зимы 1942 года.

Следует также иметь в виду, что на рубеже 1943-1944 гг. и обстановка на фронтах изменилась в нашу пользу, да и немец стал не ТОТ. Прозрел! Отсюда и было некоторое послабление лагерного режима.

Конечно, лагерь, есть лагерь: полуголодное существование, забор, колючка, часовые на вышках, специфический, ни с чем не сравнимый запах переполненных барачков – все это действовало на человека удручающе. Но более спокойное существование в госпитале настраивало нас на некоторую умиротворенность что ли. Стало казаться, что так и будет неопределенно долго... Но судьба готовила нам новые испытания. Все случилось внезапно. Однажды в госпиталь с утра, после завтрака, пришел полицай и, обращаясь ко мне и Вахтангу, приказал одеться. На вопрос «Зачем?» ответил:

– Вас переведут в другой лагерь.

– Куда?

– Не знаю.

Мы стали неспешно собираться. Жаль, что не удалось подлечиться более основательно, что костыль (единственное богатство госпиталя) придется оставить. Пока полицай о чем-то беседовал с «фельдшером», Черепанов успел шепнуть мне, чтоб я ничего лишнего с собой не брал: будет «шмон». Знал, видно, хитрец, что у меня есть небольшой кинжальчик, сделанный мною из самолетной «ленты расчалки», с наборной пластиковой рукояткой. Я хранил его в складках куртки. Жаль, конечно, но пришлось и с ним расстаться, я сунул его незаметно под подушку.

Уходя, мы попрощались с «фельдшером», поблагодарив его за лечение, с санитарями, с летчиками, пожелав им скорейшего выздоровления и благополучного возвращения на Большую Землю – так называли мы Родину.

«Фельдшер» и санитары вышли с нами на улицу. Около барака, в виде некоего подобия колонны, уже стояли обитатели соседнего барака. Мы пристроились в хвосте. Полицай привел нас на плац. Там нас быстро построили по одному в ряд, велели снять

верхнюю одежду и положить ее рядом на снег. Немецкие «шакалы» быстро и тщательно обыскали и нас, и лежащую рядом одежду. Нас построили в колонну по четыре и под усиленным конвоем немецких солдат вывели за ворота.

Прощай, Умань. Спасибо тебе за то, что, хотя и не очень, но была ты к нам все-таки благосклонна и кой-чему научила.

Больше всего я боялся, что немцы погонят нас быстро и мне, с самодельной тросточкой, без костыля, идти будет трудно. Но ребята, шедшие во главе колонны, не спешили: всем хотелось побольше побыть «на воле», хотя и под конвоем, но не в душном бараке и не «за колючкой». Да и день выдался замечательный: солнце и слабый морозец. Кроме того, «хромоногих», кроме меня, в колонне было еще двое. Конвой тоже не торопил нас. Оказалось также, что железнодорожный вокзал был недалеко от лагеря и мы, минуя оживленные городские улицы, сравнительно быстро дошли до цели.

Размышления

За вокзалом, в тупике, стояло несколько товарных вагонов-теплушек и один пассажирский. Нас привели к ним. Около теплушек стояла группа немецких солдат (человек 12). Недалеко от них группа легионеров, все в немецкой форме (человек 8). И те, и другие вооружены. Эта была наша охрана в пути. Конвой построил нас в колонну по два, всех пересчитал, передал списки и другие бумаги нашему новому начальнику (фельдфебелю) и удалился восвояси. Мы изучающе посматривали на охранников, они настороженно – на нас.

Здесь я должен сделать небольшое отступление. Дело в том, что в немецкой армии существовал закон, согласно которому солдатам и офицерам, пробывшим на фронте не менее двух лет без перерыва, давали отпуск домой на две недели. Вот эти отпускники и должны были везти нас к месту назначения. В случае побега кого-либо из пленных отпуск отменялся.

Более сложным является вопрос о легионерах. В легионы шли те, кто в той или иной мере пострадал от «Советов»: раскулаченные, репрессированные, кто не верил в победу нашей армии и активно сотрудничал с немцами. Отрицательную роль сыграла

также и насильственная коллективизация, неуважительное отношение к чувствам верующих. Кроме того, некоторые регионы бывшего СССР (Западная Украина, Прибалтика) издавна больше тяготели к Западу, чем к России. Это наблюдается и в наше время. Имели место угрозы и различные меры принуждения со стороны немецких служб. Вспомним уже описанную ранее историю с М. Ситник. Формирование легионов происходило преимущественно по национальному признаку: выходцы из среднеазиатских республик, бандеровцы из Западной Украины, прибалты. Все они ратовали как бы за свою национальную независимость и за свою веру. Но, не обладая достаточным материальным, техническим и боевым обеспечением, фактически оказались в составе немецкой армии. Немцы использовали их в различных охранных подразделениях. Но, как стало известно, уже в наше время, например, прибалты служили в немецких подразделениях СС. И украинские, и прибалтийские националисты ненавидели Советскую власть и зачастую использовались немцами в карательных органах. Говорят, отличались особой жестокостью.

После войны многие из них, главным образом командование, были осуждены нашими органами за измену Родине и отбывали наказание в лагерях и поселениях ГУЛАГА, в том числе в Пермской области. Так, например, эстонцы были высланы в п. Приисковая (верховья Вишеры). Работали на лесоповале, без конвоя. В поселке был магазин, пекарня, баня, медпункт. Жили не в бараках, а в небольших домиках. У некоторых были даже приусадебные участки. Это поощрялось, так как сокращались расходы на их содержание. Связь с большой землей (почта, телеграф) осуществлялась через крупное село и леспромхоз Вая.

В п. Верхняя Язьва и Федорцово «мотали срок» украинские и русские бывшие легионеры и полицаи. Летом трудились на лесосплаве, зимой – на лесоповале совместно с нашими рабочими. Получали зарплату, но еженедельно отмечались в комендатуре.

Часть наиболее ярких националистов прошла через печально известный «особо режимный» лагерь №36 у деревни Кучино, близ города Чусового. Сейчас это музей «Пермь-36».

В настоящее время, когда история переворачивается «с ног на голову», все они, кто еще жив, провозглашают себя истинными борцами за независимость своей родины при прямом попустительстве властей. Вспомним совсем недавние события с памятником русскому солдату в Таллине. А бывшие бандеровцы свободно маршируют по улицам Киева. А нас, русских, вынесших на своих плечах все тяготы войны, ценой миллионов человеческих жертв освободивших и Украину, и Прибалтику, даровавших народам этих республик свободу, в том числе и свободу волеизъявления, начинают называть оккупантами. Горько, больно, обидно и несправедливо сознавать это, поэтому молчать не могу. Где-то на задворках сознания, как муха о стекло, непрерывно бьется одна навязчивая мысль: «За что боролись?».

В последнее время многие крупные эпизоды войны обогащаются новыми фактами, свидетельствующими о том, какой дорогой ценой достигались наши победы над врагом. В этом плане я бы порекомендовал (кто еще не читал) прочесть книгу В. Астафьева «Прокляты и убиты». Книга повествует о форсировании Днепра осенью 1943 года. Еще недавно мы бодро распевали: «Кто погиб за Днепр, будет жить в веках»... В каких веках? Уже через 60 лет все забыто. Неизменным остается только одно: ГЕРОИЗМ, СТОЙКОСТЬ И ПРИ ЭТОМ СКРОМНОСТЬ РУССКОГО СОЛДАТА, ЕГО ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ.

В подтверждение своих слов приведу еще один случай, свидетелем которого я был уже после войны, осенью 1946 года. В то время я служил в 293-м гвардейском, много раз награжденном стрелковом полку в должности писаря. Полк располагался в г. Слуцке (Белоруссия). В начале сентября в окрестностях Слуцка, у д. Малиновки в полку были запланированы штабные учения в условиях, «приближенных к боевой обстановке». Нас, писарей, по такому случаю прикрепили к начальникам штабных служб: разведка, связь, оперативный отдел и др. Меня назначили в помощь инженеру полка капитану (фамилию не помню). Жили мы у одной бабульки.

Накануне начала учений, уже поздно вечером, капитан приходит к нам и с ходу обращается ко мне:

– Писарь, к завтрашнему утру надо срочно подготовить документацию на переправу и форсирование реки Случь.

– Товарищ капитан, но это Ваша забота... При чем тут я? Не обращая внимание на мои возражения, он продолжил:

– Дело в том, что весь этот материал надо привязать к местности и нанести на карту. А я в картах не разбираюсь. По специальности я строитель.

Ни слова не говоря, он положил мне на стол сверток топографических карт, чистую бумагу, цветные карандаши и ушел. Вот оно!!!

Хорошо, что это были только ученья. А если б в боевой обстановке? Началось бы скоропалительное, без всякой подготовки, под огнем противника и под крепкую матерщину командиров, форсирование этой небольшой, но все-таки водной преграды! Сколько наших солдатиков, особенно тех, кто не умеет плавать, понесло бы вниз по течению. Так оно и было за всю войну, наверное, тысячекратно!

Ничего не поделаешь. Приказ надо выполнять. Я просидел над заданием всю ночь. На карте с трудом подыскал место переправы. Не поленился, сходил, осмотрел его «в натуре». При этом обнаружилось, что прибрежная часть поймы речки была заболочена метров 20-30. Для преодоления болота пришлось спроектировать небольшую гать в два слоя бревен (на случай, если форсирование будет происходить с участием тяжелой техники). Рассчитал (честно говоря, весьма приблизительно) необходимое количество бревен. Так как крупного строевого леса поблизости не росло, то я предложил «разобрать» стоящую неподалеку ферму бывшего колхоза. Примерно рассчитал необходимое для этого количество скоб, гвоздей и пр. Не забыл указать и объем земляных работ.

Вот где мне пригодились знания, полученные во время учебы в ЧВАУ по курсу «Картография» и «Тактика земного боя». Уже который раз убедился в том, что ЗНАНИЯ, ПРИОБРЕТЕННЫЕ ГДЕ-ЛИБО И КОГДА-ЛИБО, НИКОГДА НЕ ПРОПАДАЮТ ЗРЯ!!! (Хороший урок для студенчества).

На следующий день карты, расчеты и все прочее я передал инженеру. В деликатной форме попросил его познакомиться с этим материалом: вдруг что-нибудь спросят, или ошибка обнаружится.

Учения инспектировал командир нашей дивизии генерал-майор, интеллигентный плотный седой мужчина, лет 60-ти. Он собрал командование полка и подвел итоги «учениям», отметив хорошую работу разведки, связи, и даже саперов под командованием инженера полка... ха-ха. А далее началась довольно жесткая критика командиров оперативного отдела, руководивших «боем». Обращаясь к ним, он спросил:

– Кто из вас может продемонстрировать технику рукопашного боя?

В ответ молчание.

– Я так и знал.

Генерал снял шинель, расстегнул пару пуговиц на кителе, попросил принести ему винтовку, прикрепил к ней штык и на глазах у изумленного штаба продемонстрировал, как надо владеть штыком, прикладом, руками и головой. Слегка запыхавшись, сказал:

– Война – искусство, им тоже надо владеть, а не кричать: «Ура, Ура!!!».

Кто-то из штабников произнес:

– Товарищ генерал, но ведь войну-то мы все-таки выиграли.

Генерал вспыхнул:

– Кто, это МЫ? НЕ МЫ, А ВОН ОНИ. И указал на роту солдат, стоящих невдалеке и, помолчав, добавил – ГОРБОМ СВОИМ И БЕЗ НАДЛЕЖАЩЕЙ ВЫУЧКИ.

Заметьте, дорогой читатель, это сказал генерал, с боями прошедший всю войну. В тот раз, по молодости лет, я как-то пропустил его слова мимо ушей. И только теперь начинаю понимать их глубокий смысл и справедливость. Не в этом ли кроется одна из причин, в результате которой мы потеряли в ту войну 27 млн. человек?

Прощай, Родина

Но пора вернуться к нашим теплушкам. Начальником охраны был фельдфебель. Уже пожилой, небольшого роста, немного суетливый, но энергичный. Он построил нас в колонну по два и на ломаном русском языке произнес речь примерно следующего содержания: «Для вас война окончена. Мы привезем вас к новому

месту назначения. Куда? Я пока не знаю. Дорогой будете находиться в этих двух вагонах. В каждом вагоне есть печка. Один раз в сутки будет обед. В пути вагоны будут охраняться вот ими (он кивнул головой в сторону легионеров). Я надеюсь на ваше благоразумие и надеюсь, что мы доедем до места назначения без происшествий».

Нас было 37 человек. Он разрешил нам разделиться примерно поровну. Все это происходило под усиленной охраной и немцев, и легионеров. Мы с майором решили не расставаться и оказались в одной группе. Козлов и Шпак – в другой.

В составе поезда было шесть вагонов. В голове – пассажирский. В нем охрана, связь, кухня и случайные попутчики. Две теплушки с пленными и три обычных грузовых вагона, но с крытыми тамбурами для легионеров. Таким образом, наши вагоны были разъединены, и каждый охранялся с двух сторон легионерами. Они охраняли нас во время движения, немцы – на остановках.

На боковой стенке нашего вагона была широкая подвижная (на роликах) дверь. Закрывалась дверь при помощи двух жестких металлических петель, расположенных как в нижней (угловой) части двери, так и (синхронно) на стенке вагона. Закрывал дверь обычно фельдфебель. У него же хранился и ключ от замка. Ниже проема, во всю длину, была узенькая ступенька, облегчающая вход и выход из вагона. Пишу об этом подробно, потому, что эти обстоятельства окажутся решающими в развитии дальнейших событий.

И вот мы в вагоне. На полу тонкий слой соломы не первой свежести. В центре, напротив двери, – чугунная печка, прикрепленная к полу. Небольшая связка дров и ведро с брикетом (прессованная, в виде кусочков мыла, угольная крошка). На боковых стенках, почти под потолком, узенькие незастекленные окошки.

Первое время мы бестолково слонялись по вагону, осмотрели печку, дрова, ощупали стенки вагона «на прочность». По одиначке и под конвоем «справили нужду» и дверь закрылась. Сразу стало сумрачно: свет проникал в вагон только через окошечки сверху. Все молчали. Каждый чувствовал и понимал, что это последние минуты, когда мы, хотя и под конвоем и в телячьем ва-

гоне, но на своей земле. Какое это оказывается сильное и глубокое чувство – РОДИНА! А что впереди? Новый лагерь, колючая проволока, часовые на вышках, жиденькая баланда, но на ЧУЖБИНЕ! Почти, как в известной песенке П. Лещенко «Я в далеком походе теперь, на чужой стороне». Оказывается, что чужбина – это тоже сильное чувство, только с обратным знаком.

Неожиданно вагон тронулся с места, вначале назад, потом, постепенно набирая скорость, – вперед. Кто-то произнес: «Прощай, Родина». Вскоре стали привычными и стук колес, и редкие гудки паровоза. Как ни странно, но это успокаивало.

В открытые окна задувал холодный воздух. Пора было подумать о тепле. Несколько человек уже копошились у печки. Ни лучины, ни щепок в вагоне не было. Пришлось воспользоваться соломой. Не без труда, но печку удалось растопить. А окна завесили различным тряпьем. В вагоне стало уютно, а у печки сразу же сгруппировалась чуть не половина обитателей вагона.

Под потолком неожиданно для нас загорелась электрическая лампочка. Свет не ахти, тусклый, но все же. И стало ясно, что мы в этом вагоне не первые. Об этом же говорила и изрядно помятая солома на полу. Впрочем, подобный метод перевозки «живой силы» в военное время практиковался чуть ли не во всем мире. Вспомним, как ехали наши девушки из Чапаевска в Глубокую.

Ни я, ни Вахтанг в этих хлопотах участия не принимали. Я – по причине своей инвалидности, Вахтанг – по старшинству. Я обратил внимание на то, что люди работали почти молча, без шуток и командирских указок. Мы все еще мысленно прощались с Родиной. Впереди неизвестность. А, кроме того, мы еще не успели познакомиться: лагерные связи распались, новые еще не оформились, лидеры не определились.

Вахтанг ни в лагере, ни здесь, ни в будущем не пытался как-либо и чем-либо выделить себя. Остальные ни ко мне, ни к нему ни с какими вопросами не обращались. Друг другу в душу старались не влезать. Таков был неписанный закон лагерей. Казалось бы, что в данной ситуации люди одинаковой судьбы должны были легко сближаться, но я этого пока не замечал.

Часов у нас ни у кого не было, но в дверные и оконные щели было видно, что на дворе уже сумерки. Пора было подумать о ночлеге. Я больше всего опасался того, что в ночной полутьме мне кто-нибудь наступит на больную ногу, поэтому уговорил Вахтанга улечься на сон в углу вагона, где практически никто не ходит. От холода меня спасала меховая куртка, оставшаяся от комбинезона, а Вахтанга – короткая меховая поддевка под регланом. А моя меховая шапка, которую я смастерил еще в госпитале, оказалась хорошей подушкой. Мы немного подгрести под себя солому и крепко прижались друг к другу, улеглись на сон грядущий. Конечно, то полудремотное состояние, в котором мы все находились, вряд ли можно назвать сном: вагон неистово трясло, он грохотал на стрелках и стыках рельсов, а паровоз почему-то очень часто гудел. Честно говоря, и в современном вагоне не всегда хорошо спится, а уж про телячий и говорить не приходится.

Утром, когда дали свет, я увидел, что многие из обитателей вагона, кто не имел теплой одежды, в беспорядке валялись на полу, скорчившись от холода. Другие, как и мы, дремали, обнявшись, третьи просто сидели на полу, прислонившись к стенке вагона. Постепенно все просыпались. Началась ходьба, приглушенные разговоры. Кто-то пытался растопить печку: в ней еще с вечера осталось несколько тлеющих угольков. Промерзшие за ночь люди жались к ней. Стало ясно, что наше спасение от холода – она.

Наконец, поезд остановился. Послышалась немецкая речь, звук открываемого замка и фельдфебель распахнул дверь. Вагон сразу наполнился свежим морозным воздухом. Перед дверью полукругом стояли немецкие охранники с ружьями «наперевес». Их было человек шесть. Состав стоял на одном из запасных путей какой-то небольшой станции. За пустынным перроном широкое заснеженное поле. За ним небольшая деревушка, дымок из трубы... Кто там, в этих домиках? Как и чем они живут? Вроде, такая мирная картина, если б... если б не настороженные глаза охранников и их пальцы на спусковом крючке.

Фельдфебель встал на подножку вагона, зорко оглядел его внутренность и произнес: «Шайзен, писсен, фюр айн, цвай манн»

(в туалет по одному, по два). Никакого туалета, как такового, конечно, не было. Все осуществлялось на открытом пространстве. Два-три охранника деликатно в сторонке о чем-то вполголоса разговаривали. Было заметно, что они тоже чувствовали себя неловко: не профессионалы. Второй вагон с нашими друзьями был закрыт. Разговаривать с ними фельдфебель запретил. Но поискать каких-нибудь дровишек для печки все-таки разрешил: «Абернихт цу вайт» (но не уходить далеко). Поиски увенчались успехом: мы нашли несколько старых ящиков и полусгнившую шпалу. Не без труда втолкнули ее в вагон: как-никак сиденье. С этого дня дрова для нашей печки стали предметом наших постоянных забот на всех остановках. Это позволило поддерживать маломальски сносную температуру в вагоне.

Попытки узнать у охранников, куда нас везут, успехов не дали.

В вагоне мы первым делом уложили шпалу рядом с печкой. Вскоре появились и другие сидячие приспособления, и площадка вокруг печки стала нашим «кубриком», а может и «вече».

После утренней «оправки» все разбрелись по вагону... Одни грелись у печки и травили разные байки, другие, собравшись в кучку, о чем-то негромко беседовали, остальные дремали на соломе.

В полдень послышался звук открываемой двери. Полукруг охранников, фельдфебель в проеме. Став на приступку, он спросил: «Кто у вас шеф?». Шефа у нас пока еще не было, но мы тут же избрали одного из наиболее авторитетных обитателей вагона, которого все называли Иван Сталинский (о нем позже). Фельдфебель поставил на пол ведро с обедом. Это было нечто среднее между супом и кашей из плохо ободранной овсянки... Рядом, в картонных коробках лежали дюралевые глубокие чашки и уже нарезанные кусочки черного хлеба по 250 г. Еще 100 г фельдфебель обещал выдать вечером к чаю. Иван Сталинский (как-никак шеф) тут же подобрал себе помощников. Они быстро раздали голодному люду чашки, ложки, хлеб. Осторожно, как бы не просчитаться, разлили по чашкам варево. Одни тут же расправились со своей порцией, другие ели задумчиво, не спеша, а некоторые даже подогревали обед на печке. Какой разный народ!

Через полчаса все было закончено. Фельдфебель и двое его помощников из охраны все собрали в ведро и унесли в пассажир-

ский вагон. Охранники закрыли дверь, машинист поезда дал протяжный гудок, застучали колеса вагона, под потолком загорелась лампочка. Едем дальше.

Разумеется, что поварешка безвкусной похлебки и кусочек хлеба не утолили в нас чувство голода, которое, постепенно усиливаясь, стало постоянным спутником нашей жизни. Тем ни менее, по русскому обычаю, после обеда многие улеглись подремать. Другие грелись у печки, третьи, примостившись под лампочкой, читали какие-то затрепанные книжки.

Вечером, еще засветло, нам действительно принесли чай, а точнее жиденький горьковатый напиток из ячменного кофе, слегка подслащенный сахаром. Кстати, такой кофе был очень распространенным напитком в Германии военного времени.

Таким, или приблизительно таким, был установлен нам распорядок дня. Поезд шел медленно, подолгу стоял на полустанках, пропуская встречные поезда. Стало ясно, что путь-дорога наша будет длинной.

Настало время познакомить читателя с обитателями вагона. Кто мы? Что мы? О чем думаем? Как ведем себя в этой непростой ситуации?

Кто мы?

Сначала мне казалось, что раз мы все – летчики, примерно одного возраста, одинаковой судьбы, то и мыслить, и чувствовать, и вести себя в той ситуации должны примерно одинаково. Но вскоре стало ясно, что все мы совершенно разные. Не говоря уже о том, что и выглядели по-разному. Одни были уже в гражданской одежде, другие в темно-зеленых, не то румынских, не то венгерских шинелях тонкого сукна, некоторые, вроде нас с Вахтангом, еще не успели проститься с нашим летным обмундированием. Приведу краткую характеристику некоторых обитателей вагона, из тех, кто мне больше запомнился.

1. Картежники. Их было четверо. Все небольшого роста, коренастые, с типично русскими лицами, в гражданской одежде «с чужого плеча». До Умани они побывали в других лагерях. Не знаю ни их воинских званий, ни обстоятельств пленения. Каждое утро слегка сполоснувшись чуть теплой водой из чайника, они

садились играть в карты. Играли азартно, часто спорили. Иногда слышалось: «Куда шестерку затырил, паразит такой...». С остальными обитателями вагона не общались. Время от времени, собравшись в кучку, о чем-то вполголоса беседовали. Но через час-два снова садились за карты. В вагоне, никого не выделяя, их так и называли «картежники».

2. Два Ивана. Они сразу оказались в центре внимания. Общим было уже за 30. Оба офицеры. Одного звали Иван Сталинский (он был родом из города Сталино, ныне Донецк). Небольшого роста, плотного телосложения, острижен под машинку. Другой – Иван Кировоградский (родиной из Кировограда) – штурман с Пе-2. Выше среднего роста, стройный, подтянутый. Говорил с заметным украинским акцентом. Держались вместе. Оба были заядлыми спорщиками.

3. Костя Пильчук. Стрелок-радист с Пе-2. Высокий, пружинистый, с мелкими, как у ребенка, чертами лица. В интеллектуальном отношении был, мягко говоря, слабоват, но отличался исключительной храбростью. Она была у него врожденной. Иногда он вмешивался в различные политические разговоры и с горечью возмущался: «Болтуны вы все. Не о том надо сейчас думать».

– А о чем? – кто-нибудь спрашивал его. Он резко вставал с места и, показывая на дверь вагона, добавлял:

– О свободе. О воле. О Родине. И кивал головой в сторону двери.

Вскоре мы с ним встретимся при более драматических обстоятельствах.

4. Генрих. Обрусевший немец, родиной из Карагандинской области. Был он уже не молод. Лицом больше походил на таджика, чем на немца. Черные волосы с проседью. До войны работал радистом в своем селе на почте. Был женат на казашке. Чтоб немного подзаработать, он с женой завербовался на север в Заполярье. Вначале на три года, но проработали там девять лет. Перед войной срок контракта закончился, и они вернулись обратно. В 40-м году – армия. Поначалу служил радистом в каком-то авиационном подразделении, а в начале войны, изучив авиационный скорострельный пулемет (ШКАС), стал летать стрелком-

радиостом на Пе-2. В один из боевых вылетов их самолет был подбит зенитной артиллерией. Ему удалось выпрыгнуть с парашютом, пилот и штурман погибли.

От нечего делать я брал у него уроки немецкого. Постепенно и незаметно мы с ним подружились. Хотя был он не очень общительным, и разговаривал со мной неохотно. И только когда я заводил с ним разговор об Арктике, заметно оживлялся. С восторгом вспоминал северные сияния. Белых медведей, кстати, не любил, называл их обжорами и нахалами.

Генрих был заядлым курильщиком, и поэтому очень страдал не столько от недоедания, сколько от недостатка курева. И когда немцы выдали нам по пачке махорки на двоих, я без колебаний отдал ему свою порцию. В ответ, не раздумывая, он отдал мне свою дневную пайку хлеба.

На допросах после пленения, немцы предлагали ему службу в их армии или в гражданской авиации, но он наотрез отказался.

5. Сибиряк. Младший-лейтенант летчик-истребитель с Ла-5. Самая загадочная личность в нашем вагоне. Выше среднего роста, стройный, с приветливым русским лицом, родиной из Сибири. Был он молчалив, не общителен и постоянно о чем-то сосредоточенно думал. Место ночлега у него было в противоположном от нас с майором углу вагона. По утрам он просыпался раньше нас, и когда мы вставали, неизменно приветствовал нас словами «С добрым утром», что у нас было совершенно не принято. Может быть, поэтому я относился к нему с большим уважением. Окружающие, с некоторой долей снисходительности, но тоже уважительно называли его то «мудрецом», то «мыслителем», то «философом». Он не обижался. Прошло несколько дней, и он стал центральной фигурой нашего общества.

Постепенно налаживались новые связи. Наиболее характерными особенностями нашего быта в первое время были бесконечные ностальгические воспоминания о Родине, о далеком прошлом, обо всем, что было с ней связано.

Разбившись на отдельные группочки (по интересам), люди говорили о самом разном. Рыбаки выясняли вопрос о том, чем отличается наша северная сорога от астраханской воблы, и что

является наилучшей наживкой на окуня. Охотники сравнивали достоинства тульской двустволки и немецкого Винчестера. Те, что постарше, делились воспоминаниями о своих, теперь уже бесконечно далеких семьях. Ну, и что греха таить, не обходили вниманием женщин... со всеми пикантными подробностями.

Но наиболее оживленные, а порой и яростные споры, возникали при обсуждении некоторых политических вопросов: национализм, коллективизация, патриотизм и героизм русского народа, о причинах поражения нашей армии в первые месяцы войны, о легионерах и Власове. Разговоры на эти темы заводили обычно два Ивана. Начинали они мирно, но в случае разногласий страсти быстро разгорались. В спор включались и остальные обитатели вагона, и через час-два, разделившись на небольшие группы, спорщики что-то горячо доказывали друг другу. В вагоне стоял большой шум, в котором уже невозможно найти истину. В этих спорах ни я, ни Вахтанг участия не принимали. Я по молодости лет боялся «ляпнуть» что-либо несуразное. Но горячую полемику спорщиков слушал с интересом. Много было для меня неожиданным и новым. Не скованные рамками нашей официальной пропаганды того времени здесь люди часто выражали свои мысли и мнения «открытым текстом». Не здесь ли и не в таких ли условиях зарождались первые ростки демократии, которые махровым цветом расцвели в наше время? А некоторые «сдвиги» в моем сознании наметились именно здесь, это бесспорно.

Но Вахтанг оставался для меня загадкой. Я видел, как внимательно он слушал спорщиков. Видно было, что он усиленно осмысливал происходящее, но сам в споры не вступал: осторожничал, наверное. А может быть, дело заключалось в том, что он не был профессиональным политработником. В нашем полку вся текущая партийная и комсомольская работа осуществлялась штатным секретарем парткома Петраковым. И поэтому содержание споров, и мнение спорщиков было для него таким же новым, как и для меня. Мне очень хотелось вызвать его на откровенный разговор на эту тему, но что-то удерживало.

А вскоре дискуссии на политические темы стали приобретать не шуточные обороты. Произошло это примерно на третий-

четвертый день нашего путешествия. После «сытного» обеда, когда охрана закрыла вагон, а под потолком загорелась лампочка, состав тронулся с места. Иван Сталинский (далее Иван) обратился к Сибиряку с вопросом:

– Эй, Сибиряк, чего дрыхнешь в своем углу как сурок. Подь сюда, вопрос есть.

Тот неохотно поднялся с трухлявой соломы, не спеша, даже с некоторым достоинством, подошел к печке, где его поджидал Иван. Ребята освободили ему место на шпале. Он уселся рядом. Разговор между ними продолжался долго, но я приведу его отдельные, наиболее существенные фрагменты.

Иван продолжал:

– Вот еще в лагере ты как-то сказал мне, что отрицательно относишься к революционным переворотам. Значит, ты отрицаешь прогресс в развитии человеческого общества?

– Не совсем так, – ответил Сибиряк. Еще в школе я хорошо проштудировал «Краткий курс истории ВКП (б)», по которому мы все учились. И хорошо помню, что всякое человеческое в историческом плане не стоит па месте. Рано или поздно в его развитии наступает конфликт между старыми и новыми устоями жизни. И если конфликт становится тормозом в развитии этого общества, то он устраняется насильственно, то есть революционным путем. Помните по «Краткому курсу», как на смену первобытному обществу приходит рабовладельческое, его сменяет феодализм (в России крепостничество), далее капитализм и социализм.

– Ага! Значит признаешь?

– Да, признаю: таковы законы развития человеческого общества. Но не оправдываю: это разные вещи...

– Не-е-е понял...

Как это бывало уже не раз, к спорщикам стали подсобирываться окружающие: еще бы, интересно послушать контрреволюционера, да и посмотреть на него. А Сибиряк, тщательно подбирая слова, продолжал:

– По Марксу, всякие революционные преобразования – это, в конечном итоге, борьба за власть. Но дело в том, что народ, при

участии которого осуществляется эта борьба, мало что при этом приобретает. Разве что некоторые политические привилегии. Это во-первых. А во-вторых...

– Стоп! Резко прервал его Иван. В таком случае, как ты оцениваешь Октябрьский переворот 17-го года???

С этими словами Иван круто повернулся к собеседнику и выжидающе смотрел ему в глаза. Сибиряк не выдержал этого взгляда, отвернулся и устался в пол, замолчал. В вагоне наступила зловещая тишина. Даже картежники перестали играть в карты. Стали хорошо слышны четкие удары вагонных колес на стыках рельс. После довольно длительного молчания Сибиряк, к удивлению окружающих, довольно спокойно произнес:

– Думаю, что и Октябрьская революция в этом отношении не является исключением...

Никто не ожидал такого ответа. Все молчали. Но Иван, резко повернувшись к Сибиряку, удивленно спросил:

– Ты что? Отрицаешь все то, что она принесла нашему народу?

– Что именно?

Иван назидательным тоном, загибая пальцы левой руки, перечислял: ликвидация безграмотности, власть народа в лице Верховного Совета. Конституция, технический прогресс, Турксиб, ДнепрогЭС, боеспособная Армия и т.д.

– Bravo! Ты еще про чугуны и прокат ничего не сказал. Но, в общем, все правильно. Только все это, как бы тебе сказать, в государственном масштабе, что ли. А народу, людям, конкретному человеку что?

– А все, что я перечислил, разве не для них? Школы, электричество, трактора на полях, транспорт.

– Согласен. Косвенно для них. А на бытовом уровне: питание, одежда, обувь, дрова, шифер на крышу, сено для коровы? То есть то, что нужно человеку на каждый день.

– Но эти вопросы решаются на местах. Должны, по крайней мере.

– А если не решаются?

– Но государство не может вмешиваться в дела каждой деревни, колхоза, шахты, предприятия. У него другие функции.

– У государства или у правительства?

– Ну, у правительства.

– И что это за функции?

– Бюджет, финансы, золотой запас, обороноспособность страны, ее международное положение и т.д. В том числе и материальное обеспечение народа, но в масштабах всей страны.

– Все правильно, – согласился Сибиряк. И вот тут мы подошли к главному. Дело в том, что на местах эти вопросы решаются плохо, так как склады, элеваторы и прочие стратегические запасы, если они, конечно, имеются (при этих словах он недвусмысленно усмехнулся) находятся в распоряжении государства. А человек остается один на один со своими проблемами и болячками. Вот меня и беспокоит судьба именно этого человека, где бы он ни работал, где бы он ни находился... Ты как-то сказал, что «Не хлебом единым... и т.д.». А я считаю, что, наоборот, в первую очередь именно этим хлебом надо обеспечить этого человека, и не по карточкам, а вволю, и не в очередях, а свободно. В противном случае может получиться то, что сейчас имеем, – он кивнул головой на стенку вагона, за которой стояли охранники, – а уж потом все остальное. Вот в этом и заключается суть наших с тобой разногласий.

Внезапно погасла лампочка. Народ стал медленно расходиться по своим углам. Уже в темноте Иван обратился к Сибиряку со словами:

– Завтра продолжим. Посмотрим, что ты за пташка такая.

На что Сибиряк огрызнулся:

– Если собираешься подстрелить пташку, то разговора не получится.

– Нет, я просто хочу понять тебя. В твоих рассуждениях есть какая-то логика, но я пока не могу ее уловить.

Ночь выдалась морозной. Да вдобавок дежурный по печке, который должен был поддерживать в ней ночью огонь, уснул. Поэтому озябшие за ночь люди вставали до рассвета, на чем свет ругали дежурного, кто как мог, пытались согреться, копошились у печки, пытаясь вернуть ее к жизни.

В положенное время открылась вагонная дверь, с винтовками наперевес стояли охранники. Поезд остановился у какого-то

разъезда: небольшой стандартный домик зрителя, скромные хозяйственные постройки, поленница дров рядом, небольшой огородик, за ним хлевушка для скота. За ней припорошенные снегом валялись старые тележные колеса без металлических ободьев. Они-то и привлекли наше внимание: ими вполне можно было растопить печь. В это время из домика вышел его хозяин. Уже не молодой, с рыжей бородкой, как у Ленина. Оглядев нас, спросил: «Пленные что ли?». Не теряя времени, мы попросили у него разрешения взять несколько колес на дрова. Он вяло махнул рукой, мол, забирайте. Обрадовавшись такому обороту дела, мы быстро вкатили их в вагон. Он молча наблюдал за происходящим, а под конец дал нам еще увесистую березовую колотушку, коротко произнес:

– Спицы выбивать пригодится.

Подошли охранники и жестами показали нам забираться в вагон.

Через час в вагоне стало относительно тепло. Люди немного отогрелись. Жизнь входила в привычный ритм. А я подумал: как мало надо человеку для счастья. Голодному – поесть, замерзшему – согреться, уставшему – отдых, больному – здоровье... Так было и на сей раз. Все добром вспоминали совершенно незнакомого нам старичка с рыжей бородкой, который за считанные минуты сделал нам столько добра. Мы так и не узнали, кто он. Русский? Украинец? А может и немец. В войну понятие о добре и зле было иным, чем в мирное время. Да и люди были добрее.

Оба Ивана грелись у печки на своем обычном месте и о чем-то вполголоса переговаривались, изредка посматривая на Сибиряка. Тот сидел в своем углу, обхватив колени руками, о чем-то сосредоточенно думал. На сей раз к нему подошел Иван Кировоградский, осторожно тронул за плечо, произнес:

– Иди, погрейся. Замерз ведь...

Сибиряк, недовольный тем, что его оторвали от своих размышлений, неохотно подошел к печке, уселся рядом.

– Продолжим что ли? – спросил Иван.

– Проложим. Но давай договоримся о том, что не будем резко противостоять друг другу. Я ведь тоже пытаюсь понять те-

бя и хочу узнать, не ошибаюсь ли я в чем-нибудь. В общем, будем истину искать вместе.

– Истину или правду?

– А в чем разница?

Сибиряк задумался, но потом уверенно уточнил:

– Истина – это аксиома, не требующая доказательств. А правда – это понятие более индивидуальное. Она у каждого своя.

Иван усмехнулся. Добавил: «Позиция, удобная на все случаи жизни». Он хотел сказать еще что-то, но Сибиряк движением руки остановил его.

– Мы опять отвлеклись. Давай ближе к делу. Начинаю я. Из вчерашнего разговора выяснилось, что наиболее спорными являются два вопроса. Первый – достоинства и недостатки октябрьского переворота в России. Второй – личность и государство. Я предлагаю продолжить их обсуждение сегодня. Арбитрами в споре могут стать все желающие. Их, правда, пока не много. Возражения есть? (Это Ивану).

– Не возражаю, – ответил тот.

Сибиряк начал так:

– Чтоб ты лучше понял мою точку зрения по первому вопросу, я начну с самого начала событий. Вопрос первый, исходный: как и почему победила Октябрьская революция в 17 году? Я отвечу на него так, как нас учили в школе по «Краткому курсу». Решающую роль в этом сыграла ВКП(б). У ее руководства стояли образованные и талантливые политики-революционеры, умелые пропагандисты: Ленин, Троцкий, Плеханов, Сталин и другие. Партия была многочисленной. Ее ячейки были разбросаны по всей нашей стране. Большую роль в этом сыграли и такие лозунги, как: «Фабрики и заводы – рабочим!», «Землю – крестьянам!», «Власть – народу!».

– Постой. Не по «Краткому курсу», а ты сам, лично, как это расцениваешь?

– Положительно, без всяких натяжек. Продолжаю. Нельзя не учитывать и такие факторы, как отречение царя от престола, неоконченная война с Германией, многочисленные раздоры в самом буржуазном правительстве... Не удивительно поэтому, что свержение власти капиталистов и помещиков в самом центре

страны – Петрограде – произошло быстро и почти бескровно. Вооруженные массы, при активном участии солдат и матросов Балтийского гарнизона, в считанные дни захватили Смольный, телефон, телеграф, Царский дворец. Помните, наверное, по фильмам «Человек с ружьем», «Ленин в Октябре» и др.

Сибиряк обвел глазами присутствующих и, обращаясь к ним и к обоим Иванам, спросил:

– Я правильно осветил события?

Иваны переглянулись, и, кажется, Иван Кировоградский с усмешкой произнес:

– Мы обществоведение по «Краткому курсу» изучали давно, и поэтому кое-что позабыли, но в общем да. Возражений нет.

После некоторого молчания, словно собираясь с мыслями, Сибиряк продолжал:

– Но!.. Но!.. Петроград еще не Россия. Для полной и окончательной победы революции нужно было разрушить всю старую, веками устоявшуюся государственную машину «до основания», во всей нашей необъятной Родине. А это оказалось сложнее, чем низвергнуть старое правительство. Против революционных сил сразу же ополчились армия с ее генералами и офицерским корпусом, присягавшими царю, крупный и средний капитал с его финансами, ремесленники, торговцы, значительная часть интеллигенции, зажиточное крестьянство, церковь, наконец, с ее богомольными прихожанами. И что началось?..

Он обвел взглядом окружающих и еще раз повторил вопрос. В спор вступили окружающие, и кто-то из них произнес:

– Гражданская война.

– Правильно, – сказал Сибиряк и сразу же продолжил, – а это означало, что в смертельную схватку пошли брат на брата, сын на отца, сосед на соседа. Для борьбы с белой гвардией была срочно сформирована Красная армия.

Мнения окружающих разошлись. Одни оправдывали события, другие – нет. Начался невообразимый шум. Со своего места встал Иван и, повернувшись к спорщикам, зычно крикнул:

– Хватит горланить. Послушайте меня. В тот период вопрос стоял прямо: кто кого?! И поэтому создание Красной Армии бы-

ло вынужденной мерой для того чтобы отстоять завоевания революции, не только от внутренних врагов, но и от внешних – интервенции. Поэтому данное противостояние было исторически оправданным. И, обратившись к Сибиряку, добавил:

– Ты с этим согласен?

– Так-то оно так, – парировал Сибиряк. – Это исторически. А по человечески? Кто подсчитает, сколько миллионов человеческих жизней с той и с другой стороны было загублено? А за что? За «царство свободы»? А оно что, пришло? Все мы знаем, что стало со страной после этой, почти четырехлетней войны. Разруха в промышленности и на транспорте, болезни, тиф, голод, продрозверстка и жертвы... жертвы... жертвы! А как определить те утраты, которые мы понесли, потеряв значительную часть той интеллигенции, которая не приняла революции и эмигрировала за границу: Рахманинов, Шаляпин, Куприн, Бунин и многие другие. Цвет русской нации. Я уж не говорю о тысячах солдат и офицеров царской армии, которые тоже покинули свою исконную Родину. Не знаю уж, по каким причинам. Я вот все хочу понять, подсчитать что ли, стоила ли революция всех этих жертв? Мне кажется, что большевики, заварившие всю эту кашу, сами не ожидали, во что она выльется. Даже Ленин, величайший мыслитель того времени, и тот в 1924 году вынужден был дать задний ход всем этим преобразованиям. Я имею в виду НЭП. Три года потребовалось на то, чтобы страна, хотя и не полностью, но все же восстала из руин. Не делайте из меня контру. То, о чем я говорю, не моя выдумка, а общеизвестные факты нашей истории.

Сибиряк замолчал. Сидел неподвижно, взором уставившись в пол. Иван Сталинский о чем-то сосредоточенно думал, Иван Кировоградский клюшкой переворачивал в печке вчерашние колесные спицы. Молчало окружение.

Во время этих баталий я обычно стоял недалеко от спорщиков (да и от печки тоже), прислонившись к стенке вагона, чтоб не натруждать больную ногу. Участия в спорах не принимал, но спорщиков слушал внимательно. Я никак не мог понять, кто из них был более прав. Должен, однако, признать, что Сибиряк мне нравился больше. В нем подкупало то, что на все он имел свое

собственное мнение и мужественно отстаивал его. Я даже завидовал ему, удивляясь его умению глубоко осмысливать происходящие в стране события.

После затянувшегося молчания ответное слово взял Иван. Обращаясь к Сибиряку, он сказал примерно следующее:

– То, о чем ты сейчас говорил, – неопровержимо. Но согласиться с тобой полностью я не могу. И вот почему. Первое. Если бы руководство молодой Советской Республики вовремя не приостановило бесконтрольное развитие НЭПа, то через пару лет все бы опять вернулось «на крути своя» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Значит, ты признаешь, что развитие общества, основанного на частной инициативе, протекает более динамично, чем развитие социалистического?

– Да, признаю. Но к чему это приводит – уже известно. Пришлось бы делать новую революцию. Второе. Красная Армия первоначально была организована для борьбы с контрреволюцией. Позже – для борьбы с интервенцией. Потом – для защиты страны от внутренних и внешних врагов. И вообще государства без армии не бывает. Третье. И самое сложное. Я выскажу свое мнение, не претендуя на его абсолютную истину. В послереволюционный период стало ясно, что мало сделать революционный переворот. Надо еще создать новое государство, аналогов которого в мире не было. И вот на этом этапе, вполне возможно, что его организаторы допускали некоторые ошибки и даже просчеты.

– Стоп, – прервал его Сибиряк, – значит, ты заранее программируешь эти ошибки?

– Не программирую, а допускаю.

– Но ведь в стране были уже Советы? Значит был коллективный разум, который был обязан принять правильное решение?

– Мог бы... Но...

Иван задумался, а потом внезапно спросил:

– Скажи, а ты веришь в нашу победу над Германией?

– Да.

– А ты сможешь предсказать, когда война кончится? Через год? Через два? Будет ли открыт второй фронт? Хватит ли людских резервов на ее окончание? Что делать после окончания вой-

ны? Нет, не сможешь. И я не смогу. И Генштаб не сможет. Вот примерно в таком положении было наше руководство в то время.

Сибиряк искоса взглянул на Ивана, улыбнулся и примирительно произнес:

– Это ты хорошо придумал. Молодец. Но все равно, выходит, что ты оправдываешь.

– В какой-то мере да.

Казалось, что наступило примирение. Конец спорам. Но не тут-то было. Сибиряк снова задумался, оглядел окружающих болельщиков и решил продолжить полемику:

– А в более поздний период ошибки и просчеты тоже планировались?

– Это когда?

– А в конце двадцатых и тридцатые годы.

– Что ты имеешь в виду?

– Как что?

И, как когда-то делал Иван, загибая пальцы левой руки, Сибиряк произнес:

– А раскулачивание? А принудительная коллективизация? А закрытие церквей и репрессии против служителей культа? А 58-я статья УК? Массовые репрессии 37-38 годов?

Не знаю, чем бы закончилась эта дуэль, но паровоз дал протяжный гудок, скрипнули тормоза. Остановка, на этот раз в каком-то тупике. Открылась дверь, фельдфебель зорко оглядел нутро вагона, объявил: «Шайзен, писсен, або нихт алле». «На оправку, только не все сразу» (вместо «абер» он всегда почему-то говорил «або»). Сразу несколько человек вышли из вагона чтобы глотнуть свежего воздуха да «поохотиться» за дровишками: колесные запасы иссякли быстро. И вдруг на соседнем главном пути мы увидели, что к нам приближается человек в поношенной рабочей одежде, очевидно путевой обходчик, о чем мы догадались по инструментарию, который он нес в большой кожаной сумке. Увидев нас и конвой, он, очевидно, понял, кто мы такие, остановился, опустил тяжелую сумку на землю. Мы быстро окружили его. Посыпались вопросы: «Куда идет дорога?», «Не знаете ли, куда нас везут?» и другие. Из его ответов мы узнали, что ближайшими станциями будут Щепетовка и потом Казатин. А я сразу вспомнил повесть Н. Островского «Как закалялась

сталь». Где-то здесь Павка Корчагин в Гражданскую войну сражался не то с махновцами, не то еще с кем-то. Подошел Генрих, робко попросил табачку. Путьщик полез в карман одежды и без слов подал ему замусоленный кисет с табаком:

– Извиняйте, самосад. Махры сами давно не видим, а немецкий – дрянь.

Генрих тут же разделил содержимое кисета с такими же, как он, страдателями, пустой кисет отдал обратно, сердечно поблагодарив благодетеля.

Вопросов у нас было еще много, но путьщик перебил нас:

– Как дела на фронте?

Что ответить? Но все же кто-то сказал.

– Наступают наши.

Увидев приближающихся конвоиров, он торопливо произнес:

– Ох, ребятки, бои опять будут тяжелые. Составы с боевой техникой идут на восток беспрестанно.

На этом беседа с ним, к сожалению, закончилась. Подошли два охранника и не очень вежливо сказали: «Вэг. Вэг. Фербетон» (запрещено). Путеец, было, огрызнулся, но подошел фельдфебель и всем велел забираться в вагон: «Миттагэссен» (на обед). Два солдата уже подносили к загону баланду.

Так мы узнали, в каком направлении движется состав. Пока еще Украина.

Серьезный разговор

То ли спорщики выдохлись, то ли всех растревожила встреча с путьщиком, но политические страсти в тот вечер поутихли. Коллектив распался на мелкие группы. Но ненадолго. На следующий день Иван, раскочегарив печку, пригласил Сибиряка на «последний решительный бой».

– Ну, если последний, да еще и решительный, то можно, – и не очень охотно, но все-таки подошел к печке и уселся на шпалу. Без лишних слов Иван продолжил прерванный вчера разговор:

– Слушай, мыслитель, не скрою, я долго размышлял над твоим вопросом о цене Революции и пришел к выводу, что задача эта со многими неизвестными и поэтому неразрешима.

– Но свое отношение к тому времени ты можешь высказать?

– Могу.

– Хорошо. Мы слушаем.

– Все, что ты вчера перечислил, в нашей жизни, как говорят, «имело место». Не мне давать ему оценку, тем более задним числом. Но, в целом, к террору я отношусь отрицательно, в отношении религии и кулачества – воздержусь. Колхозы считаю явлением прогрессивным.

– Т-а-а-к. Ясно. А каково твое отношение к человеку в государстве?

– На этот вопрос я отвечу так: ты рассматриваешь человека, как некую абстрактную личность, которой государство, в котором она проживает, должно оказывать всяческое внимание. А я считаю, что человек, к примеру, крестьянин – это производитель продукции, которую он обязан создавать для населения данного государства. Например, он произвел молоко. Часть его он оставляет себе на пропитание. Другую – везет на местный маслозавод для продажи. А вот дорогу на этот сырзавод делает государство. И так во всем. Сталевар варит сталь, ученый проектирует новые машины, инженер строит завод по их производству. В деревне мужики строят больницу, а государственный медицинский институт готовит врачей для нее. Вот так мне видится взаимодействие между личностью и государством. Такая система действует во всем мире. Она надежна и работает в автоматическом режиме.

– Ну, что ж. Система хорошая, а если в ней происходит сбой?

– В таких случаях правительство, ученые, политики должны выявить причину сбоя и принять меры по его устранению.

Сибиряк молчал, обдумывая сказанное. В разговор вмешался один из присутствующих:

– Иван, как это у тебя все гладко получается?

– А ты, что, не согласен со мной?

– Да. Не согласен. Дело в том, что твой крестьянин, то есть наш колхозник, обложен непосильным налогом, и того молока, которое он отвез на сырзавод, вряд ли хватит на уплату своего нало-

га. А ведь колхознику нужны свободные деньги: на одежду, обувь, керосин, страховку, обучение детей, на приданное дочери-невесте и пр. Поэтому он вынужден продавать не только молоко, но и прочие продукты со своего личного огорода почти подчистую.

– Чтоб на все хватило, нужно поднять производительность техникой.

Но спорщики не унимались. Снова посыпались возражения:

– Ха-ха. Вся продукция, которую колхоз выращивает на своих полях, а это, главным образом, зерно и картофель, уходит на уплату горючего и технику этих МТС. А колхоз опять остается ни с чем.

– Не может быть, чтоб ни с чем.

– Ну, кое-что остается, но явно недостаточно для более или менее сносного существования...

– Еще раз повторю, выход из этого состояния – повышение продуктивности полей. А система здесь не при чем. Она еще в стадии становления и будет совершенствоваться. И тот факт, что колхозы и совхозы в тяжелых условиях войны обеспечивают армию продовольствием, говорит в их пользу. Еще неизвестно, как было бы при единоличниках.

В разговор вмешался Сибиряк:

– А в войну с Германией в 14-16 годах без всяких колхозов и совхозов, без машин и тракторов... что, было хуже что ли?

Слушая эти перепалки, я в который раз задавал себе вопрос: «Ну где же истина?». И однажды мне в голову пришла, как мне показалось, очень криминальная мысль: а что, если в наших высших партийно-правительственных кругах происходят такие же стычки. И никто толком не знает, куда и как вести государство?.. Честно говоря, подобные мысли одолевают меня и в наши дни.

После обеда все разошлись по своим «лежачим» местам. В своем углу прикорнули и мы с Вахтангом. Напротив улегся Си-

биряк. Укрылся шинелью, глаза закрыты, не то спит, не то дремлет. К нему, осторожно перешагивая через ноги спящих, подошел Иван. Наклонился, тронул за лицо.

– Спишь что ли?

– Угу. Чего пришел?

– Подвести итоги наших споров. Мне кажется, что ты, как бы это сказать, заиклился на отрезке времени с 17-го по 40-е гг., то есть два десятилетия, в которые произошли наиболее значительные события нашего государства.

– Не совсем так.

– А как тогда?

Сибиряк открыл глаза, приподнялся на локте и, повернувшись лицом к собеседнику, внятно произнес:

– Отсчет, как ты говоришь «значительных событий», надо начинать раньше – с начала нашего столетия: 1905 г. – первая проба революционных сил рабочего класса, 1907 г. – «царь испугался издал манифест», 1914 г. – война с Германией, в руках народа оказалось оружие, 1917-1922 гг. – революция и Гражданская война. Остальное я уже перечислял. Вот я и думаю: за какие грехи судьба, история, или сам Господь Бог так жестко наказывают Россию? Вроде бы страна-то богомольная?

И, повернувшись к Ивану, глядя ему прямо в лицо, спросил:

– А может у народа грехи-то все-таки есть?

Не чувствуя никакого подвоха, Иван резко возразил:

– Нет, народ безгрешен.

– А царь?

– Не знаю, наверное, тоже нет.

– Тогда за что его свергли?

– Наверное, за то, что не смог устранить череду тех обстоятельств, о которых ты говорил.

– Значит, за то, что оказался неспособным управлять страной в критической ситуации.

– Примерно так.

После непродолжительного молчания Сибиряк продолжал:

– Но в одном ты прав, – я, действительно, зациклен. Но зациклен на тех событиях, свидетелем которых был лично в эти последние 10-15 лет. Все остальное оцениваю с позиций школьной программы, не более.

– Постой, – прервал его Иван, – я хочу, чтоб ты понял. В историческом плане эти годы всего лишь миг, и поэтому не надо раздувать их до размеров вселенского масштаба. Ведь в жизни рано или поздно все происходит. Возьмем предвоенные, очень тяжелые годы, но и в них солнце всходило, хорошо ли, плохо ли, а жизнь налаживалась. Бабы рожали детей, дети ходили в школу, магазины торговали, работали кино и театры. Не так ли?

– Так-то, оно так, да не совсем. Вот ты говоришь, что все как бы проходит. Нет, не проходит, а все остается в памяти народной, и хорошее и плохое и, в конечном итоге, определяет мировоззрение людей, а, косвенно – и судьбу государства.

– Ну, допустим. А какие события на рубеже 20- 30-х годов ты считаешь судьбоносными для нашей страны?

– Раскулачивание и коллективизацию в той форме, в какой она проводилась, – без колебаний ответил Сибиряк, – ну и террор, конечно.

В вагоне было довольно холодно. Иван, видя, что его кировоградский тезка уже разогревает печку, почти силой потащил Сибиряка на шпалу.

– Пойдем, погреемся, лежа такие вопросы не решаются. Чувствуя, что разговор обещает быть напряженным, к печке потянулись и остальные обитатели вагона. Туда же направились и мы с Вахтангом. У печки, поплотней усевшись на шпале, Иван сразу обратился к Сибиряку:

– Дорогой мой, ты вроде не глупый парень, но как не можешь понять, что наше российское сельское хозяйство надо было переводить на индустриальные рельсы. Ведь нельзя назвать нормальным, когда основными орудиями труда у нас все еще лошадь, соха, серп!

– И как надо было осуществлять этот переход?

– Для этого надо было бедные и середняцкие хозяйства объединить в колхозы и обеспечить их машинами через МТС, что и было сделано.

– Стоп! Я понял тебя. А у зажиточных крестьян отобрать землю, сослать их в отдаленные районы страны, уничтожив как класс... Я правильно говорю?

– Да!

– А тот факт, что зажиточное крестьянство, то есть кулаки, поставляли стране значительную часть зерна и другой сельхозпродукции, – это в счет не идет? В который уже раз нашего мужика подкосили под самый корень и подрубили сук, на котором сидели сами.

– Если б этого не сделать, то кулаки уцепились бы за свою землю и стали бы тормозом этому процессу.

– Значит, ты оправдываешь этот акт правительства?

– Не оправдываю, а принимаю как должное.

– Иван, а как тебя по отчеству?

– Семенович я.

– Так вот что, Иван Семенович, я надеюсь, ты имеешь представление о том, что началось в это время в стране?

– А что началось? Образовывались колхозы, совхозы, на полях появились комбайны, трактора, сеялки.

– Не передергивай! Трактора, комбайны появились на полях в 37-38 гг. А что было до этого?

– А что было?

– Голод начался. Страшный голод. И опять, уже в который раз жертвы, жертвы. Не веришь мне, спроси у твоего кировоградского тезки, что было на Украине, сколько погибло народа.

Иван Кировоградский не стал дожидаться вопроса, и, почему-то перейдя на украинский, произнес:

– Того точно не ведаю. Але богато... Дюже богато.

А я сразу вспомнил себя в это время. 1931-1932 гг. Сухой Лог Свердловской области. Учился я тогда в 4-ом, мой младший брат во 2-ом классе. Отец работал в ЦРК (Центральный рабочий кооператив) экспедитором. Постоянно находился в разъездах, мы были на попечении матери. Хорошо помню, как она, по утрам отправляя нас в школу, кипятила в чугушке воду, подсыпала в нее немного сахарного песку и туда же крошила хлеб. Не знаю, как назвать это блюдо, но это был наш завтрак. А по вечерам, уже по

осени, посылала нас на картофельное поле поискать там картошку. Давала в руки старый отцовский портфель, лопатку без черенка, строго напутствовала:

– Только сторожу на глаза не попадайтесь.

А мы, уже в сумерках, изображая из себя то охотников, то лазутчиков, крадучись подползали к краю этого поля и спешно ковырялись в земле около брошенной ботвы. Бывали рады, если удавалось найти с десяток неподмороженных картофелин. Впрочем, на поле было много и других охотников.

Недалеко от города, в каком-то селе была организована даже коммуна (ее почему-то все называли «кумына»). Но она существовала не более года. В нашем классе учился паренек, проживавший в этом селе. Мы сидели с ним за одной партой, поэтому я имел некоторое представление о том что происходило. А ситуация в коммуне, по его рассказам, была катастрофической. Обобществленный скот от бескормицы или погибал, или его приходилось прирезать. Зерно придерживали на предстоящую посевную. За трудодни рабочим давать было нечего. Народ голодал.

В школе, во время большой перемены, нас иногда поили чаем. К нему давали или кусочек хлеба, или дешевенький пряник, и две таких же дешевых конфетки (подушечки). Нам этого было, конечно мало, и поэтому в школу мы иногда приносили немного своего хлеба, в том числе и я. Приносил хлеб и мой сосед (к сожалению, не помню его имени). Но меня всегда удивляло, что его хлеб был какой-то серовато-мышинного цвета. На мой вопрос, чем это объяснить, он ответил, что у них в коммуне к обычной муке добавляют лебеду (семена). Давал мне попробовать его на вкус. Но вот парадокс! Вкус у него был неплохой! А может так с голодухи казалось.

Сейчас, вспоминая то время и ту школу (в бывшем доме священника), я невольно задаю себе вопрос: неужели все это было? А, сейчас, если вижу на помойке кусочки хорошего белого но слегка зачерствевшего хлеба, всегда испытываю нечто вроде стыда за нас, за нынешнее поколение людей. Впрочем, и сам, когда иду на рыбалку, частенько использую хлеб на прикорм...

Сибиряк

Но вернемся в вагон.

Обитатели вагона, сгруппировавшиеся у печки, кто с улыбкой, кто с любопытством, ждали, чем закончится этот поединок. А Сибиряк продолжал:

– Ну, убедился? Я понимаю, ты родиной из промышленного района, и поэтому вас это не коснулось.

– А тебя?

– А меня коснулось... В это время кто-то из дальнего угла выкрикнул:

– Эй, братва, а Сибиряк-то оказывается кулачек!

Наступило неловкое молчание. Все повернулись в сторону говорившего. Тот встал и, очевидно сам, не ожидая такого эффекта от сказанного, подошел к печке. Сибиряк посмотрел на него снизу вверх, спросил:

– Кого ты называешь кулаком?

– Ну, крестьянина, у которого много земли и который использует наемный труд. Говорили тут уж достаточно.

А Сибиряк с горькой усмешкой добавил:

– У которого большой живот и он носит жилетку (так изображали кулаков на агитационных плакатах того времени). А у моего отца не было земли, и он не носил жилетку, но его все-таки раскулачили...

– О-О-О! Это уже интересно! И как это случилось? – спросил Иван.

Сибиряк задумался, очевидно, собираясь с мыслями и решая вопрос о том, стоит ли поднимать эту болезненную для него тему. Долго молчал. Молчали и окружающие.

– Ну, что замолчал? – С некоторой усмешкой спросил Иван.

– Ну, что ж, могу рассказать, – не очень уверенно ответил Сибиряк.

И он поведал нам горькую и печальную, полную драматизма историю о том, как это происходило, которую все выслушали с огромным вниманием.

(Рассказ о том, как происходило раскулачивание в начале 30-х годов, я привожу со слов Сибиряка):

– Я никакой не сибиряк. Моя родина – Ивановская область.

У моего отца была водяная мельница на речке Лох, которая перешла к нему по наследству от его отца. Он обслуживал всю округу, и если было нужно, работал с утра до ночи. Те, кому не успевал смолотить в течение дня, оставались ночевать до утра. Для них в небольшой амбарушке с деревянными нарами, с печкой и ведерным самоваром было сделано нечто вроде ночлежки. Лошадей мужики распрягали в ограде – под крышей. Если было нужно, он снабжал их кормом за небольшую оплату. У сельчан он пользовался огромным уважением.

– А земля, хозяйство, лошади были? – вмешался в разговор Иван.

– Нет, был только огород соток 15. Была одна лошадь – Манька. Вот ее я любил и она меня – тоже. Любила сладости, и поэтому я частенько угощал ее то сахаром, то дешевыми конфетами, которые потихоньку потаскивал у матери, за что получал ложкой по лбу.

При этих словах глаза рассказчика посветлели, он даже улыбнулся. Видать, приятны были воспоминания. Немного помолчав, он продолжал:

– Была корова, овцы, куры. За домашним хозяйством ухаживала мать, отцу хватало хлопот на мельнице: жернова, шлюзы, ремонт и пр. Все хотел пилораму поставить, да не успел.

– А ты ему помогал?

– Не очень. Отец постоянно приучал меня к мукомольному делу, но оно меня почему-то не увлекало. Но весной на лошади я любил делать в огороде подборонку. Летом – пропадал на речке, а в огороде капусту да огурцы поливал. В сенокос греб наравне со взрослыми и копешки к стогам на лошади подвозил.

В разговор вмешался Иван Кировоградский:

– А в сенокос мужики вам помогали?

– Нет. В сенокос мужики объединялись в отдельные артели и косили сообща.

– А как происходило раскулачивание? Не вас лично, а... вообще?

Как уж было не раз, Сибиряк, обхватив голову руками, уставился в пол, долго молчал. Потом, словно опомнившись, произнес:

– Это было бесчеловечно.

Оба Ивана молчали. Кто-то из присутствующих спросил:

– Каков был сам порядок?

– Я не знаю деталей, но в самых общих чертах это происходило так. В районе была создана специальная комиссия из работников сельсовета и исполкома, партийцев и милиции. Были и представители из области. Комиссия составила списки всех, кто побогаче и кого, по их мнению, следовало бы раскулачить. Под плач и причитания, безо всякой компенсации у них забирали дом, надворные постройки, скот, мебель и что получше, орудия труда.

Раскулачиваемых целыми семьями привезли в район, разрешили взять с собой теплые вещи – продукты и кое-что из домашнего скарба. В районе сформировали обоз, привезли до ближайшей железнодорожной станции и погрузили вот в такие же теплушки. Некоторые из них были даже без печек.

При этих словах Сибиряк, горько усмехнувшись, добавил: «Так что мне не привыкать... Только ехали не на запад, а на восток».

Вспоминая пережитое, Сибиряк часто замолкал. Мне иногда казалось, что в такие моменты он даже забывал о слушателях. А мы деликатно молчали, ничем не напоминая ему о себе. Далее продолжал:

– Ехали долго. Первое время, пока были продукты, питались сносно, потом – голодали. Иногда кормили бесплатно, но редко. Начинался настоящий голод. Вечная проблема с дровами, как и у нас сейчас. Вскоре пришла еще одна напасть – вши. Начались болезни, особенно у детей. Уж где-то за Омском от простуды умерла моя мама. Разрешили схоронить на кладбище около станции: не то Зима, не то Зима - не знаю как точно.

Рассказ Сибиряка прервал Иван:

– Постой. А какова была реакция раскулаченных на все эти происходящие события?

– Наивный вопрос, уважаемый Иван... простите, не знаю Вашего имени отчества.

Сибиряк впервые обратился к нему на Вы.

– Семеныч я.

– А, я, кстати, — Семен.

– Они вели себя по-разному. Женщины, обычно, собирались в одну кучку и втихомолку обсуждали свои проблемы: питание, дети, болезни, делились прошлыми воспоминаниями. У одной из них сохранились небольшая иконка и лампадка, поэтому они втихомолку даже справляли молебен. Я к ним не прислушивался, и вместе с другими парнями моего возраста больше отирался около мужиков. А они, как вот и мы здесь, больше говорили о политике, возмущались тем, что творилось в стране. В то время из их разговоров я ничего не понимал, и только сейчас до меня стал доходить смысл всех проходивших там событий.

– И в чем эти события заключались? – прервал Иван.

– А вот, уважаемый Иван Семенович, там, в вагонах рождалась действительно классовая рознь. Только не между кулачеством и батраками, а между репрессированными элементами общества, какими мы стали, с одной стороны и теми, кто довел нас до этого состояния – с другой. Я там впервые увидел плачущих мужиков. От обиды и гнева они не скрывали своих чувств, своей ненависти к властям. Я понимаю их состояние, и поэтому – оправдываю; ни за что, ни про что в одночасье их лишили всего того, что было нажито несколькими поколениями предков тяжелым и честным трудом. Взять хотя бы моего отца – кому и чего он сделал плохого? Мельницу потом обобществили. Назначили нового мельника, который за трудодни вряд ли работал больше и лучше, чем отец. Не там, в деревнях, а здесь – в холодных и вонючих теплушках кулачество оформилось как класс. Нам с тобой в этом вопросе общего языка не найти: ты – пролетарий, я – кулак. Ты в этих событиях ищешь какой-то глубокий исторический смысл, я просто – здравый рассудок и обыкновенную человечность.

– Ну ладно, об этом потом. Что было дальше?

– Дальше? Уж поздней осенью привезли нас на какую-то небольшую станцию. По-моему, в Томскую область. Здесь нас объединили с другой группой раскулаченных. Уже местное начальство сформировало обоз и все поехали дальше, по-моему, на север.

Все слушали рассказчика с большим вниманием и, по возможности, старались не прерывать его. Но все-таки вопросов к нему было много: где ночевали, как относилось местное население, была ли охрана, было ли питание и др.? Сибиряк, пытаясь сохранить спокойствие, не спеша, вспоминал пережитое:

– Ночевали, где придется: в клубах, школах, церквях, частично – у местного населения. Безо всяких удобств, зачастую голодные. Где на такую ораву пропитания наберешься? Многие, особенно дети, поумирали. Население относилось к нам с сочувствием. Помогали, чем могли: продуктами, теплыми вещами.

Женщин с малыми детьми пускали на квартиры. Охраняла нас милиция из местных. В той или иной мере им тоже приходилось испытывать такие же неудобства, и поэтому они особенно не злобствовались. Ехали мы, по-моему, недели две. Остановились на опушке леса и около небольшого ручейка. Стали выгружаться, постоянно жгли костры. Местная администрация из окружающих деревень и хуторов насобираала нам кое-какой инструментарий: топоры, пилы, лопаты. Начальство, сопровождавшее нас, приказало рыть землянки, чтобы как-нибудь перезимовать до весны, а там видно будет. В общем, все было направлено на то, чтобы действительно уничтожить кулачество не только как класс, но и биологически.

Нас спасло то, что осень и начало зимы были не очень холодными, и у многих из нас была теплая одежда. Нам, ребяташкам, было велено собирать в лесу сухарник для костров. Костры мы жгли круглые сутки, без них бы, наверное, померзли.

Слушая Сибиряка, я изредка посматривал на Вахтанга. Пожалуй, я впервые увидел его в состоянии глубокой задумчивости. Было видно, что он тяжело переживает услышанное. Знал ли он обо всем этом раньше? Наверное – да: ведь он старше нас. И вообще – было ли раскулачивание в Грузии?

А я вспоминал, как все это происходило на моей родине – в с. Орда. В то время я учился во втором классе. Детская память цепкая, многое помню отчетливо.

В день отправки раскулачиваемых на центральной площади (перед церковью, где теперь начинается улица Пугачева) собралась, наверное, половина села. Всю предварительную работу по

раскулачиванию: составление списков, обобществление скота и имущества и саму отправку выполняли местные активисты. Многих ссылаемых они знали в лицо, жили по соседству и чувствовали себя не уютно, поэтому спешили поскорее закончить эту неприятную процедуру. Подбадривали ссылаемых: ничего, мол, мужики, не падайте духом. Мир не без добрых людей. Помогут.

А на площади стоял сплошной плач. Навзрыд плакали и те, кого ссылали, и те, кто оставался. Мужики молча стояли в стороне, с сочувствием и жалостью наблюдали происходящее. О чем-то тихо переговаривались. Иногда подходили к отъезжающим, давали какие-то наставления.

Пришел сотрудник милиции и приказал поторапливаться, чтоб успеть засветло доехать до Кунгура. Один из отъезжающих сошел с саней, неловко отвесил народу поклон, произнес: «Не поминаете лихом».

Плач и причитания еще более усилились. Когда обоз тронулся, бабы крестились, слышалось: «Че диется, че диется».

Кто знает - может в далеких сибирских просторах ивановские кулачки и породнились с уральскими.

Из рассказа Сибиряка

Близилась зима. Надо было спешить. С помощью многочисленных помощников (главным образом из своих) были вырыты небольшие землянки, человек на 15 каждая. Настелили жердяной пол, оставив посередине узкий проход, справа и слева от него – нары для сна и отдыха. Их тоже накрыли жердями и соломой сверху. С большим трудом и тоже жердями «зашили» стенки и торцы землянки. Когда встал вопрос о крыше, окнах и дверях, дело застопорилось.

Отец пошел за помощью в район. Там его направили в ближайший Сельсовет. И тут, пожалуй, впервые за несколько месяцев удача улыбнулась нам. Дело в том, что председателем Сельсовета оказался тоже «беженец», приехавший сюда из-под Калуги еще перед Первой мировой войной по реформе Столыпина – на «отруба». Сейчас ему было лет 50, выше среднего роста, с типично русским лицом. Внимательный пристальный взгляд, немногословен, привыкший распоряжаться. В народе он пользовал-

ся большим авторитетом. Все звали его почему-то «Михеич». Выслушав отца, он тут же велел запрячь дрожки, и поехал с ним смотреть «стройку» лично. Вначале он заглянул в нашу старую бесхозную баню, стоявшую на отшибе, в которой жили мы с отцом. Потом направился к землянкам. Там он приветливо поздоровался с народом, выслушал многочисленные жалобы присутствующих, осмотрел землянки, коротко произнес: «Н-н-да-а».

После этого они вернулись в баню, вытолкали меня в предбанник, оставшись один на один, о чем-то долго беседовали. Наконец дверь отворилась, чуть не сбив меня с ног. Обращаясь ко мне, Михеич, спросил:

– Ты чей?

– Папкин.

– Как звать?

– Семен.

– Твой что ли? – обратился он к отцу.

– Мой.

– Хорошо – наследник есть.

– Только наследства нет.

– Будет, Петр Федорович (так звали моего отца). Только не враз, не унывай.

С этого дня жизнь наша хоть и немного, но стала меняться к лучшему. В первую очередь, Михеич предложил отцу подыскать в своей бригаде хороших механиков и наладить пилораму с механическим приводом от старенького трактора «Фордзон». В помощь дал своих механиков. Срок – одна неделя. Далее он связался с местным лесничеством и договорился о том, чтобы выделили нам делянку для лесозаготовок в зимнее время. Отцу пообещал:

– Сухостой – на дрова, покупателей обеспечу. Длинных рублей не обещаю, но продукты и кое-какую одежонку гарантирую.

Не знаю уж, каким образом, но через Сельпо достал две металлические печки типа «буржуйки» и подкинул кирпича для русской печки с плитой и вьюшками для стряпни и варева.

Все это делалось не сразу, со скрипом, через голову районного начальства, но все-таки было осуществлено и позволило нам в ту первую зиму выжить физически. А я, когда пишу эти строки, то вспоминаю того ординского мужичка, который напутствовал отъезжающих словами: «Мир не без добрых людей».

Забегая вперед, скажу, что Михеич сдержал свое слово: с его помощью были быстро достроены землянки. Но они не могли вместить в себя всех переселенцев. Значительную часть их, особенно женщин с детьми, пришлось расселять по окружающим деревням. хлопоты по их расселению он тоже взял на себя.

С грехом пополам механики все же запустили пилораму. Старенький «Фордзон» вначале отчаянно чихал и дымил, а шкив с его валика постоянно слетал, и только когда его «перехлестнули» в виде восьмерки, дело пошло на лад. Бригада лесорубов вручную (пила да топор) заготавливала сухостой и деловую древесину – на распил.

Из бани мы с отцом переселились в землянку. В бане было более комфортно, но отец считал, что он должен быть с народом, да и с питанием дело упростилось – котел был общий. За дрова, что заготавливали лесорубы, они получали небольшую зарплату, но и она шла в общий котел. Поразительно, но факт, что именно кулаки безо всяких усилий со стороны, совершенно добровольно, по существу, объединились в колхоз. При тех условиях он оказался наиболее эффективной формой существования и труда.

Как-то так полустихийно случилось, что управлять всем этим хозяйством пришлось моему отцу. Видя горе и страдания людей, он был предельно мягок и участлив к ним. Народ платил ему тем же. Вспоминая то время, я задним числом начинаю понимать, что он был лидером от Бога. Вдвоем с Михеичем они составляли замечательную пару.

Но главные события, которые касались лично меня, только начинались. Дело в том, что между отцом и Михеичем установилась хорошая и крепкая дружба. Михеич помог отцу «связаться с миром». Прошло несколько дней, и отец позвал меня к себе на «важный» разговор:

– Вот, что Семен, надо тебе учиться, иначе ты здесь пропадешь. Но в Починках (так называлось село, где жил Михеич), есть только школа-четырёхлетка, а тебе надо в пятый. А это только в райцентре. А где там жить, чем питаться? И, кроме того, я опасаясь, что тебя там в школу могут не принять...

– Почему?

Отец долго молчал, но все же произнес:

– Потому что ты кулацкий сын.

Слова его поразили меня, как гром. До этого я как-то не задумывался о том, кто я такой? Как-то враз я стал сознавать свое настоящее положение в обществе. Постепенно в сознании укоренилась мысль, что с этим клеймом мне придется идти по жизни неопределенно долго. При этих словах Сибиряк оглядел присутствующих и с горькой усмешкой добавил:

– Вплоть до наших дней...

Помолчав, отец продолжал:

– Я предлагаю вот что. В Омске живет двоюродный брат твоей мамы – дядя Степа. Он – учитель. Ни жены, ни детей у него нет. Он согласен взять тебя на время учебы к себе. Вот пока ты и будешь жить у него.

Это событие огорчило меня еще больше. Я как-то враз понял, что у меня не только нет матери, но не будет и отца. Не будет и ребят, моих сверстников, с которыми я подружился за время дороги. И мне стало так жаль себя, что я тут же расплакался и стал просить отца никуда не отправлять меня. Отец прижал меня к себе, дал успокоиться и произнес:

– Не плачь, ты уже взрослый. Другого решения нет. Так будет лучше для тебя. Кроме того, я постараюсь навещать тебя. А во время каникул ты приедешь ко мне... в землянку. Так что ничего страшного нет. Дядя Степа хороший. Ты его уж не огорчай.

При этих словах губы Сибиряка скривились. С трудом сдерживая рыдания, он обхватил голову руками и низко склонился к полу. Плечи его мелко вздрагивали. Наступило неловкое молчание: никто не ожидал, что Сибиряк способен на такие «телячьи нежности».

Я, как обычно, стоял за ним, прислонившись к стенке вагона. Вздрагивающие плечи рассказчика потрясли меня. Я и сейчас, по прошествии многих лет, не могу без слез вспоминать эту сцену. А на память опять приходят слова известной песни: «Ничто на земле не проходит бесследно».

Затянувшееся молчание нарушил Иван Кировоградский:

– Что было дальше?

Сибиряк, справившись с волнением, продолжил:

– Дня через два Михеич с отцом отвезли меня на какой-то полустанок. Там нас дожидался дядя Степа. Мы познакомились.

На прощанье отец поцеловал меня (чего раньше никогда не было), еще раз попросил меня не огорчать дядю Степу и учиться на «отлично». Пристально посмотрел мне в глаза, спросил:

– Ты меня понял?

– Да.

Но перед посадкой в вагон я не смог сдержать слез, расплакался.

– А как складывались отношения с дядей? – спросил Иван Сталинский.

– Я думал, что он высокий, как дядя Степа – милиционер. А он был небольшого роста с добрыми внимательными глазами. Преподавал физику в одной загородной школе, в ней же был и завучем. Жил в небольшой собственной квартире из двух комнат. Одна – побольше – была спальней и рабочей. Вторая – поменьше – вся заставлена книгами, маленький столик для письма и небольшая самодельная кроватка для меня. В углу, за ширмой, маленькая кухонька с керосинкой.

Когда мы пришли домой, то в первую очередь дядя повел меня в баню. Там я чуть не сгорел от стыда, когда увидел свою грязную одежду, не мытую несколько месяцев. Нижнее белье, рубашку он дал мне новые.

Когда вернулись домой и попили чаю, он показал мне мою уже застеленную постель, кухню, керосинку, электровыключатели, предупредил, что домашнее хозяйство будем вести совместно.

В людях. Продолжение рассказа

Так началась для меня совершенно новая жизнь. Все было непривычно. Я не мог понять, зачем нужны простыни на постели, зачем чистить зубы порошком: они у меня и так чистые и т.д. Но постепенно привыкал. Перестал удивляться репродуктору, который по утрам начинал говорить сам по себе, привык мыть посуду, ходить в магазин за покупками.

Но, несмотря на весь этот комфорт, я, особенно в первое время, очень скучал об отце, о друзьях и даже о бане и землянке с их специфическим, ни с чем не сравнимым запахом, в которых мы спали с отцом в обнимку.

По вечерам дядя, чтоб я не скучал, стал приносить мне «Пионерскую правду» и «Мурзилку», но я не проявлял к ним особого интереса. Тогда он (мудрый мужик) однажды принес мне книжку «Приключения Тома Сойера» (Марка Твена) и попросил прочитать ее побыстрей. Повесть о мальчике Томе так меня увлекла, что я прочел ее залпом дважды. Вскоре на моем столе появились «Приключения Гекельберри Финна». Результат тот же. А далее, одна за другой, пошли «Ребятам о зверятах» Чаплиной, «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля, «Гуттаперчевый мальчик» Д. Григоровича. Но больше всего меня тронула судьба Ваньки Жукова, как мне показалось, сходная с моей. Так легко и непринужденно дядя привил мне любовь к чтению. Это и отвлекло меня от грустных мыслей.

Вскоре дядя устроил мне экзамен по программе четвертого класса начальной школы. При этом выяснилось, что более или менее хорошо я разбираюсь только в арифметике. А по остальным предметам: география, чистописание, обществоведение, русский язык – мои познания были почти на нуле. И с этого времени мы с дядей осиливали программу 4-го класса начальной школы. Не скажу, чтоб я занимался с восторгом. Видя это, дядя напомнил мне напутствия отца – учиться на «отлично». Это возымело свое положительное действие, и к летним каникулам успешно сдал все экзамены за четырехлетку.

А с началом теплых дней дядя отвез меня к отцу. Там я был приятно удивлен тем, что рядом с землянками появилось несколько новых, пока еще недостроенных срубов. Строящийся поселок назвали Выселкой. Народ начинал обживать новые места. Эту картину удручал вид убогого кладбища, которое появилось здесь раньше поселка.

Еще один парадокс. В этот период, на природе, без какого-либо комфорта, полуголодный, но рядом с отцом и своими товарищами я чувствовал себя лучше, чем в городе. Мы с ребятами целыми днями пропадали на речке, в которой кроме пескарей, да еще каких рыбешек, никакой «солидной» рыбы не водилось. Часто ходили в лес за грибами. Вот их было много. Все грибы отдавали в общий котел.

Но всему бывает конец. В конце августа отец снова отвез меня к дяде, который очень обрадовался моему приезду. Видя это, я стал догадываться, что дядя привязан ко мне, может быть даже больше, чем я к нему.

Перед началом занятий дядя отвел меня в одну из загородных школ, но не в ту, в которой работал сам. С директором школы они о чем-то долго беседовали, потом позвали меня к себе.

Директор устроил мне небольшой экзамен – спросил таблицу умножения, велел на карте показать, где расположена Австралия, Африка, Камчатка. Под конец попросил написать заявление на прием в школу. По-моему это сделано больше для проверки моих познаний по русскому языку. Заявление я написал без ошибок, а вот почерк был «не очень».

Прочитав заявление, директор сообщил мне, что в школу меня принимают, что учиться я буду в 5 «а» классе.

Мысленно я представлял этот класс в виде большой дружной компании, как летом в Выселках. Но все оказалось не таким.

Начались занятия, и через некоторое время я понял, что класс меня не принял. Нет – они не «задирали» меня, не грубили, не обзывали. Они просто меня не замечали. Я оказался в одиночестве. Подобное одиночество... на людях было для меня тяжелейшим испытанием. Дядя заметил мое состояние и однажды спросил меня:

– Что-нибудь случилось?

Сквозь слезы я ответил:

– Почему они со мной не разговаривают?

– Кто они?

– Ну, ребята из нашего класса.

Дядя некоторое время молчал, а потом спросил:

– А почему ты считаешь, что с тобой надо разговаривать?

– Но не молчать же?

– А вот ты хоть раз спросил меня – почему у меня нет ни жены, ни детей? По специальности я историк, а преподаю физику?? Тоже ведь молчишь.

– Не знаю, – ответил я. А почему?

– Подрасти немного. Как-нибудь расскажу. А в классе все образуется со временем, и друзья появятся. Может быть из дру-

гого класса. Но для того, чтобы исправить настоящее положение, первое – не забывай об отличной учебе. Во время каникул будут спортивные соревнования между школами. Ты должен хотя бы по одному из видов выступить и стать чемпионом. Какие виды спорта ты любишь?

– Лыжи и бороться.

Назавтра дядя отвел меня к физруку своей школы прямо на занятия. Тот для начала заставил меня побороться с одним из своих учеников, который, к моему удивлению, довольно легко меня победил.

Обращаясь ко мне, физрук сказал:

– Сила и хватка есть, а техники никакой. Так что начнем сначала.

Как только выпал снег, дядя стал тренировать меня и по лыжам. Я и не ожидал, что он хороший лыжник. И учиться, и ходить на тренировки было трудно, но дядя был настойчив.

В общем, к зимним каникулам у меня были четверки и пятёрки по успеваемости. Первое место в классе по борьбе и второе – по лыжам: тренировки не прошли даром. Это позволило нашему классу занять первое место в школьных соревнованиях, а призерам – выступить на городских. На них я занял, если не первые места, то все-таки – призовые. Дядя был очень доволен, но, поздравляя меня, напутствовал:

– Только не кичись и не выпендривайся. Будь поскромней. А вот тебе подарок от отца. Он прислал тебе письмо. Поздравляет тебя с Новым годом, рад твоим успехам и надеется на скорую встречу. Вот приписка – Семену Петровичу. Лично.

Это было первое в моей жизни послание, адресованное лично мне. Я был тронут, рад, и конечно, очень доволен.

* * *

Несмотря на мои спортивные успехи, заметных изменений в отношениях с классом я не замечал. Я стал молчалив, замкнулся. Молчал и дядя. Позже я узнал, что обо всем, происходящем в классе, он поставил в известность директора школы. Но они решили пока ничего не предпринимать.

Но однажды в моей жизни произошло очень знаменательное событие. В этот день последним уроком у нас была биология. Занятия вела уже старенькая, с седыми, когда-то кудрявыми волосами, учительница Софья Давыдовна по прозвищу «Софа». После окончания урока все быстро разошлись, кто куда. А я не спеша укладывал свои книжки и тетрадки в свою холщевую сумку. Учительница подошла ко мне. Я удивился, даже подумал: «А ей что еще надо?». А она вдруг ласково потрепала меня по волосам, сказала:

– Не унывай: все пройдет и образуется.

Это было настолько неожиданно и трогательно, что я, давно отвыкший от женской ласки, был так тронут, что слезы против воли стали наполнять мои глаза. Она еще раз погладила меня по голове и добавила:

– Не надо плакать, ты ведь мужчина. В жизни все проходит, пройдет и это...

– Что это?

– Друг мой, я сорок лет работаю в школе, насмотрелась всего. Я все вижу.

Я был так расстроен, что даже не знал – как мне вести себя в этой ситуации. Она продолжала:

– Я тебе вот что посоветую – посмотри на свое поведение со стороны – правильно ли ты ведешь себя с другими?

Ласково посмотрела мне в глаза, улыбнулась, и, прихватив свою сумочку, спокойно направилась к выходу. Уже в дверях добавила: «А Степану Ефремовичу передай привет и наилучшие пожелания».

В тот вечер я долго бродил по поселку. Присаживался на какие-то уже припорошенные снегом скамейки, опять бродил и никак не мог избавиться от мысли, что в моей жизни что-то все-таки произошло. Домой я пришел позднее обычного, немного перекусил уже подогретой кашей и ушел в комнату. Пытался сесть за уроки, но никак не мог сосредоточиться. Дядя, конечно же, уловил мое состояние, зашел в мою комнату, присел на койку, пытливо посмотрел мне в глаза:

– Что-то случилось?

– Да.

– Что именно?

Я проигнорировал его вопрос и в свою очередь задал ему свой:

– Дядя Степа, а какие у Вас фамилия и отчество?

Он неожиданно для меня расхохотался и как-то неопределенно произнес:

– Это уже кое-что... Но на вопрос ответил.

А я опять спросил его:

– Вы нашу училку по биологии знаете?

– Софу что ли?

– Да

– Конечно. Она, когда только еще начинала работать в нашей школе, вела у нас биологию. Как сейчас помню – тычинки, пестики, цветочки, листочки. Мы с ней и сейчас в хороших отношениях, на разных собраниях да совещаниях встречаемся. Она у нас Заслуженный работник просвещения, орденосец.

Ответ дяди удивил меня. Я никогда не задумывался о том, что он тоже когда-то был школьником, учил уроки. В ту ночь я долго не мог уснуть и начал догадываться: вот откуда Софа кое-что знает обо мне.

А вскоре произошло еще одно знаменательное событие, которое резко изменило мою судьбу.

* * *

В это время под потолком вагона два раза мигнула лампочка – предупреждение ко сну. Пора было отправляться на покой, подкинуть в печку дров. Кое-кто попросил продолжить рассказ в темноте. Но Сибиряк, сославшись на усталость, интригующе бросил:

– Тут замешана женщина. Надо кое-что вспомнить. Давно это было.

А я, вспоминая те события, – вагон, печку, рассказчика, слушателей – все больше склоняюсь к мысли, что для нас это было как бы театром одного актера. Актер – Сибиряк без особых усилий, сам того не ведая, как-то незаметно овладел аудиторией (залом). Как это ему удалось? Чем он нас подкупил? Наверное, правдой, чистосердечностью, искренностью, ну, и, конечно, дра-

матизмом самих событий. Не в этом ли, наверное, кроется секрет любого сценического представления: драмы, кино, оперы и др.

Ночь выдалась морозной. Мы все изрядно продрогли. Все, кто как мог, пытались согреться. У буржуйки уже копошились несколько человек, пытаюсь вернуть ее к жизни. Сибиряк, как всегда, отрешенно лежал в своем углу, закрыв глаза, но не спал. Когда в вагоне стало потеплей, а печка вовсю гудела, Иван Кировоградский обратился к нему со словами:

– Эй, Семен Петрович, чего дрыхнешь? Мы ведь ждем. Тем более что речь должна пойти о женщине.

Сибиряк, недовольный тем, что его оторвали от своих дум, не спеша встал, размялся, подошел к печке и, обнаружив, что его место на шпале свободно, уселся на нее. Погрел руки у печки, оглядел окружающих, спросил:

– На чем мы остановились?

– Ты про какую-то женщину намекнул вчера.

– Ах, да. Вспомнил. А дело было так. Один раз иду я, не спеша, из школы домой, и вдруг меня догоняет одна девчонка из нашего класса – Люська Хохлова. Довольно симпатичная, вздорная, подвижная такая. Так вот, догоняет меня и спрашивает:

– Ты где живешь?

– На Заводской.

– Это далеко?

– Нет, не очень.

– Живешь с родителями?

– Нет, с дядей.

– А где родители?

– Мать умерла. Отец есть, он живет в деревне, там нет школы.

– Тебе нравится учиться?

– Учиться – да.

– А что – нет?

Я молчал, не зная, что и как ответить, и поэтому неопределенно пожал плечами.

– Не виляй, говори прямо.

– Не нравится класс.

– Чем?

– Недружный он.

– Неверно. Ты живешь своей жизнью, и поэтому не знаешь, как мы живем, чем увлекаемся и т.д.

Мне не хотелось излить перед ней свою душу, высказывать накопившиеся обиды, поэтому я замолчал. Молчала и она. Так мы дошли до моего дома. Я остановился, давая понять, что мы уже почти дома. Но Люська оказалась настырной и попросила меня показать мое жилище. Все происходящее мне не очень нравилось, но выглядеть неприветливым не хотелось, поэтому я не возражал.

Когда мы вошли в квартиру, она сняла обувь, пальто, небрежно бросила свои учебники прямо на пол у входа, бесцеремонно и молча прошла по всем комнатам. Когда осмотр закончился, она удовлетворенно произнесла:

– Небогато, но уютно. А кем работает твой дядя?

– Он учитель. Преподает физику в 6-й школе.

– А у меня папа ветеринарный врач, лечит всяких зверюшек. Кстати, ты любишь животных?

Я сразу вспомнил свою Маньку и сказал, что люблю лошадей.

– Ну, какие это животные, вот у нас в доме есть кот, собачка, черепашка, даже крыса – небольшая, черно-белой масти. Живет в клетке, но с удовольствием бегаёт по комнате. В общем, в ближайший выходной я приглашаю тебя к нам в гости. Это недалеко – на соседней улице. К двум часам. Смотри не опаздывай.

Все это было настолько неожиданным, что я не смог оценить создавшуюся ситуацию и молчал. А она быстро оделась и ушла.

Впервые женщина приглашала меня на свидание. Что делать? Как поступить?

Когда дядя пришел домой, я сразу сообщил ему о случившемся. Против ожидания, он обрадовался такому повороту событий и посоветовал непременно воспользоваться таким предложением:

– Брюки погладь, ботинки почисти, носовой платок не забудь. Садись, я тебя подстригу по-модному. Увидишь, как живут другие, а не только мы.

В выходной (мы жили тогда по пятидневкам) дядя почти силой вытолкнул меня за дверь, напутствовал:

– Истуканом не будь. Веди себя свободно, будто ты только тем и занимаешься, что ходишь по гостям.

Я быстро нашел адрес дома, но долго думал, как постучать, но решил, что лучше всего это сделать ногой. Дверь сразу же отворилась – видно, меня уже ждали. Люська быстро стянула с меня пальто, велела снять ботинки, взяв меня за руку, как маленького, повела меня на кухню знакомить с матерью. Видя мою растерянность, шепнула мне на ухо: «Не забудь поздороваться».

Когда вошли, я механически поздоровался. Ее мама – еще не старая, красивая и моложавая женщина, приятно и даже немного кокетливо улыбнулась, произнесла:

– Здравствуйте, молодой человек. Не стесняйтесь, будьте как дома.

А Люська повела меня по своим хоромам. Квартира была довольно большой: гостиная, детская, рабочий кабинет отца. В нем за столом сидели два парня моего возраста. Они с увлечением играли в шахматы и на меня не обратили никакого внимания. Люська подвела меня к ним, представила:

– Знакомьтесь, это Семен. Он из нашего класса. А это – Игорек и Коля, мои друзья, живут и учатся в городе.

– А ты умеешь играть в шахматы? – обратилась она ко мне.

– Нет, – ответил я.

– Ребята, научите Семена играть в шахматы.

И сразу же ушла на кухню.

Игорек и Коля стали наперебой знакомить меня с фигурами, как они ходят, рубят и в чем заключается суть игры. Все это было сказано настолько быстро и бестолково, что я ничего не понял. Тогда они решили провести тренировочную партию – двое против одного: я и Игорь против Николая. Такой метод обучения оказался более эффективным: минут через 30-40 я уже имел некоторое представление об игре. А с ребятами я как-то сразу подружился, словно был с ними давно знаком. Пришла Люся в новом платье без фартука и театральным жестом пригласила нас в гостиную.

В центре гостиной стоял большой овальный стол, накрытый белой скатертью с цветастой вышивкой по краям. На столе – ча-

шечки и тарелки по числу присутствующих. В центре – кастрюля с едой и стеклянный поднос с нарезанным хлебом. Игорь и Коля, не дожидаясь приглашения, быстро уселись за стол. Вели они себя свободно, было видно, что они здесь не первый раз. Меня усадили между ними. В гостиную вошли Люся и ее мама. Она была в новом, довольно простеньком платье, обвела всех взглядом и приветливо провозгласила:

– Ну что ж, все в сборе. Вначале отведайте капустного салата – для развития аппетита. Накладывайте сами по потребности.

Для меня эта церемония – чистая скатерть, фарфор, каждому отдельная посуда, ложки, вилки – все было внове. На память сразу пришла наша деревенская (на мельнице) еда из одной общей чашки, полуголодное существование в вагоне, общий котел в землянке, сытая, но простая еда у дяди. Поэтому я, забыв его напущения, чувствовал себя в полнейшей растерянности.

Не мог понять что и чем кушать – ложкой или вилкой. А зачем ножик? Завидовал своим соседям, которые уже с аппетитом уплетали салат, приговаривая:

– Спасибо, тетя Маш. Все очень вкусно.

В конце концов, я решил все делать так же как они. Взял вилкой кусочек хлеба, но кушал медленно, как меня учил дядя. Люся сидела напротив, с улыбкой посматривала на меня, иногда украдкой подмигивала – мол, не робей.

После салата нам предложили борщ по-украински (я и слова-то такого не знал). Потом котлету с картофельным пюре и подливом, а на десерт – стакан киселя. Но должен сказать, что все было действительно вкусно.

Вот так я впервые оказался в «великосветском обществе».

После обеда Люся повела меня знакомить со своим «животным миром». Жирный кот оказался порядочным засоней и никак не хотел вылезать со своей мягкой подстилки под столом. Маленькая пучеглазая собачка – наоборот – была очень игрива. Все просилась мне на руки и пыталась лизнуть меня в нос. Небольшая черепашка по прозвищу Пашка любила тепло и мирно сидела у Люси на коленях. А когда Люся положила ее на пол, то медленно поплелась на свое постоянное местожительство, оставив по

пути пару коричневых «кокешек». «Бесстыдница», – беззлобно обозвала ее хозяйка. И как бы оправдываясь, сообщила мне, что она у них молодая и правил поведения не знает.

Потом Люся повела меня в кабинет отца. Ничего особенного: чернильный прибор, книги. Медицинские – в отдельном шкафу под замком. Остальные – довольно толстые, с золотым тиснением, – мирно пылились на полках и, как мне показалось, были мало читаемые.

В кабинет зашли Игорь и Коля, сообщили, что уходят. Я решил, что и мне пора. Теперь уже втроем мы дружно попрощались с тетей Машей. Она улыбнулась, сказала, чтоб мы приходили еще, а Люсю попросила проводить нас. Люся, накинув на плечи легкое пальтишко, вышла с нами на крылечко, поблагодарила за визит, попросила нас заходить почаще.

Когда я вернулся домой, дядя сразу спросил меня:

– Ну, как, понравилось? Рассказывай. Я довольно подробно рассказал ему обо всем, что было. Он слушал меня внимательно, и когда, я закончил, спросил:

– А что тебе больше всего понравилось?

Я ответил, что борщ.

После моего признания дядя почему-то задумался, а потом произнес:

– Ладно, Семен, достанем мяса и тогда борщ сварганим не хуже люськиного, – и, уходя к себе, добавил. – Скоро у вас будет родительское собрание, ты меня как-нибудь познакомь с Люсиной матерью.

Теперь-то я понимаю, что мой ответ по отношению к дяде был не очень корректным, но в то время я еще не знал, что не всегда можно говорить о том, что думаешь.

На следующий день я спросил Люсю:

– Всегда вы так встречаете и угощаете гостей, как вчера?

– Да нет. Гости тут не при чем. Это мама меня все воспитывает и учит, как надо вести себя в порядочном обществе. Как принимать гостей и прочее. Только ученик из меня неважный. Школьные привычки я усваиваю быстрее.

А Сибиряк, оглядев окружающих, продолжал:

– Ребята, может вам показаться это странным, но в классе я вначале подружился с девчонками. Они относились ко мне очень дружелюбно, иногда даже опекали. А Люся стала моей хорошей подругой.

Кто-то спросил:

– А с ребятами так и не сошелся?

– Нет. Сближение с ними произошло весной, после седьмого класса, когда в школе стали создавать футбольную команду. Меня, как уже признанного спортсмена, включили в нее в первую очередь. Футбол – игра компанейская: частые тренировки, игры, встречи сделали свое дело. Да и проблема кулачества стала терять свою остроту.

Но больше всего нас интересовал вопрос о том, как он, несмотря на все сложные жизненные обстоятельства, стал летчиком.

Прежде чем ответить, он спросил нас:

– Кратко или подробно?

– Валяй как хочешь, на свое усмотрение.

– Если кратко, то все произошло совершенно случайно. Я уже окончил 8 классов. Подрос, окреп, увлеченно играл в футбол. Один раз, уже осенью, в девятом классе, дядя принес мне свежий номер городской газеты, в которой было сказано, что городской Комитет ОСО (Общество содействия Армии и Флоту) объявляет набор в секцию планеризма.

Я прочел. А дядя спрашивает: «Не хочешь попробовать? Интересно ведь. Желающих будет много».

– Вы сами знаете, что это был период увлечения молодежи авиацией. Без всякой надежды на успех я тоже подал туда заявление, хотя и не подходил по возрасту. Медкомиссия узнав, что я активно занимаюсь спортом, сделала исключение, и меня зачислили курсантом. Мы наивно полагали, что через месячишко-два мы уже будем парить в воздухе. Но не тут-то было. Все началось с изучения азов воздухоплавания: история вопроса, конструкция планера, теория крыла, фюзеляж, киль, стабилизатор и пр. и пр. Не вам говорить, сами знаете. На все это ушла зима. Практические занятия начались только весной. Нам выделили небольшой уголок на городском аэродроме, где уже стоял наш учебный

(двухместный) планер – «парта». Планер поднимали в воздух мы сами на высоту 5-15 м с помощью резиновых «растяжек».

– Мы знаем это, можешь не рассказывать.

– Все лето на этих растяжках мы осваивали технику пилотирования планером. Не все смогли выдержать эту «муштру», многие отсеялись. Но я решил идти до конца, закончить учебу досрочно, чтобы побывать в Выселках.

Со всех сторон рассказчику посыпались вопросы:

– А было ли планирование в воздухе?

– Да, всем, кто прошел наземную школу, инструктор разрешил подняться в воздух. Буксировщиком был обычный самолет У-2. Он поднимал планер на высоту 500-600 м, отцеплял буксировочный трос и оставлял нас в свободном полете.

– Ну, и каково впечатление?

– В первый раз я боялся, что мы свалимся в пике или штопор, поэтому тот полет мне не очень запомнился. А во второй раз инструктор передал управление планером мне. И вот тогда я ощутил всю прелесть свободного полета. Планер так сконструирован, что устойчив против падений, порывов ветра и т.д. В полете он держится на восходящих потоках воздуха, и поэтому секрет пилотирования зависит от умения пилота находить эти потоки.

– А что общего между пилотированием самолета и планера?

– Ничего. Нет бешеной скорости, нет рева мотора, тишина, да иногда – птица рядом. В общем, это трудно передать словами.

– А как ты переходил на моторные самолеты уже в училище?

– Болезненно: на планере повелитель – я, на самолете – мотор, который тащит меня с бешеной скоростью – дай Бог с ним управиться.

– А в Выселки съездил? Как там дела?

– Да. Повидался с отцом, друзьями, жителями поселка. Но этот приезд не дал мне прежней радости. Встречаясь с ними, я увидел, что в их жизни мало что изменилось к лучшему. А я уже стал как бы городским. Со своими сверстниками мне уже не о чем было говорить. И я, и они это чувствовали. Я не потерял к ним уважения, не пытался выставить себя городским, но разговора не получалось. Таковы, видать, издержки образования.

Еще больше меня огорчило то, что в такой же мере ухудшились и мои отношения с отцом: они тоже стали более прохладными. Вначале я даже не понял, кто к кому из нас охладел: я к нему или наоборот? Сознать это было трудно, больно и тяжело. Меня не покидало ощущение, что я что-то в своей жизни утратил, будто меня с корнем вырвали из земли, на которой я рос.

Весь обратный путь я не переставал думать о случившемся. Размышляя об отце, я понял, что, отправляя меня к дяде, он больше беспокоился не о своем, а о моем благополучии. И, наверное, предчувствовал, что при этом он в какой-то мере теряет меня. Эта догадка потрясла меня, и поэтому, приехав домой, я сразу же написал ему письмо со словами вечной благодарности за все то, что он сделал для меня.

Некоторое время Сибиряк молчал, но вскоре продолжил:

– В сентябре начались занятия в школе. 10-й класс – выпускной, поэтому дядя держал меня в строгости и постоянно напоминал мне о том, что я должен окончить школу безукоризненно, так как от этого будет зависеть моя дальнейшая судьба. Я, конечно, старался по мере своих сил, но не потому, что беспокоился о своей дальнейшей судьбе, а скорее потому, что не хотелось огорчать дядю, который так много делал для меня. Но во втором полугодии, поближе к весне, в школу зачастили различные военные «покупатели»: танкисты, моряки, саперы и др. Все они усиленно агитировали нас продолжать дальнейшее образование в различных военных заведениях. Вскоре появились два летчика из Оренбургского летного училища. Узнав о том, что я окончил школу планеризма, сказали мне, что после десятилетки меня безо всяких экзаменов могут зачислить в это училище. К этому я был совершенно не готов, и обо всем сообщил дяде. Он сказал, что надо крепко подумать, а потом и будем принимать решение. Дня через четыре он зашел ко мне в комнату и завел разговор примерно такого содержания:

– Вот что, Семен, слушай меня внимательно, ты уже взрослый человек, вон меня уже перерос. Ответь мне на такие вопросы. Первое – задумывался ли ты, кем будешь в будущем: рабочим, крестьянином, ученым, врачом и т.д.?

– Нет. Не задумывался. Все мои предки были крестьянами, поэтому я предполагал, что и мне уготована такая же участь. Но мой последний приезд к отцу показал, что я стал уже другим. А каким – не знаю.

– Вопрос второй, и, пожалуй, самый сложный. Дело в том, что летом тебе надо будет получать паспорт. Для этого потребуются твои «метрики». А у тебя их нет. И у отца твоего тоже нет. Кто поедет за ними в Иваново?

Привыкнув жить на полном попечении дяди и по его указке, я не задумывался о том, как будет складываться моя дальнейшая судьба. Но помнил, что я – кулацкий сын. А дядя продолжал:

– Я по опыту знаю, что человек, познавший вкус неба, навсегда становится его пленником. А ты уже познал его, значит, и тебя рано или поздно потянет туда же. Поэтому я считаю, что ты должен принять предложение летчиков и связать свою судьбу с небом. Профессия летчика романтическая, престижная. Эти «покупатели» побывают и в других школах и наберут нужное количество желающих и без тебя. Но у тебя есть преимущество – ты планерист, значит, пригоден по здоровью, знаешь основы воздухоплавания и пр.

Для поступления в училище Михеич оформит тебе временное удостоверение личности. Школа выдаст аттестат зрелости. После окончания училища – офицерское звание, военный билет и направление в часть.

После долгих и мучительных размышлений я принял предложение дяди и стал курсантом Оренбургского военного училища.

Сибиряк встал и хотел уйти в свой угол, но вопросов к нему было еще много, главнейший – что стало с Выселками? Сибиряк не очень охотно вернулся на свое место и продолжал:

– В Выселках события развивались следующим образом. В ту первую зимовку в землянках умерло еще несколько человек. Ближе к весне Михеич организовал у местного населения закуп картошки и еще кое-каких семян на посадку. Работягу «Фордзона» сняли с пилорамы, и он распахал нам небольшой участок земли недалеко от поселка. Бог был милостив к нам: картошка и другие овощи уродились на славу. На следующий год приусадебные участки нарезали всем, кто уже строился.

Года через 2-3 началась коллективизация. Колхозы вначале были небольшими, практически в каждой деревне – свой. Вот такой колхоз организовали и в Починках, где жил Михеич. А в Выселках ничего не надо было и организовывать – люди и так жили колхозом.

Поэтому там создали отдельную бригаду, которая автоматически вошла в этот колхоз. Бригадиром избрали моего отца. Надо сказать, что дела в этой бригаде шли хорошо. Бывшие кулаки, привыкшие к крестьянскому труду, и в этих условиях не могли вести себя иначе.

На первых порах все колхозы стали выращивать зерно. Чтоб не возить его на государственный элеватор, расположенный далеко, районное начальство решило сделать свою мельницу на механической тяге. Ее строительство, наладку и дальнейшую эксплуатацию тоже поручили сделать моему отцу, не снимая с него бригадирских обязанностей.

Уже перед войной произошло еще одно знаменательное событие – отец женился на младшей сестре своей бывшей жены, то есть моей тетке. Она была моложе его лет на десять, но на предложение отца согласилась сразу. На родине (у мельницы) продала дом, хозяйство, живность и приехала к нему на Выселки. На вырученные деньги они купили корову. Таким образом, отец стал одним из первых владельцев скота. В одном из своих писем, когда я был уже в училище, он писал мне, что опасается, как бы опять не раскулачили. Вот и все.

– А как расставались с дядей?

Сибиряк надолго задумался. Но все же ответил:

– Вы задали мне очень трудный вопрос. Когда я учился уже в старших классах, то имел полный доступ к его книгам в библиотеке. Там я обнаружил, что в ней очень много книг по истории государства Российского и других стран. И очень мало – по физике. Я спросил дядю: «Почему это так?». В ответ он признался, что в 37-38 гг. он попал «под подозрение», и, чтобы не искушать судьбу, будучи историком, полностью отказался от преподавания истории, остался на должности только завуча. А физиком стал уже позже.

Среди книг по истории было много еще дореволюционных – Ключевского, Ишимовой и др. За хранение можно было запросто схлопотать «десятку», но он их мужественно хранил. Я до сих пор не могу понять, как ему удалось «усыновить меня», когда сам находился в «подвешенном состоянии».

Все эти годы мы жили с ним дружно. С полным правом могу сказать, что меня воспитал не столько отец, сколько он. Ведь меня надо было не только учить, но и поить, кормить одевать, обувать. Вначале я воспринимал это как само собой разумеющееся. Но в старших классах взял на себя большинство домашних забот: уборку, стирку, магазины и даже стирку. Он опекал меня до окончания школы, фактически дал мне «путевку» в жизнь. Простились мы с ним очень тепло. Потом оживленно переписывались. Уже в письме он признался мне, что я был ему как сын.

Все думали, что на этом «одиссея» Сибиряка закончилась, но ошиблись: как покажет время – самое трудное будет еще впереди.

Неутешительный прогноз

На следующий день у печки, на огонек, собралась, наверное, половина обитателей вагона – отогревались все кто как мог. Без приглашения пришел и Сибиряк. Против обыкновения, все почему-то молчали. Разговор, как бы случайно, начал Иван Сталинский (далее Иван).

– Семен Петрович, я внимательно прослушал историю твоей жизни. Скрывать не буду – был тронут. Даже восхищен тем, что, несмотря на все невзгоды и унижения, ты смог остаться человеком, не потерял интереса к жизни. Хорошо мыслишь. Но один, весьма деликатный вопрос остался в тени.

Сибиряк с легкой усмешкой пытливо посмотрел ему в глаза, произнес:

– Я примерно догадываюсь, о чем ты меня спросишь, но все равно – слушаю.

Иван, тщательно подбирая слова, боясь нечаянно оскорбить его, продолжал:

– После всего, что ты перенес, что видел и пережил, по тону твоего рассказа чувствуется, что никаких симпатий (тут он слегка

замялся) к нашему правительству ты не испытываешь, что вполне естественно.

Вагон насторожился. Все инстинктивно почувствовали, что главное только еще начинается. А Сибиряк спокойно ответил:

– Да, это так. Никаких симпатий к нашей Партии и Правительству я не питаю.

Наступила зловещая тишина. Из своего угла к печке осторожно подошел Костя Пильчук, обычно не принимавший никакого участия в этих словесных перепалках. Прекратили свою игру картежники и с любопытством ждали – что будет дальше. Иван и сам, наверное, не ожидал такого эффекта от своих вопросов, но продолжал:

– По тем орденам, которые ты имеешь, можно судить, что против немцев воевал ты неплохо. Но ведь немецкое военное руководство, которое пытается свергнуть наш государственный режим, пусть косвенно, является, таким образом, как бы твоим союзником?

Сибиряк резко возразил:

– Категорически не согласен. Русские воины во все времена, начиная с петровских, а может быть и раньше, были храбрыми солдатами. А за что они воевали? За Веру, Царя и Отечество. У меня веры нет: я атеист. Царя в нашем государстве тоже нет. Что осталось? Отечество, то есть Родина. Вот за эту Родину – Большую и Малую – я воевал. За этот народ, который в тылу делает все, чтоб мы победили. Это – первое. Я воюю не против немцев, как ты говоришь. Немецкий народ я уважаю за то, что они дали миру Моцарта, Штрауса, Гегеля, Бетховена, Маркса, Энгельса и др. Это трудолюбивый, пунктуальный и дисциплинированный народ, не то, что мы. И чего греха таить, они умеют неплохо воевать. Еще раз повторю – я воюю не против немцев, а против гитлеризма, фашизма, цель которых – захват нашей и других территорий, порабощение нашего народа.

Отыскав глазами Генриха, он обратился к нему с вопросом:

– Генрих, как переводится на русский известное изречение Гитлера из его программной книжки «Майн кампф» – «Дранг нах остен»?

– Примерно, как «Прыжок на восток».

А Сибиряк, обращаясь уже ко всем, продолжил:

– Вы слышали? На восток – значит до Урала. Гитлеровский режим, который устанавливается на захваченных территориях, базируется на беспредельном насилии и терроре. Порабощенные народы никогда не простят ему такие лагеря смерти, как Освенцим, Майданек, Трешлинка и многие другие.

Эх, Сибиряк, мудрый ты мужик, а тут, пожалуй «маху дал». Не прошло и полстолетия, как уже все забыто. Что сейчас творится на Украине! Неужели украинский народ забыл «Бабий яр»? А что в Прибалтике, в Польше, за освобождение которых отдали свои жизни сотни тысяч наших солдат! Не говоря уже про забытые события в Чехословакии и Венгрии. Не знаю точно: стоит ли под горою Алеша – «Болгарии русский солдат»?

Не знаю точно, как сложилась твоя судьба. Но, если ты еще жив, то, наверное, как мы, с горечью вопрошаешь: «За что боролись»?

А Иван, вплотную прижавшись к Сибиряку, вполголоса, и как бы извиняясь, обратился к нему со словами:

– Ты, Семен на меня не обижайся. Я ведь чего более всего опасался – чей ты? Наш или нет. А теперь все мои сомнения рассеялись. Спасибо за откровенность, на это не каждый способен.

– Ну, что ж, и на том спасибо.

Немного помолчав, Иван продолжал:

(они говорили вполголоса, но я все-таки кое-что уловил).

– Понимаешь, меня давно беспокоит один вопрос. Вот здесь мы все пленные, но все равно – советские. И вот надо бы как-то сохранить сплоченность и единство нашего коллектива, чтоб это был не сброд.

– А почему ты обращаешься ко мне – я ведь как бы в оппозиции?

– Ты у нас наиболее образованная, честная и порядочная личность. Несмотря на оппозицию, сумел завоевать авторитет и доверие.

– Спасибо за лестную оценку. Но, я считаю, что задача эта трудно выполнима.

– Почему?

Все – мы здесь слишком разные. Я, сам понимаешь – это одно, ты – другое, Костя только и думает о том, как бы «дать делу», картежники – «темный квартет». На всю эту братию какого-либо объединяющего начала я не вижу. По-моему, надо думать о том, как бы нам в этой ситуации не потерять человеческого достоинства и гражданского мужества. Мы ведь еще не знаем – что ждет нас впереди. Надо быть готовыми ко всему.

В это время открылась вагонная дверь – принесли обед. Сразу пахнуло свежим воздухом. С обедом (полчашки не то очень жидкой каши, не то более густого супа, стакан полусладкого чая и кусочек черного хлеба) мы управились за полчаса. Дверь закрылась и все по привычке отправились к печке. Иван Сталинский о чем-то сосредоточенно думал и не пытался продолжить «заседание». Инициативу перехватил Иван Кировоградский.

– Сибиряк, ты как-то сказал, что у нас в будущем могут возникнуть сложные жизненные проблемы, что ты имел в виду?

– Да, я так полагаю. Дело в следующем. Вот сейчас нас куда-то везут. Что с нами будет – неизвестно. Гадать нет смысла. Давайте заглянем в более отдаленное будущее. Сейчас в Германию согнаны тысячи, а может и более людей со всего света. Все они находятся в лагерях, на различных принудительных работах, на производстве у бауэров и т.д. Но рано или поздно война закончится и начнется великое переселение народов. От западных границ Германии, из Франции, Бельгии и других мест все эти порабощенные народы ринутся на восток – в Чехию, Польшу, в СССР. На всех видах транспорта, а то и пешком. Скорей, на Родину. А Германия – в руинах. Финансовая система разрушена. Кто и как будет управлять этим многотысячным потоком беженцев? Каким транспортом? На какие деньги?

Как будет организовано питание? Но меня больше всего интересует судьба военнопленных, вроде нас. Их основная масса будет находиться, наверное, в лагерях. Что будет с ними? Мне кажется, что нам сделают предварительную фильтрацию. Может быть, даже повезут в Россию. Даже будет налажено какое-то питание. А что дальше? Демобилизация и продолжение службы? В каком звании? Для этого потребуется восстановление документов. А это процесс длительный. Поэтому, я думаю, что оконча-

тельное установление личности будет производиться по месту жительства. Вполне возможно, что я, дай Бог, ошибаюсь, и все будет проще. Но вряд ли. Так что, уважаемый Иван Семенович и все остальные, готовьтесь к худшему.

– Почему ты считаешь, что все так и будет? – спросил Иван.

– Потому что у меня в этом отношении больше опыта. Компетентные органы спросят у вас, где вы были и что вы делали во время войны в тылу врага, когда все честные люди страны сражались с ненавистным врагом? А потом... в соответствии с указом правительства номер такой-то, отправят вас отбывать наказание в лагерях общего режима на 5-10 лет. И поверьте мне, после окончания срока ваша любовь к родному Правительству немного поубавится.

Наступило длительное молчание и тяжелое раздумье.

И ведь как в воду глядел. Многое сбылось. Но об этом я расскажу позднее.

Нам песня жить помогала

То ли спорщики устали, то ли исчерпали все свои аргументы, то ли обдумывали тот прогноз на будущее, который выдал нам Сибиряк накануне, но на следующий день в вагоне было как-то непривычно тихо. Молча попили чай, даже не охотились за дровами. Но природа не любит пустоты. Ближе к обеду один из пленных, молча сидевший на трухлявой соломе, задумчиво пропел:

– Ты добычи не дождешься, черный ворон – я не твой.

Оказалось, что, сам того не ведая, он как бы предвосхитил то внутреннее состояние, в котором мы все находились. В тон ему песню продолжил его сосед, сидевший рядом:

– Ты слетай-ка, черный ворон, к отцу-матери домой.

К ним присоединились еще несколько человек с противоположной стороны вагона:

– Переда-а-а-а-й-ка ты невесте – я женился на другой.

Через несколько минут песню не очень громко, но слаженно пел почти весь вагон:

– Вышла дева на крылечко, покачнулася слегка и узна-а-ала по колечку, чья у ворона рука.

С этого момента песня надолго стала нашим постоянным спутником и другом. Первое время мы пели преимущественно русские народные песни. И по содержанию, и по манере исполнения они самой природой были предназначены для хорового пения. У нас не было ни хормейстера, ни дирижера, никто не имел ни специального образования, ни поставленного голоса. Но была у нас общность нашей горькой судьбы, тоска по Родине, горечь утрат. Поэтому пели мы слаженно, задушевно, на два, а иногда и на три голоса. В репертуаре, кроме «Ворона», были: «Раскинулось море широко», «Есть на Волге утес», пели про байкальского бродягу, про ямщика, который замерзал в пути. Не хуже звучали и лирические: «Шумел камыш», «Ой, мороз, мороз», про коня, который гулял на воле, про коробейников.

В школьные годы я играл в школьном оркестре Ординского дома культуры на балалайке и мандолине, немного знал музыкальную грамоту. Прислушиваясь к пению, я, конечно, замечал, что доморощенные хористы, вроде нас, пели не всегда грамотно, но всегда дружно, слаженно и одухотворенно, от души – так, что песня всегда «брала за сердце».

И тут я, уже в который раз понял, что успех любого сценического действия (оркестр, хор, песня, опера, балет и прочее) определяется не только мастерством исполнителя, но и тем, сколько души вложено им в сам сюжет. Так, например, в чем секрет непревзойденного сценического мастерства Ф. Шаляпина при исполнении им Бориса Годунова? А в том, что он не только хорошо ИГРАЛ его на сцене, а в том, что ОН БЫЛ ИМ. Это же самое можно сказать и про «умирающего лебедя» в исполнении Улановой. Даже в спорте – одиннадцать классных футболистов еще не делают классной команды и т. д.

После русских на смену пришли песни более современные, главным образом, песни военных лет. Приведу лишь часть из них: «Бьется в тесной печурке огонь», «Темная ночь», «Эх, дороги», «Три танкиста». Конечно, не забыли и «Катюшу», «Синий платочек», «После тревог, спит городок». Пробовали и «Валенки» – получилось. После того, как спелись, вспомнили и цыганщину: «Мой костер», «Живет моя отрада». И, конечно же, не забыли Есенина: «Над окошком месяц», «На борах со звонами» и др. Пробовали озвучить и русские романсы – не получилось.

Скрывать не буду – среди нас были любители «похулиганить» и попеть кое-что из лагерного и тюремного репертуара. Тем более что лагерный режим и зеков, и пленных был примерно одинаков. В их творчестве та же тоска по воле, о неудавшейся и надломленной жизни, о разбитой любви. Вот несколько фрагментов этого жанра: «Тихо струны гитары играют моей муки суровый напев», «Не спеши, запоздалая тройка, наша жизнь пронеслась без следа», «Я живу близ Охотского моря, где кончается Дальний Восток» и др. Но были у них песни и другого плана – или прибалтненные, или явно похабные. В них чувствовалась некая удаль, презрение к опасности и своей судьбе, бесшабашность. У нас они пользовались не меньшей популярностью. Изредка, больше для разнообразия, песни эти распевали и мы: «Эх, начинай, да подвочивай, если шухер на пону, то все заначивай». Или известные в воровском мире куплеты «Гоп со смыком».

Но самым непонятным при этом было то, что главным заводилой и инициатором их исполнения был Иван Сталинский - наш главный идеолог! В это трудно поверить, но это так. Есть, видно, в людях некие загадки.

В вагоне нашем было пять-шесть украинцев. В этой группе, конечно же, верховодил Иван Кировоградский. И когда начался «вокальный» период нашего бытия, они без труда отвоевали себе право на исполнение своих украинских песен.

Пели они своеобразно – высоко, с надрывом. Нам подстраиваться под них было трудновато.

Песни для исполнения они подбирали более или менее известные, поэтому и пение было довольно слаженным. А я сразу вспомнил аэродром в Нежурино, где мы с Аркашкой жили на квартире у приветливой хозяйке со своим девичьим хороводом, с одноруким соседом Васькой. Ну и конечно, в памяти сразу всплыли мелодии тех песен, которые мы распевали по вечерам. Все это было всего лишь два-три месяца назад, а казалось - целая вечность. Больно защемило сердце.

Из украинских песен чаще других мы исполняли: «Ривэ тай стогнэ Днипр широкий», «Ничь яка мисячна зоряна ясная», «Распрягайте, хлопцы, коней», «Ой, на гори тай жинцы жнуть» и др. Текст этих песен был мне хорошо знаком, поэтому я легко впи-

сался в их ансамбль, чем удивил всех. Бывало, что после утреннего чая у разогретой печки Иван кричал мне:

– Эй, сержант, яку письню заспиваем?

– По за лугом зэлэнэньким...

– О-о! Цэ гарна письня. Распочинай.

Не очень уверенно, и не в полный голос я запеваю: «По за лугом зэлэнэньким... брала вдова лен дрибнэнький».

Но одна из песен была у нас наиболее любимой. Она более других соответствовала нашему состоянию. Пели мы ее не часто. «Дывлюсь я на нэбо, тай думку гадаю. Чому ж я не сокил? Чому нэ летаю? Чому мэни, божэ, ты крылев не дав? Я б зэмлю покинув, тай в нэбо злитав».

Сейчас, вспоминая то время и тот вагон, я не могу понять - почему мы вдруг запели? Почему не с первых дней нашего путешествия, почему обратились именно к русской народной песне, а не к эстраде того времени? Трудно ответить на этот вопрос. Наверное, потому что частые гудки нашего локомотива и ритмичный стук колос вагона постоянно напоминали нам о том, что с каждым днем мы все дальше и дальше отдаляемся от нашей любимой Родины на далекую и неизвестную чужбину.

И это непреходящая ностальгическая боль непроизвольно выплескивалась наружу через песню, которая сразу стала нашей внутренней потребностью.

Помимо русских, украинских и других был у нас еще небольшой, но нетленный запас наших – профессиональных, что ли. Вот одна из них – исполняется на мотив старинной русской песни про коногона, которого в шахте завалило породой:

Моторы пламенем пылают,
Кабину лижут языки.
Судьбы я вызов принимаю.
Ее пожатие руки.
Достанут нас из-под обломков,
Поднявши на плечи каркас.
Взовьются в небо ястребочки.
Последний раз проводят нас.
И телеграммы понесутся
Родных, знакомых известить,
Что сын их больше не вернется
И не приедет погостить...

Вторая песня была про летчиков, улетающих в последний решительный бой за вечный мир на Земле:

Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица.
Пропеллер, громче песню пой,
Неси распластанные крылья.
ЗА ВЕЧНЫЙ МИР, В ПОСЛЕДНИЙ БОЙ
Летит стальная эскадрилья.

Последние строки мы пели громко, с выкриком.

Третья песня пришла к нам из какого-то фильма. Не помню его названия, но и она была трогательной :

С далекой я заставы,
Где в зелени дом и скамья.
Там парень пел кудрявый.
Ту песню запомнил я.
Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям,
Отважным и смелым в бою,
Что как подругу,
Мы Родину любим свою...
И скажи всем врагам,
Что жарко им будет в бою,
Что больше жизни
Мы Родину любим свою!

Пройдет немного времени, и эта песня произведет фурор в одном польском городе. Но об этом чуть позже.

Совершенно неожиданно, но песни в нашей жизни сыграли еще одну весьма существенную роль.

Один раз наш поезд остановился у одной небольшой станции. Мы вполголоса пели какую-то песню из нашего репертуара. Вдруг слышим стук в стенку нашего вагона. Что бы это значило? Стук повторился. Слышим голоса:

- Эй! Кто такие?
- Русские пленные.

– Сколько вас?

– Много...

Двое парней из наших подошли к вагонному окну. Один из них взгромоздился на плечи другому, отбросил тряпки, которыми было закрыто окно, и представился миру во всей своей красе – худой, небритый, косматый.

– Кто такие? – спросили мы его.

– А черт их знает. Бабы какие-то, два мужика.

И сразу послышалось: «Мы русские, работаем на станции разнорабочими. Живем недалеко в окрестных деревнях».

Не знаю, сколько бы длились переговоры, но в разговор вмешались легионеры, пытаясь отогнать их от вагона, угрожая оружием. В это время две девчонки, что помоложе, убежали в сторону вокзала, где раздобыли кое-что из питания, все завернули в тряпочку, привязали к кусочку проволоки и, вернувшись, уже вслед уходящему поезду, успели передать сверток нам. Продуктов на всех, конечно, не хватило. Раздали по жребью. Подобное повторилось еще два-три раза. Здесь же мы узнали, что до границы с Польшей остается два дня пути. Прощай, Родина!!!

Побег

Один раз, после обеда, Костя Пильчук зачем-то подтащил к печке свой ящик, на котором он всегда восседал в своем углу, картинно встал на него и, обращаясь ко всем, произнес:

– Эй, братва, все сюда. Буду речь держать.

По тону его обращения было ясно, что разговор предстоит серьезный. Все подтянулись к оратору. А он продолжал:

– Вот уже две недели нас везут, как баранов. А мы и пальцем не пошевелили.

– Не тяни. Говори, что предлагаешь?

– Я предлагаю вот что. На следующей остановке к вечернему чаю, мы – кто посмелее, человек восемь, группируемся около вагонной двери и, когда она откроется, – дружно бросаемся на охрану и сминаем ее.

Сразу же посыпались вопросы: «И что с ней делать?», «А что делать с легионерами и охранниками из головного вагона, ко-

торые, услышав стрельбу, сразу же прибегут на помощь?», «А если поезд остановится раньше времени?», «Силы будут явно не в нашу пользу».

На все вопросы Пильчук давал не очень вразумительные ответы. В конце подытожил:

– Все не предусмотришь. Действовать по обстановке. Кто не согласен, пусть не мешает. Руководство беру на себя.

С этими словами он посмотрел на Ивана Сталинского, но тот никак не прореагировал, хотя и не возражал.

Пленные на сообщение отреагировали по-разному. Одни (кто посмелее) вместе с Костей у двери «прикидывали» – как лучше сгруппироваться перед началом «операции». Кто жил небольшими коллективами, делали между собой кое-какие запасы продовольствия и одежды. Третьи – улеглись на свое «лежбище» и мысленно пытались представить, как будут развиваться события.

Я стоял в своем углу, прислонившись к стенке вагона и мысленно представил себе картину предстоящих событий – схватку безоружных людей с вооруженной охраной... стрельба... неизбежные потери... Суматоха... некоторые, наверное, сразу же побегут кто куда. А я? Что будет со мной – израненным, беспомощным? И страх, отвратительный и липкий, сразу же сковал мое тело, волю и сознание. Ноги стали «ватными», подкосились. Скользя спиной по стенке вагона, я безвольно сполз на трухлявую солому, не способный ни к каким разумным действиям: «Ты, оказывается, трус», – твердило мне мое сознание. Не судите меня строго, дорогой читатель. Не могу удержаться, чтоб не привести одну строфу военной поэтессы Ю. Друниной:

Я только раз видала рукопашный.
Раз – наяву и сотни раз во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Немного оправившись, я окинул взглядом окружающих, в надежде увидеть майора. Он стоял в общей куче у печки. Недалеко от него, на своем обычном месте, сидел Сибиряк. Он внимательно наблюдал за действиями «ударной группы», но никакого участия не принимал. Мне казалось, что затею Пильчука он не одобрял.

Когда я приобрел некоторую способность более или менее критически оценивать обстановку, то был потрясен поведением картежников. Спокойно разделив содержание своей котомки на всех поровну, они, как обычно уселись... играть в карты. И – это за полчаса до смертельной схватки с врагом! В то время для меня это было верхом человеческого мужества и самообладания. Да и сейчас – тоже. Прошло всего лишь несколько минут, и я почувствовал, что какие-то внутренние силы, которые только что ввергли меня в состояние ступора, сейчас опять, независимо от моего сознания, стали выводить меня из него. Страх исчез, я постепенно стал критически оценивать обстановку и принимать более или менее трезвые решения. Логика моих рассуждений была примерно следующей. Вот открывается вагонная дверь и начинается схватка. Охранники – не юнцы, а опытные воины. Стрельба. На помощь им сразу же приходят легионеры и охрана из головного вагона. Появятся жертвы. Что с ними делать? По всей вероятности начнется бегство – кто куда, дай бог ноги... А я? Может, остаться в вагоне на милость победителей? Нет, не смогу. Решаю, что во время суматохи я через приступку вываливаюсь из вагона и сразу же – под него, на соседний путь. А дальше? А на дальнейшее моего воображения не хватило. Может быть, потребуется помощь пострадавшим? Или все-таки куда-нибудь исчезнуть?

Когда вернулся Вахтанг, я спросил его:

– Что будем делать?

Он задумался. А потом неопределенно ответил:

– Посмотрим по обстановке.

С этой минуты я почему-то решил не быть ему обузой и действовать самостоятельно.

Однако, дальнейшие события стали развиваться, как теперь говорят, совсем по другому сценарию. Прошло минут десять. Поезд набрал скорость. Четко стучали колеса на стыке рельс, то и дело слышались гудки встречных поездов – очевидно, ехали на двухпутном участке дороги. Прошло еще полчаса. Нервное напряжение, охватившее нас вначале, стало постепенно спадать. Послышались отдельные реплики:

– Что-то не то, ребята...

Вагон молчал. Все с тревогой ждали, как будут развиваться дальнейшие события. Прошло часа полтора. Вечерело. Наконец,

послышался протяжный гудок, и поезд медленно подошел к какой-то станции. Наступила напряженная тишина. Три «ударные» группы приготовились к прыжку. Но!!! Как только дверь отрылась, лучи яркого закатного солнца, усиленные девственно чистым снегом за зданием станции, ослепили всех, кто находился в вагоне, особенно тех, кто стоял в проходе, подготовившись к прыжку. Момент атаки был упущен. Может, это было и к лучшему.

После того, как мы привыкли к излишне яркому снегу, перед нашим взором предстала следующая картина. Поезд стоял в тупике и на запасном пути, как обычно, а не на первом (главном) пути небольшой станции. Стандартное деревянное здание, увенчанное небольшим шпилем на крыше. За ним – заснеженный пустырь. Перед станцией довольно большой перрон. По нему вроде бы мирно прогуливались как военные, так и гражданские пассажиры. Военные при оружии: офицеры с пистолетами, у остальных – винтовки... Немного в стороне от нашего вагона, в виде усеченной пирамиды высотой метра два были уложены чемоданы, рюкзаки и другие личные вещи. Чьи? Зачем?

Охранники, их было человек восемь, стояли перед раскрытой дверью, плотно прижавшись, друг к другу. Винтовки в положении «к бою», пальцы на спусковых крючках.

Увидев всю эту картинку, наши «штурмовики» стояли в полной растерянности, ожидая указаний Пильчука. Но у него хватило ума понять, что в данной ситуации начинать запланированную операцию не было смысла. Матерно выругавшись, он ушел в свой угол, сел на свой ящик, коротко бросив: «Все отменяется». Постепенно стали расходиться и остальные участники «ударной группы».

Откуда-то появился и фельдфебель в сопровождении двух солдат, которые принесли нам ведро с чаем и две буханки хлеба. «Або шнель», – предупредил он, как обычно.

А я вздохнул с облегчением, так как с самого начала считал затею Пильчука авантюрой.

Мы быстро управились с вечерним чаем, фельдфебель закрыл дверь на проволоку. Поезд тронулся. В вагоне стояла привычная тишина. Мы с Вахтангом улеглись на свое обычное место. Речей о несостоявшемся побеге никто не заводил.

А все-таки побег состоялся! А было так.

Ранее, я уже писал о том, что в нашем вагоне по ночам, как только гасла лампочка, было слышно, как кто-то где-то скребется. Вначале я думал, что это были крысы, или мыши. Но потом отбросил эту мысль: поживиться у нас было нечем. А потом и перестал обращать внимание. И только в эту ночь все встало на свои места.

Уже глубокой ночью я проснулся оттого, что на меня пахнуло холодом. Проснувшись, увидел, что вагонная дверь была открыта настежь. Вахтанга рядом не было.

В полутемном вагоне царил суеда. Кто-то наступил мне на больную ногу. Ничего не понимая, я отпрянул в самый угол вагона, встал на колени и вижу – чудо – главная суматоха у раскрытой двери. Кто-то из пленных садится на пол, потом, слегка прижавшись к вагонной ступеньке, вываливается из вагона в ночную темень. Вот и второй проделывает то же самое. Наготове еще два человека. Один за другим прыгают и они. И вдруг, вначале с правого, а потом с левого тамбура раздаются выстрелы легионеров. (Впервые увидел, что после выстрелов из ствола винтовки вылетает пучок пламени). Вот еще один готовится к прыжку, его ноги уже на приступке. Но легионеры дают в его сторону два предупредительных выстрела. Сразу же после выстрелов и этот смельчак уже на свободе. Но легионеры (их было четверо) прямо из тамбуров открыли частую стрельбу по торцевым стенкам вагона на высоте один-полтора метра. Тонкая «вагонка» оказалась плохой защитой от пуль. Я, наверное, одним из первых заметил это: рваные отверстия и щепки от пуль появились в полуметре от меня. Успел крикнуть: «Ложись!». Пришлось лечь на пол, легли и остальные. Но легионеры действовали грамотно. На все попытки кого-либо из пленных приоткрыть дверь и приготовиться к прыжку, они тут же открывали стрельбу в сторону двери и стенки вагона, не давая никому подняться. Холодный воздух, проникающий в вагон через полуоткрытую дверь, обжигал. Пришлось закрыть ее. Первое время все молчали. Позже начались отрывочные разговоры, лежа, не поднимая головы. А легионеры стрельбы не прекращали. Мы быстро определили, кто «ушел». Это были Пильчук, картежники и Сибиряк.

Эх, дорогие друзья, товарищи, узнать бы – как сложилась ваша дальнейшая судьба?

Печь давно погасла. В вагоне было холодно, люди жались друг к другу, чтобы хоть как-нибудь согреться. К утру, стрельба утихла, стало, потеплей. И тогда зашел разговор о том, как оказался возможным этот дерзкий побег, кто и как его осуществлял? Обо всем этом очень кратко нам поведал один из его организаторов. Вот его рассказ:

– Мысль о побеге пришла к нам в голову с самого начала нашего путешествия. Наиболее «уязвимым» местом мы посчитали вагонную дверь. Поэтому с самого начала решили проделать дырку в стенке вагона в 30-35 см повыше замка. Дырку эту довольно быстро проковыряли обыкновенным гвоздем (а я думал, крысы скребутся) почти насквозь. Изнутри маскировали ее рюкзаком, который висел у двери. Но фельдфебель постоянно закрывал дверь на замок и закручивал проволокой, поэтому дело застопорилось. И только вчера он закрыл ее без замка, одной проволокой. Вот мы и решили воспользоваться этим делом. Быстро «проковыряли» дыру в стенке, часа два возились с проволокой и с трудом, но все-таки открыли дверь. По плану мы предполагали приоткрывать дверь чуть-чуть, выпрыгивать по одному. Но тут неожиданно для нас началась суматоха, дверь открылась настежь, сразу полезло несколько человек. Легионеры быстро «раскусили» нас. В общем, все остальное вы уже знаете.

Сразу посыпались вопросы:

– Кто знал об этом? Планировалось ли после побега собраться вместе? Знал ли Пильчук?..

– Детали знали только мы и картежники. Костя (Пильчук) был не в курсе.

Ночь мы почти не спали. Гадали: как будут развиваться дальнейшие события? Как поведут себя немцы? Они ведь лишились обещанного отпуска.

А главные события начались утром.

Обычно по утрам мы пытались «раскочегарить» печку. Смотрели по сторонам – нет ли дров, с нетерпением ждали утреннего чая. На этот раз фельдфебель и охрана явились чуть свет. О случившемся ночью они, конечно, уже знали. Вагон встретил их дружным храпом (смех и горе). Фельдфебель сразу

же обнаружил дыру в стенке вагона и отсутствие проволоки. О чем-то переговорил с легионерами. Потом быстро открыл дверь, встал на приступку и зорко оглядел внутренность вагона. Пленные лениво загоразивали проход. К фельдфебелю подошел Генрих, спросил: «Вас ист лес? (Что случилось?)». «Айн манн Вег гелауфт (один человек сбежал)», – ответил фельдфебель.

Мы все стали удивляться: «Как это могло случиться? Мы все спали...».

Он был явно расстроен и обескуражен. Он все понял. И нам, конечно, не верил. Укоризненно смотрел на нас, не зная, что предпринять. Он ведь здесь главный. Ему и отвечать. Наконец, сошел с подножки. Закрыл дверь, приказал часовым строго охранять нас, а сам отправился в головной вагон. Но скоро с дополнительной охраной вернулся обратно. На этот раз он был настроен более решительно. Всем, кому было «невтерпеж», разрешил выйти. С частью охранников зашел в вагон, по списку проверил оставшихся. И только тогда обнаружилось, что ночью ушел не один человек, а шестеро. Это открытие привело его в явное замешательство. Некоторое время он стоял посреди вагона и о чем-то усиленно размышлял. Затем приказал охране усиленно охранять нас. Быстро сходил еще раз в головной вагон и привел оттуда дополнительную охрану из 8-10 человек. Приказал нам построиться в два ряда у торцевой стенки вагона. Нас в вагоне осталось 12 человек. Пригласил в вагон охранников, приказал им перезарядить ружья, что они и сделали, правда, без особого энтузиазма. Вполголоса дал им какие-то указания и, обращаясь к нам четко, по-военному, через Генриха произнес:

– Солдаты блайбен да (остаются здесь). Всем стоять смирно. В случае неповиновения они открывают огонь на поражение.

Дверь закрылась, поезд тронулся. Солдаты – их было 8 человек – взяли ружья «на изготовку». Они стояли у противоположной стенки вагона. Нас разделяла только печь. Я – во втором ряду. Ствол винтовки смотрит мне в правую ключицу. «Хорошо, что не в область сердца», – мелькнула дурацкая мысль.

Владельцем оружия был уже немолодой солдат с дряблым морщинистым лицом. Я пробовал перехватить его взгляд, но он с

полнейшим безразличием смотрел куда-то вдаль... Сейчас, по прошествии многих лет, эта сцена представляется мне дурацким спектаклем. А в то время – не-е-ет! Стоять под прицелом винтовки и видеть палец охранника на спусковом крючке – ощущение не из приятных.

Мучительно медленно течет время. Прошел, наверное, час. Как трудно стоять, не двигаясь. Ноет больная нога. В руках жиденькая тросточка, но она не спасает. Я незаметно переминаюсь «с ноги на ногу»:

– Что? Болит? – полушепотом спросил меня майор (мы стояли рядом).

– Да. Мне бы как-то к стенке.

– Постепенно перемещайся за моей спиной.

Один из охранников, заметив наши перемещения, приказал: «Руиг! (спокойно, не двигаться)».

Вмешался Генрих. Кивнув головой в мою сторону, обратился к охраннику с просьбой: «Он ранен. Пусть придвинется к стенке». Возникла некоторая перебранка, воспользовавшись которой, я быстро переместился к стенке. Немного полегчало: можно было привалиться к ней.

Стали уставать и охранники: им ведь надо было держать на весу еще винтовку, да и были они уже немолодые. Но они быстро нашли выход из положения, перейдя на двухсменный метод охраны – половина держала нас «на мушке», другая – отдыхала. Некоторые даже пытались присесть. Видя это, Генрих обратился к ним с просьбой:

– Эй, солдаты, отдохните немного. Мы не нажалуемся. Да и бежать нам некуда – дверь закрыта с той стороны.

Часа через 3-4 стоять нам стало уже невмоготу. Генрих попросил разрешения присесть. Не сразу, но разрешение мы все-таки получили. Да и они смогли отдохнуть.

Поезд шел быстро, без остановок. За все время нашего противостояния мы волей-неволей присматривались друг к другу. И, как это не покажется странным, но наши взаимоотношения постепенно теплели.

Перед нами стояли наши враги. Уже немолодые, всем за 50. Мобилизованы в армию по приказу бесноватого Фюрера. Наверное, у всех где-то там, в Баварии или Пруссии, остались семьи. Дети примерно нашего возраста. Настороженность, враждебность постепенно сменялись любопытством: «Какие они, эти русские? Почти все молодые. В отличие от нас, они защищают свою Родину, поэтому, наверное, и такие отчаянные. А мы? Кто мы? Проклятая война – все перепуталось».

Наконец, поезд остановился. Открылась дверь. Появился фельдфебель. Отобрав несколько охранников, он увел их куда-то за собой. Вскоре они вернулись и принесли с собой ящики, доски, какие-то чурбаны. Все это они быстро установили на «своей» территории – за печкой. Кое-что осталось и нам. Этот жест мы истолковали как разрешение на сидячий образ жизни. Мы наемкнули фельдфебелю, что не мешало бы запастись и дровишками, что также было исполнено. Таким образом, из хозяев вагона мы превратились в арестантов.

Надо признать, что фельдфебель все-таки обладал хорошими организаторскими способностями. Он быстро наладил охрану в две смены. Одна смена дежурила, но теперь уже сидя – винтовки между ног, вторая – отдыхала здесь же в вагоне. Пересменки были частыми. За печкой следили немцы.

Днем мы обычно вели «сидячий» образ жизни. Разгуливать по вагону, нам было запрещено. На ночь все ложились на полу вплотную – так было теплей. Лампочка в потолке горела круглосуточно. График питания был нарушен. Дня 2-3 нас вообще не кормили. Но вскоре это было восстановлено.

События последних дней, конечно же, вывели нас из ставшего уже привычным образа жизни. Все были угнетены.

Немцы, не теряя бдительности, о чем-то вполголоса переговаривались. Мы – кто сидел, кто лежал – молчали. У каждого своя дума. А, кроме того, мы обнаружили, что едем уже по территории Польши. Прощай, Родина. А что впереди? Из этого состояния нас снова вывела... песня. Один раз Иван Сталинский, ни к кому не обращаясь, как бы, между прочим, предложил: «Споем, что ли?» Без особого энтузиазма, но все согласились: «Начинай».

Иван не громко, без напряжения, запел: «Есть на Волге утес, диким мохом оброс».

Не скажу, что очень дружно, но песню допели до конца. К нашему удивлению охранники слушали нас внимательно. Разговоры прекратились. А потом пошли песни более знакомого нам репертуара: «Ой, мороз, мороз», «Над окошком месяц», «Ты гуляй, гуляй, мой конь». Припомнились и фронтовые – «Бьется в тесной печурке огонь» и другие.

На следующий день состав охранников сменился. В их составе появился уже знакомый нам «Красавчик» – так мы его и прозвали за то, что по сравнению с другими он был молод и довольно красив. Мы давно его вычислили. Догадывались, что он понимает по-русски, но никогда и ни в чем он этого не демонстрировал. По-моему, здесь он был за старшего. Организовали утренний чай, которого не было уже дня три. После того, как дверь закрылась, Генрих подошел к печке как бы прикурить самкрутку, и вполголоса спросил у него по-русски:

– Когда приедем?

– Завтра, – также тихо ответил он.

Мы как-то враз почувствовали, что путешествие наше подходит к концу. И что с этими охранниками мы общаемся последний день. Не знаю уж, почему, но стало немного грустно: неизвестность всегда пугает. Часа два мы как-то переваривали это сообщение, а потом (для успокоения), не сговариваясь, снова запели. Но на этот раз и характер песен, и их исполнение были иными – более лиричными, что ли. Запевал Иван Кировоградский:

– Дивлюсь я на нэбо, тай думку гадаю. Чому ж я нэ сокил? Чому ж нэ летаю?

«Красавчик», повернувшись к нам спиной, синхронно переводил им содержание песен. И далее пошло: «Достанут нас изпод обломков, поднявши на плечи каркас», «Наверх вы, товарищи, все по местам. Последний парад наступает!».

Близился миттегэссен, и мы завершили представление, конечно же, «Черным вороном»:

– Ты добычи не дожدهшься... я солдат еще живой.

А то, что произошло в последующий момент, поразило более всего. Рядом с «Красавчиком» сидел уже старенький, какой-

то тщедушный немец. Слова песен, а может и их исполнение настолько его тронули, что по его щекам потекли слезы. Впрочем, мы сами были недалеко от этого.

А наутро мы проснулись от непривычной тишины. Вагон не трясло на стрелках, не стучали колеса. Поезд стоял. Слышны были станционные объявления, сновала станционная «Кукушка», формируя очередной состав. Бдительно несли свою службу охранники. «Красавчик», уже не таясь, сообщил нам: «Все. Приехали. Город Лодзь. По-немецки – Лицманштадт».

Когда рассвело, открылась вагонная дверь, на приступку встал фельдфебель, более чем всегда суетливый. Зорко оглядел нутро вагона, и чего никогда не бывало, со всеми поздоровался и немного торжественно добавил: «Аллее! Гефарен!» (приехали).

Поезд стоял в тупике, перед вагонами – небольшая площадка. Охранники плотно оцепили ее по всему периметру.

На эту площадку вывели вначале нас, а потом обитателей первого вагона. Впервые за три недели мы смогли взглянуть друг на друга.

Впечатление было довольно тяжелое: перед нами стояли небритые, похудевшие, в разношерстной одежде, изможденные люди. Наверное, и мы выглядим так же, невольно подумал я. Отыскав взглядом Шпака и Козлова, я приветливо помахал им руками. Они мне тоже.

Фельдфебель построил нас в одну шеренгу и с помощью «Красавчика» произнес краткую напутственную речь примерно следующего содержания: «Мы прибыли в город Лицманштадт. Здесь, за городом расположен лагерь советских пленных летчиков. Здесь же будете находиться и вы. Для вас война закончена. Пройдет некоторое время, и все вы отправитесь домой к своим родным и близким. Будьте благоразумны».

В это время к площадке подошел сцеп трамваев из двух вагонов. Из них вышла охрана – человек двадцать. Ее в колонну по три построил молодой долговязый лейтенант в форме «СС». Это обстоятельство нас неприятно поразило. Он спокойно и даже с некоторым достоинством, подошел к нам. Фельдфебель, щелкнув каблуками, о чем-то доложил ему и передал списки. Лейтенант без лишних слов расписался в каких-то бумагах, разделил нас на

две группы и кивком головы приказал своей охране развести нас по трамвайным вагонам. Все было четко выполнено: видать не впервой.

Уходя, я непроизвольно оглянулся назад. Легионеры сидели на ступеньках тамбуров, охранники молча стояли небольшими кучками, фельдфебель – перед ними. В последний момент, из обыкновенного чувства вежливости, я помахал им рукой. Увы, никто не ответил мне взаимностью. Ну, да Бог с ними. И только «Красавчик» (он стоял в стороне) провожал нас печальным взглядом. Так мы и не узнали что это была за личность. Есть у меня подозрение, но об этом – позже.

Лейтенант закрыл двери трамвая снаружи. Сам сел в кабину водителя. Трамвай, набирая скорость, повез нас в неизвестность. Быстро проскочили различные станционные сооружения. Далее – небольшой пустырь, одноэтажный пригород. Трамвай мчался с огромной скоростью, постоянно звонил. А вот и город – его окраины.

Я жадно всматриваюсь в окружающее – какая она, Европа военного времени? Наша пропаганда изображала ее больше в мрачных тонах. Но, по крайней мере, внешне этого было не заметно. Город жил по своим нам неведомым законам. Нигде не останавливаясь, трамвай въехал в центральную часть города. Архитектура старинная, больше двухэтажная. Вот промелькнуло приземистое здание аптеки. Вот реклама какого-то кино – декольтированная певичка что-то поет посетителям таверны. Вот здание цирка с яркой рекламой – огромный слон на задних ногах, рядом маленький клоун с приклеенным носом в виде картошки. Вот промаршировала небольшая группа немецких солдат. Часто – полицейские в темной форме. Народу на улице немного.

А в следующий момент произошло нечто невероятное – мы услышали пение. Знакомая мелодия, знакомые слова: «Играй мой баян и скажи всем друзьям, отважным и смелым в бою...». Это пели наши друзья в соседнем вагоне. Пели громко, дружно, в полный голос. Песню, не сговариваясь, сразу же подхватил и наш вагон: «Что больше жизни мы Родину любим свою...».

Охранники растерянно смотрели на нас, не зная, что предпринять: с начальником связи нет, трамвай несется на большой скорости.

Честно признаюсь – я почти не пел, так как мне было интересно наблюдать реакцию людей, которые оказались свидетелями этого действия. Картинки эти мелькали как в телевизионном анонсе перед программой «Вести». Вот группа подростков лет по 12-15, услышав незнакомые слова и мелодию песни, как по команде повернули головы в нашу сторону. На лицах – недоумение. Вот парочка – высокий красивый молодой человек в шляпе, обшитой серым тонким каракулем и девушка, прижавшаяся к нему. Услышав песню, удивленно улыбаются. Счастливые, наверно, в своей любви. Вот убогая, плохо одетая старушка с небольшой полотняной кошелкой, услышав слова и мелодию русской песни, остановилась, украдкой перекрестилась, а нас осенила крестным знаменем вдогонку.

Вскоре город закончился, и мы подъехали к конечному пункту нашего маршрута. Вот он – знаменитый лагерь русских пленных летчиков. Лагерь небольшой. По всему периметру обнесена высокой кирпичной стеной. На ней – в один ряд колючая проволока. Часто, метров через пятьдесят, смотровые вышки.

Лейтенант открыл вагоны. Охранники, что ехали с нами, вышли первыми и образовали живой коридор в сторону ворот. Мы молча рассматривали место нашего нового обитания. Каждый думал об одном: «Что ждет нас здесь?».

Нас построили в колонну по три. Проверили по списку. Открылась проволочная дверь, и мы вошли вовнутрь. Но оказалось, что еще не лагерь, а его администрация. Налево – главное административное здание. Над ним, на длинном шесте алое полотнище с черной свастикой посередине. Отныне нам жить под этим знаменем. Ощущение не из приятных. Далее – многочисленные службы. Но нас ведут далее – еще ворота уже более капитальные с проходной будкой и так далее. Долговязый лейтенант предъявляет свой «аусвайс» (пропуск) и списки пленных. Снова подсчет, открывается дверь, и мы входим в собственно лагерь. Вот он как-ков! Бараки, каменный забор, смотровые вышки, сложная паути-

на колючки, свора овчарок и непередаваемая атмосфера самой лагерной жизни. Все они, наверное, надолго станут основными атрибутами нашего дальнейшего существования. В памяти непроизвольно всплыли слова старинной русской песни (автор А. Пчельникова): «Ах, попалась птичка – стой. Не уйдешь из сетей...».

В лапах ГЕСТАПО

Люди, не сведущие в вопросах лагерной системы в Германии военного времени, все лагеря обычно называют одним словом «концлагерь» – сокращенный вариант от слова «концентрационный», что не совсем верно. В Германии того времени существовало много разновидностей лагерей. Я не специалист в этой области, и могу ошибаться, и поэтому расскажу только о том, что знаю.

1. Наиболее известны из них Освенцим, Майданек, Трелинка, Бухенвальд. Лагерь Освенцим был создан на территории Польши еще в 1940 году и первоначально предназначался для уничтожения евреев и цыган. Позже в нем находились заключенные и других категорий, в том числе и советские пленные. Подчинялся он особым подразделениям Вермахта – так называемым «зондеркомандо» (команды особого назначения). В некоторые периоды количество заключенных в нем достигало 15-20 тыс. человек. То же было и в других лагерях.

Это были лагеря смерти. У заключенных отбирали все ценные вещи: одежду, обувь, драгоценности, зубные коронки и протезы и пр. Голод, болезни, скученность и другие лишения были причиной массовой гибели заключенных. Чтобы не делать рядом кладбищ, трупы умерших сжигались в печах. Так, например, осенью 1941 г. в Освенцим прибыло 13 000 советских пленных. В июне 1942 г. их осталось только 150 человек. То же было и в других лагерях: Бухенвальде, Заксенхаузене, Маутхаузене и других. Кто хочет более подробно ознакомиться с жизнью узников в лагере Освенцим, я порекомендовал бы прочесть небольшую повесть Мали Фритц «Да здравствует жизнь». Автор этой книги провела в Освенциме несколько лет.

2. Трудовые лагеря общего назначения (шталаги). Они в огромном количестве были разбросаны на всей оккупированной немцами территории. В какой-то мере они специализировались по назначению: при железнодорожных станциях, на аэродромах, на строительстве различных сооружений, в том числе оборонного характера. К таким относится уже описанный мною ранее лагерь в Умани. Обслуживающий персонал в них (старосты, полицаи, врачи) были из русских, поляков и др. Обстановка, дисциплина в них была более мягкой. Питание получше.

3. Лагеря при каких-либо промышленных предприятиях. Пленные и заключенные жили прямо на этих предприятиях, но под особой охраной.

4. Часть пленных, особенно в глубоком тылу, батрачили у помещиков (бауэров), что были побогаче. Во избежание побегов такие рабочие были связаны со своими хозяевами особыми контрактами. Были случаи, когда такие пленные становились почти членами семейств у своего хозяина, собственные дети которого были в армии или погибли на фронте.

На животноводческих фермах доярками, скотницами, чернорабочими часто работали женщины и девушки, привезенные из оккупированных территорий России, Украины, Белоруссии.

5. Штрафные лагеря, тюрьмы, команды. Они предназначались для наказания провинившихся: за побег и попытки к нему, за нарушение лагерного режима, неподчинение начальству, антигитлеровскую пропаганду и пр. Наказания производились и в обычных, не штрафных лагерях – арестом в карцер. Не знаю, были ли физические наказания. В одном из таких лагерей (Маутхаузен?) был уничтожен командир нашей 306 ШАД – майор Исупов А.Ф. (об этом позже). За подпольную антигитлеровскую пропаганду в одной из берлинских тюрем был казнен известный татарский поэт Мусса Джалиль. Вот его предсмертные стихи:

Жизнь моя песней звенела в народе.

Смерть моя песней борьбы прозвучит.

Были и другие наказания пленных, да всего не расскажешь.

А что представляет собой лагерь в Лодзи? (во время войны город назывался Лицманштадт). Это был пересыльно-

следственный лагерь советских пленных летчиков, подчинялся ГЕСТАПО. В нем лагерные следственные службы тщательно изучали биографии пленных, их партийную принадлежность, моральную устойчивость и др. На основании этих данных предлагали им различную работу на немецких предприятиях, или вербовали на свою сторону. Помимо методов добровольного принуждения применялись и силовые. Должен прямо сказать, что среди пленных были и такие, что соглашались с этими условиями. Не судите их строго: это были те, кто «хватил лиха» от наших властей – бывшие кулаки, заключенные советского ГУЛАГА, невинно пострадавшие по доносу стукачей и др. А, кроме того – «голод не тетка».

По данным немецких историков, численность граждан СССР к 1945 г., служивших только в военных подразделениях Германии, достигла 700-800 тыс. человек.

Устройство, конституция и архитектура лагерей

Все более или менее крупные (стационарные) лагеря, в том числе и Лодзинский, имели примерно следующую планировку. Вначале, перед собственно лагерем, где содержались пленные, располагалось управление (Регирунг). Здесь находилась администрация лагеря: начальник – обычно в должности полковника (оберет) и его ближайшее окружение – начальники служб-следствия, связи, разведки, цензуры, хозяйств и пр. Все они занимали отдельный, хорошо обустроенный барак. Над ним, на высоком флагштоке – алое полотнище с черной свастикой посредине. В отдельных бараках располагались жилые помещения: казарма, столовая, клуб, кочегарка, карцер, псарня. Далее, хорошо отгороженный колючкой располагался собственно лагерь.

В Лодзи он выглядел следующим образом. В левой стороне лагеря – 5-7 стандартных барачков для пленных и «баден-штубе» (душ). В левом, дальнем углу этого ряда – в отдельном бараке – умывальник с чуть теплой водой и туалет. Каждый жилой барак был огорожен колючей проволокой в один ряд, так что пленные соседних барачков могли общаться между собой только через проволоку. В центре лагеря – плац. На нем проводилась утренняя и

вечерняя поверка пленных, и сообщалась та или иная информация. Выход на плац и в лагерь – через небольшую калитку, которая на ночь закрывалась на замок, днем была открыта. Это давало возможность пленным общаться, но только... в туалете, что они и делали.

В правой части лагеря, за плацем, располагались различные подсобные помещения: кухня, портняжная и сапожная мастерские, лазарет, клуб. В нем изредка выступали РОАшники, агитируя пленных во власовскую армию.

Охрана лагеря

По всему периметру лагерь был опоясан кирпичным забором. На нем (на колышках) проволочное ограждение высотой 50-60 см. Через каждые 50-60 м – вышки для часовых. С задней стороны они были обшиты маленькими застекленными окошечками. В сторону лагеря имели остекленные большого размера окна, которые в непогоду можно было закрывать. В распоряжении часовых был телефон, пулемет, винтовка и прожектор. Перед стеной был узкий (не более метра в поперечнике) коридор. В нем ночью охранную службу выполнял еще один – подвижный часовой, ритмично прогуливаясь от одной вышки до другой. За коридором находилась сложная паутина колючей проволоки метра четыре толщиной. Данная полоса без специальных инструментов была практически непроходима, и поэтому исключала всякую попытку к побегу... Но они все-таки бывали.

За паутиной была еще одна запретная зона 5-6 м в поперечнике, ограниченная колючкой в один ряд на высоте 40-50 см. Она ограничивала подходы к паутине со стороны бараков. По утрам внутренняя охрана проверяла – не осталось ли на этой полосе чьих-то следов. Волею судьбы и мне некоторое время приходилось следить за ее состоянием.

Вот это строгое, тщательно охраняемое заведение стало местом нашего дальнейшего пребывания.

Вся администрация лагеря была немецкой. Но был среди них один русский – капитан Филипповский. Высокий, стройный, красивый мужчина лет сорока. Волевой, строгий, не улыбчивый.

Ходил он в русской шинели, но без погон и ремня, в сапогах. Во время проверок стоял вместе с немецким командованием. Тяжелой была его ноша. Как ставленник немецкой администрации он должен выполнять ее распоряжения. Но как русский пленный он всеми силами пытался защищать интересы «своих» в отношении питания, лечебной помощи, наказания за проступки и пр. И, как это не покажется странным, он пользовался огромным авторитетом не только у пленных, но и у немцев. Дерзок был, но справедлив.

В день приезда, после того, как были оформлены все документы, нас провели на территорию лагеря к последнему бараку на левой стороне лагеря. Барак был расчленен на несколько секций. Нас завели в одну из них. Шпак и Козлов оказались в соседней. Нас встретил молодой человек, представился, назвав себя «шефом» этих апартаментов. Ему было лет 25. Кисть левой руки отсутствовала. Рукав одежды был зашит. Назвав свое имя и фамилию (к сожалению, не помню точно – не то Дьяков, не то Дьяконов), он провел нас внутрь секции и предложил располагаться на нарах. Секция была почти пустой. В центре – чугунная печка и полведерка брикета рядом. У входа – небольшой кухонный столик, на нем кое-какая кухонная утварь, две-три потрепанных книжки.

Но больше всего меня поразили нары. Они были заправлены (затрудняюсь дать им точное название) широкими мешками, сплетенными толстыми бумажными нитками, какими еще в наше время в магазинах заворачивают покупки. Мешки были наполнены древесными стружками далеко не первой свежести, давно слежавшимися и поэтому ни в коей мере не выполняющими своего прямого предназначения. По такой же конструкции были изготовлены и подушки, и даже одеяла.

Шеф жил в той же секции, но имел нормальные спальные принадлежности. Позже мы узнали, что он служил в агентурной разведке, был заброшен в Польшу. Но был «вычислен» польской разведкой и выдворен за пределы государства. Некоторое время воевал в пехоте, потерял кисть и попал в плен. В детали своей биографии не вдавался. К нам относился внимательно, с сочувствием. От него мы узнали, что находимся в так называемом «карантине», который продлится дней 10. На наш вопрос, чем здесь кормят, с горькой усмешкой ответил:

– Баланда из брюквы. Иногда, по воскресеньям, из какой-либо крупы. Триста граммов черного хлеба, полстакана джема на неделю. Полпачки махорки тоже на неделю, но не регулярно. Жив будешь, баб не захочешь.

В бараке было очень холодно. Он порекомендовал нам печку топить под вечер, чтоб меньше мерзнуть по ночам.

На следующий день нас повели в лагерную каптерку, где вначале раздели, а потом – одели. Вместо летной меховой куртки мне дали нашу – русскую шинель длинную, почти до пят. На спине красной краской и крупными буквами было написано SU (Советский Союз). От букв в обе стороны расходились тоже окрашенные полосы до подмышек. Шинель была мне великовата, и я попросил заменить ее на другую. Но каптерщик сказал:

– Бери, что дают. Еще спасибо скажешь.

Гимнастерку и свитер оставили и дополнительно выдали военный френч не то румынский, не то венгерский, из тонкого сукна темно-зеленого цвета. Сапоги, один из которых был распорот сверху донизу еще в Умани, заменили на ботинки. Через час мы вышли из каптерки, с трудом узнавая друг друга. А после обеда нам пришлось распротиться еще с волосами.

На следующий день – баня, вернее – душ (бани, как таковой в нашем понимании, не было). Банщиком был пожилой, истощенный, с бескровным лицом мужчина. Ему было уже за 50. В плен попал под Севастополем. По слухам занимал там какой-то важный пост. Был заядлым курильщиком, и поэтому у всех новичков выпрашивал табачку. Нам, каждому выдали по кусочку мыла чуть поменьше спичечной коробки и полотенце, более похожее на выстиранную портянку.

В душевой уже мылись люди. Когда я зашел туда, то был повергнут в шок: человека три из моющихся были настолько худы и измождены, что по ним можно было изучать анатомию не только скелета, но и мышц. Поблекшие лица, потухший взгляд. Я был удивлен тем, что они, хотя и медленно, но все-таки двигались и даже о чем-то переговаривались между собой. Пораженный, я даже перестал мыться. Невольно родилась мысль: неужели и мы такими будем? Увидев мое замешательство, Вахтанг подошел ко мне, спросил:

– Ну что задумался?

Я кивнул ему головой в сторону этих ходячих скелетов.

– Думаешь, что и нас ждет такая же участь? Не унывай: в жизни всякое может случиться.

– Что Вы имеете в виду?

Став под душ рядом со мной, он вполголоса сообщил мне:

– Здесь, в Польше, проживает один грузинский князь, эмигрировавший сюда еще в гражданскую войну. Личность влиятельная, имеет богатую усадьбу, землю. Весной – на полевые работы, а осенью – на уборку урожая из этого лагеря нанимает пленных из числа своих земляков. Платы никакой, но питанием обеспечивает.

– Откуда Вы это узнали?

– Банщик сказал.

– Но я-то ведь не земляк.

– Там видно будет. Что-нибудь придумаем. Подставляй спину...

Я почему-то не очень обрадовался этому сообщению. Роль холопа в княжеском имении меня немного коробила – следствие нашего социалистического воспитания. Но ... голод – не тетка. На следующий день небольшими группами, по каким-то особым спискам нас стали переводить в так называемый «политический карантин». Прощаясь с нами, шеф сказал:

– Держитесь, ребята. На допросах лишнего не болтайте. С ГЕСТАПО шутки плохи. Они там все очень вежливы... до поры, до времени. По себе знаю.

Барак этого карантина располагался в противоположной – правой части лагеря, за кухней. К своему огорчению ни в своем, ни в соседних отсеках ни майора, ни Шпака, ни Козлова не оказалось. Из прежних моих спутников остался только Генрих. Я спросил его:

– Как по-твоему, почему немцы поступают подобным образом?

Он долго молчал, потом ответил:

– Я это замечаю давно. По-моему, они пытаются разрушать налаживающиеся связи между пленными.

Это походило на правду.

А дня через два к нам пришел переводчик с двумя часовыми. Отсчитал 10 человек и велел следовать за ним. «Кажется, начинается», – подумал я.

– Куда нас ведут? – спросил я переводчика.

– В администрацию, – ответил он.

Вскоре мы вошли в довольно просторную, хорошо освещенную комнату. За столом сидело человек пять немцев. Один из них, очевидно, старший, приказал нам раздеться. Проверили – нет ли спрятанных орденов и документов. Далее, голыми, в очередь мы отправились к писарям. И тут я увидел, что на каждого из нас заведено «Личное дело». Начались обычные, стандартные вопросы: Ф.И.О., год и месяц рождения, национальность, военная специальность. Я отвечал на них спокойно, не торопясь. А вот последующие вопросы заставили меня призадуматься: дело в том, что эти вопросы мне уже задавали на допросе в Умани, и я очень хорошо помнил как и что я на них отвечал и опасался, что протокол уманского допроса известен местному следствию. Так, на вопрос: «Образование?» – ответил расплывчато: «Среднее незаконченное». Трудным оказался и вопрос: «Социальное положение родителей».

Я замолчал и после продолжительной паузы ответил: «Из крестьян». Писарь записал ответ, но в протоколе сделал какую-то отметку. Но особенно трудным для меня был вопрос: «Гражданская специальность». Дело в том, что все мы полагали, что рано или поздно нас будут отправлять на различные работы – лагерь-то пересыльный. И после лагерной голодухи всем хотелось попасть на более сытные места, поэтому (смех и горе) называли себя кто поваром, кто пекарем, кто кондитером. Даже писари смеялись. Я не был исключением и тоже хотел попасть на более хлебные места. И поэтому на данный вопрос ответил более реально:

– Зимой учился, летом работал в колхозе. Немного разбираюсь в метеорологии.

– Кем работал в колхозе? – последовал новый вопрос.

– Сено косил, греб, ставил стога. Копал и буртовал картошку.

В конце допроса каждому измерили рост (стоя и сидя), записали особые приметы: татуировка, цвет глаз, телосложение и пр. Фотограф сделал фото в анфас и в профиль. А когда мы уже оделись, то каждому из нас выдали небольшой дюралевый жетон,

в котором были указаны код лагеря и номер владельца. Так я и стал пленным под номером 3415.

Вскоре мы узнали, что это был еще не допрос, а всего лишь предисловие к нему – создание картотеки.

В тот же день, уже к вечеру, в наш отсек прибежал какой-то незнакомый нам запыхавшийся паренек и с тревогой спросил:

– Паутов здесь, нет?

– Я Паутов. А что?

– Там, у ворот проходной, твоего майора куда-то уводят. Просил передать.

Я, не одеваясь, выбежал на улицу и у ворот проходной действительно увидел группу пленных – человека четыре с охраной. Среди них был и Вахтанг. Со всех ног я бросился бежать к ним, но сразу же услышал голос часового с соседней вышки:

– Хальт!

Голосом и жестами я пытался втолковать ему, что там, у ворот, мой командир, что его куда-то уводят. Разрешите попрощаться.

– Наин!

Не обращая внимание на его запрет, я снова поспешил к проходной. Но он снова остановил меня.

– Хальт! Вэрдэ шиссен! (Буду стрелять) и направил винтовку в мою сторону. Пришлось остановиться.

Но Вахтанг уже увидел меня и прощальным жестом помаhal мне рукой. Дверь проходной захлопнулась. Так, впопыхах, ни о чем не договорившись, мы расстались с ним на долгие годы.

Возвращаясь в барак, я с упреком взглянул на часового, но никакой реакции на это с его стороны не последовало.

Позже мы познакомились с ним поближе. Он позволял мне рыться в куче гнилой брюквы в поисках еще целых экземпляров. Не обращал внимания на меня, когда я бродил около кухни и немного приворовывал кусочки угля или брикета. Подружились.

Опять допрос

А вскоре меня снова вызвали на допрос. На этот раз уже в следственный отдел. Отдел находился в администрации лагеря, поэтому переводчик явился с охраной – он впереди, охрана – сзади по бокам. Честно признаюсь, что все это действовало на меня

угнетающе: куда ведут, зачем, что ждет меня там, где Вахтанг, что с ним, ведется ли отдельное следствие по нему, что отвечать, если спросят про него? Внезапно в голову пришла мысль:

не потому ли нас разъединили? Волнуюсь, но изо всех сил пытаюсь сохранить спокойствие. Отчетливо помню небольшой, отдельно стоящий домик, часовой у входа. Второй этаж. Небольшая теплая комната, столик, на нем пишущая машинка, заправленная чистой бумагой. Высокая машинистка средних лет с непроницаемым лицом. Немного в стороне – следователь. Долговязый с бледным лицом, редкие седеющие волосы на голове, в пенсне, холодный испытующий взгляд. Он жестом пригласил меня сесть на стул в трех шагах от него. Машинистке передал какие-то бумаги, очевидно, мое «Личное дело».

Следователь безо всяких предисловий на чистейшем русском языке произнес:

– В регистратуре Вы сказали, что Ваши родители были крестьяне.

Слева, как пулемет, затрещала машинка: она синхронно записывала вопрос. Я был настолько поражен той скоростью, с какой она работала, что даже задержался с ответом. Но быстро опомнился и начал свой рассказ:

– Тот мой ответ был не совсем точным. Мой отец и вся их семья были действительно крестьяне и имели надел земли. В первую империалистическую его забрали в армию. Имея трехклассное образование, в армии он служил писарем в каком-то штабе, поэтому участия в боях не принимал. После революции, когда началась гражданская война, он попал уже в Красную армию. Воевал с Колчаком. В 21-м году, где квартировало их подразделение, нашел себе подружку, там же женился, и уже с ней вернулся домой.

Домом заправляла его мать, так как его отец в войну умер. В семье, кроме отца, был еще один брат. Мать была женщиной властной и стала принуждать их, чтоб они занялись хозяйством. Но в доме за время двух войн не осталось ни лошадей, ни сбруи, ни плугов. При таких условиях братья не решились заняться хлебопашеством. А в это время районное начальство приступило к

восстановлению торговли, так как старых владельцев магазинов не стало. Так возникла Потребкооперация (в дальнейшем – Райпотребсоюз), и моего отца назначили продавцом в один из магазинов. Во всяком случае, в году 25-м, когда мне было уже три года, я помню как он торговал – приносил домой медную мелочь, чтоб спокойно в домашних условиях пересчитать дневную выручку.

– Стоп. Хватит, – остановил меня следователь. Состоял ли Ваш отец в партии?

– Нет, ни в то время, ни позже. А почему – не знаю.

– А по величине земельного надела, к какой категории крестьян вы относились?

– Мы считались середняками.

– Куда девался земельный надел, которым владела ваша семья?

– Он ушел, как тогда говорили, в крестьянскую общину, то есть всему крестьянству села. А крестьян в селе было еще много.

– Проявлял ли отец общественную активность в жизни села?

– Только в одном. Он был атеист и поэтому играл какую-то роль в кампании по закрытию церквей.

– И много ли их позакрывали?

– В Орде и окружающих селах – все. Ответы на вопросы следователя я старался делать как можно более пространными, так как опасался, что рано или поздно разговор может коснуться майора, чего я опасался более всего. И поэтому подспудно старался как можно дальше оттянуть это неприятное направление нашего поединка.

Но пока речь шла об отце. Постепенно я стал догадываться, куда он «клонит». Из всего того, что я сказал, ситуация складывалась следующим образом. Хозяйство наше было не бедным, дом большой с обильными надворными постройками, земельный надел отобрали в пользу общества, в партии отец не состоял, особой социальной активностью не занимался. Учитывая все сказанное, следователь напрямую спросил меня:

– А Вам не кажется, что у Вашего отца были все основания быть недовольным Советской властью?

Вот оно что! Я замолчал, лихорадочно перебирая возможные варианты ответов. Нутром чувствовал, что мы подходим к некоему поворотному пункту, после которого события могут развиваться по-разному, в зависимости от характера моего ответа.

Постепенно я стал догадываться, почему все вопросы следователя касаются не меня, а моего отца... через отца он просто прощупывает меня: ведь **ЯБЛОЧКО ОТ ЯБЛОНИ НЕДАЛЕКО ПАДАЕТ!**

Молчание затягивалось. Перестала трещать пулеметная дробь пишущей машинки. Я осмелился взглянуть на следователя. Он сидел неподвижно, как изваяние, устремив на меня холодный, неподвижный взгляд. Наконец, произнес:

– Я жду.

Но к этому моменту я уже знал, что и как ответить. Надо отвести прицел от себя.

– Думаю, что нет. В 30-х годах, когда началась коллективизация, по сравнению с колхозниками, мы на зарплату отца жили значительно лучше, чем они. Отец подремонтировал наш старый дом и надворные постройки, мы имели корову и огород на 12 соток, мы с братом ходили в школу в кожаной обуви, а не в лаптях, как многие из колхозников.

– Так, ясно. В регистратуре Вы сказали, что разбираетесь в метеорологии. Это как понять?

– Перед войной я учился в Пермском (теперь Молотовском) метеотехникуме. Не раз дежурил на метеостанции, она у нас за городом. Знаю метеоприборы, умею снимать их показатели. Поэтому могу работать оператором. За составление метеокарт не берусь.

Нажатие кнопки, входит переводчик. Кивком головы он поднимает меня с места. Сеанс окончен. Выходим на улицу. После теплой комнаты вечерний морозный воздух приятно освежает. Вот и проходная, мы в лагере. Узнав, что личных вещей у меня нет, он проводил меня не в «карантинный», а в общий барак. Господи! Неужели пронесло? Я был рад. Оказывается, можно было радоваться даже в этих условиях. В общем бараке было лучше, чем в «карантинных». Новые знакомые, общение с ними, взаимные воспоминания о прошлой жизни. Я много читал. По ночам, когда не спалось, любил мечтать. Это отвлекало меня от

настоящей жизни и уносило в иной мир, хоть и не реальный, но все-таки прекрасный. В мечтах своих я чаще всего обыгрывал одну и ту же тему: побег из лагеря, удачный переход линии фронта, нахожу свой полк. Поцелуи, объятия. Фурор! Или – кончилась война, я дома. Устраиваюсь работать на какую-нибудь скромную должность. Усердием и старанием в конце концов успешно решаю свою карьерную проблему. Или... я в своем СХИ. Пять лет учебы и я – пчеловод. Природа, палатка, костер, рюкзак. Некоторые успехи в личной жизни – жена, дети. Рыбалка по утрам.

Сознание подсказывало, что все это – плод воспаленного воображения, но все-таки мечтал. А настоящая жизнь протекала по своим, непредсказуемым законам.

Один раз в наш барак привели Павла. Да-да! Того самого, с которым мы расстались еще в Умани – пилота, офицера связи Марии Ситник. Я узнал его сразу: не худой, побрит, но постаревший. Как водится – события, расспросы. Я, конечно, заинтересовался – где он был, что делал? И он поведал мне следующую историю. Привожу ее с его слов:

– Из уманского лагеря нас с майоршей (М. Ситник) под присмотром двух конвоиров доставили на какую-то железнодорожную станцию. В особом вагоне привезли не то в какое-то местечко, не то в городок под названием Марицвили. Это на севере страны. Вскоре мы узнали, что здесь происходит формирование власовской авиации. Возглавлял этот центр полковник Мальцев. По слухам – бывший командующий ВВС Забайкальского военного округа еще в СССР. Почему Марию, не имевшую никакого отношения к авиации, привезли туда, я так и не понял. Меня поселили в общежитии с какими-то молодыми людьми, как я понял – летчиками. С утра, после завтрака, они куда-то уходили, вроде бы на аэродром, но почти не разговаривали. По-моему, им было просто запрещено вести со мной какие-либо разговоры. В общем, они жили своей жизнью, я – своей.

– А что стало с Марией Ситник? – спросил я.

– Я с ней виделся два раза. Одетая была в свою военную форму: галифе, китель. Оба раза была выпивши. На мой вопрос:

«Кто вы сейчас?» – ответила: «А никто – ни в плену, ни на свободе. По-моему, немцы сами не знают, что со мной делать».

Каким-то образом узнала, что немцы собираются отправить ее в лагерь, пришла прощаться. Сказала: «Счастливо...» – и сразу же ушла. Честно говоря, мне и самому надоело находиться там в подвешенном состоянии.

Я спросил:

– А аэродром был там?

– Да, был. На нем стояли два Ме-109-х и ничего больше. Иногда прилетали самолеты со стороны, долго не задерживались.

Чем-то этот парень мне нравился, и поэтому мы с ним быстро подружились.

* * *

А судьба-злодейка бросала меня, как «осенний листок» – так в песне поется.

Я – мастеровой

Как-то раз на вечерней поверке дежурный офицер объявил, что в сапожную мастерскую требуется опытный сапожник. Таких в нашем строю не нашлось. Но ребята, стоявшие рядом, стали меня уговаривать, чтобы я занял эту должность. Я упирался: какой из меня сапожник? Но они почти силой вытолкнули меня из строя. А на следующий день я был уже в мастерской.

Эта мастерская была расположена в одном из угловых барачков в правой части лагеря. Заведовал ею уже пожилой немецкий солдат. Работники – наши пленные. Был в ней еще один зав. и переводчик по совместительству по имени Касьян – украинец из Бердичева. Вначале меня заставили отрывать от старых ботинок кожаные подошвы и вместо них прибивать деревянные (такую обувь часто давали пленным взамен кожаной). Я посмотрел, как это делают уже опытные мастера, и к обеду более или менее сносно владел этой операцией. Но после обеда в мастерскую явился один немецкий солдат и попросил прибить ему стельку на подошву ботинка, которая почему-то треснула у него пополам. Немецкий начальник поручил эту операцию сделать мне. Ну, мне, так мне. В куче заготовок я нашел подходящую, мелком очертил размеры и форму стельки и... стал выстрагивать ее обычным ножи-

ком, как строгают палку или затачивают карандаши. Заказчик сидел у окна и читал газету, иногда посматривал на меня и иронически улыбался. Касьян мученически смотрел на меня и жестами показывал, как надо одним движением руки вырезать эту несчастную стельку, и каким ножом. Но я почему-то не понимал его подсказок и продолжал делать по-своему: какая разница? Тем не менее, стельку я все-таки прибил. Немец надел ботинок, сделал пару шагов на месте, снисходительно улыбнулся и даже произнес: «О! Гут» (видать, добрый был мужик). А начальник мастерской, обращаясь к Касьяну и показывая на меня, произнес:

– Скажи ему, чтоб завтра сюда не являлся.

Так бесславно закончилась моя сапожная эпопея. Не в свои сани – не садись.

Когда мы уже шли в барак, Касьян долго перечислял мне все ошибки, которые я успел натворить за свой рабочий день.

А через неделю (почему-то опять мне) предложили еще одну работу. Наверное, потому, что я все еще ходил с тросточкой, прихрамывая, и потому считался как бы инвалидом.

На этот раз мне предложили стать подметалой – следить за тем, чтобы в охранной полосе перед «паутинкой» (натянутая колючая проволока) не было никаких следов на снегу или на песке. Я упорно отказывался, так как посчитал эту работу как бы помощью охранникам. Но ребята и на этот раз уговорили меня: «Связь с бараками будешь держать». Тут можно и «загреметь», – подумалось. Но согласился.

Дней через десять я уже освоил свои обязанности. Знал многих часовых на вышках, которые подсказывали мне, где и что подправить. Поругивали, если обнаруживали, что я плохо выполняю свои обязанности. Впрочем, я не особенно старался. А связь между барками действительно поддерживал... но – словами, без каких-либо записок. Так, через Пестова (летчик из нашего полка) «вышел» на Мордовина. Младший лейтенант Мордовин был сбит, когда мы стояли в Ольшанке.

Я решил идти к нему с подарком – в куче гнилых отходов брюквы я нашел парочку поздоровей, завернул их в старую газету и пошел на свидание... с метлой, конечно. Воображение рисовало пылкую встречу с объятами и прочим: раньше мы с ним

были в хороших отношениях. Но все произошло по-другому. В отсеке было пусто и холодно. Мордовин сидел на своей постели в полном одиночестве. В шинели и шапке. Осунулся, не брит, щеки провалились, взгляд тусклый без каких-либо эмоций. Меня он, конечно, сразу же узнал, но даже не встал с постели для встречи. Я присел рядом, смущенно произнес:

– Я тут тебе подарок принес (и положил брюквы на постель). Извини, конечно, что не фрукты.

Он криво усмехнулся, но «подарок» положил под трухлявую стружечную подушку. Я начал было рассказывать ему про наши последние полковые новости, но он прервал меня, сказав, что все уже знает от Пестова. Помолчав, добавил:

– Если будешь на Большой земле (так на лагерном жаргоне мы называли нашу Родину), передай, кому считаешь нужным, что я пока еще жив и ко всему готов.

Поняв, что аудиенция окончена, я попрощался и вышел из барака. Долго думал над его последними словами, но так и не понял, что он имел в виду. Может быть, был болен и ни на что уже не надеялся. Непонятно было также, почему в отсеке он был в одиночестве?

Школьники из клуба «Подвиг» в селе Лесное Одесской области, где проходили послевоенные встречи однополчан нашего полка, в поисках Мордовина делали запрос даже в Подольск – в архив нашей Армии. Но оттуда никакого ответа о нем не получили. Такие разные судьбы...

А лагерная жизнь текла своим чередом. Я как-то уже свыкся с тем, что являюсь лагерным узником, ни на что не рассчитывал и ни на что не надеялся. Много читал, мечтал о будущем. Метла «позволила» мне найти новых знакомых, многим из которых я помог связаться со своими друзьями из других барачков. Часовой, что стоял на вышке около кухни, и который не позволил мне попрощаться с майором, перестал обращать на меня внимание, когда я приходил порыться в куче гнилой брюквы в поисках более здоровой – к голоду трудно привыкнуть. Чувствовал, что худею, хотел больше лежать, чем двигаться. Раза два-три в неделю мне на кухне давали порцию баланды, и то хорошо. Причитающуюся мне махорку безвозмездно отдавал Генриху. Но всему бывает конец.

Допрос. Продолжение

Не прошло и недели, как к нам в отсек заявился уже знакомый нам переводчик. Для многих из нас он был как бы предвестником чьей-либо трагедии. Все насторожились. А он, отыскав меня взглядом, коротко бросил: «Ком». Я встал с постели, по привычке спросил:

- Куда?
- Командатур.
- Зачем?
- Вайс ниht.
- С вещами?
- Наин.

Изо всех сил стараюсь сохранить спокойствие. Не спеша одеваюсь. Входят два конвоира. Идем. Переводчик – спереди, конвоиры – по бокам, немного сзади. Встречные смотрят на нас с сочувствием. В голове бьется мысль: зачем я им понадобился? Ведь вроде уже обо всем договорились? И вдруг меня бросило в жар... Я вспомнил, что в Перми нет метеотехникума. Мощной немецкой разведке установить это не составляло труда. Мысленно ругаю себя: «Дурак безмозглый...». Но тут же начинаю прикидывать, как мне, если потребуется, выйти из положения. Один из вариантов показался мне приемлемым. А дело в том, что весной 40-го года в нашем СХИ была сформирована футбольная команда, в которую был включен и я. Один раз мы играли дружественный матч с сотрудниками Пермской сельхозопытной станции, которая располагалась в пос. Архирейка за городом. Там же находилась и городская метеостанция. Скажу, что я иногда подрабатывал в ней на половину ставки оператором.

Переводчик ввел меня в уже знакомую мне комнату и тут же удалился. Следователь молча смерил меня взглядом и жестом пригласил сесть. Сохраняя спокойствие, сажусь. Помолчав, следователь спросил меня:

– В прошлый раз Вы сообщили нам, что могли бы работать у нас оператором метеостанции?

– Кажется, начинается, – мелькнула у меня мысль. Но я спокойно ответил:

– Да.

– Прежде чем допустить Вас к работе, мы решили проверить Ваши познания в этой области.

Я неопределенно пожал плечами – мол, пожалуйста.

Нажатие кнопки – и в комнату входит немецкий солдат. Небольшого роста, нос картошкой, со своим переводчиком. Следователь жестом попросил нас перейти в соседнюю комнату. Солдат, о чем-то переговорив со своим переводчиком, задает мне первый вопрос:

– Каким прибором измеряют скорость ветра?

Честно сказать, еще в училище, чтоб лучше запомнить название этого прибора, я ассоциировал его с названием одного знакомого мне растения – ветреницей алтайской (по латыни – Анемона Алтайка). Тот распространенный метод запоминания помог мне и здесь. После некоторого молчания я ответил:

– Анемометр.

– Как он устроен?

Я подробно рассказал ему устройство прибора. А в конце добавил, что направление ветра предпочитал определять не по этим приборам, а «кишкой» (полотняный мешок с двумя отверстиями: одно – входное пошире, другое – выходное – поуже).

Надо сказать, что на вопросы экзаменатора я отвечал более подробно, чем привожу здесь – пытался тянуть время.

– Как называется прибор для определения атмосферного давления, и в каких единицах оно выражается?

– Барометр, а атмосферное давление выражается в мм ртутного столба.

– О какой погоде свидетельствует высокое атмосферное давление?

– Оно наблюдается при антициклонах. Летом – солнечно, и даже жарко. Зимой – холодно, небо чистое.

– Что такое относительная влажность воздуха?

– Это количество влаги в воздухе в процентах от максимально возможного при данной температуре.

– Каким прибором она измеряется?

– Психрометром. У нас был марки Августа. И далее я рассказал им, как это делается. О чем-то переговорив, экзаменаторы,

по-моему, поняли, что я кое в чем разбираюсь. Я уж подумал, что на этом экзамен закончился. Но ошибся: экзамен продолжился.

– Какова высота фронтальной облачности?

– Километра два.

– Неверно.

В общих чертах суть этого вопроса я знал и поэтому сразу же перешел в наступление. Тут все зависит от мощности и температуры масс холодного и теплого воздуха, на стыке которых формируется фронт. Если холодный воздух, как более тяжелый, располагается в приземных слоях, и если он обладает большой мощностью, и простирается на большую высоту, а теплый воздух, как более легкий, наползает на него сверху, то фронтальная облачность может достигнуть трех и более километров. Часто это сопровождается грозами, появлением мощных дождевых облаков, по латыни – кумуленимбус. Все это не стоит на месте, а перемещается на местности на огромных пространствах. На метеокартах по линии изобар это хорошо видно. А на больших высотах образуются уже слоистые и высокослоистые облака – альтостратусы. А на высотах 8-10 тысяч метров – даже перистые – циррусы по латыни.

Так, или примерно так, я обрисовал экзаменаторам условия образования тех или иных облаков, их названия и по-русски и даже по латыни. Спасибо нашему преподавателю из Белоруссии – доктору наук капитану Рубинчику, который не отличался хорошей военной выправкой, но зато хорошо знал метеорологию (у нас в ЧВАУ он вел курс аэрологии).

Я еще не закончил своего повествования, как экзаменатор резко остановил меня:

– Генуг (хватит).

Оба они – и экзаменатор, и переводчик, смотрели на меня с удивлением, любопытством и подозрительно: откуда этот молодой человек, всего лишь оператор, знает такие тонкости формирования погоды? «Не переборщил ли?» – мелькнуло у меня в голове.

Еще о чем-то переговорив между собой, они прекратили допрос и пригласили меня к выходу. Экзаменатор кратко доложил следователю о результатах экзамена. Из его доклада я уловил одно слово – «латайн» (латынь) и понял, что речь шла и о

том, что я даже знаю латинские названия облаков. Значит – экзамен выдержан. А что дальше?

Следователь поблагодарил экзаменаторов, и, обращаясь ко мне, сказал:

– Заявок на специалистов в области метеорологии нам не поступало. По какой другой специальности Вы могли бы поработать у нас?

– Начинается, – подумал я. – Господи, дай мне сил.

– Я люблю природу и хотел бы быть ближе к ней, – ответил я уклончиво.

– Например?

– В сельском хозяйстве.

– А промышленные предприятия Вас не привлекают?

Никаких уклончивых ответов я больше придумать не мог и, набравшись храбрости, довольно твердо ответил:

– Нет.

– Слушайте, молодой человек. Война рано или поздно закончится. Вы разъедетесь по домам, и какая-либо специальность в Вашей новой жизни Вам не помешает.

В его словах чувствовался резон. Но я понимал, что если сейчас я дам согласие, то завтра меня могут послать на какое-нибудь промышленное предприятие: вытачивание гильзы для бомб и снарядов, или, не дай Бог, на какой-нибудь аэродром, чтобы подвешивать бомбы на немецких самолетах, которые завтра полетят бомбить наши города и села. Эта мысль коробила меня, и поэтому я еще раз твердо сказал:

– Нет.

И, чтобы хоть как-нибудь смягчить свой ответ, добавил:

– Это не для меня.

Переходя на «ты» и кивнув в сторону окна, за которым виднелись лагерные бараки, он уже в довольно грубой форме произнес:

– Тебе что, здесь понравилось что ли?

– Да нет. Раньше я никогда не имел так много свободного времени, чтоб поразмыслить о своей судьбе. Никогда не читал так

много книг, как здесь. Если бы баланда была получше, да угля в печку побольше, то остальное – терпимо. Как видите, я не жалуясь.

– Короче говоря, Вы отказываетесь?

Я согласно кивнул головой.

– Не забывайте, что лагерь у нас пересыльный.

Ни тогда, ни сейчас не мог понять – это была угроза или напоминание о том, что последнее слово за ними.

После допроса

Все дальнейшее произошло довольно быстро. Нажатие кнопки, входит переводчик, следователь дает ему какие-то указания. Тот кивком головы поднимает меня со стула, и мы покидаем его кабинет. Хотел попрощаться, но почему-то раздумал. На улице к нам подключились два конвоира.

После того, как мы миновали проходную, переводчик спросил меня, остались ли у меня в бараке личные вещи? Я ответил отрицательно.

– Гут, – сказал он, и, к моему удивлению, мы подошли не к тому бараку, из которого меня вызвали на допрос, а не то к первому, не то ко второму в этом же ряду. Зашли в центральный отсек барака. В нем находилось человек пятнадцать жильцов.

– Принимайте гостя, – произнес переводчик, и, обращаясь ко мне, добавил: «Жить будешь здесь». И сразу же вышел.

Все произошло настолько неожиданно, что я ничего не понял, стоял как истукан.

Кто-то из обитателей отсека подошел ко мне, попросил:

– Рассказывай.

– Чего?

– Как попал сюда? Раздевайся. Вот твое место.

Я кратко рассказал события сегодняшнего дня. Все слушали внимательно.

– Ты хоть знаешь куда попал?

– Нет.

– Ха-ха! Это барак «отказников».

И они рассказали мне, что сюда собирают всех, кто по тем или иным причинам отказался от работы на Германию. Что калитка барака закрывается не только на ночь, но и днем. Что баланда «доставляется на дом», что книг здесь нет.

– А дальше что? – задал я свой уже избитый вопрос. – Куда нас?

– Или штраф-барак, или штраф-команда, или опасные операции.

– А это что?

– А это, например, разминирование полей. Мы ведь тоже знаем не больше тебя.

Я пришел на отведенное мне место на нарах и предался печальным размышлениям. Полностью распался коллектив, который так удачно сформировался, когда мы ехали в вагоне: где-то теперь Сибиряк (жив ли?), куда-то исчез майор с его грузинским князем. Давно уж не видел Генриха - не с кем поделиться табачком и доставить человеку хотя бы маленькую радость. И мне стало так жаль себя...

Видя мое угнетенное состояние, окружающие пытались утешить меня:

– Да ты не унывай: судьба – «баба капризная», всякое может случиться.

И потянулись томительные и тяжелые дни ожидания. Неизвестность угнетала. Я все время думал: правильно ли я поступил? И, что греха таить, были и сомнения. Может, прав был следователь? К нему, кстати, я не питал никаких отрицательных чувств. Не знаю как другим, а мне лично он ничего плохого не сделал. Пока?.. А мог бы. А что удивляться? Шел ведь не 41-й, а 44-й год. Наши войска вели наступательные операции на всех фронтах. Впору было подумать и о своей судьбе. Да и Гитлер терял былой авторитет.

Атмосфера барака меня угнетала, поэтому я часто выходил на улицу, снедаемый тяжелыми раздумьями. Ходил вдоль барака туда-сюда. Даже чувство постоянного голода немного притупилось, но замечал, что худею. Даже подумывал, что скоро буду походить на тех доходяг, которых увидел в бане во время карантина.

Состав «отказников» был непостоянен: одни прибывали, другие куда-то исчезали. Меня пока не тревожили. И только уже в начале апреля произошло событие, которое резко изменило нашу судьбу.

Один раз в соседний отсек нашего барака привели группу пленных. В отличие от нас они были сравнительно хорошо оде-

ты, не истощены, подвижны, активны в обращении. Глядя на них, я понял, что голод, холод, неволя и постоянное психологическое напряжение влияют не только на внешний вид людей, но и на их поведение.

Вскоре мы узнали, что их привезли из лагеря пленных летчиков союзных войск (главным образом США и Англии), где они выполняли внутрихозяйственные работы в этом лагере. Администрация лагеря заподозрила их в том, что они пытались установить с союзниками какие-то «неуставные» отношения, вплоть до массового побега. А может быть, как и с нами, пытались разрушить налаженные отношения. И всех, кто попал под это подозрение, главным образом офицерский состав, отправили в Лодзь. Лагерь этот находился в г. Саган (верхняя Силезия).

А через пару дней всех «отказников», что были в нашем отсеке, – человек 15-20 – направили в этот самый Саган, как бы на замену.

И вот опять знакомый маршрут – трамвай до вокзала. Запасный путь, вагонная теплушка, слабенькая, – из двух-трех человек охрана, переводчик и представитель администрации.

Было уже довольно тепло, поэтому вагонная дверь была открыта. Я жадно всматривался в Германию военного времени: поселки, леса, станции, ландшафты и думал: Неужели я скоро буду сыт?. Мыслей о побеге не было.

В тот же день к вечеру мы были уже в Сагане. Вот и лагерь. Администрация, красное полотнище со свастикой на флагштоке, одна, затем другая – проходные. Вот и русский барак в отдельной проволочной загородке. Встречать нас высыпала чуть ли не половина его обитателей. Нас, по спискам, принял начальник барака – оберфельдфебель Вихман, высокий статный мужчина лет 45-ти. Нас ввели в барак и старшина барака – не то чуваш, не то мариец Курмаев – тоже высокий парень, но помоложе и постройней, без лишних слов всех разместил по свободным нарам. На сей раз с тюфячными матрацами и серыми суконными одеялами.

Так началась для нас новая жизнь, полная самых разных, порой драматических событий.

Союзники и мы

Лагерь летчиков союзных войск в городе Саган включал в себя три полусамостоятельных отдельных лагеря, расположенных кучно в шахматном порядке. Они так и назывались – Северный, Западный, Южный. Администрация – одна на всех. По размерам она была раза в два больше Лодзинской. Так, например, цензура занимала половину барака. Большими размерами обладали клуб, столовая, кухня. Кроме того, в лагере был свой конный двор и даже свинарник. Обслуга – из русских.

В каждом лагере проживало две-три тысячи человек. Проектировалось строительство еще одного – четвертого по счету, так как пленные, главным образом американцы с «Боингов» и «Бостонов», прибывали сюда почти каждый день.

Слева к административному корпусу за колючкой и через проходную примыкала еще одна территория, на которой размещались наш барак, напротив – карцер, душ, госпиталь, зубной кабинет, портновская и сапожная мастерские. Вся эта территория соседствовала с Южным лагерем и находилась под одной и той же охраной с ним.

Наш барак с небольшой площадкой около него и отдельным туалетом, имел еще одно ограждение колючкой в один ряд и калиткой с замком. На ночь барак закрывался на замок.

Охрана лагерей – только «паутиной». Вышки – метров через сто. Рядом с «американцами» стояла еще одна вышка, так, что наш барак имел двойную охрану.

У союзников «конструкция» лагерей была примерно одинаковой. Жилые бараки располагались по периметру лагеря в виде буквы П. В центре – плац величиной с футбольное поле, которое окаймляла прогулочная дорожка. В теплое время года союзники на этом поле обычно играли в регби (футбол был почему-то не в моде). Я не замечал и каких-либо других игр или соревнований.

Национальный состав лагерей был разным: американцы, англичане, французы, индусы, австралийцы, единично – русские. Первое, что меня поразило, – обилие негров. В их общении с остальными я не замечал никакой дискриминации. А ведь мы в этом отношении были воспитаны на книге Б. Стоу «Хижина дяди

Тома», в которой рассказывалось о горькой участи негров, привезенных в Америку из Африки.

Пленные этих лагерей были хорошо одеты, обуты, хорошо выглядели физически, были веселы и улыбчивы. А вскоре мы узнали, что все они от общества Красного креста получали коробки с продовольствием: мясо (в консервах), сухое молоко, яичный порошок, макароны, печенье, галеты (вместо хлеба), сладости, сигареты. Там я впервые увидел пачки сигарет марки «Кэмел», «Олд Гольд» и др. Кроме того, один раз в месяц пленным разрешалось посылать письма своим родным и близким на Родину и получать письма от них. Время пребывания в плену у них засчитывалось как военная служба с получением воинских званий и денежного содержания, соответственно. Если пленные совершали побег, то на Родине они получали тот или иной орден. Если убежавшему удавалось перейти линию фронта и добраться до своих, то он получал какое-то геройское звание.

Многие из пленных были верующими, поэтому на все три лагеря у них был один вольнонаемный священник, который осуществлял соответствующие службы.

Когда я узнал обо всем этом, увидел условия их лагерного содержания, то в моем сознании наступил первый настоящий «сдвиг». Как же так? Правители буржуазных государств проявляют такую трогательную заботу о своих, а партия и правительство нашего родного социалистического государства считает нас чуть ли не изменниками Родины, хотя те и другие, воюя с нацизмом, выполняли одну и ту же историческую миссию... От законов диалектики не уйдешь. «Бытие определяет сознание».

А что делали в этом лагере мы?

Мы выполняли самые различные внутрихозяйственные работы по обслуживанию союзных пленных. Не хочется признавать, но... были у них как бы в услужении. Хотя и подспудно, но это мы чувствовали всегда. Но надо признать, что союзники никогда и ни в чем не проявляли к нам своего, как бы барского отношения. Всегда были приветливы и внимательны к нам, и если возникала необходимость, то оказывали нам посильную и бескорыстную помощь. А мы – им, соответственно. А это бывало частенько. Приведу перечень некоторых работ, выполняемых нами.

1. Общая численность пленных в этом лагере к 1944 году достигла приблизительно 10 тыс. человек. Поэтому каждый день в бараках накапливалось большое количество пустых консервных банок. Их собирала отдельная команда – так называемая «бюксэ-командо» и складировала около лагерной «мусорки». Немецкие солдаты пенсионного возраста на конных фурах с высокими бортами свозили их в большую кучу, расположенную в особой проволочной загородке из «колючки» напротив лагеря, за дорогой. Здесь другие члены команды деревянными молотками плющили их в лепешки на вторичную переплавку.

Союзники, из самых добрых побуждений, специально для нас оставляли некоторые банки почти нераскрытыми: с мясом, сыром, маслом и другими продуктами. За день таких продуктов накапливалось порядочно. Вечером все это приносилось в барак и раздавалось. Все происходило мирно, без обид и нареканий.

Эта команда выполняла и другую очень важную миссию – осуществляла связь между пленными лагерей и мирным населением города, как с немцами, так и частично и с русскими. В тайных карманах членов команды в лагерь проносились не только лук и чеснок, но некоторые детали радиоприемников, и еще кое-что... Цепочка эта, несмотря на происки немецких следственных органов, функционировала долго и надежно. Не оставались внакладе и надежные охранники.

Забегая вперед, скажу, что с мая 1944 года такие же коробки с продуктами стали получать и мы. Только не надо думать, что для нас наступила «лафа». Одни и те же консервированные продукты изо дня в день быстро приедались. Неудивительно поэтому, что самым ходовым товаром для нас и для союзников, были лук и чеснок. Одна головка того и другого стоила нескольких пачек сигарет. Обмен – тут же, в загородке.

Приготовление пищи происходило по вечерам, после работы, на массивных чугунных печках наподобие Лодзинских. В бараке была и кухня. В ней по вечерам наш повар выдавал всем приблизительно по 350 г черного, плохо пропеченного хлеба и по чашке крупяной баланды. Не густо, но все же это немного разнообразило наш рацион.

2. Администрация и лагеря в зимнее время расходовали большое количество брикета и угля – почти полный пульмановский вагон в сутки. Его выгрузку на железнодорожной станции, перевозку и разгрузку в лагере ежедневно производили 5-7 наших здоровых парней. Среди них был и мой земляк из Свердловска – Евсюнин Алексей – полноватый парень с красивым нежным лицом. Это была «коле-командо».

3. Каждые две-три недели союзникам меняли постельное белье, поэтому постоянно, в порядке очередности, приходилось заменять его на – чистое. Эту работу выполняла, так называемая «вещэ-командо». Помимо основной работы члены команды осуществляли связь между пленными союзниками, по тем или иным причинам оказавшимся в разных лагерях. Делалось это полулегально.

Несколько человек работали в сапожной и пошивочной мастерской, обслуживая не только пленных, но и немцев. Должность санитара в зубном кабинете исполнял Н. Солдатенко – пленный из Киева. Вскоре он станет центральной фигурой моего повествования. Часть пленных работала даже в немецкой кухне на подсобных операциях: погрузка-разгрузка привозимых продуктов, чистка картошки и др.

Михаил Тикотский, с которым мы в начале 1945-го года совершали из лагеря побег, исполнял обязанности электрика – один на весь лагерь, включая администрацию.

Два человека ухаживали за животными в свинарнике. Один – тихий и незаметный мужичек из Оренбурга Давыдов – был конюхом.

Руководство и администрация лагеря

Начальником всех трех Саганских лагерей был оберет (полковник). Так сказать, лично, он пленных не касался. Я даже не могу описать его внешность. Он относился к нам более или менее благосклонно. К строгим наказаниям (карцер, те или иные виды штрафных санкций) прибегал, но не часто.

Его ближайшим помощником был местный магнат-майор Якоп. Небольшого роста, в очках с роговой оправой желтого цве-

та. Он возглавлял все хозяйственные работы, проводимые в лагере. На стареньком велосипеде он целый день разъезжал по всем объектам, на которых трудились пленные. Нас особым вниманием не удостоивал, но руководителям команд и часовым вполголоса давал какие-то указания и наставления. Таким я его и запомнил. Но неисповедимы пути господни: мы с М. Тикотским в феврале 1945-го волею судьбы оказались с ним в какой-то немецкой каталажке. Более подробно я расскажу об этом немного позже.

Во главе каждого из трех лагерей имелся свой начальник, обычно офицер. Мне запомнился только один из них – гауптман (капитан) Милорадович – серб по национальности. Он возглавлял лагерь, который был рядом с нашим баракком. Доброжелательный, улыбчивый, он, очевидно, изучал русский язык, и при встречах частенько спрашивал меня значения тех или иных русских слов, правильность ударений и др. В конце 1944-го года, уже накануне эвакуации лагеря, спросил меня:

– Когда надо говорить «до свиданья», а когда – «прощайте»?

Я немного подумал, улыбнулся и сказал:

– В данной ситуации лучше подойдет «прощайте».

Он понял намек, пожал мне руку, улыбнулся и не очень чисто произнес: «Прощайте». Уходя, всем нам помахал рукой. В феврале 1945-го с ним, а, вернее, с его фотографией, мне позже пришлось встретиться в одном из кабинетов СМЕРШа. Но об этом позже.

Переводчик

Его имя было Андрэ. Но мы, да и немцы тоже называли его просто Андрей. Он не обижался. Это был уже пожилой мужчина с бельмом на глазу. Еще в первую империалистическую он попал в плен к русским. И два года прожил в России. О русских и о России вспоминал с удовольствием. И может быть, поэтому к нам, особенно к молодым, относился немного по-отечески. Жалел нас за то, что у нас такая тяжелая судьба. По воскресеньям приходил к нам в барак, чтоб поиграть в картишки. Если ребята, игравшие с нами, «мухлевали», то очень обижался и спешил уйти

домой. Но ребята обещали впредь играть честно, ну и конечно... проигрывали. Он по-детски радовался и довольным уходил в свою казарму. На прощанье мы давали ему несколько пачек сигарет для своих друзей. Сам он не курил.

Унтер-офицер Форстер

Сам я был в команде «на подхвате». В ней было 8-10 человек. Я немного говорил по-немецки, и поэтому автоматически был в ней как бы за старшего. Шефом команды был чешский немец из г. Марьянская Лазня по имени Антонио Форстер. Но мы обычно называли его Дадон. А меня он называл Отто. У себя на родине он содержал небольшую мастерскую по ремонту автомашин. Может быть, поэтому на фронте он не был. Мужик он был в общем-то покладистый, и мы с ним не раз успешно обдeldывали кое-какие делишки. Он любил изображать из себя большого начальника, пораспоряжаться.

Раза два его навещала жена с сынишкой. Если мы работали недалеко от «колючки», то приходила посмотреть на русских – какие они? В отличие от мужа, она была улыбочивой и, по всему виду – доброй. Мы, чтоб польстить им, говорили: «Гут фрау. Да и сын твой – весь в тебя». Она сдержанно улыбалась, и было непонятно – верила ли она этому спектаклю?

Но был у него один недостаток – он был холериком. И когда, по тем или иным причинам, у него наступало это состояние – он становился бешеным. Доходило и до рукоприкладства. На следующий день ничего не помнил. К счастью, это случалось не часто.

В бараке

В нашем бараке проживало 80-100 человек. По всем показателям – это был настоящий «сброд» в самом хорошем смысле этого слова. Кратко охарактеризую лишь тех, кто больше запомнился и с кем был более близок.

1. Губин. Имени его не помню: мы чаще называли его – Дед. Самый старший из нас.

Ему было уже под 60. Москвич. По картотеке – плотник. Но уже после войны я узнал, что перед войной он работал в ЦАГ инженером. В 1941 году, когда немцы были под Москвой, его мобилизовали. В боях был ранен, попал в плен. В лагерях перенес лишения, которые выпали на долю пленных. Был угнан в Германию и каким-то образом попал в Саганский лагерь, который в то время еще только закладывался. И с тех пор является старшим в «боксэ-командо». Был хитер, умен и весел. По вечерам, после работы учил нас, молодых, уму-разуму, в том числе и по женской части. Годы пребывания в плену научили его многому. Так, например, у него была старенькая шинель грязно-зеленого цвета, очень просторная с многочисленными тайными карманами. Как я уже сказал ранее, именно эта команда под его руководством осуществляла все торгово-обменные операции с мирным населением города. Контролеры на проходной его хорошо уже знали. В подозрительных случаях (по наводке часовых) они делали ему тщательный «шмон». Но он был спокоен, балагурил с ними, и это поразительно, но он никогда не попадался. После проходной старческой походкой семеня в барак, улыбался, обзывал контролеров «дураками» и из каких-то тайников шинели доставал длинный батон белого хлеба. Все лучше, чем американские галеты или пайка черного хлеба немцев. В «своем деле» он, несомненно, был гением.

2. Солдатенко Николай. Киевлянин. В лагере – санитар у зубного врача. По гражданской специальности – музыкант. Окончил три курса Киевской консерватории по классу трубы. Еще будучи студентом, играл в киевском оркестре кинематографии. Будучи санитаром, он жил как бы отдельно от остальных, но летом 1944-го по моей инициативе мы стали организовывать так называемый «шумовой оркестр» (об этом позже), и тогда он, как профессионал, активно включился в эту затею и стал ее центральной фигурой. А однажды сказал: «Если уж организовывать, то не шумовой, а настоящий оркестр». С этого момента наши усилия были направлены на то, чтобы где-нибудь раздобыть эти музыкальные инструменты. Загорелись!

3. Турнев Саша. Мы спали с ним на одних нарах – он сверху, я – снизу. Небольшого росточка, 18-ти лет, почти мальчик. В

жизни барака ничем не выделялся. Но... и это поразительно – обладая абсолютным музыкальным слухом, хорошей музыкальной памятью и художественным свистом! Наши нары частенько превращались в Театр одного актера. По заказу слушателей он «высвистывал» мелодии песен, романсов и даже отрывки из увертюры к «Кармен».

4. Мозговой Василий. Одессит. Не знаю, кем-чем он был в армии, но на «гражданке» – вор-рецидивист по кличке Сонька. Хорошо играл на гитаре, знал много украинских и молдавских песен, но предпочитал отлеживаться в госпитале. Вскоре мы с ним еще встретимся.

5. Масоха Виктор. Украинец. Перед войной работал в киевском цирке в группе гимнастов. Красивый парень с правильными чертами лица, атлетического сложения, но в лагерь прибыл истощенным, вроде нас. В войну – стрелок-радист с Пе-2. В одном из воздушных боев снаряд «эрликоновской» пушки, что установлена на немецком истребителе Ме-109, выхватил из его левого бедра кусок мягкой ткани глубиной сантиметра три. Где-то долго лечился, заметно прихрамывал. Уже в лагере немного поправился. Из двух столбов и ржавой трубы смастерил себе спортивный снаряд (в просторечии – турник). Зачистил трубу от ржавчины и, соблюдая осторожность, стал демонстрировать нам и «солнце», и соскок с сальто и другие номера цирковой программы. При этом я впервые обнаружил, что исполнение гимнастических номеров цирковой программы заметно отличается от более строгой – спортивной, которую требовал от нас преподаватель физкультуры лейтенант Бибииков в ЧВАУ (Челябинское военное авиационное училище).

6. Мои друзья. Лыткин Юра. Летчик-истребитель. Был сбит в одном из первых боевых вылетов. Старше меня года на два. Немного играл на гитаре, немного пел («Отчего, я сам не знаю, третий тур я не летаю»). Первое время мы с ним работали в одной команде (на подхвате), но потом он почему-то выразил желание стать в бараке поваром. И в этой должности пробыл до февраля 45-го. Подружились мы с ним не по велению сердца, а как земляки: оба с Урала. До войны он жил в Магнитогорске. В той обстановке землячество всегда сближало, даже разных людей.

Мазурук Петя. Украинец. По военной специальности – штурман – друзья по несчастью. Лицом очень походил на Гоголя. Был немного националист: очень уж часто восхвалял свою Украину. А я – наоборот – в шуточной форме разыгрывал его, то за причудливую украинскую «мову», например, исполнял арию Ленского (из «Евгения Онегина»): «Звалюсь ли я друком пропэртый, иль мимо сиганэ вона», то за архитектуру их деревень, то еще за что-нибудь. Он очень обижался, но через пару дней все мне прощал, и мы вновь дружески общались.

Миф и легенда о Лепковиче

Когда мы разговаривали с ветеранами нашего барака о том, как обстояли дела в этом лагере во время его зарождения, то в их рассказах часто звучала фамилия Лепкович. Говорили о его загадочной судьбе, о той роли, которую он сыграл в судьбах первых русских, привезенных сюда.

Сведения о нем были довольно противоречивы. Но, ни в какой мере не претендуя на стопроцентную вероятность, я все-таки беру на себя смелость рассказать о нем читателям: очень уж интересна и загадочна его судьба.

Борис Лепкович Борис перед войной был летчиком гражданской авиации. В какой должности, не знаю, вроде бы пилот. Летал по маршруту Москва – Берлин. В это время он познакомился с немецким летчиком Вихманом, который водил самолеты по маршруту Берлин – Москва. Начало войны застало Лепковича в Берлине. Где он находился и что с ним было в первые месяцы войны, – неизвестно.

Когда был организован лагерь пленных летчиков в Сагане, то Вихмана назначили шефом той группы русских пленных, которых привезли сюда для выполнения различных хозяйственных работ. В той же группе оказался и Лепкович. По мнению многих, не без помощи Вихмана. В это время он обладал уже достаточно зрелым возрастом, немного говорил по-немецки, поэтому пленные русские единодушно избрали его своим старостой. Все, кто в это время находился с ним в этом бараке, отзывались о нем только положительно. Он организовывал питание пленных, сделал

постоянными команды Вещэ, Коле, Бюксэ и др. Не знаю, по чьей инициативе, но в барак стали наведываться два власовца для пропаганды и вербовки желающих в их армию. Но собрание с ними Лепкович превратил в «Вечер вопросов и ответов». Вопросы к ним со стороны русских были самыми разными: какой будет судьба СССР, если победа в этой войне будет на стороне Германии? Колония? Протекторат? Свободное государство? Германия берет под свое покровительство всю нашу страну, или только до Урала? – и многие другие. И тут обнаружилось, что пропагандисты в вопросах политики – полнейшие профаны. Изредка они появлялись в бараке уже при нас. Но не столько вербовали желающих сражаться во власовской армии, сколько выискивали тех, кто по тем или иным причинам не желал возвращаться на Родину. А таковые тоже были, главным образом, из «нацменов». Власовцы вели себя мирно, даже дружили с нами. У меня сложилось такое впечатление, что они подумывали о том, как бы затесаться в нашу компанию?

К моменту нашего прибытия в Саган Лепковича в бараке уже не было. Старшим по бараку был Курмаев. Не было его и в составе офицеров, прибывших в Лодзь. Исчезновение Лепковича было внезапным и во многом загадочным. Одни говорили, что его упрятал куда-то Вихман. Другие утверждали, что это дело рук ГЕСТАПО. В первые послевоенные годы в нашей стране существовал так называемый Советский комитет ветеранов войны, наподобие нынешней Общественной палаты. Один раз совершенно случайно в составе этого Совета я обнаружил фамилию Лепковича. Но был ли это он – не знаю. Но не теряю надежды, что среди читателей этих строк найдется человек, который сможет пролить свет на эту историю. Чем черт не шутит.

Распорядок дня, быт, культура и прочее

Подъем в 7 утра. Час на туалет и завтрак. В 8 – общее построение перед бараком и развод команд по местам работы. С часу до двух – перерыв на обед. С двух до шести-семи – вновь работа. После семи – ужин и немного свободного времени для души. Где-нибудь в узких проходах между нарами кучка пленных ведет бесконечные разговоры на самые различные темы. Кто-то брен-

чит на гитаре или мандалине. Угольщики, умаявшиеся за день, просто валяются на постели – копят силы на завтрашний день. Картежники, приютившись в каком-нибудь углу, азартно «режутся» в «очко», в основном на сигареты. Доморощенные политики обсуждают вопрос о том, какова будет жизнь в стране после войны (конечно победоносной, в этом мы несколько не сомневались). Всем нам казалось, что она будет распрекрасной. Эх, как мы ошибались!.. Отбой в 11-00.

По воскресеньям нам разрешалось сходить в душевую (она была напротив барака, через дорогу), чтоб постирать белье. Помывочные дни – раз в 2-3 недели. В летнее время многие предпочитали побыть на улице – у барака, чтоб посмотреть как Масоха «крутит солнце», или ведет занятия по типу «Мастер-класс». Любители пения, примостившись на крылечке, под гитару, или мандолину расппевают русские и украинские песни. Были слушатели – часовые на вышках.

Особый разговор о книгах и журналах. Книги в бараке были старые, зачитанные до дыр. В основном – русская классика. Но я бы не сказал, что обитатели барака отличались высоким интеллектом. Истинных поклонников русской или какой-либо другой словесности было не так уж много. (А много ли их среди сотрудников нашей академии в наше время??? Вот то-то и оно). Даже Губина, в прошлом инженера, я ни разу не видел за чтением книг. Про себя скажу, что за время пребывания в этом бараке я прочитал только «Войну и мир», «Гранатовый браслет» Куприна, да кое-что из Достоевского.

Но дело в том, что помимо русской классики, на русском языке по рукам ходили книги другого, откровенно антисоветского толка. Печатались они, по-моему, издательством «Медный всадник» (Франция?). Из книг этого плана я прочитал «Жемчуг слез» – автор Черкесе и «Белая свитка» – автора не помню. В первой говорилось о репрессиях, которые проводились в Западной Украине в сороковых годах. Во второй – о деятельности какой-то террористической организации, которая успешно боролась с «русскими оккупантами» в Бессарабии, или Молдавии, тоже в сороковых годах.

Иногда в бараке появлялись хорошо оформленные, красочные журналы, издаваемые, по-моему, во Львове. Вот пример того, как выглядела обложка одного из таких журналов. На переднем плане морщинистое лицо сельского труженика. На заднем, – справа его усадьба, слева – пашня, лошадь тащит плуг с землепашцем. И на всем этом фоне слова: «Дом свой, усадьбу свою, разве забудешь когда?». А на страницах текст о том, как принудительным образом проводилась коллективизация на Западной Украине в сороковых годах. Журналы эти я прочел без особого интереса: слишком уж примитивно в них все описывалось, без какого-либо анализа протекающих событий. Иногда появлялись журналы, издаваемые каким-то немецким военным издательством под заголовком «АДЛЕР» (Орел). Его читатели те, кто более или менее сносно говорил по-немецки. А таковые в бараке были. В журнале безо всяких прикрас и без ложного патриотизма говорилось о тяжелой участи фронтовиков, сражающихся с врагом в окопах, в воздухе, на морских судах в холодных водах Балтики. И... никаких восхвалений ни Гитлеру, ни его окружению. Странно! Я так и не понял – журнал был правительственным или оппозиционным?

Но особой популярностью пользовалась книга под заглавием «Река времен», написанная Красновым, – по слухам, известным царским генералом. В его руках каким-то образом оказался архив дома Романовых, начиная с Екатерины Великой и кончая Александром II. В книге приводятся малоизвестные факты из жизни русских царей: различные интриги, любовные увлечения и пр. как на бытовом уровне, так и на государственном. Удивляюсь, почему эта книга не попала в наше издательство. Без всяких купюр ее можно было издать и у нас, особенно в наше время... вседозволенности. Вспомним, с каким интересом читаются книги В. Пикуля «Фаворит», «Нечистая сила», или Э. Радзинского «Господи... спаси и умири Россию».

Опять госпиталь

Еще летом 1943-го в одном из боевых вылетов я был легко ранен в правую ногу, повыше щиколотки. Полковая врач Ратнер смазала рану йодом, перевязала бинтом и на этом лечение закончилось. И вот в апреле 1944-го я на этом месте почувствовал зуд,

потом появилась легкая боль. Вечером, после работы я обнаружил там небольшой гнойник, чем-то смазал и замотал тряпочкой. А дня через три гнойное пятно увеличилось до размеров современной копейки, а в правом паху появилась огромная опухоль, как мне показалось – чуть не с куриное яйцо. Позже мне сказали, что это воспалился лимфатический узел. Пошел я к Андрею, все показал, он ужаснулся, поругал меня за то, что я запустил болячку до такого состояния, и сразу повел меня в госпиталь. Немецкий врач, что был на приеме, без разговоров определил меня в палату для русских – крайняя правая в конце коридора. В палате уже было двое наших больных: М. Раунес – стрелок-радист с Пе-2 и Сонька – В. Мозговой.

К обеду в палату вошел санитар, подошел ко мне и на ломаном немецком спросил: «Что у тебя?». Я показал ему болячку. Он укоризненно покачал головой, сказал, что завтра будем лечить.

Вскоре от ребят я узнал, что это был английский летчик из Бостона, был он ранен в колено с повреждением костей. Ему была прописана (как он сказал) какая-то «термия», и чтоб не ходить каждый день с больной ногой на процедуры, ему предложили поработать в госпитале санитаром. Он согласился. Это был высокий красивый блондин, добрый, простодушный. Звали его Том. Как-то так случилось, но мы с ним сразу же подружились. Я рассказал ему, кто я такой, где моя Родина, на чем летал, как звать (для краткости назвал себя Толей). Он тут же принес мне книгу какого-то английского путешественника под заголовком (точно не помню) что-то вроде «От моря до моря» – из Португалии до Тихого океана. В книге было много путевых фотографий. Я без труда разыскал в ней главу «Урал» и... даже «Кунгур» (очевидно, речь шла о пещере). В его очередной приход в палату я показал ему это место в книге, добавил: «Дас ист майне Найман – ди берге, заубер флюсэ унд вельде (это моя Родина – горы, чистые реки и леса)». Внезапное чувство тоски по Родине охватило меня, и я замолчал. Увижу ли когда-нибудь эту красоту? Том, очевидно, уловил мое состояние и деликатно удалился. Но через полчаса принес с собой кучу фотографий. По книге того же автора показал мне свою Родину – предместье Ливерпуля, а потом прямо на постели разложил фотографии своего дома – красивый особняк,

окруженный ажурной металлической оградой. Показал все свое семейство: отец, мать, сестренка и брат. И на отдельной фотографии симпатичная девушка в спортивном костюме с мячом. Помолчав, с улыбкой добавил: «Майнэ мэдхен». На мой вопрос: «Кто у него отец?», ответил, что он капитан дальнего плавания – на фрахтованном судне возит в Австралию и еще на какие-то острова металл, инструменты, посуду, одежду, обувь и др.

– Он у тебя значит капиталист?

– Найн, найн, – резко возразил он, и, с трудом подбирая нужные слова, дал мне понять, что сбыть привезенный товар очень трудно – «гроссэ конкуренцией» и т.д.

На следующий вечер Том принес небольшой, но глубокий тазик, наполненный какой-то черной вонючей жидкостью. По моему, это была обыкновенная, изрядно подогретая ихтиолка. Поставил тазик около моей койки и велел опустить туда ногу. Минут через двадцать он в большую клизму набрал этой жидкости и ввел носик клизмы в рану. Было, конечно, больно, но – терпимо. Том с силой надавил на клизму... вместе с гноем из раны в тазик вывалилось что-то металлическое – даже был слышан легкий щелчок о дно тазика. Промыв ранку марганцовкой, Том стал осторожно сливать содержимое тазика в раковину. Я не выдержал и тоже подошел к раковине. Когда жидкости в тазике не осталось, на дне его мы обнаружили небольшой не то медный, не то бронзовый осколок. На правах лекаря Том первым осмотрел осколок, потом передал мне. С самого начала заболевания мне казалось, что именно он является причиной гнойного образования. Но сколько я ни всматривался в этот желтенький кусочек металла, я не нашел на его поверхности следов коррозии или чего-либо вроде этого. Вопрос прояснился на следующий день, когда Том привел в палату врача госпиталя. Врач – рядовой солдат с орденскими ленточками в лацканах френча, внимательно осмотрел осколок и, пользуясь то русскими, то немецкими словами, объяснил нам, что металл в организме человека может сохраняться «филе яр» (много лет) и поэтому не может стать причиной гнойного образования. После этих слов он попросил меня показать ему носки, в которых я хожу на работу. Я показал ему правый носок. Врач брезгливо взял его двумя пальчиками и спросил:

– Когда Вы стирали его в последний раз?

– Не помню.

– Фу-у! Шматц (грязь)!

И швырнул носок под койку. Кратко объяснил нам, что осколок стал выходить наружу (это часто бывает), при этом образовалась небольшая ранка, в которую попала грязь. Начался гнойный процесс. И не желая иметь с нами больше никаких дел, тут же вышел из комнаты. Соседи по палате, конечно же, стали подтрунивать надо мной. И только Том дал мне совет: «Ты постирай носки и покажи их врачу в чистом виде». Что я и сделал.

Началось долечивание. Том заполнил открытую и довольно глубокую рану какой-то мазью и забинтовал бумажным (гофрированным) бинтом: марлевые были в дефиците.

А наши взаимоотношения с ним на этом не закончились. Делая мне перевязки, он часто задерживался у меня дольше положенного, чтоб поговорить о том, о сем. Один раз я имел неосторожность рассказать ему о том, что перед войной у меня были коньки, лыжи, велосипед и даже маленький фотоаппарат «Малютка». Он сразу же простодушно, без какого-то намека на превосходство, перечислил мне, что у них в семье есть «авто», современная «камера» (как я понял, фото), что он уже дважды с отцом побывал в Австралии и еще на каких-то островах. Но явное его социальное превосходство надо мной не мешало нам испытывать друг к другу дружеские чувства: оба были солдатами одной и той же войны, оба были фервундэт (ранены), оба оказались в плену и... в одном бараке. А наши страны были союзниками в борьбе с фашизмом. И сейчас, когда я пишу эти строки, невольно вспоминаю его. Дорогой мой друг, жив ли ты? Как сложилась твоя дальнейшая судьба? Спасибо тебе за то, что ты, не будучи медиком, так старательно лечил меня – друга по несчастью. Думаю также и том, как было бы хорошо, если б взаимоотношения между людьми стали моделью отношений между государствами. Но, увы, в одной упряжке не могут быть и конь, и трепетная лань.

Лечение мое шло своим чередом, а госпитальные события - своим. Их главным героем стал Мозговой (Сонька).

Вечерами, когда кончался прием больных, а в госпитале из немцев оставался только охранник, который нес свою службу у

входной двери, Сонька доставал гитару из-под койки и начинал свой сольный концерт – пел украинские, молдавские и зэковские песни. Он не обладал ни хорошими вокальными данными, ни поставленным голосом, но в его пении было что-то подкупающее. Во всяком случае, послушать его в палату приходили союзники из соседних палат. Порой их набиралось человек 10-15.

Они приветливо улыбались и рассаживались по нашим койкам. Сонька, картинно жестикулируя руками, для начала рассказывал им пару-вторую скабрёзных анекдотов, потом запевал:

Я в степях Молдавии родился.

Эх, да и любил я табор свой родной.

Там я рос, я рос я и резвился.

Эх, да рекою лился голос мой.

Все бы ничего, да рано или поздно, но в его репертуаре появлялись или зэковские, или откровенно похабные песни, которые, на мой взгляд, только портили общее впечатление.

Я не раз пытался заговорить с ним на эту тему, но он отмахивался от меня, как от назойливой мухи, даже не пытаясь хоть как-то оправдать свое поведение. А однажды произошло событие, которое резко изменило мое к нему отношение. Дней через пять, когда мое лечение уже подходило к концу, в госпиталь, под вечерок, пришел лагерный священник – пастор. Покончив со своими делами, он заглянул в нашу палату. Высокий, с правильными чертами лица, в военной форме, он мало походил на служителя культа. Зайдя к нам, он вежливо со всеми поздоровался по-немецки. Сонька (его койка была первой от входа) предложил ему присесть рядом. Вскоре мы узнали, что к нам он пришел по делу, суть которого заключалась в следующем.

– Вот когда я хожу по лагерям, то русские пленные часто здороваются со мной по-английски – «Гуд дей», «Гуд монинг» и т.д. Мне тоже хочется ответить им, но по-русски. А как это произнести – я не знаю. Вот вы меня и научите.

– О, это мы можем. Зетцен (садись), – быстро ответил ему Сонька. По утрам у нас приветствуют так... И далее следовал ядреный русский мат. Запомнил?

– Ты что делаешь? – набросился я на Соньку, – он же священник. По их законам сквернословие – это грех!

Но Сонька, как и прежде, отмахнулся от меня и на полном серьезе продолжал:

– А в обед, днем значит, надо приветствовать так... И посы-
лал их всех по известному русскому адресу.

– Ты думаешь, нет? – снова я обратился к Соньке. Но безуспешно. А в вечернем приветствии принимала участие уже богородица... мать.

М. Раунес с трудом сдерживал смех, отвернулся от них и прикрылся подушкой. Но самое удивительное заключалось в том, что пастор так и не понял этого, почти неприкрытого надувательства. Наверное, не мог допустить этого. Что-то записал в свой маленький блокнотик, попрощался с нами и, улыбнувшись всем, ушел. После этого ухода я не удержался и обратился к Соньке со словами:

– Вот что, Василий, не знаю как тебя по отчеству, поешь ты знатно, а в остальном – подлец высшей марки.

Он резко оборвал меня:

– За эти слова... говори спасибо, что разговор происходит в «казенном доме»... А если б на воле... Я б тебе дал более достойный ответ.

– А на воле я б с тобой и разговаривать не стал.

– Удивляюсь, как сильно могут меняться люди в зависимости от обстоятельств.

История с пастором закончилась не очень красиво. Русские пленные, не зная о событиях в госпитале, при встрече с ним приветствовали его, как обычно, – по-немецки или по-английски. Он в ответ, как научил Сонька, посылал их... куда следует, а точнее – куда не следовало бы. Русские – или сдержанно, или откровенно смеялись. Пастор быстро понял, что тут что-то не так и за разъяснением направился к Сашке-американцу. Этот Сашка был американский летчик русского происхождения. Отец его – бывший украинский помещик, – эмигрировал в Америку еще в гражданскую. Сашка хорошо говорил (да и ругался тоже) по-русски, был веселого нрава, слыл заядлым картежником, в общем «рубахапарень». Через него мы поддерживали связь с союзниками, а когда мы стали создавать наш «шумовой оркестр», то помогал нам доставать музыкальные инструменты. О визите к нему пастора он рассказал нам следующее:

– Пастор пожаловался мне, что когда он здоровается с русскими... по-русски, то они почему-то смеются над ним. Я попросил рассказать, как он это делает? И, когда он рассказал мне все, чему научили его в госпитале, я хохотал минут пять. А потом сделал ему свободный перевод этих приветствий по-английски. Он был очень огорчен, обиделся на русских и даже на меня.

С месяц пастор не разговаривал с нами. Наши межгосударственные отношения были подорваны самым нелепым образом. Но один раз (мы работали на котловане) он со своим охранником проходил мимо, я подошел к нему, вежливо произнес «Гуд дей» и попросил у него прощения за тот инцидент, что произошел в госпитале. Сказал, что тот парень, что учил его ругаться, был «нихт гут», что это была всего лишь «шпас» (шутка). В ответ он проворботал что-то невнятное, но все-таки улыбнулся своей доверчивой и доброй улыбкой, и, попрощавшись, пошел по своим делам дальше. А через месяц наладились отношения и с остальными русскими. Бог простил.

Ранка на ноге у меня стала заживать, и меня выписали из госпиталя. Перед уходом я зашел в палату к Тому, чтоб попрощаться. Сказал ему, что очень доволен встречей с ним, поблагодарил за лечение. На прощание в полушутливой форме сказал:

– Когда война закончится и ты вернешься домой, то всем твоим ближним родственникам передай мои наилучшие пожелания. И... особый привет передай твоей «медхен». Скажи ей, что она мне очень понравилась.

Том от души рассмеялся, легко включился в игру и шутливо погрозил мне пальцем – мол, смотри у меня. И уже на следующий день я вернулся в свою «командо». Мы по-прежнему трудились на подхвате, выполняли самые различные работы: корчевали деревья под строительство нового лагеря, прокладывали дорогу к угольному складу, копали котлован под плавательный бассейн и другие.

Побег союзников

Побег был осуществлен в северном лагере летом 1944 г. О том, что он готовится, знали все – и союзники, и немцы, и мы. Но никто не знал точно – где, когда и каким образом? Вскоре, одна-

ко, через Сашку-американца нам стало известно, что побег готовится через подкоп. Лагерная охрана, видя свежие «выбросы» песчаного грунта на прогулочной дорожке вокруг стадиона на территории этого лагеря, конечно же, догадывалась о том, что готовится побег. Но определить точное место его «вреза» так и не смогла. Этого не знали и союзники других лагерей, да и мы тоже.

Для того чтобы его подготовить, требовалось многое: доски, или брусочки для стоек и перекрытий в горизонтальной части подкопа, самые различные «тряпки» для покрытий между стойками, гражданская одежда, немецкие деньги и пр. Подготовка к побегу длилась около года, и я горжусь тем, что посильную помощь в его осуществлении оказывали мы – русские пленные. Трудностей было много. Где-то надо было раздобыть эти самые дощечки и брусочки, тряпки, гражданскую одежду и пр. Наверное, у союзников были и свои каналы по доставке этого материала, но многое осуществляли мы. Обменным материалом при этом были сигареты, продукты, шоколад. Основными исполнителями были «бюксэ» и «коле-командо», транспорт и доставка заказчику – через «вешэ-командо». Воздадим им должное: ребята рисковали многим – как минимум – карцер, а то и штраф-лагерь, или застенки ГЕСТАПО. Но – Бог миловал. Немного помогали и местные охранники, не бескорыстно, конечно. Не буду останавливаться на технической стороне этих операций: это уведет нас в сторону от главных событий.

Когда все было готово, оставалось только «пробить» вертикальный выход уже за пределами лагеря – за дорогой, что шла рядом с лагерем и далее – в лес, уже за этой дорогой. Вечером, в день побега, в барак, из которого предполагался побег, собрались все, кто готовился к побегу, в соответствующей одежде и с небольшим запасом продуктов. Многие из этого уже находилось в бараке.

Все шло хорошо. На «волю» вышло уже более 80 человек. Но часовому, что стоял на ближайшей вышке, показались подозрительными постоянные шорохи и приглушенные разговоры за дорогой. Он направил в ту сторону прожектор и заметил несколько человек, уходящих в глубь леса. Как потом выяснилось,

он просто не мог допустить подкопа и не стал поднимать тревоги. Но о своих подозрениях сообщил на КП охраны. Приехавшие дежурные не сразу, но все-таки обнаружили выход подкопа и только после этого, среди ночи, объявили тревогу.

Мы узнали о случившемся по тому, что нас не построили на утренний развод и не погнали на работу. Все воинские силы лагерного гарнизона были направлены на поиски и поимку сбежавших. Их было 88 человек – крупнейший побег в системе немецких лагерей. Но то, что происходило позже, нас удивило больше всего. Вместо того чтобы разойтись по лесным дебрям, как это, например, делали русские в такой ситуации, и сбить со следа собак, переждать там тревожные дни, многие из ушедших шли почти не таясь по проселочным дорогам на запад. А проголодавшись, заходили в станционные буфеты, чтобы перекусить. У нас сложилось такое впечатление: если и не все, то многие из сбежавших пошли на этот шаг для того, чтобы отметиться в своих подразделениях на родине об участии в побеге и получить соответствующую награду.

Как все-таки союзникам удалось осуществить побег недалеко от вышки охранника и от проходной?

По результатам утренней поверки немцы без труда определили, из какого барака произошел побег. Но – как?

Обнаружив подкоп в лесу, немцы снова вернулись в барак и там обратили внимание на массивную чугунную печку в центре барака, которая стояла на немецкой подушке, чуть более метра в диаметре. Сдвинув все это сооружение в сторону, они обнаружили, что оно опирается на круговую кирпичную кладку, образующую нечто вроде колодца. Барак стоял на сваях, как бы на весу. А кирпичная основа была сделана под мостом предполагаемой печки, чтобы пол барака не проседал под тяжестью печки и ее цементной основы. Кирпичная кладка опиралась на твердую почвенную основу и образовала как бы каменный колодец. Вот тут и был сделан вертикальный врез на подкоп. Горизонтальная часть подкопа была сделана в виде пологой дуги – вначале неглубокой, а под паутинкой (колючкой) поглубже, чтоб не зацепить за сигнальный провод, а под дорогой – чтоб под тяжестью машин не произошло провала грунта. Остальное – дело техники.

Тем, кто хочет узнать некоторые дополнительные детали этого крупнейшего побега пленных из Саганского лагеря, я порекомендую прочесть книгу советского журналиста В. Ардаматского «Нюрнбергский эпилог: сборник репортажей».

А были ли побеги русских пленных? Да – были, но об этом в следующей главе.

Российские беглецы

За время моего пребывания в Саганском лагере русские, а точнее российские пленные совершили четыре побега. Первым, в начале июня, открыл счет Догузов – не то ингуш, не то дагестанец. Работал он в «бюксэ-командо» у Губина. Был тихим, скромным, ни в чем себя особенно не проявлял. Все было сделано просто, я бы сказал, даже примитивно. Свидетелем этих событий я не был, поэтому опишу их со слов очевидцев. А события развивались следующим образом.

Под вечер, перед концом работы, Догузов, не спрашивая разрешения охранников (их было двое), слегка придерживая припущенные штаны, не спеша направился в ближайший лесок как бы по «нужде». Так бывало и ранее. Трудно сказать, как бы стали развиваться события далее, если б не одно непредвиденное обстоятельство – «его Величество» случай.

В это же время в загородку, где работала «команда» Губина, въехала конная фура, которая, как обычно, привозила пустые банки. Лошадью управлял уже старенький немец в полувоенной форме. Развернув лошадь так, чтоб фуру можно было легко опрокинуть, как это делалось уже много раз, он, с помощью русских, быстро выполнил эту операцию. И каково же было удивление всех присутствующих, когда из фуры вместе с банками вывалился человек, по форме одежды – американец. Он спокойно поднялся с земли и, виновато усмехнувшись, стал брезгливо смахивать с себя различный мусор. Кучер, водитель фуры, от изумления потерял дар речи, с удивлением рассматривал американца. Наверное, уже подумывал о том, что его могут заподозрить в пособничестве. А к американцу подошел Губин, жестами и словами стал расспрашивать его, как он оказался в повозке? Тот, с трудом

подбирая немецкие слова, довольно путано рассказал, как было дело. И только одно выражение – «камэраден хельфен» – поняли все (друзья помогли). Позже мы узнали, что немец, приехавший в лагерь за пустыми банками, сразу же пошел в барак не то попить, не то «стрельнуть» сигарет (это водилось за ним и раньше). А союзники (их было четверо) совковыми лопатами быстро загрузили фуру со своим «камэрадом». Подготовили для транспортировки еще одну кучу и даже попросили пришедшего кучера приехать за ними еще раз.

Рабочий день закончился, и вся процессия под бдительным оком охранников направилась в лагерь. Американец демонстративно уселся в повозку. Кучера фуры и американца оставили в комендатуре. Русских пленных повели на вторую проходную. И только тут обнаружилось, что одного из них не хватает... Говорят, было следствие: еще бы! Два побега в день. Американец отсидел в карцере неделю. Судьбу охранников не знаю.

Как сказал М. Горький в одной из своих «Песен»: «Безумству храбрых поем мы песню»... Совершить побег – это полдела, надо еще пройти не одну сотню километров до своих!!!

После побега союзников, администрация лагеря решила ликвидировать лесные массивы, что окружали лагерь по всему периметру. Для этого было сформировано две новых «командо». Одна из них работала около нашего – южного лагеря. Мелколесье вырубали топором, очищали от сучьев и складывали в небольшие штабеля. Крупные – корчевали и неочищенными валили на землю. Поэтому лесосека выглядела довольно захлавленной. И вот однажды один паренек из этой «командо» – небольшого роста, далеко не геройского вида, вдруг неожиданно, спокойно, не спеша, перешагивая через поваленные деревья, не таясь, стал удаляться от места работы. Охранники (их было двое) вначале не обратили на это особого внимания: мало ли что, может по нужде отправился. И только после того, как тот удалился метров на 60-70, стали кричать ему вдогонку: «Эй, Вохин? Цурюк!» («Куда? Обратно!»). Но это не остановило беглеца. Он уходил все дальше. Охранники не рискнули бежать за ним, так как при этом остальные пленные оставались бы без присмотра. И тогда один из них, почти не целясь, дал выстрел в сторону уходящего. Выстрел

услышал часовой, стоящий на соседней вышке. Тревожно крикнул: «Вас ист лес?» («Что случилось?»). Охранники знаками показали ему на уходящего. И тогда часовой, уже прицеливаясь, тоже выстрелил в сторону беглеца. И только после этого пленный побежал в сторону леса и вскоре скрылся в нем.

Часовой с вышки, очевидно, сообщил о случившемся на КП охраны, так как минут через двадцать к месту происшествия прибежало два солдата с овчаркой. Охранники рассказали им, как развивались события. Указали место, где скрылся бежавший, собаке дали понюхать топор, которым тот работал. Преследователи быстро направились в лес. Пленные почти перестали работать и с тревогой ожидали результата. Но собака, очевидно, след не взяла, и часа через два преследователи вернулись обратно ни с чем.

Дело было к вечеру. Всех лесорубов отстранили от работы и сдали в комендатуру. Там им сделали «допрос с пристрастием». Но все они единодушно признались в том, что поступок их товарища стал для них самих полнейшей неожиданностью. Продержав всех участников еще часик (больше для острастки), отвели в барак.

Я не знаю ни фамилии, ни имени сбежавшего, и до сих пор не могу уяснить, чего было больше в его поступке – или солдатского мужества, или юношеского романтизма?

Свидетелем этого побега я не был. Все пишу со слов очевидцев.

Третий по счету, дерзкий и отчаянный побег был совершен моим земляком из Свердловска – Пименовым (имя не помню).

Немного о нем. Выше среднего роста, лет 25-ти, но выглядел он значительно старше своих лет. Лицо было каким-то «помятым». Было такое ощущение, что в своей жизни он уже злоупотреблял спиртным или успел побывать в советском Гулаге. Познакомившись с ним поближе, я понял, что парень этот разбитной, отчаянный, типа Кости Пильчука. Кроме того, он оказался заядлым картежником. Сразу после прибытия в лагерь он нашел себе достойных партнеров. С ними в каком-нибудь укромном уголке они частенько засиживались до самого утра. За собой особенно не следил – брлся от случая к случаю. Меня поразила также еще одна деталь – несмотря на «землячество», он ни со мной, ни с Евсюниным (тоже свердловчанином) общения не искал. Не

нашел общего языка и с В. Мозговым. От лагерных работ не отлынивал, но ни в одной из команд почему-то не задерживался.

В день побега нашу команду «усилили», добавив еще 4 человека. В их числе оказался и Пименов. На место нашего «унтера» был назначен другой – оберфельдфебель. Уже немолодой, не большого роста, немного суетливый. Мы сразу прозвали его «прорабом». Несмотря на то, что работа предстояла внутри лагеря, охрану сохранили... на всякий случай.

После утреннего развода «прораб» привел нас к небольшому, чудом сохранившемуся лесочку, сказал, что здесь планируется построить еще одно административное здание, поэтому мы должны подготовить для этого рабочую площадку – вырубить молодняк и выкорчевать более крупные деревья. Несмотря на свой, как нам казалось солидный возраст, «прораб» был очень активен. Своим маленьким топориком он постоянно делал на деревьях какие-то засечки, давал указания – что куда складывать и т.д. Разговаривал с нами только по-немецки, совершенно не беспокоясь о том, понимаем ли мы его (отвлекаясь от главной темы, должен признать, что любовь к труду и добросовестное выполнение любой, порученной им работы – это, по-моему, национальная черта немцев. Наблюдая за ними, я частенько подумывал: вот нам бы так. А не по принципу: «Работа не волк...»).

Порученная работа была нам уже знакомой – мы и без него знали, что и как надо делать. Поближе к вечеру Пименов подошел ко мне и, немного смущаясь, спросил: «Как мне попросить разрешения у охранника... насчет того, чтобы сходить по нужде?». Я, ни о чем не догадываясь, усмехнулся и предложил ему сказать всего два-три слова: «Постэн, (так звали мы наших охранников) эрляубэн мир шайзэн». Разрешение от охранника было получено, и Пименов, держась за живот, отправился к лесочку. Проходя мимо нас, вполголоса произнес: «Ребята, подыграйте...». И только тут мы все поняли. Темп работы немного ускорили, сновали туда-сюда, зачищали площадку от мелких сучьев. Даже «прораб» похвалил нас: «Гутэ арбайтэн».

Но минут через тридцать охранник, что разрешил Пименову удалиться в кусты, заподозрил что-то неладное. О своих подозрениях он сообщил «прорабу», и тот приказал нам всем собраться вместе (апле цузаммен). И тут и обнаружилось, что одно-

го человека не хватает. «Прораб» растерянно смотрел на нас: как же так – все хорошо работали и вдруг такое. Мне даже стало немного жаль его.

Один из охранников сходил в комендатуру. Оттуда сразу же прибежали два солдата с овчаркой. Пройдясь с собакой вдоль проволочного ограждения, они без труда нашли место, где Пименов покинул место работы. Помогая друг другу, они сами быстро перебрались за ограждение. По отчаянному лаю овчарки, мы догадались, что она «взяла след». Все – и немцы, и мы – с тревогой ожидали дальнейшего хода событий. Еще через некоторое время раздались два приглушенных пистолетных выстрела. Все насторожились. Но я почему-то надеялся, что побег закончится удачно, так как знал, что беглец «стреляный воробей». А еще через полчаса преследователи вернулись ни с чем. А нас отвели в барак.

Наиболее драматичным был четвертый побег. Обстоятельства сложились так, что я, волею судьбы, оказался в центре событий, связанных с этим побегом. Но все по порядку.

Главным героем этого побега оказался Иван Ведерников. Ни лицом своим, ни поведением в быту он не походил на храбрца, скорее – наоборот. Чуть выше среднего роста, худощавый, с тонкими, почти женскими чертами лица, всегда болезненно бледный. Работал в разных командах «на подхвате». Но вот один раз его товарищи по команде, придя с работы, сообщили, что Иван сбежал. Да так аккуратно, что ни мы, ни охранники этого не заметили. Все обнаружилось только на проходной. Ну что ж, ушел так ушел. Дай ему Бог удачного завершения. Но о том, как развивались события некоторое время спустя поведал нам сам Иван. Далее с его слов.

– Побег произошел совершенно случайно. Мы в тот день за северным лагерем выгружали с машин блоки для сборки новых барачков. Когда разгрузка закончилась, я спрятался за них, чтобы отдохнуть. А в это время подошла еще одна машина, но почему-то остановилась для разгрузки в другом месте. Все ушли на ее разгрузку, а я... остался.

После завершения работы, когда все ушли домой, некоторое время продолжал сидеть. К побегу был совершенно не готов. Что делать? Не идти же в барак: все засмеют. И пошел на восток.

Шел лесами, голода не чувствовал. Трудней всего было по ночам: донимал холод и комары. Хронически не высыпался. Пробовал идти по ночам, а днем на солнышке немного подремать. Но идти в темноте тяжело. Через некоторое время почувствовал, что у меня жар, видно простудился. Стал заметно слабеть. Один раз набрел на железную дорогу. Она была старая, не накатанная. Долго шел по ней и набрел на избушку, как потом узнал – путевого обходчика. Зашел внутрь, поздоровался. Меня встретила хозяйка этой избушки – уже довольно пожилая женщина. Не удивилась, не испугалась. Я попросил что-нибудь поесть. Она дала мне пару вареных картофелин, кусочек домашнего хлеба и что-то вроде кофе. Не знаю уж, по каким признакам, но она определила, что у меня высокая температура и сказала мне об этом. Я подтвердил ее слова. Мне надо было уходить, но я чувствовал слабость и не мог сдвинуться с места. В это время в избушку вошел тоже пожилой мужчина – очевидно, ее муж. Расспросил – кто я такой, откуда и куда иду?

Я ничего не скрывал и рассказал все как есть. Больше жестами, чем словами, я дал понять им, что я немного отдохну и пойду дальше. Хозяин ушел во двор, а хозяйка, порывшись в каких-то коробках, нашла там таблетку и велела выпить, как она сказала: «от копф» («от головы»). Подогрела кофе и велела выпить еще стаканчик. А муж ее, очевидно по телефону, вызвал сюда дорожную полицию. Я уже хотел уходить, но в это время к избушке подкатила небольшая железнодорожная дрезина с ручным приводом. На ней два полицейских в дорожной униформе. Снова – расспросы. Я честно признался, что я русский военнопленный, находился в лагере союзников в городе Саган, сейчас иду домой. Они взяли меня под руки, усадили в дрезину и отвезли в ближайший дорожный полицейский участок. Ввели в довольно просторную камеру и закрыли на замок. На следующее утро сюда приехала вооруженная охрана. По форме одежды и по разговору с дорожными полицейскими я понял, что это были охранники из нашего лагеря. Они бесцеремонно усадили меня в спецмашину и привезли сюда. Машину закрыли на замок. Очевидно, выясняли – что со мной делать? И примерно через час посадили меня в кар-

цер, но не в тот, что напротив нашего барака, а в гарнизонный. Через две недели Андрей привел меня в барак.

Рассказ Ведерникова слушала, наверное, половина нашего барака, задавали много вопросов. Он давал краткие ответы. Похудевший, еще более бледный, чем всегда, он выглядел неважно. Все сочувствовали ему, жалели. Но тут же решили, что парня следует, в первую очередь, покормить.

Надо сказать, что отношение окружающих к Ивану было неоднозначным. Одни сочувствовали, оправдывали и одобряли его: он сделал все, что мог. Другие оказались более сдержаны: побега-то, как такового, не было, поэтому хвалиться особенно нечем. Это был подарок судьбы, и распорядиться им надо было более разумно. А как именно – не уточняли.

Под вечер пришел Вихман и пригласил Ивана к себе. Когда Иван вернулся обратно, мы спросили его:

– О чем вы там с ним говорили?

– Сначала он отругал меня, но потом сжалился и дал два дня отдыха.

Через два дня на утреннем разводе Ведерникова назначили в нашу команду на раскорчевку леса. Это – за колючкой и дорогой, недалеко от того места, где союзники сделали выход из подкопа. Собственно раскорчеванного леса было уже достаточно, и надо было делать то же самое, что мы делали в день побега Пименова. Нормально, без каких-либо эксцессов проработали до обеда. Ивана щадили. Он это чувствовал, но не возражал. А то, с чем мы встретились после обеда, повергло нас в шок: на нашей лесосеке работала чужая команда пленных. Их было человек восемь и два охранника. Мы быстро вошли с ними в контакт и узнали, что они из штрафной команды соседнего с нашим, общего (пехотинского) лагеря. Поражали их лица – небритые, худые, изможденные, с потухшим взглядом. Но более всего нас поразила их одежда. Почти на голое тело они были одеты в штаны из того же «материала», из которого в Лодзи были сделаны матрацы, подушки и одеяла (ткань из бумажного шпагата). Верхняя одежда (не знаю, как ее и назвать) – просторный мешок, в верхней части были проделаны два отверстия для рукавов и одно – большое – для головы. Все из того же материала. На ногах – старые ботинки на толстой деревянной подошве, что я однажды изготовлял и сам

в сапожной мастерской Лодзинского лагеря. В общем – это было чудовищное зрелище.

Наш унтер суетливо расхаживал по всему «фронту работ», без конца подсказывал и нам, и штрафникам – что, как и куда складывать. Из всех сил старался показать, что здесь именно он является полномочным начальником.

Я попросил ребят из своей команды собрать все сигареты, у кого сколько имеется, в один пакет. Таким образом, мы быстро набрали около 40 штук американских сигарет. Охранники – и наши, и штрафников, наверное, все это видели, но никак не реагировали. Дай им Бог царства небесного: в данной ситуации они смогли остаться людьми.

Один из штрафников был постарше остальных, с правильными чертами лица, не очень худой и, несмотря на одежду, вел себя даже с некоторым достоинством. Мне показалось, что у них он был за старшего. Я сказал ему, что мы передадим им несколько сигарет: «Сможете ли вы их надежно припрятать?». Усмехнувшись, он коротко бросил: «Конечно».

А все остальные события произошли внезапно, непредсказуемо и трагично. Не знаю уж, как все это произошло, но собранные сигареты оказались в руках у Ведерникова. Небольшим кусочком проволоки он связал их в один пучок, и, не таясь, передал одному из штрафников. (А я ведь собирался сделать это через своего нового знакомого на... профессиональном уровне). Но момент передачи заметил наш унтер. И вот где в полной мере проявился его холерический характер! Он подбежал к Ивану и, выхватив из кобуры пистолет, стал бить им Ивана по голове. Одновременно хрипло кричал:

– Я сколько раз говорил вам, что общение с посторонними штренг ферботен (строжайше запрещено!!!). А вы опять все делаете по-своему!

Пилотка свалилась с головы Ивана на землю. Иван пытался защититься руками. Но унтер стал бить его и по рукам. По лицу Ивана потекла струйка крови и... непрошенные слезы – из глаз. Подбежав к ним, и увидев всю эту картину, не отдавая себе отчета, не думая ни о каких последствиях, я схватил унтера за руку и с силой рванул его к себе... лицом к лицу. И, наверное, тоже на повышенных тонах, не помню уж, спрашиваю:

– Ты что делаешь?! Ты что, не знаешь приказ (фебель) Гитлера о том, что избивать пленных ферботен (запрещено)?!

И, удерживая унтера за руку, что-то говорил ему еще в этом же роде. Поступок мой оказался для него настолько неожиданным, что он, потеряв дар речи, вытаращенными, безумными глазами смотрел мне прямо в лицо. А я продолжал:

– Это (показываю на штрафников рукой) - не посторонние, как ты говоришь, а такие же пленные, как мы, наши «камэрады». Ты что, не видишь, в каком они состоянии? И мы просто мюссэн (обязаны) им помочь, чем можем, что у нас есть, хотя бы сигаретами.

Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что «речь» моя была наверняка порывистой, бессвязной, наполовину по-русски... но такова была ситуация.

Не знаю, как долго продолжалась бы наша «перепалка», если б в этот момент мы не услышали чей-то крик: «Вас ист лесс?» (Что случилось?). Все повернулись в сторону кричавшего, и увидели, что по дороге, проходившей мимо, идет оберфельдфебель с овчаркой на длинном поводке (далее просто – обер). Надо отдать должное нашему унтеру: он сразу догадался, кто это такой. И, вырвавшись из моих «объятий», почти бегом, перепрыгивая через сучья и бревна, направился в сторону кричавшего. Овчарка, почувствовав агрессивное поведение приближающегося человека, вырвалась из рук хозяина и с громким лаем набросилась на унтера. Он не ожидал такого приема, попятился назад, запнулся за поваленное дерево и упал на сучья. Обер властным окриком остановил собаку и, ухватившись за конец поводка, подтянул ее к себе.

Унтер, поднявшись на ноги, с криком набросился на оберфельдфебеля со словами:

– Ты почему распустил свою «хундер» (собаку)? Почему она бросается на своих, а не на этих вонючих пленных?

Обер, сворачивая поводок, молча выслушал тираду унтера, пытливо посмотрел на него, коротко бросил: «Хватит кричать» и молча направился к кучке пленных. Я посчитал, что наступил удобный момент вмешаться в разговор мне, и осторожно, опасаясь собаки, приблизился к оберу со словами:

– Оберфельдфебель, послушайте меня. Мы тоже пленные из лагеря союзников. Работаем здесь постоянно. А сегодня совер-

шенно неожиданно встретились с вашими пленными. Видя их состояние, решили помочь им, чем можем. Поэтому собрали для них немного сигарет. Сигареты передал им вон тот парень (я показал на Ивана). А унтер, увидев это, стал избивать его пистолетом по голове.

Иван стоял недалеко, ребята носовыми платками осторожно протирали у него все еще кровоточащие ранки.

Унтер попытался вмешаться в разговор, доказывая, что общение пленных с посторонними лицами запрещено и т.д. Обер внимательно взглянул на Ивана, смерил, как мне показалось, презрительным взглядом унтера, и, не ввязываясь со мной ни в какие разговоры, приказал своим охранникам вести штрафников в свой лагерь.

Остаток дня мы работали молча. Не было ни шуток, ни анекдотов. Даже унтер больше сидел, чем давал нам руководящие указания. Я впервые увидел его в такой глубокой задумчивости. Не получив никакой поддержки со стороны обера, он, наверное, сам начал понимать, что в своем служебном рвении им допущен явный перебор. Также молча пошли в барак. Как обычно - охранники по бокам, унтер сзади.

Выбрав удобный момент, я подошел к унтеру, спросил его:

– Что будешь делать с Иваном?

– Сдам в комендатуру. Пусть там сами решают.

– Унтер, делать этого не надо.

– Это еще почему?

– Иван только что отсидел в карцере две недели. Сам видишь, в каком он состоянии. Если его отправят снова в карцер, то он этого уже не перенесет.

– Но я обязан это сделать.

Приблизившись к унтеру вплотную, вполголоса, так, чтобы не слышали охранники, я предупредил его:

– Если ты это сделаешь, тоже сможем кое-что сделать и против тебя... Унтер, очевидно никак не ожидавший такой дерзости с моей стороны, даже приостановился. Пытливо уставившись мне в лицо, с усмешкой произнес:

– О-о-о! Это уже интересно. И что именно?

Я молчал, лихорадочно обдумывая свое поведение. Правильно ли я поступаю? Но заднего хода уже не было и, набравшись храбрости, продолжал:

– Ты картошку с нами «комси-комса махен»? (немецкое жаргонное выражение «комси-комса» соответствует русскому «стибрил», «спер», «украл»). Это раз. Банку джема на вокзале тоже «комси-комса махен»? Это два. К любовнице своей по вечерам бегал? Это три... Ивана снова посадят в карцер, а тебя – на «Ост-фронт». А там говорят, и убивают... И больше ты не увидишь свою «щене фрау» и своего «либлих» киндер. Так что думай.

Очевидно, последние слова возымели на него определенное действие. Унтер молчал, обдумывая сложившуюся ситуацию.

С моей стороны это был обыкновенный шантаж. Я и сам не ожидал, что окажусь способным на это. Но – шантаж во спасение.

Вернувшись в строй, я попросил Ивана на нашей проходной «проскочить» в барак в числе первых.

Вот и лагерь. Дежурный пропускает нас внутрь по служебному входу. Налево – административное здание. С тревогой жду, как поведет себя унтер в сложившейся ситуации: здесь все решится. Но... пронесло. Это уже кое-что.

Вот и наша проходная. Аусвайс (пропуск) – пропуск у унтера. Он передает его дежурному. Охранники сразу же направились в свою казарму. Иван выполнил мою просьбу и в числе первых «проскочил» в барак. Я иду последним. Не удержался и, оглянувшись назад, увидел одиноко стоящего унтера, дружески подмигнул ему на прощание. Но чувство тревоги не отпускало меня еще несколько дней: он мог сообщить о случившемся позже. Начнется следствие. Затаскают по допросам.

На следующий день мы работали на том же месте. Полагая, что штрафники могут оказаться там же, мы прихватили с собой не только сигареты, но и кое-что из продовольствия. И я уже обдумывал, как нам поступить, если они там окажутся. Кроме нашего бесноватого унтера, у них есть ведь своя охрана. Как она себя поведет? Но их не было: ни в тот, ни в последующие дни.

Самосуд

Не могу умолчать еще об одном обстоятельстве нашей лагерной жизни. По своему общественному положению мы были военнопленными. Но постоянное скученное проживание в бараке, двухэтажные нары, колючая проволока, надежно охраняющая нас

от окружающего мира, надзорные вышки с вооруженной охраной, неизменный конвой на работах и многое другое делало нашу жизнь сходной с жизнью заключенных – «зеков». Это проявлялось и в разговорной речи: «баланда», «параша», «стукач», неизменная матерщина в общении и даже в песнях, которые мы распевали по воскресеньям, примостившись на крылечке барака. Зэковская тематика непроизвольно проникала в наше сознание и другими путями – не придется ли нам после войны сменить одни нары на другие, о чем предупреждал нас Сибиряк еще в вагоне. То есть психологически мы были уже готовы к этому варианту.

В лагерь к нашему бараку время от времени приезжала черная, довольно вместительная машина с тонированными стеклами и с небольшим металлическим флажком на правом крыле. Не знаю, какому ведомству она принадлежала, но ее приезд означал, что кого-нибудь из нас увезут в неизвестном направлении. Не знаю, как другие, но себя из таковых я не исключал: отказ от работы в Германии, противоречивые данные допросов в разведке 12-го воздушного флота и в Лодзи, член экипажа крупного политработника – майора Квелидзе. Все это в совокупности накладывало отпечаток на наше сознание. Характер у многих становился, я бы так сказал, взрывоопасным. Поэтому, как это ни печально, но в нашем коллективе постоянно происходили разные стычки, казалось бы по мелочам. Шутки и розыгрыши, если и были, то носили тоже грубоватый характер. Особый вопрос – были ли среди нас стукачи? Не знаю, наверное, были. В противном случае не исчезали бы люди в черном воронке с металлическим флажком на правом крыле.

Я не утверждаю наверняка, но, по-моему, в бараке существовал некий подпольный комитет, который выискивал этих подозрительных личностей не только за настоящие грешки, но и за прошлые, даже в других лагерях. Как это им удавалось – не знаю. И, если таковые обнаруживались, то им предназначалось наказание в виде так называемой «темной», то есть опять по-зэковски. Это был настоящий самосуд. Происходило это следующим образом. Около нар приговоренного, на соседних нарах, или просто поблизости собирались «эзекуторы» – 3-4 человека. Пригово-

ренный это знал, но ничего изменить уже не мог. С тревогой и страхом ждал своей участи. Барак тоже знал о предстоящем суде, но молчал. Стояла необычная тревожная тишина. Далее выключался свет, и на приговоренного набрасывали одеяло, чтоб не осталось следов побоев. В темноте, в абсолютной тишине слышались приглушенные стоны и порывистое дыхание наказуемого. Все это длилось минуты три. Появлялся свет, и барак молча погружался в сон. При мне через эту процедуру прошел конюх – нескладный долговязый парень, наш земляк Коробейников, Касьян из сапожной мастерской и даже (слегка, для профилактики) – Солдатенко – санитар из зубного кабинета. После одной из таких экзекуций в бараке появились сотрудники ГЕСТАПО и под конвоем увели в неизвестном направлении старосту барака Курмаева, а также Фролова и Володина.

С Фроловым, я, кстати, был в дружеских отношениях. Небольшого роста, сибиряк, стрелок-радист с Дб-3. В общем-то, безобидный парень, но имел взрывной характер. В конфликтных ситуациях, бывало, хватался за кухонный нож. В таких ситуациях только мне удавалось его успокоить. С Володиным – не общался.

Лично я был противником этих экзекуций. Мне они казались слишком бесчеловечными и жестокими, даже если наказуемые этого заслуживали. Таким образом, барак наш, несмотря на внешнее благополучие, не был «тихой гаванью» и сплоченным коллективом. Его раздирали внутренние противоречия. И только к Новому году обстановка стала постепенно налаживаться. Как ни покажется странным, но этому способствовала музыка... Но это – разговор особый.

Музыка в плену

Как я уже говорил, в нашем бараке из музыкальных инструментов были гитара, мандолина и гармошка. Струнные инструменты постоянно ходили по рукам. На гитаре частенько брэнчал Юра Лыткин, исполняя ему одному известные песенки, типа «Почему, я сам не знаю, третий тур я не летаю?». В своем углу со своим неизменно «зэковским» репертуаром давал сольный концерт Сонька Мозговой: «Граждане, послушайте меня, гоп

со смыком – это буду я». Изредка, под настроение, с трудом подбирая нужные аккорды, за гитару брался Петя Мазурук. Я подсаживался к нему и просил исполнить что-нибудь украинское. Он охотно соглашался, и мы вполголоса напевали: «По за лугом зэлэнэньким». Или про Днепр широкий, который «Горами хвылю поднимал...». К нам подсаживался Масоха. Слушал молча, печально улыбался. Но не пел. Видя, что гитара – весьма ходовой инструмент, я тоже пытался освоить ее, но не очень успешно, поэтому переключился на мандолину, на которой играл еще в школьные годы. На ней я мог исполнять почти любую мелодию известных мне песен, но только в одной и той же тональности, подстраиваясь под свои вокальные возможности. Это не всегда совпадало с возможностями остальных вокалистов: у кого-то был бас, у кого-то – баритон. На губной гармошке пиликал И. Ведерников.

К концу лета 44-го я загорелся идеей – создать шумовой оркестр. Некоторый опыт в этом отношении у меня уже был – в 9-м и 10-м классах мы такой оркестр имели в нашей школе в Орде. На школьных вечерах мы даже успешно выступали, пользовались некоторым успехом не столько за классность, сколько за дерзость, выдумку и за весьма расхожий репертуар. Вот и здесь с завидным упорством я стал продвигать свою идею в жизнь. В оркестр вошли все наши инструменты плюс... деревянные ложки. После нескольких «сыгровок», не очень беспокоясь о чистоте звучания, мы рискнули выступить «перед публикой». Слушателей было немного – человек 10-15. Не густо, но все же.

А вскоре в бараке появилась немецкая шестигранная гармошка, вроде той, под которую по ТВ наши юмористы выступают с пародийным репертуаром. Она была очень примитивной, по моему, даже без полутонов, но Ведерников быстро освоил ее, и она удачно вписалась в наш «шумовой». И все же я почувствовал, что все это – примитив. У нас не было квалифицированного руководства, да и профессиональный уровень оркестрантов был, мягко говоря, не высок. Оркестр держался на энтузиазме исполнителей. И тут кто-то посоветовал мне обратиться к Николаю Солдатенко – он вроде бы в музыке профессионал. Напомню, что в лагере Солдатенко исполнял обязанности санитара в зубном ка-

бинете, вместе с остальными мастеровыми (портные, сапожники, плотники и др.), проживал в отдельном отсеке барака. Поэтому в ближайшее воскресенье я направился на встречу с ним. Рассказал ему про наш оркестр, и, не теряя времени, сразу приступил к делу.

– Николай, мне сказали, что ты имеешь какое-то музыкальное образование, и, если это так, то каким инструментом владеешь, и сможешь ли возглавить наш оркестр?

Он внимательно выслушал меня, ответил:

– Да, я окончил три курса Киевской консерватории по классу трубы. Играл в киевском оркестре кинематографии. Главным образом оркестр озвучивал фильмы, но иногда выступал с концертами. Ваш оркестр я слушал не раз... через стенку.

– Ну, и как?

– Идея заслуживает внимания. Но, по большому счету, оркестр ваш не выдерживает никакой критики. Ты не обижайся, я говорю это как профессионал. Если уж что-то организовывать, то настоящий оркестр, а не шумовой, пусть даже небольшой. Его возглавить я мог бы.

Я задумался. Идея о создании квалифицированного шумового оркестра отпадала. Но, не теряя надежды, я ответил ему:

– Настоящий оркестр – это, конечно, хорошо, но ведь потребуются инструменты. А где их взять? И кто на них будет играть? А шумовой уже есть, нужно только квалифицированное руководство.

– Об инструментах я позабочусь сам. А послушать ваш «шумовой» согласен.

Дня через два я собрал своих «шумовиков» и пригласил их на прослушивание. Пришел и Солдатенко.

Мы исполнили пару русских народных песен, одну украинскую и что-то еще из современного военного репертуара. Солдатенко все это слушал молча, то страдальчески морщился, то снисходительно улыбался.

– Ну, как? – спросил я его.

– Да! – ответил он.

– А в чем дело?

– У вас совершенно не состроены инструменты. Вот с этого и начнем. Ближе всего к классической ноте «ля» звучит вот эта

клавиша на гармошке. Вот и подстраиваете ваши инструменты под нее.

И началось. Но Солдатенко был настойчив. Каждому из нас велел то «подтянуть», то «отпустить». Около нас собралась куча любопытных. Улыбались, беззлобно подтрунивали. Вся эта процедура длилась не менее часа. Когда все было закончено, он попросил нас сыграть что-нибудь еще. Мы повторили прежний репертуар. И, честно говоря, я и сам почувствовал, что оркестр звучал значительно лучше.

– Ну, вот. Это уже терпимо. Хотя до идеала еще далеко.

Вот такой вердикт вынес он нам. Он и в дальнейшем не оставлял нас без внимания. Гитаристов ругал за безграмотные и однообразные аккорды. Мне посоветовал подыскать другой медиатор – помягче.

А однажды произошло событие, которое стало для нас, как теперь говорят, «знаковым». В один из воскресных дней мы со своим оркестром, как обычно, разместились на крылечке барака, и отыграли весь наш скромный репертуар. Аудитория была, правда, немногочисленной. Но при исполнении тех или иных общеизвестных песен многие слушатели усердно нам подпевали. Солдатенко стоял в стороне, ни во что не вмешиваясь. А когда концерт был окончен, произошло невероятное: из леса, что находился напротив барака, сразу за дорогой, мы услышали не очень громкое и не очень дружное «СПАСИБО!!!», повторенное трижды. Это благодарили нас русские и украинские девчата, привезенные в Саган с оккупированных немцами территорий и работающих в городе в столовых, кафе, прачечных в качестве подсобного персонала. Они слушали нас, притаившись за кустами, чтоб не попасть на глаза часовым на вышках. Мы их не видели, но на всякий случай дружно приветствовали руками. Родные напевы и мелодии вдали от Родины кажутся милее. Я подошел к Солдатенко и спросил:

– Все слышал?

– Да, конечно.

– Теперь, надеюсь, ты понял, что оркестр нужен не только нам, но и другим нашим соотечественникам в неволе.

– Не тот размах, – ответил он. Оркестр нужен настоящий.

Буквально через неделю, придя с работы, я услышал звуки трубы. Быстро сообразил, что звуки «идут» из отсека мастеровых. Почти бегом направился к ним и обнаружил там Солдатенко, который испытывал инструмент в разных регистрах: на громкость и чистоту звука, с сурдинкой и без нее.

– Это собственность или прокат? Но откуда?

– Собственность. А откуда – пока не скажу. На столе лежала пачка нот. Я спросил: «А ты можешь исполнить что-нибудь прямо с листа?».

– Конечно. Это элементарно.

Я задавал ему самые различные вопросы на эту тему и был несказанно удивлен, когда он не только читал ноты с листа, но мог исполнить любую нотную запись в любом размере и разных тональностях. Шутки ради я попросил его исполнить советский «Интернационал» в ритме вальса (на три-четыре). После двух-трех попыток он выполнил и эту просьбу. И я сразу почувствовал, как торжественная и пафосная мелодия гимна зазвучала мягко и нежно. Видя мое неподдельное удивление, Солдатенко сказал:

– Ты ведь тоже без труда читаешь любой текст хоть в книге, хоть в газете, потому что обучен этому в школе. Так и я. Нотную грамоту мы проходили еще на первом и втором курсах консерватории. Я все это сдал на 5. Было у нас и сольфеджио (голосовые упражнения по нотам). Здесь мои успехи были поскромнее.

Со смешанным чувством возвращался я в свой отсек барака. С одной стороны, я был восхищен мастерством Солдатенко. Никогда не думал, что на обычном духовом инструменте, каковым является труба, можно так виртуозно исполнять сложные музыкальные произведения самого различного плана. С другой – опасался, что в случае, если оркестр будет организован, то он, чего доброго, начнет всех обучать нотной грамоте. Надежды на подготовку нового концерта таяли на глазах.

Но человек предполагает, а Бог располагает. В это же время со мной произошел непредвиденный и весьма неприятный случай, который вывел меня из привычного образа жизни. А случилось следующее.

Карцер

У меня от крайнего зуба почему-то откололся небольшой кусочек. Во время еды зуб стал царапать щеку. Пришлось опять обратиться к Андрею, который сразу же повел меня к зубному врачу. Это недалеко, почти рядом. Врач – старший лейтенант медицинской службы – внимательно выслушал меня, осмотрел зуб, и приказал своей ассистентке приготовить пасту для пломбирования. В это время в зубной кабинет зачем-то пришел Вихман. Они завели какой-то разговор, я молча ждал в кресле. Когда паста была готова, врач просверлил в зубе небольшое отверстие, заполнил его пастой и нарастил зуб до своих естественных размеров, снял с шеи салфетку и приказал два часа ничего не кушать. Я молча встал с кресла, поблагодарил врача, надел пилотку и направился к выходу. Но Вихман резко остановил меня: «Хальт!» И через переводчика сказал мне примерно следующее: «Ты находишься в немецком государстве, и будь добр, подчиняться нашим законам. И поэтому, обязан не только поблагодарить врача за работу, но и отдать ему честь как офицеру». Я возразил ему:

– Оберфельдфебель, я – русский солдат, присягал своему правительству и народу, поэтому не имею права нарушать клятву.

– Хватит слов, делай, как приказано!

Я снова поблагодарил врача, надел пилотку и направился к выходу... Но козырнуть не смог. Не то, что не хотел, а просто не смог.

И снова – «Хальт!». Но отдать честь немецкому офицеру, и на этот раз, я не смог. Вихман вспыхнул, приказал: «Айн вохе карцер. Андрей, отведи!». Это было настолько неожиданно, что не только отдать честь, но и поблагодарить врача и попрощаться с ним я забыл. Когда мы вышли на улицу, Андрей дал мне порядочный «нагоняй».

– Что уперся как баран? Не мог что ли для виду махнуть рукой? Никто ведь не заставлял тебя щелкнуть каблуками как у нас принято. Вот теперь и сиди. Может, поумнеешь.

Должен сказать, что в словах Андрея был определенный резон. И я уже начал сожалеть, что все так нелепо получилось. Когда подошли к бараку, в котором находился карцер, я, зная при-

мерно условия карцерного содержания, попросил Андрея прихватить с собой свою долгополую шинель.

– Это вообще запрещено. Но ладно - тащи. Может, пропустят. Там тоже охранники всякие бывают.

Карцер занимал лишь небольшую часть барака. Остальная – в резерве. В приемной, за небольшим столиком сидел дежурный – он же и охранник. Со слов Андрея в журнал учета он записал дату и срок ареста. Наметанным взглядом оглядел меня с ног до головы. Подозрительно посмотрел на шинель (на улице было еще тепло), ощупал карманы. О чем-то завел разговор с Андреем, из которого я понял, что речь идет о шинели. Но Андрей, очевидно, упрямил его оставить шинель при мне (спасибо ему, хороший мужик был).

Запомнился узкий коридор карцера. Слева, во всю длину его – камеры заточения. На каждой двери, как в тюрьме, смотровой глазок. Ниже – не знаю уж, для каких целей – небольшое окошечко. Дверь обычная – дощатая, с внутренним замком. Камеры узкие, в конце – столик и табуретка, привинченные к полу. Под потолком – лампочка, обрешеченная проволокой. Дневного света не было, поэтому лампочка довольно тускло горела круглые сутки. На ночь заключенному, если его провинность была незначительной, приносили стружечный матрац, давно знакомый мне еще по лагерю в Лодзи, и парашу. Питание – то же, как в Лодзи. По утрам и вечерам – по стакану какой-то бурды без сахара и по стограммовому кусочку черного хлеба. Днем баланда с брюквой и кусочек хлеба.

В этом карцере отбывали наказание в основном союзники за различные мелкие провинности. Из нашего барака, по крайней мере в этом году, я был, по моему, первым. Помимо этого на территории лагерной администрации находился еще один карцер, в котором содержались и союзники, и немцы, и русские за более тяжкие провинности. Не знаю точно, за что наказывали немцев, а союзников – за побег, за подготовку к нему, за связи с гражданским населением города, за тайные взаимоотношения с немецким офицерским составом. Было и такое: война приближалась к концу, впору было подумать и о своей послевоенной судьбе, или о

своих капиталах, если таковые имелись. В этих случаях наказывали обе стороны. Там же за побег отбывал наказание и наш И. Ведерников.

Когда все формальности были окончены, охранник отвел меня в камеру. Некоторое время я неподвижно стоял у двери, но потом прошел вперед, сел на табуретку, огляделся. Первое чувство, которое овладело мной, после того как захлопнулась дверь, я бы назвал «одиночество» и «абсолютная тишина». Куда-то исчезли все звуки окружающего мира. Я сразу утратил чувство времени. Привычный мир, к которому в обычной жизни мы привыкли, и не замечали: небо, облака, колючка и ровные ряды бараков за ней, отрывочные гудки поездов на железнодорожной станции и многое другое – все это враз куда-то исчезло. Остался только убогий мирок одиночной камеры карцера. Было такое ощущение, что я оказался в какой-то непроницаемой клетке вне времени и пространства. Мне казалось, что все эти события происходят не со мной, а с кем-то другим, а я только свидетель происходящего. Пишу об этом для того чтобы читатель этих строк понял, что удаленность от родины, холод, голод, унижения, постоянная ностальгия, почти круглосуточное нахождение под прицелом вооруженной охраны не только со стороны сторожевых вышек, но и в быту, причиняли нам не только физические и нравственные страдания, но и глубоко ранили нашу психику... иногда на долгие годы.

Не знаю, сколько долго я находился в таком состоянии, но постепенно и в чувствах, и в мыслях я стал более трезво ощущать реалии настоящего. Так, например, обнаружилось, что у табуретки, на которой я сидел, нет спинки, и потому было не на что отклониться. Я пересел на пол, прислонившись к стенке. Честно признаюсь, что эта поза была мне уже знакома и ранее, когда я попадал «на губу» то в Казани, то в Куйбышеве, то в Борисоглебске. Почему-то на память пришли картины раннего детства и отрочества. За ними – юность, школа, первая любовь. И вот я уже – студент, армия. ЧВАУ – два года учебы – и я уже штурман. Направлен в Казань в 94-й ББАП (ближнебомбардировочный авиаполк, на ПЕ-2). И вдруг резкий поворот судьбы – направлен в

951-й штурмовой авиаполк флагманским воздушным стрелком в экипаж заместителя командира полка по политчасти майора Квелидзе. Фронт, боевое крещение – Курская дуга. Гибель боевых друзей, к чему трудно привыкнуть. Но настал и мой черед – 29 ноября 1943 года – неравный бой с «мессерами», ранение, плен. Госпиталь военнопленных в Умани. Лодзь. Гестапо. И вот я здесь. Словно в кино, в памяти прокрутились основные этапы моей короткой жизни.

Как ни странно, но эти воспоминания немного отвлекли меня от печальных событий сегодняшнего дня. «Ничего, – думал я, – ойн вохе – это не долго, как-нибудь переживем».

Открылась дверь. Это охранник принес мне ужин – кусочек черного хлеба и стакан коричневой жидкости, отдаленно напоминающей ячменный кофе. Молча оставил все это на столе и сразу же удалился. Есть не хотелось, но кофе я выпил, а хлеб (по привычке) спрятал в карман шинели так, на всякий случай. Мало ли что ... Когда он вернулся, чтоб забрать стакан, я попросил его принести мне что-нибудь почитать.

– Никс... Никс (вместо «найн» он почему-то произнес «никс»). Ферботен (запрещено).

Дисциплинированный был солдат. Я вновь уселся на пол. Невольно подумалось: ребята в бараке, наверное, уже картошку жарят. И сразу представил себе наш тесный, вонючий барак. Угольщики, наверное, уже отдыхают. Губин учит молодежь уморазуму. Картежники в своем углу «выясняют отношения». И барак показался мне таким уютным, теплым, обитаемым. Недаром говорят: «Все познается в сравнении». Стоп! А как же наш шумовой? Играют ли без меня?

На ночь охранник принес мне стружечный матрац и парашу. Изголовья матраца я превратил в некое подобие подушки. Сверху накрылся шинелью. Вот где она пригодилась. Добрым словом помянул того каптершика, который выдал мне ее взамен меховой летной куртки.

Спать не хотелось. Картины прошлого вперемежку с настоящим теснились в памяти. В своем поступке в зубном кабинете не раскаивался. Но, если б знать, чем все это закончится, то, навер-

ное, я смог бы козырнуть не столько немецкому офицеру, сколько немецкому врачу.

Утром пришел охранник. Бесцеремонно сдернул с меня шинель, коротко бросил: «Ауфштеен» (поднимайся). Значит, было уже семь часов утра. Пробовал поспать еще – не получилось. Пробовал ходить по камере – пять шагов до двери, пять – обратно. Это давало некоторую физическую встряску и поэтому отвлекало от грустных мыслей, но ненадолго.

Через час пришел новый охранник – долговязый, нескладный – принес завтрак. На сей раз я быстро с ним управился, значит – проголодался. Организм просил свое. Это открытие меня даже обрадовало: значит, я все еще нормальный человек.

После завтрака я стал думать, чем бы заняться? Вспомнилось, что всю свою короткую жизнь я всегда был чем-то занят: игры – в детстве, уроки и спорт – в школе, жесткий распорядок дня – в армии. Это стало привычкой. Почти по Пушкину: «Благословенный день забот». А здесь занять себя было абсолютно нечем – не читать, не писать, не помыть пол, не подмести во дворе! Подумалось – а как же живут заключенные в тюрьмах? И даже вспомнил графа Монтекристо. И чем больше думал об этом, тем острее и болезненнее переживал свое состояние. Вставал, ходил по камере – пять шагов туда, пять – обратно. Никогда ранее не мог допустить, что подобное состояние души и тела может быть столь мучительным. Хотелось встать и стучать в дверь – просить хоть какой-нибудь работы. Даже подумал: А не является ли подобное безделье составным элементом карцерного наказания?

И только после обеда я, кажется, нашел себе занятие – решил сочинять стихи. Когда-то в девятом и десятом классах у меня это немного получалось, и я даже печатался в нашей районной газете «Ударник». Но это оказалось не так-то просто: надо было психологически перестроить работу мозга. Не сразу, но мне это удалось. Выбор темы не составил труда: это война, плен, тоска по Родине. Но муки безделья постепенно сменились муками творчества. Но было уже терпимо: это уже труд! Пусть даже тяжелый.

Плохо ли, хорошо ли, но к вечеру три строфы стиха я все-таки сотворил и укладывался спать с приятным чувством чест-

но исполненного долга. Я пока не буду приводить текст этого стихотворения. Совсем скоро, в другой обстановке я выступлю с ним перед обитателями нашего барака, и тогда все встанет на свое место.

На следующий день я снова решил заняться поэтическим творчеством, но военная тематика оказалась исчерпанной, а новой не находил. Так и промучился до обеда. А вскоре дверь камеры открылась и охранник коротко бросил мне: «Аус» (выходи). Ничего не понимая, я накинул на плечи шинель, вышел в приемную и был немало удивлен, увидев Андрея. Он сообщил мне, что Вихман сжалился и велел освободить тебя досрочно. Я, конечно, очень обрадовался, но повел себя сдержанно: поблагодарил Андрея, попрощался с охранником и через пару минут был уже в своем милом бараке. Народ был на работах, и поэтому барак оказался почти пустым. Только Юра Лыткин в своей кухне мыл котлы после обеда. Увидев меня, он, не отрываясь от работы, спросил: «Ну, как там?». «Х...во», – так же сдержанно ответил я.

С нетерпением ожидал конца рабочего дня. Мне почему-то казалось, что своим появлением я произведу в бараке настоящий фурор – пылкую встречу... Но ошибся: мое возвращение из карцера прошло почти незамеченным. Наверное, потому что известной личностью я был только в «музыкальных кругах». А друзья посчитали этот эпизод рядовым.

Концерт

В тот же вечер у Ведерникова я узнал, что за время моего отсутствия никаких сыгровок и репетиций с оркестром не проводилось. А на следующий день я уже был в своей «командо». На сей раз мы работали на угольном складе – укладывали камнем площадку вокруг него. Унтер, как обычно, изображал из себя специалиста в этом деле и постоянно давал нам руководящие указания. К моему отсутствию особого интереса он также не проявил.

Вечером того же дня, после работы я направился к Солдатенко и стал убеждать его в том, чтоб он взял на себя руководство оркестром (слово «шумовой» я умышленно не произносил) и что

пора уже готовить новую концертную программу. Хотя и без особого энтузиазма, но он согласился и даже предложил создать постоянную вокальную (хоровую) группу. Я не возражал.

Для начала он проверил голоса и слух у нас, а через некоторое время и у других, кто пожелал принять участие в этом хоре. Как ни странно, но таких набралось человек десять. Чтоб иметь место для репетиций и не беспокоить остальных жителей барака, Солдатенко упросил Вихмана выделить нам в бараке отдельную комнату. Что он и сделал, предложив нам старую захлавленную каптерку с какой-то рухлядью.

Надо сказать, что администрации лагерей не возражали против самодеятельности пленных, так как это отвлекало их от побегов, нарушений дисциплины и пр.

Получив эту комнатку, мы быстро навели в ней относительный порядок. После этого наши репетиции стали более регулярными – 2-3 раза в неделю. Репертуар решили оставить старый: русские и украинские песни, песни военных лет и кое-что из танцевальных номеров. Солдатенко был строг – требовал, чтобы струнные инструменты были всегда настроены, гитаристам помогал найти нужные аккорды сопровождения. Основную мелодию вел сам на трубе. Хористов разбил на голоса и даже заставлял перейти на трехголосное исполнение песен... Но не получилось: они пели, кому как удобно. Лишь бы не петь фальшиво. Плохо ли, хорошо ли, но к концу сентября концертную программу мы все-таки подготовили. Дать концерт решили в ближайшее воскресенье на нашей небольшой площадке, что рядом с бараком. Угольщикам и ребятам из «боксэ-командо» наказали передать нашей русской «диаспоре» в городе о предстоящем концерте. А Сашка-американец сообщил об этом союзникам.

Долго думали – как и из чего изготовить сцену. Помог случай. Около туалета, прислоненные к стенке стояли наши настоящие русские ворота. Как они тут оказались – непонятно. На них сохранились кованые штыри, с помощью которых ворота навешивались на косяки, и мощная брусчатая крестовина с обратной стороны. В день концерта мы положили ворота на четыре табуретки – получилось неплохо. Представление решили начать «на

сытый желудок» – после обеда. Зрители – наши барачные – кто стоя, кто с табуретками и скамейками постепенно заполняли «зал». Американцы, охочие до всяких представлений, группами и в одиночку подходили к самой «колючке», разделяющей территорию нашего барака и их лагеря. К началу концерта их набралось около сотни. Некоторые разместились почти под смотровой вышкой. Часовой на вышке, очевидно, сообщил на КП о предстоящем концерте и сложившейся в связи с этим ситуации. КП отреагировал оперативно – на вышку поднялся еще один часовой... с ручным пулеметом! А на вышку у дороги – автоматчик!!! Ничего себе – концерт за колючей проволокой да под прицелом вооруженной охраны.

Руководство представлением, оркестром и конференс Солдатенко взял на себя как человек более опытный в этом деле. Сам он поднялся на сцену, а оркестр разместил перед ней – как бы в «оркестровой яме» – все, как в настоящем театре. Основным сольным инструментом была, конечно, труба. Под нее играли мы, под нее пели хористы. Исполнительское мастерство и тех и других после многочисленных репетиций было, по-моему, достаточно высоким. Тем не менее, и мы, и Солдатенко, конечно, волновались: одно дело – репетиции в крохотной комнатухе, другое – здесь в открытом пространстве, да перед многочисленной зрительской аудиторией. Программу концерта начали с песен. Труба вела основную партию, оркестр вторил ей. Зрители (наши) награждали нас вежливыми аплодисментами. Союзники вели себя более бурно – что-то кричали по-своему, махали руками. Все шло вроде бы хорошо, но после того как уже половина концерта была исполнена, остальная пошла, как у нас говорят, «наперекосяк». Нашим зрителям показалось, что вокалисты на сцене поют хотя и грамотно и даже на два голоса, но слишком тихо. И поэтому некоторые из слушателей стали потихоньку подпевать им, а потом и остальные, даже с каким-то азартом заголосили «во всю ивановскую». Солдатенко растерялся, пытался как-то управлять этим произволом, но безуспешно. Союзники, очевидно, догадались, что события развиваются не по сценарию, отреагировали на это еще более бурно и даже с одобрением.

А когда кончились номера нашего коллектива, на сцену поднялся Касьян (вот этого уж никто не ожидал) и, подойдя к Солдатенко, попросил его:

- Коля, подыграй.
- Как тебя объявить?
- Я сам.
- Ну, валяй.

И Касьян, обращаясь больше к своим, произнес: «Братва, я родиной из Бердичева, где половина населения – евреи. Но я – чистокровный русский и познакомлю вас с некоторыми особенностями еврейского пения».

Я не помню ни названия песни, ни авторов слов и музыки, но помню, что в ней говорилось о бедном еврее, у которого было семь дочерей и вот что творилось в его семье:

Вот селедку принесли, хвост у ней на славу.
Ну, попробуй, раздели тут на всю ораву.
Дали Нельке и Большой,
Как не дать кусок Меньшой?

А далее с непереваемой еврейской интонацией без всякого смысла, следовал перебор «Ай там та тара тари тори там тарам». Или что-то в этом роде, за точность не ручаюсь. Нечто подобное есть и в наших песнях. Вспомним хотя бы: «Тумбала тумбала тум балалайка, тумбала тумбала тум балала».

За ним еще один белобрысый парень предложил нашему вниманию следующее:

Маленький дом с мезонином.
Чуть потемневший фасад.
Густо заросший жасмином
Старый запущенный сад.
Глянешь на карточку сына,
Думаешь думу одну.
И на минутку застынешь,
Молча прильнувши к окну.

Еще один вызвался спеть песню про «Ниночку». Ее мы уже немного репетировали на сыгровках, поэтому к Солдатенко он не обращался. Пел он свободно, артистично, немного подвирал, но это у нас грехом не считалось:

Ах, Нина Ниночка, моя блондиночка.
Родная девушка, ты вспомни обо мне.
Моя любимая, незаменимая –
Подруга юности, подруга по войне.

Следующая песня прозвучала про маму. Исполнил ей один из хористов, по-моему, Стригунов (с ним мы еще встретимся в другой, весьма драматической ситуации, поэтому я расскажу о нем более подробно). Родиной он из Омска, к нам прибыл недавно, поэтому «оплестись» еще не успел. Небольшого роста, симпатичный парень. Был вежлив, не матерщинничал, более или менее разбирался в музыке. Мы быстро окрестили его «Интеллект». После выступления «белобрысых» он как-то неуверенно взошел на сцену. Подошел к Солдатенко и попросил разрешения тоже спеть и добавил: «В ля-минор, только негромко».

Песен про маму написано немало, но «Маму» в исполнении Стригунова я услышал впервые и никогда больше:

Мама. Это слово всех слов милей.
Мама. Это слово любви горячей.
В будни молчаливая, в праздник хлопотливая.
Добрая, милая Мама.

Пел он негромко, но чисто и проникновенно. Не знаю, как американцам, но нам она понравилась. Исполнителя наградили негромкими, но продолжительными аплодисментами: никто не ожидал такого.

После вокалистов на «сцене» появилось два крымских татарина. Один совсем молодой парнишка, второй – постарше. Они попросили Солдатенко исполнить для них какой-либо татарский танец, но, получив отказ, решили исполнить танец под свой аккомпанемент. Танцевали они не очень грамотно, но припевка, под которую они исполняли свой номер, запомнилась: «Сардык мой тинь-тинь бум ясса, эх ясса да ясса». Не знаю, есть ли этому какой-либо перевод? Может быть, читатели подскажут. Но вежливые аплодисменты заслужили и они. Таким образом, концерт наш постепенно стал походить на обыкновенную самодеятельность в самом хорошем смысле этого слова.

А закончился концерт трагикомически. После татар на «сцену» темпераментно вскочил Таутиев – осетин по национальности – и сходу попросил маэстро исполнить ему что-нибудь кавказское. Согласились на «Лезгинку». И сразу же довольно уверенно закрутился по «сцене», легко, по-грузински, делал стремительные повороты, ловко работал руками, падал на колени, да так азартно, что после одного из таких прыжков тоненькая дощечка «сцены» проломилась и одна нога танцора капитально застряла в трещине. Попытки танцора вытащить ее успеха не имели. На помощь ему подключилось несколько болельщиков из «зала». Но и у них что-то там тоже не получалось. А зрители – и наши, и союзники – во всю и громогласно хохотали. Даже часовые на вышке, очевидно, забыв о том, зачем они там находятся, и то снисходительно улыбались.

И только после того как злополучную ногу танцора удалось освободить, а смех стих, мы услышали довольно громкое: «СПАСИ-БО!!!». Позже мы узнали, что на этот концерт, помимо наших девчонок, пришло и несколько молодых немок. Такова сила искусства!

Из нашего песенного репертуара здесь привел только то, что Вы (читатель) вряд ли слышали ранее и вряд ли услышите в будущем. А сам я горжусь тем, что во всем этом действе играл не последнюю роль.

Прошло много лет, а концерт тот помню до сих пор во всех деталях. Для нас – и артистов, и зрителей – он стал, хотя и временной, «отдушиной для души». Хоть на короткое время мы забыли о том, кто мы? И где мы? Смею надеяться, что и союзники тоже.

Будни. Степан

А далее жизнь наша потекла обычным порядком. Но протекала она отнюдь не буднично. И у союзников и, в особенности, – у нас в ней постоянно что-нибудь случалось: и трагичное и печальное, смешное и невероятное. Приведу лишь некоторые из таких эпизодов нашей лагерной жизни.

1. Июль 44-го. (А точнее – 21 июля). Утро началось как обычно: беготня в туалет и умывальник, холодный завтрак, что

осталось от ужина, развод на работы. Но на этот раз все было как-то не так. За проволочной загородкой, где происходила разрядка на эти работы, не стояли охранники и руководители команд, отсутствовал переводчик, комната Вихмана была на замке.

Наконец, появился Андрей и сходу сообщает: «Не спешите, ребята. Сегодня нерабочий день». Мы, конечно, к нему с вопросами: «Что случилось? Уж не кончилась ли война?».

– Нет, – ответил Андрей, – сегодня в стране объявлен траур. На Фюрера было совершено покушение.

– Чем кончилось? Убит?

– Нет. Ранен.

(Покушение совершил один из крупных чинов немецкой армии Штауфенберг).

Нас, честно говоря, судьба Гитлера не очень волновала, и поэтому мы сразу же приступили к выполнению своих текущих дел. А немцы это событие переживали очень болезненно. Собирались кучками, обсуждали детали, разговаривали вполголоса. Знали ли они, что на восточном фронте от Черного моря до Балтийского германская армия терпит одно поражение за другим, а союзники собираются форсировать Ла-Манш и открыть второй фронт. Поражение Германии в этой войне становилось вполне вероятным. Поэтому в высших военных и политических кругах витала идея о физическом уничтожении Гитлера с тем, чтобы выйти из войны с наименьшими потерями. Поэтому данное покушение на Гитлера не было чем-то из ряда вон выходящим. Вряд ли знали? Геббельсовская пропаганда тщательно скрывала от населения фактическое положение дел на всех фронтах.

А вот мы, кстати, обо всем этом были осведомлены гораздо лучше, чем они, так как американцам удалось смонтировать коротковолновый радиоприемник, позволяющий им принимать соответствующую информацию и с Восточного и с Западного фронта. А Сашка-американец через ребят из «веше-командо» снабжал нас кое-какими сведениями на фронтах. С сожалением должен сказать, что приемник этот был обнаружен «шакалами», проводившими в бараке очередной «шмон». Но подобная информация доходила до нас и далее. Так как подобные радиоприемники были, очевидно, и в других лагерях. Конечно, источники информации мы тщательно скрывали, чтоб не навести на след «шакалов».

2. Август 44-го. Выходной день. К проволочной загородке, что ограничивала наш барак от остального лагерного мира, немцы поставили еще одного часового. Человек пять из наших направились в душевую, чтоб постирать кое-какое белье, а может быть и помыться. Но калитка оказалась закрытой на замок. Они, естественно, обратились к часовому и на ломаном немецком попросили его, чтоб он открыл им калитку. Но часовой, к их изумлению, по-русски произнес:

– Хватить тарыхтеть. Я понимаю по-русски.

Сразу же посыпались вопросы: «Кто такой?», «Как звать?», «Откуда родиной?», «Как оказался в немецкой форме?». Часовой спокойно ответил, что он русский, родиной из Омска. А мы сразу вспомнили, что у нас есть один омич по фамилии Коктыш. Парень небольшого роста плотного сложения. Позвали его сюда же. Коктыш вначале ничего не понял, крутил головой направо-налево. А, когда указали ему на часового и сказали, что это – его земляк, Коктыш пристально посмотрел на него и учинил ему настоящий допрос: «На какой улице жил, в какой школе учился, кто родители?». Часовой спокойно отвечал ему. И только на вопрос «Как ты дошел до жизни такой?» (Коктыш показал на немецкую форму часового), он, помолчав, ответил: «Это, ребята, длинная история».

– А все же?

Но «земляк» с ответом не спешил. Молча открыл калитку и выпустил двух наших парней в душевую. О чем-то переговорил с часовым на вышке, который уже давненько с подозрением поглядывал в нашу сторону. Мы молча ждали: всем было интересно узнать, как люди становятся предателями? И после некоторого молчания часовой поведал нам свою одиссею – столь же драматическую, сколь и необычную. Передаю ее с его слов.

Я – русский. Зовут Степаном. После школы пытался поступить в институт, но не получилось. Родители жили бедно. По совету отца поступил на курсы шоферов и после их окончания работал в одной строительной организации. Когда началась война, меня сразу же призвали в армию. Служил шофером у какого-то начальника. А вскоре нашу часть отправили на фронт под Смоленск. Бои были тяжелыми с переменным успехом. Но под Ель-

ней мы попали в окружение и оказались в плену. Начались мотания по лагерям: Россия, Украина, Польша Германия. Голод, холод, болезни, что говорить – сами знаете. Вскоре я стал уже настоящим доходягой. В начале 42-го нас – небольшую группу пленных, у кого была какая-либо гражданская специальность, зачем-то отправили в Западную Германию, недалеко от французской границы. Многих направили на какие-то производства, а меня «выкупил» один немецкий бауэр – он занимался сыроварением, имел небольшую ферму, скот – 10-12 голов. В хозяйстве был также старинный маленький трактор с прицепными орудиями. До войны на тракторе работал его сын. Но сына забрали в армию, и связь с ним потерялась. Вот на всю эту и другую технику он и выкупил меня из лагеря. Так поступали многие крестьяне, делая из нас батраков. Честно скажу, что я особенно и не возражал, да нас никто и не спрашивал. Чем медленно подыхать в лагере, лучше пойду в услужение. Хорошо, что не направили на военный объект, было и такое.

Семья у хозяина была небольшая – он, жена и дочь лет 16. На дойку коров приходили работницы из поселка.

Вначале я полагал, что в этом хозяйстве буду исполнять обязанности механика, но ошибся. Хозяин сразу же заставил меня ухаживать за скотом, готовить корм, чистить конюшни и даже мыть коров. Жил я в небольшой каморке рядом с конюшней. Еду мне приносила его жена – молчаливая и добрая женщина. Даже жалела меня. На зиму мне выделили маленькую комнатку в их доме. Дом был большой, места хватало.

Хозяин был строг, но справедлив. Во всем любил порядок. Подъем в 6, отбой в 11. Я старался исправно выполнять все свои обязанности и не вступал с ним ни в какие конфликты.

Помимо скотного двора у него было гектара полтора земли, на которых он выращивал травы на сено, брюкву, горох вику и др. Все машины и работу на них мне пришлось осваивать самому, но, в общем, справлялся. Постепенно в хозяйстве я стал незаменимым работником и практически вошел в их семью: жил в их доме, кушал вместе с ними. Конечно, вставать приходилось рано, ложиться поздно, без выходных и даже праздников. Но я был доволен: все лучше, чем за проволокой. Правда, очень хотелось похо-

дить по поселку, посмотреть, как и чем живет местное население, узнать – нет ли у кого-нибудь из местных такого же батрака из русских, как я. Но хозяин подобные прогулки мне запрещал, намекая на то, что у многих на фронте потеряны близкие и поэтому они могут относиться ко мне враждебно. Так и жил в заточении.

Все было бы ничего, если б не одно обстоятельство – хозяйская дочь. Девка она была смазливая, в соку. Отцовское хозяйство ее не интересовало, от домашних работ она всячески отлынивала. По вечерам убегала к своим подружкам, приходила затемно. Отец постоянно ругал ее, мать жалела.

Но дело в том, что она стала уделять мне... несколько повышенное внимание. Откровенно кокетничала, допоздна задерживалась в моей комнатухе. Отец, конечно, все это замечал и стал на меня поглядывать косо. Но... дело молодое... в общем, я не устоял и, как говорят, ответил ей взаимностью. А вскоре она забрюхатела (он так и выразился) и через некоторое время, как и положено, родила девчонку. Положение становилось критическим. За столь близкую связь с русским ей могли дать какое-то наказание – тем более, отец до поры до времени молчал, так как не хотел терять такого исправного работника, как я, но один раз вызвал меня к себе, и между нами произошел такой разговор.

– Что думаешь делать далее?

– Когда кончится война, увезу ее к себе на родину.

– А Марта (так звали дочь) согласна?

– Да, я с ней уже говорил.

– Это – после войны, а сейчас?

– Не знаю...

Вскоре к нам пришли сотрудники из местной управы и предупредили, что всех нас могут ожидать большие неприятности и, чтобы избежать этого, посоветовали мне принять немецкое подданство. А я к этому времени уже и дочку свою полюбил... она уже ползать начала. Да и хозяина своего не хотелось ставить под удар: как-никак, а ничего плохого он мне не сделал. Да и жену его было жаль. Она видела, как рушится их семья: от сына давно уже нет никаких вестей, да и здесь одни неприятности. Ну и я... в общем, согласился.

А когда стал гражданином «великой Германии», меня как

подданного этой страны призвали в их армию. Немного служил в охране какого-то предприятия, а потом перевели сюда.

Говорил он спокойно, не торопясь. Никакой вины за собой не чувствовал – так сложились обстоятельства. Мне показалось, что ему и самому просто хотелось выговориться.

Часовой с вышки уже не раз что-то кричал ему, но он не обращал на него никакого внимания. Время от времени открывал калитку, выпускал в душ по два-три человека.

Как ни странно, но и слушатели отнеслись к нему с сочувствием, но иногда по доброму подтрунивали, иронизировали: «Ну, ты, брат, влип капитально, не позавидуешь». В измене Родине никто не упрекал. Каждый, да и я тоже, примеривали его судьбу на себя. Но в конце все-таки задали ему этот самый трудный вопрос:

– А как ты поведешь себя в будущем?

Он, конечно, понял глубинную суть этого вопроса. Задумался. Но ответил:

– До будущего надо еще дожить: война-то ведь не кончилась. А там посмотрим, по обстоятельствам.

А я сразу вспомнил вагон, в котором нас везли из Умани в Лодзь, и того «красавчика», который был в составе немецкой охраны и который говорил по-русски, хотя и тщательно скрывал это. Подумалось, что и он был человеком такой же судьбы.

Еще один пример того, как война калечила судьбы людей.

Наша «командо»

Август 44-го. Наша «командо» в прежнем составе, с неизменным унтером возвращалась с работы по раскорчевке леса (в том месте, где произошли уже описанные ранее события с И. Ведерниковым). При подходе к главной проходной мы увидели, что там разрозненным строем стоит колонна плененных союзных летчиков – человек 30. Большинство еще в летном обмундировании, среди них много раненых с обожженными лицами. Очевидно, были сбиты недавно. Они осторожно оглядывались по сторонам, неприязненно посматривали на алое полотнище с фашистской свастикой, что развевалось на здании администрации. О чем-то вполголоса переговаривались. Команду сопровождало четверо охранников.

Подойдя поближе, мы пристроились было к ним сзади. Но унтер, да и их охрана бесцеремонно отодвинули нас в сторону. Увидев нас, союзники немного оживились: а как же – союзники?

В это время к калитке, что рядом с большими воротами, подошла девушка – из «рецензентов» и на ходу доставала из сумочки пропуск. Вдруг из колонны раздался громкий возглас: «Изольда!!!». Девушка подняла голову, удивленно оглядывалась по сторонам. А к ней из колонны не очень уверенно подошел один из пленных, спросил: «Это ты?». Девушка, не обращая внимания на охрану, бросилась ему навстречу, буквально повисла у него на шее и громко, навзрыд, безудержно заплакала. Парень (позже мы узнали, что это был ее двоюродный брат) смущенно бормотал: «Ну что ты... Не надо. Здравствуй, что ли. Почему ты здесь?».

Остальные пленные смотрели на них с любопытством и неподдельным участием. Мы тоже. Охранники растерянно поглядывали по сторонам, не зная, что предпринять в данной ситуации.

Через минуту вернулся их начальник. Дверь открылась. Пленные, пытаясь построиться в относительный порядок, пошли ко вторым воротам – в соседи к нам. Девушка почти бегом бежала рядом, еще что-то торопливо говорила своему брату. Но начальник колонны мягко, но настойчиво отстранил. «Я тебя разыщу и расскажу все!..», – успела она крикнуть вдогонку брату.

Вот так война не только калечила судьбы людей, но бывало, что разбрасывала их по разные стороны баррикад.

Часто нашу «командо», да и другие тоже, наряжали на различные работы внутри административной лагерной территории: подготовить площадку для строительства нового барака, соорудить склад для хранения угля, вырубить молодняк около провололочного ограждения и др. В последнее время почти постоянным местом работ был так называемый «котлован». Зачем его делали, никто точно сказать не мог. Одни говорили, что здесь будет бассейн, другие – что бомбоубежище, третьи – что водохранилище для возможных пожаров на случай вражеских бомбардировок.

Во время выполнения этих работ около нас частенько прогуливалась одна молодая симпатичная девушка обычно с овчар-

кой. Иногда здоровалась с нами по-немецки, а иногда... (о, Господи, сколько лестных, а то и откровенно скользких эпитетов мы отпускали ей вслед) загадочно улыбалась.

И вот однажды она, как обычно, с собачкой подошла к кромке котлована, долго смотрела как мы работаем (а работа была тяжелая, так как котлован был уже довольно глубоким) и вдруг спросила по-русски:

– И что это вы тут делаете?

Это было настолько неожиданным, что мы, как по команде, все прекратили работу и уставились на нее, как говорят на Руси – «во все глаза». После довольно продолжительного молчания кто-то спросил ее:

– Вы понимаете по-русски?

– Да.

– А кто по национальности?

– Украинка.

И уж совсем не к месту:

– А у Вас собака не кусается?

– Кусается, если прикажу.

Мы все поднялись наверх и плотным кольцом окружили ее. Но подошел один из охранников и приказал: «Арбайтен». Но мы дружно упросили его дать нам «фюнф минутен» паузы, так как это наша землячка (ландесменнен).

–Абер ниht цуланг, – строго приказал он (недолго).

А «землячку» мы попросили рассказать – как она здесь оказалась? Интересно ведь. Мы полагали, что все будет примерно также, как у Степана. Ан нет: все было по-другому. Вот ее рассказ. Привожу с большими сокращениями.

– Я украинка. Зовут Галей (мягкое «г» сразу выдавало ее украинское происхождение). Родилась и жила в Одессе. В июне 41-го окончила десять классов. Ну и, естественно, свободно говорила на русском, на украинском и немного на немецком, который преподавали в нашей школе. На радостях поехала во Львов, где жили родственники. И буквально через несколько дней началась война. Немцы мгновенно захватили всю Западную Украину. Пыталась уехать на Родину, но никакой транспорт уже не ходил. Что делать? В городе – хаос. Старые порядки уже разрушены, новых еще нет. Как и на что жить? В ходу были и наши деньги, и немец-

кие марки. Те деньги, которые я привезла с собой, быстро таяли. По воскресеньям работала городская барахолка. Население за бесценок продавало, или обменивало все, что было можно, на продукты. А у меня ничего не было. Стала искать работу – где и какую? Старое городское хозяйство было разрушено. Остались только две-три больницы, столько же кинотеатров, ресторан. Работала городская управа – нечто вроде бывшего Горисполкома. Наконец с большим трудом удалось устроиться уборщицей в немецкой комендатуре. Работала почти бесплатно, но получала солдатский паек. И то была довольна: хоть не голодала. Постоянное общение с немцами позволило мне немного освоить разговорный немецкий язык – вот где помогли мои школьные знания. Это обстоятельство сыграло в моей дальнейшей жизни решающую роль: в этой же организации меня перевели на должность переводчицы с украинского на немецкий. И примерно через год отправили вот сюда. Не скажу, что я была довольна, так как плохо ли, хорошо ли, но жизнь в городе постепенно налаживалась. По-прежнему жила у родственников. После работы общалась с людьми. Изредка смотрела немецкие и еще какие-то там фильмы. Скромно и бедно отмечали праздники. А здесь – казарма. В город только по увольнительной. Питание, правда, по офицерской норме. Рабочая нагрузка небольшая, поэтому в свободное время осваиваю английский, девчонки (подруги по работе) помогают.

Спросили – скучает ли об Одессе, о своих родителях?

– Конечно! И еще как!

По секрету, вполголоса, сообщила нам, что советская армия уже приближается к границам Германии, и поэтому все мы надеемся на скорое окончание войны. Тем и живем.

Мы, конечно, знали об этом не хуже ее, но промолчали.

На наш вопрос, почему не искала встречи с нами ранее, ответила, что общение с русскими и союзниками «штренг ферботен»: «Но около вас прогуливалась частенько. Сами, наверное замечали».

Беседа затягивалась, поэтому охранник подошел к нам и о чем-то строго поговорил с «землячкой». Свидание пришлось закончить. Уходя, она с улыбкой помахала нам рукой, произнесла на прощание:

– Ой, ребята, я так рада встречей с вами. Наговорилась досыта. До свидания.

Но вернулась и добавила:

– Я с подругами и концерт ваш недавно прослушала. Очень понравилось. Особенно украинские песни. Спасибо.

Во как! А мы и не знали. Приятно было сознавать, что мы со своим скромненьким шумовым оркестром, здесь, вдали от Родины, оказались нужны людям, наверное, больше, чем если б это было на Родине.

Галина говорила по-русски, но с заметным украинским акцентом. В свою речь часто включала украинские слова, а то и целые фразы. У меня сложилось такое впечатление, что поговорить вволю на родном русско-украинском языке доставляло ей большое удовольствие.

Беседа шла под зорким оком охранников (их было двое). На них она время от времени с опаской посматривала: мало ли что, могут и настучать кому следует. И то правда – рисковала она многим.

Колючая проволока, которая опоясывала лагерь со всех сторон, жесткий режим лагерной жизни, постоянная вооруженная охрана – все это накладывало неизгладимый отпечаток на жизнь не только пленных, но и на обслуживающий персонал. Менялось не только поведение всех обитателей лагерей, но и их мышление, привычки и образ жизни.

А жизнь наша протекала обычным путем. Немцы ежедневно находили для нас какую-либо работу. Помимо «командо», «веше», «коле», «бюксэ» и других местом постоянных работ стал «котлован». На нем иногда трудилось по 10-15 человек. Продолжалась вырубка сушняка в прилагерных лесах др.

Изредка видели Галю. Она украдкой приветствовала нас, но близко не подходила: наверное, получила «нагоняй» за недавнее общение с нами.

Была уже осень. Музыкальные сыгровки как-то сами собой прекратились. Один раз я спросил у Солдатенко – что он думает об организации оркестра в обновленном составе? Он ответил, что не только думает, но и предпринимает кое-какие шаги в этом направлении. В детали пока не вдавался.

В октябре началась «картофельная эпопея» – уборка и заготовка впрок. Это был действительно сложный вопрос: в трех лагерях союзников проживало более 10 тыс. пленных. Их и всю администрацию лагерей надо было обеспечить картофелем на весь год. Для выполнения этих работ было организовано несколько картофельных «командо». В одной из них оказался и я, вместе со Стригуновым, кстати.

Надо сказать, что закладка картофеля на зимнее хранение в Германии производится не как у нас. Так как почвы там «легкие» (легкосуглинистые), а зимы более теплые, то зимнее хранение картофеля там производится в более или менее длинных траншеях глубиной 60-70 см и шириной 1,2 м. Дно этой траншеи выстилается свежей соломой. Траншея на всю глубину, а по центру и – выше, заполняется картофелем. Все это покрывается соломой, или – мхом и засыпается землей толщиной 20-30 см. Через 10-15 м по центру закладки устанавливаются дощатые отдушины, чтоб в закладку не проникала вода и снег. В наших более суровых погодных условиях и на глинистых почвах данный метод хранения картофеля, конечно, не пригоден.

В тот год такие хранилища лагерное начальство почему-то решило сделать не внутри лагерной территории, как обычно, а за ее пределами – сразу за проволочным ограждением. Наверное, потому что охрана была усилена. На нашу «командо» в 10-12 человек назначили трех охранников. Двоих – старичков из «резервистов». Их мы уже знали по другим работам. Третьим был еще молодой крепкий мужчина лет сорока, как говорят, «приятной наружности». Меня почему-то поразили его глаза – голубые с холодным блеском и прищуром. Он словно присматривался к нам. Мы, как всегда, пытались прощупать его – что это за «пташка» такая? Пробовали заговорить с ним. Но, он, ни на какие контакты с нами не шел. Коротко и властно бросал: «Арбайтен!» (работать!). Но мы все-таки довольно быстро «раскусили» его (как-никак, а опыт у нас в этом отношении уже был). Мы догадались, что он понимает, и говорит по-русски, хотя и скрывает это. А вскоре, не без помощи Сашки-американца, узнали, что он – сын украинских помещиков, эмигрировавших в Германию еще в Гражданскую войну. Родители, очевидно, воспитывали его в лю-

той ненависти к русским (большевикам), которые лишили его Родины, богатства и почестей. Узнав об этом, мы между собой стали называть его «эмигрантом». Он, конечно, все понял. Я не случайно уделяю ему повышенное внимание, потому, что в нашей «командо» с его участием вскоре произошло событие, которое только чудом не закончилось трагически.

Все бы ничего, мы привыкли ко всяким работам, но октябрь в том году выдался очень дождливым. Нудный, морозящий дождь сыпал с неба почти беспрестанно. А крытые машины с картофелем приходили одна за другой, поэтому работать нам приходилось «в ударном темпе» и под дождем.

Рядом, вдоль траншеи, стояла поленница дров высотой метра два, и вот охранники, чтоб не мокнуть, сделали в ней для себя наибольшие ниши, прикрыв их кусочками толя, что лежал на дровах. Пленные же вынуждены трудиться под постоянным дождем. Но мы особенно не роптали – раз надо. В таком же положении находились и другие пленные, работавшие под крышей. За день намокала не только верхняя одежда, но и все, что под ней – «до нитки». Положение осложнялось тем, что в бараке была только одна печь, и поэтому высушить верхнюю одежду (как, например, мою шинель до пят) не было никакой возможности. Нижняя одежда сохла на наших телах. Барак превращался в сплошную сушилку: одежда висела на гвоздиках, на веревочках и проволоке между нарами, повсюду, где только было можно. Но и это не спасало. На следующий день приходилось идти на работу в полусухой одежде.

В редкие моменты, когда траншея для засыпки картофеля была уже готова, а машина с картошкой еще не пришла, мы тоже решили сделать себе небольшую нишу в этой же поленнице, чтоб в ней можно было отсидеться хотя бы половине «командо» по очереди. Очень редко, но нам это удавалось.

И вот однажды произошло следующее. Морозящий дождь внезапно усилился. Двое охранников, из «старичков» быстро спрятались под толем. Мы, следуя их примеру, тоже попытались спрятаться в своей нише. В это время подошла машина с картофелем. Но шофер даже не пытался выйти из кабины, спасаясь в ней от дождя. А к нам подошел «эмигрант» и, угрожая оружием, приказал:

– Всем встать! Работать!

Человека четыре, в том числе я, Стригунов, подчинились его приказу: на всех там места все равно не хватало. Остальные, крепко прижавшись друг к другу, продолжали сидеть, оправдываясь: «Эс регнет дох» (дождь ведь). Но «эмигрант», внезапно сорвавшись на русский, вновь приказал:

– Я кому говорю?! Приступайте к работе и немедленно. Машина уже пришла!

Но ребята, не ожидавшие такого поворота событий, ошалело смотрели на него, но и на сей раз не подчинились. «Эмигрант» отошел на два-три шага, спокойно снял с плеча винтовку и перезарядил ее. Послышался сухой щелчок затвора... патрон в стволе...

Дальнейшие события развивались столь же стремительно, сколь и непредсказуемо. Мерзликин, схватив лопату за комель рукоятки, со словами: «Ах ты, сволочь такая!!!» – бросился на «эмигранта». Тот быстро повернулся в его сторону и направил винтовку на него. Я обомлел, екнуло сердце. Подумал: «Господи, неужели выстрелит???».

Не знаю, чем бы закончилось это противостояние, если бы оперативно и грамотно не сработали остальные охранники – наши старые и добрые старички. Один из них мгновенно подбежал к Мерзликину и выхватил у него из рук лопату, второй столь же стремительно ринулся к «эмигранту» и направил ствол винтовки вверх. Не могу точно сказать, кто нажал на спусковой крючок, но последовал выстрел вверх, в воздух.

Дождь стих. Потрясенные происшедшим, мы, почему-то не глядя друг на друга, медленно втягивались в рабочий ритм. Мерзликин был бледен, но спокоен. А нас он поразил: никто не ожидал от этого «интеллекта» (как за глаза мы его называли) такого поступка. Как тут не вспомнить известное изречение М. Горького: «Безумству храбрых поем мы песню».

Шофер открыл задний борт машины, приглашая нас на разгрузку. Старички-охранники о чем-то вполголоса разговаривали между собой, не обращая на нас никакого внимания. «Эмигрант» подобрал с земли пустую гильзу от патрона. Деловито положил ее в карман, для отчета, наверное. Жизнь продолжалась, словно ничего не случилось.

Не знаю, как оценили поступок «эмигранта» в охранном

подразделении лагерного гарнизона, но ни завтра, ни в последующие дни в числе наших охранников его уже не было.

Когда мы возвращались с работы, я невольно задумался о том, как много наших русских (советских) в войну было в услужении немцев. Припомнились только те, с кем меня свела судьба: переводчик и шофер в одном из подразделений 12-го воздушного флота немцев, с которыми мы в Апостолово встречались после пленения, красавчик в вагоне, в котором нас везли в Лодзь, Степан – сыродел у бауэра, Галя-одесситка – рецензент в нашем лагере и, наконец, сегодняшней «эмигрант». Все «бывшие» наши. Но как по-разному сложились их судьбы. Я уж не говорю про Власова, Мальцева и других высоких чинов нашего командования. Кого заинтересует их судьба, я рекомендую заглянуть в Интернет. Там по этому вопросу можно найти много интересного.

Дела текущие

Но все проходит. Закончились и работы по заготовке картофеля. Для нас картофельная страда имела свои плюсы, так как мы смогли запастись свежей картошкой, пронося ее в барак то в карманах, то в рукавах одежды. А это мы умели уже делать не хуже Губина. Охранники на работе и на проходной все это, конечно, видели, но особенно не свирепствовали. Тем более, что большинство из них были уже пожилыми людьми и больше думали о том, как бы поскорее вернуться домой к своим родным и близким, к мирному труду.

А до конца войны было уже недалеко. Но Гитлер, уповая на новое секретное оружие (ракеты Ф -1 и Ф-2), собрав все свои армейские подразделения в один кулак и уже на своей территории, обещал разгромить Советскую армию, а немецкому народу и Германии – благоденствие и процветание на тысячелетия вперед.

Не думаю, что рядовые немцы верили всем этим обещаниям. Сводки с Восточного, а теперь и с Западного фронтов были неутешительными. Бомбовые удары американских «Бостонов» и «Боингов» по многим городам и промышленным объектам страны, а теперь и по Берлину, даже усилились.

Партии пленных союзных летчиков прибывали в лагерь еженедельно. Возникла необходимость построить для них еще один лагерь – четвертый по счету. Сборные детали для щитовид-

ных бараков к месту их возведения стали прибывать еще летом. Мы же в составе двух «командо» (20-25 чел.) занимались раскорчевкой леса под эти бараки. Я уже писал, что немцы, в отличие от русских, на «лесоповале» деревья не спиливают, а корчуют. Работа была тяжелой и опасной, так как мы в этом отношении не обладали определенными навыками. Поваленные деревья, очищенные от сучьев, веток и корней, доведенные до стадии «хлыста», надо было сложить в штабеля. Механизации никакой, все делалось вручную по русской методике «раз-два, взяли». Кроме того, была уже осень – холодная и дождливая. К вечеру, придя в барак, уставшие, промокшие и измученные, мы, прежде всего, ложились отдохнуть и уж потом принимались за ужин или личные дела.

Шумовой оркестр и тревожные ожидания

Тяжелая работа, ежедневно пропитанная водой одежда как-то постепенно отодвинули музыкальные проблемы на задний план. Но в один из воскресных дней, уже в конце октября, я все-таки выбрал время и навестил Солдатенко в его отсеке для мастеровых. Он сразу повел меня в каптерку, где происходили наши репетиции. И, к своему удивлению, я увидел там большой барабан с медными тарелками и тромбон. Пораженный, я забросал его вопросами: «Где, как, когда, откуда, каким образом?». Не вдаваясь в подробности, он сказал, что это – дело Сашки (американца).

– А кто будет играть на них?

– Я уже подыскал: на барабане – Коктыш, на тромбоне – Ворожцов. Они, конечно, слабоваты, но ничего: сойдет.

– А дальше что?

– А дальше надо срочно готовить новогодний концерт, а это не так просто.

– Почему?

Солдатенко долго молчал, но потом сообщил мне:

– Дело вот в чем. Оказывается в администрации этого лагеря находятся представители Красного креста. Они регулируют поставку в лагерь продуктов питания, одежды, медицинскую помощь и пр. А у союзников есть свой штаб – несколько крупных чинов из числа пленных. И вот недавно представители этого

штаба через священника обратились в Красный крест с просьбой: в ближайшее время эвакуировать всех пленных лагеря на запад, так как они опасаются, что могут попасть в плен к русским. А это наверняка затянет их возврат на Родину. А Советская армия уже ведет бои на подступах к Германии. Немецкая администрация ответила, что она вправе решить этот вопрос самостоятельно и обещала с этой просьбой обратиться в более высокие инстанции.

– Если это произойдет, – продолжал далее Солдатенко, – то нас, по всей вероятности, переведут в соседний в Сагане – пехотинский лагерь, который считается как бы центральным. Так что лафа наша здесь в скором времени может закончиться. Поэтому с концертом надо поспешить. Я думаю подготовить его к Новому году. Другой возможности может уже не быть.

– Этот концерт будет повтором летнего?

– Нет, он будет совсем другим. Деталей пока говорить не буду.

Не исключалось открытие Второго фронта.

Тем не менее, наши тревожные настроения постепенно пошли на убыль: человеку свойственно надеяться на лучшее. А может быть срабатывало исконно русское: «Авось пронесет».

Тяжелые дни репетиций

Уже в начале ноября Солдатенко собрал весь старый состав «артистов» и сказал, что надо незамедлительно готовить новогодний концерт. «Я не собираюсь агитировать вас на участие в концерте, – говорил он. – Это дело абсолютно добровольное. На сегодняшний день мы имеем барабан, тромбон, трубу, пару гитар, мандолину и гармошку. Это уже кое-что, можно замахнуться на что-нибудь более серьезное, чем было ранее. В моем представлении этот концерт должен быть посвящен самому дорогому, что у нас есть – это наша многострадальная Родина. Нашими вокально-инструментальными средствами мы должны отобразить ее судьбу, начиная с Октября 17-го и кончая сегодняшним днем».

Сразу посыпались вопросы: «Это что – история под музыку? Может, еще Краткий курс Истории ВКП (б) споем???».

– Хватит ерничать. Все объясню. Ведь любая историческая эпоха имеет свое отражение в прозе, песнях, картинах и пр. Вот и

мы выберем такие свидетельства, которые отображают сущность того, или иного периода страны: стихи, песни, декламации. Может быть, потребуется конференс. По предварительным наметкам в концерте будет 2-3 самостоятельных отделения. В первом – Октябрьская революция, гражданская война и предвоенные годы. Во втором – Отечественная война до наших дней. В третьем – индивидуальные номера: кто во что горазд, повеселей.

Но мы все-таки уговорили его пояснить нам, как все это будет выглядеть, так сказать, в натуре. Он не возражал, и предложил нам следующий, пока еще предварительный сценарий предстоящего концерта.

– Первое – Октябрьская революция. Ее мы изобразим в виде гимна «Интернационала». Далее пойдут песни гражданской войны. Между различными номерами будут музыкальные заставки. Их я беру на себя. После пойдут песни мирного времени – что-нибудь из репертуара Дунаевского, Утесова и других.

Если песен наберется много, сделаем попури. Думаю, нельзя обойти молчанием и войну с Японией на Халхин-голе и у оз. Хасан в 1938 г. Исполним известную песенку про трех танкистов. И вот – 1941 год. Война. Год стал для нашей страны трагедийным. Вот это надо как-то отразить и музыкой. Как? Не знаю. Будем думать. Ну а далее пойдут песни о войне: и драматические, и печальные, и лирические. В этом отношении, я думаю, проблем не будет.

Третье отделение – по типу нашего летнего концерта – полнейшая самодеятельность: самые различные номера. Наша главная и самая трудная задача заключается в том, чтобы у наших слушателей и зрителей пробудить чувство Родины. В нашем распоряжении два месяца. Надо спешить, поэтому я предлагаю: на неделе – в будние дни делать по две репетиции и одну – более продолжительную – по воскресеньям.

После этой встречи с маэстро мы уже более или менее ясно себе представляли, каким должен быть предстоящий концерт и что от нас требуется.

Но первые же репетиции показали, что выдержать данный нам режим работы очень трудно по самым различным причинам.

Дело в том, что ноябрь и декабрь в том году были очень холодными, поэтому работать на морозе в худенькой одежонке, в ботинках почти «на босу ногу» и без рукавиц было очень трудно. Долбить мерзлую землю тупыми лопатами – занятие тоже не из легких. Мерзли и охранники, потому они разрешали нам жечь костры, около которых грелись и сами. Но это не спасало, так как унтер, руководивший данными работами, требовал их скорейшего выполнения. Кроме того, дни были уже короткими, поэтому обеденный перерыв для нас был отменен. Так и работали – от темна до темна. Промерзшие «до мозга костей», голодные и вусмерть уставшие, придя в барак, мы меньше всего думали о музыке. И только поужинав и немного обогревшись, мы уже часам к девяти-десяти шли в нашу тесную каптерку.

Некоторые конфликтные ситуации возникали и во время репетиций: то нам (струнникам) казалось, что духовые постоянно заглушают нас, то Коктыш бухал в свой барабан и гремел тарелками к месту и ни к месту, то у гармошки не хватало той или иной ноты. У хористов свои проблемы: некоторые забывали текст песни, которую надо было исполнить, иной раз не ладилось пение на два голоса. Были разногласия и другого плана. Например, часть хористов («из старичков») наотрез отказались петь про трактористов, у которых «поступь тверда, и врагу никогда не гулять по республикам нашим». Было и такое.

Солдатенко в таких случаях болезненно морщился, ругался, но требовал свое. Иногда по несколько раз исполняли одну и ту же музыкальную фразу. Нам, конечно, все это не очень нравилось, но, когда обнаруживалось, что наш (как теперь говорят) ВИА стал звучать более слаженно, радовались вместе с ним. В общем, это были типичные «муки творчества».

Музыкальные связки, как и было обещано, Солдатенко «взял на себя». Но иногда просил прослушать их и высказать свои замечания. Если таковые обнаруживались, мы говорили ему об этом прямо. Он не обижался, обещал переделать. В программу концерта было включено и мое выступление со стихами, которые я написал в карцере.

«Доводить до ума» программу второго, развлекательного отделения времени уже не оставалось, поэтому Солдатенко посоветовал нам устраивать его по нашему усмотрению, повеселей,

побольше выдумки, но без похабщины, не теряя чувства меры и хорошего вкуса. Помолчав, добавил: «Если кому потребуется аккомпанемент к песне или к танцам, обратитесь ко мне, решим в «рабочем порядке».

Но однажды, уже в конце декабря, в барак пришел Андрей. Вид у него был озабоченный. Разыскал Солдатенко и передал ему, что администрация лагеря требует срочно представить им сценарий предстоящего концерта. Солдатенко собрал нас, спросил: «Что будем делать?». Неужели всему конец? Столько трудов потрачено. Мы долго думали, обсуждали ситуацию и (голь на выдумки хитра) решили: программу концерта не менять, а сам концерт, в том виде, в каком мы его подготовили, провести не 31-го, а 30-го. А в ночь на 31-е выступить с концертом еще раз, включив в него увесели-тельную программу второго отделения.

А пока надо было срочно «сочинять» запрошенный немцами сценарий. Исключили из сценария «Интернационал» и гимн военного времени «Священная война», часть песен и декламаций явно антифашистского содержания. Заново переписали некоторые нотные заготовки и дали им новое безобидное содержание. Ввели в программу несколько русских и украинских народных песен. Общую канву концерта сохранили, исключив из него второе отделение. К утру следующего дня сценарий был готов, и Андрей унес его в комендатуру.

Конечно, все это творение было авантюрой чистой воды, и сколько-нибудь грамотный следователь разгадал бы ее без затруднений. Но... ничего другого мы не придумали.

И потянулись дни томительного ожидания. До концерта оставались считанные дни. Но никаких вестей от администрации мы не получили. А раз так, то Солдатенко решил продолжить репетиции, чтоб «дошлифовать» отдельные фрагменты нашей программы, да уточнить развлекательную программу второго отделения.

Долго думали, как быть со сценой: что за концерт без сцены? Старые русские ворота, хорошо послужившие нам во время летнего концерта, сейчас использовать было невозможно, так как они не влезали в двери барака. Решили распилить их пополам, а в бараке сбить заново и разместить на табуретках.

Все делалось втайне от Вихмана, который остался в бараке единственным начальником. Он, конечно, знал о готовящемся представлении, но ни во что не вмешивался. Мы, в свою очередь, не давали ему никакого повода для недовольства: исправно ходили на работу, поддерживали в бараке чистоту, любезно здоровались с ним при встрече. Хитрецы все-таки эти русские. А может быть, о грядущих событиях 45-го он знал больше, чем мы, и ему было уже не до нас?

Новогодние концерты 1944-1945 годов

За время моего пребывания в плену эти концерты оставили в моей памяти самые яркие и светлые воспоминания.

... 30 декабря 1944 г. Рабочий день укорочен, поэтому часам к 5 вечера мы были уже в бараке. Все знали, что сегодня будет праздничный концерт. Пора было готовиться к нему, но Вихман был все еще в своем кабинете. Закрались сомнения – неужели он все «пронюхал» и ждет начала представления? Неужели все сорвется? Решили ничем не показывать, что готовимся к концерту: у печки обычная толкотня с ужином, распиленные половинки сцены стояли прислоненными к стене, Солдатенко в каптерке проигрывал какие то музыкальные фразы. Но часам к 8 пройдясь по бараку, Вихман наконец то ушел. И сразу все пришло в движение. Одни пытались привести себя в праздничный вид – насколько это было возможно: сменные рубашки у нас были, а брюки – одни на все случаи жизни. Кое-кто пытался побриться давным-давно затупленными лезвиями безопасных бритв (опасные были запрещены). Обитатели угла выдвигали свои нары на середину барака, чтоб освободить место для сцены. Быстро «расформировали» столовую – длинный дощатый стол и несколько скамеек к нему. Высвободившиеся скамейки расставили поближе к сцене (это был как бы партер). За ними –обеденные столы (амфитеатр). Полуподкову зала венчали сдвинутые нары (галерка). Все как полагается в настоящем театре. Часть электроламп в зале отключили, чтоб не засветиться в окнах во время представления.

Зрители дружно занимали места, артисты – в каптерке, где маэстро давал нам последние наставления. Зрители аплодисмен-

тами стали вызывать нас на сцену. Первым, со своим огромным барабанами мягкой колотушкой, под аплодисменты зрителей на сцену буквально взгромоздился Коктыш и уселся в самом углу сцены. За ним, дружной семейкой, оркестранты. Далее не спеша, с некоторым достоинством на сцену взошли хористы. Последним, под дружные аплодисменты зрителей, – Солдатенко. Программу концерта должны были вести 2 конференсье – Юра Лыткин и его помощник Белобрысый (фамилию не помню). Всего нас набралось человек 15. Тесновато, конечно, но уместились.

На авансцену вышел Солдатенко и, обращаясь к присутствующим, коротко произнес: «Торжественный вечер, посвященный 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, считаю открытым». Повернулся к оркестру, взмах рукой... и в зал полились торжественные звуки «Интернационала».

Правда, без пения (так было решено из соображений конспирации).

Мне трудно передать словами все то, что мы тогда пережили. За тысячи верст от Родины, в глубоком немецком тылу, за колючей проволокой, в вонючем и тесном бараке с затененными окнами....эта, с детства знакомая мелодия, как бы окунула нас в то далекое прошлое и на миг отвлекла от настоящего. Не все, но многие поднялись со своих мест и слушали Гимн стоя. Даже зрители «галерки», те, что развалились было на верхних нарах, теперь сидели чинно и важно.

Все это иначе, чем ЧУДОМ назвать не могу.

Но! Но после исполнения гимна наступила тишина, аплодисментов не последовало. Я и сейчас не могу сказать, насколько правильно мы поступили.

Ситуацию немного разрядил Лыткин. Обращаясь к присутствующим, он назидательным тоном сказал: «Если свержение временного буржуазного правительства в Петрограде произошло сравнительно бескровно, то на просторах нашей огромной страны революционные преобразования затянулись на многие годы. А почему?», – обратился он к рядом стоящему Белобрысому. А тот продолжил: «А потому, что на защиту старого строя встали Белая гвардия под командованием опытных царских генералов, капита-

листы и помещики, часть духовенства, зажиточное крестьянство. Так началась Гражданская война. Брат пошел на брата, сын на отца. И, как следствие, – разруха на производстве, голод, болезни.

Наступила небольшая пауза. Маэстро исполнил небольшую музыкальную заставку, которая постепенно переросла в мелодию известной песни того времени. Мелодию подхватил оркестр, а за ним и хор:

Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону.

Уходили комсомольцы на гражданскую войну.

После исполнения двух-трех куплетов песни, Лыткин опять прокомментировал события: «Борьба была долгой и изнурительной как с той, так и с другой стороны»:

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги,
От Кубани до Волги
Мы коней поднимали в поход.

После исполнения двух-трех куплетов той, или иной песни «конференсье» подытожил: «Борьба была долгой и изнурительной с большими потерями с той и другой стороны».

И снова песня:

В степи под Херсоном высокие травы.
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом, заросшим бурьяном,
Матрос «Железняк» партизан.

Небольшая пауза. Музыкальная связка и – новая трогательная песня:

Там вдали за рекой загорались огни.
В небе ярком заря догорала.
Сотня юных бойцов из буденовских войск
На разведку в поля поскакала...
Вдруг вдали у реки засверкали штыки –
Это белогвардейские цепи...
И без страшно отряд поскакал на врага,
Завязалась кровавая битва...

Сотня бойцов из буденовских войск
Из разведки домой возвращалась.

Тяжелое впечатление от исполненной песни умело сгладили мудрые «конферансье»: «В боях с ненавистным врагом росла и мужала наша Красная Армия и ее прославленные командиры: Ворошилов, Буденный, Чапаев, Котовский, Фрунзе и другие».

И в откровенно мажорном тоне зазвучал ансамбль:

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса.
Конармейская тачанка –
Все четыре колеса».

Слово снова берет «конферансье»: «Но все проходит. Закончилась война. Другие песни запел народ: «Веселые песни поет Украина, счастливая юность живет. Подсолнух высокий, и в небе далеком над степью кружит самолет».

А далее, почти без перерыва «пошли» наиболее популярные песни того предвоенного времени: «Чайка смело пролетела над седой волной», «В далекий край товарищ улетает. Родные ветры вслед за ним летят». Конечно, вспомнили Дунаевского: «Легко на сердце от песни веселой». И еще кое-что, всего не припомню. В общем, как могли, пытались воспроизвести атмосферу того предвоенного времени без войн и потрясений.

И вдруг – пауза... тишина, как резкий контраст только что звучавшей музыке.

В наступившей тишине, как бы где-то далеко, труба тихо (пианиссимо) исполнила: так-тат, так-тат, та, та, та-та-та-та-а-а. Через пару секунд, но чуть громче, эта музыкальная фраза прозвучала вновь, но усилилась до «форте». И в этот момент на помощь трубе подключился весь оркестр: тат-тат, тат-тат, та-та-та!!! Из этой почти какофонии постепенно выкристаллизовалась мелодия известной песни Александра «Священная война». Песню эту (почти, как гимн) слаженно, с чувством, под аккомпанемент всего оркестра исполнили наши хористы:

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,

С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает как волна!
Идет война народная,
Священная война!

После исполнения этой песни Солдатенко, повернувшись лицом к залу, уже один (соло), ритмично и четко (видать, не впервые) исполнил марш «Прощание славянки», под который в войну отправлялись на фронт воинские подразделения.

Мне трудно передать словами всю гамму чувств и переживаний, которые мы испытывали тогда. Это надо пережить самим. В них было все: горечь и боль от поражений и потерь, которые понесла наша страна в начале войны, радость побед в настоящем и где-то подспудно – сознание того, что и мы тоже участники всех этих событий. Все это прочно и надолго врезалось в память. Прошло уже более 70 лет, а я и сейчас пишу эти строки со слезами на глазах.

Зал прослушал нас молча и без аплодисментов: чему аплодировать-то? Тому, что до сих пор страна ведет «смертный» бой с врагом?

А далее, почти как попури в исполнении хора и оркестра зазвучали наиболее известные песни военных лет – прочувствованные, горькие и лирические: «Вот солдаты идут по степи опаленной, тихо песни поют про березки и клены...», «На позицию девушка провожала бойца», «Бьется в тесной печурке огонь. На поленьях смола, как слеза».

Темная ночь,
Только пули свистят по степи.
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звезды мерцают.

Вспомнили трех танкистов, что воевали у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. И «Синий платочек» (К. Шульженко). И, казалось бы, совсем мирную песенку – «После тревог спит городок. Я услышал мелодию вальса...» и другие.

Иногда, если мелодия была не сложной, мы выполняли заказы с мест.

Не знаю, как бы закончился этот концерт, если б не одно обстоятельство. В один из небольших перерывов я попросил Солдатенко дать мне возможность выступить со своим стихотворением, о чем мы договаривались еще ранее (бес честолюбия не давал мне покоя). Солдатенко тут же предоставил мне слово. И я прочел присутствовавшим тот стих, который я сочинил, будучи в карцере:

В полдень ли солнечный.
Ночкой ли темною.
Думой, я знаю, ты полон одной.
Родина дальняя, девушка скромная,
Мать постаревшая, дом твой родной.
В последней избенке огня не гасили.
Сгорбилась горем убитая мать.
Последнего сына на фронте убили.
Дрогнули губы, и плачет опять.
– Да, жаль сыновей, – промолвит папаша.
Остались лишь фото, что смотрят со стен.
Эх, доля солдатская – участь то наша –
Иль смерть, или рана, иль жизнь, или плен.

По простоте душевной я полагал, что зал «взорвется аплодисментами»: еще бы, ведь затронутая тема касалась каждого из нас. Но зал молчал. Я растерянно взглянул на Солдатенко, он недоуменно пожал плечами. А в это время, откуда-то из дальних рядов на сцену вбежал один из «швайнэ-майоров» и обращаясь к зрителям, взволнованно, захлебываясь словами, заговорил:

– Братва! Я, наверное, здесь старше вас всех. В плен попал еще в сорок первом, под Москвой, в составе ополчения. Губин знает. Да еще и ранен был в придачу. Пережил все: и холод, и голод, и вшивые госпитали. Доходягой был долго. За эти годы я и язык-то русский забывать стал... Думал, что и Родину, и семью свою больше уж никогда не увижу, так и сдохну здесь на чужбине, пока не попал сюда. Спасибо Лепковичу – пристроил меня в свинарнике... из одного корыта, вместе с поросятами питались. И только сегодня, на этом концерте, я вдруг понял, что Родина-то наша оказывается жива и успешно борется с врагом. И у меня по-

явилась надежда, что я, может быть, еще увижу своих родных, свой дом.

И, повернувшись к нам, со слезами на глазах смущенно произнес:

– Спасибо вам... Огромное спасибо.

Осторожно сошел со сцены и медленно поплелся на свое место. И только сейчас зал вдруг взорвался дружными аплодисментами. Но я так и не понял, кому они предназначались – ему, нам, или мне. Впрочем, это уже не имело значения.

Когда все стихло, Солдатенко объявил, что концерт закончен, а второе отделение – завтра.

31 декабря 1944 года. День не рабочий. Барак на замке. Вихман явился только в полдень, когда и нары, и «столовая» были уже на своих местах и когда ничего, кроме сцены, не напоминало о вчерашнем концерте. Вихман сообщил нам, что Андрея в праздники в бараке не будет, так как ему дали «домашний отпуск». Из чувства элементарной вежливости мы поздравили Вихмана с Новым годом и пригласили на предстоящий концерт. Он поблагодарил нас, но от приглашения отказался, чему мы были очень рады. После ухода Вихмана Солдатенко собрал нас в каптерке и кратко проинформировал о предстоящем концерте:

– Сценарий представления будет таким же, как вчера, но «Интернационал» исключается. Песен о Гражданской войне поменьше. Музыкальное вступление перед «Отечественной» считаю нужным сохранить. Различные песни о войне остаются, так как война еще не закончилась. Вторую половину концерта надо сделать более развлекательной, без нагнетания политики. Можно включить украинские песни и классику. У кого будут заявки – обращайтесь заранее. Концерт поведу я, но «конференс» сохраняется.

Воспользовавшись приглашением, я сообщил «маэстро», что знаю слова и музыку к некоторым немецким танцам.

– Каким именно?

– Медленный фокстрот «Их вайс айн клайнен кафе» и танго «Цыган».

Солдатенко задумался: не будет ли это выглядеть как «игра в поддавки». Спросил мнение остальных. Остальные не возражали.

– Предложение принято. Мелодию «Цыгана» я знаю. Фокстрот напой мне после.

Поближе к вечеру зрители подготовили «зал»: расставили по своим местам табуретки, столы, нары.

Но, человек предполагает, а Бог располагает.

Все пошло совсем не так, как было задумано. Когда зрители уже стали занимать места в зале, в барак заявила группа немецких солдат. Их было человек 10. Нам незнакомые – не наши старички-охранники, ни часовые с вышек. Все еще не старые. Их никто не сопровождал, они явились самостоятельно. Это было настолько неожиданно, что все мы соскочили со своих нар и с неподдельным любопытством рассматривали новоявленных. А они, тоже, наверное, не ожидавшие такого приема, собрались в кучку, и растерянно оглядывались по сторонам. Вначале мы подумали, что они явились сюда, чтоб запретить концерт, но у них не было никакого оружия, да и поведение было отнюдь не агрессивным. Вскоре, однако, обнаружилось, что у них есть свой «старший». Это был невзрачный мужичишка, очень маленького роста, но, видать, разбитной малый (мы тут же прозвали его «Коротышкой»). Он вышел вперед и, обращаясь к нам, произнес: «Гутэн Абенд» (добрый вечер). Потом на ломаном русском пояснил нам, что они пришли послушать концерт. Кто-то из наших (по-моему, Колычев) не растерялся, подошел к ним, тоже поздоровался, произнес: «Комен зи райн» и повел за собой в «зал». А я сразу побежал в каптерку и доложил обо всем Солдатенко. Что делать?.. Солдатенко вначале крепко выругался. Никто ведь, не представлял как вести себя с непрошенными гостями. Но после продолжительного молчания он произнес:

– Вот что, ребята, как ни крути, а это все-таки наши гости и наши зрители, поэтому мы должны проявить к ним особое внимание. Пошли, посмотрим – что это за «фрукты».

А «фрукты» были уже в зале. Колычев стоял рядом и не знал, что с ними делать. Увидев Солдатенко, спросил: «Куда их?».

Солдатенко вежливо поздоровался с немцами, а Колычеву приказал посадить их в «партере», всех вместе, справа у окна. И вполголоса добавил: «Да чтоб без фокусов. Понял?».

Часть мест у окна была уже занята нашими, но (воздадим им должное) они с пониманием отнеслись к «жесту» Солдатенко и уступили немцам свои места. Коротышка уселся в центре.

Через несколько минут начался концерт. Солдатенко попросил Лыткина кратко рассказать зрителям об Октябрьском перевороте 1917 г. и о начале Гражданской войны. Это было сделано не столько для своих, сколько для «гостей», чтоб знали и понимали – что к чему. Мы исполнили почти все песни времен Гражданской войны. Но реакция зала оказалась довольно инертной. Может быть потому, что все это было уже вчера. Чтоб усилить «накал страстей», Солдатенко предложил нам исполнить песню о «Черном вороне»:

Черный ворон, черный ворон,
Ты не вейся надо мной.
Ты добычи не дождешься.
Черный ворон, я не твой.

Песню пел весь оркестр, и даже часть зрителей. Пели проникновенно, так как ее содержание в той или иной мере касалось каждого из нас. Я украдкой наблюдал за поведением «гостей». Вначале они вели себя сдержанно. Но постепенно как бы «оттаивали». Мне показалось, что Коротышка кое-что понимает по-русски, так как после каждой исполненной песни он вполголоса комментировал остальное ее содержание. «Черного ворона» они прослушали с большим вниманием. Было видно, что песня затронула и их чувства: как-никак, они ведь тоже были солдатами. Вместе со всеми они долго аплодировали нам.

Довольно быстро мы отыграли песни Гражданской войны и мирные песни предвоенного времени. После этого Солдатенко подошел к краю «сцены», немного подождал, пока все стихли и, четко разделяя, произнес: «Июнь 1941 года». Повернулся к оркестру, и мы исполнили музыкальную зарисовку, олицетворяющую начало Великой Отечественной войны (ту, что была исполнена вчера). Но торжественные, как гимн, слова Александрова: «Вставай, страна огромная» в присутствии немцев исполнить не рискнули – черт их знает, кто они такие. А вместо этого Солдатенко, опять повернувшись к залу, чисто и в полный голос ис-

полнил на трубе старинный русский военный марш «Прощание славянки». И в конце произнес: «Так началась война». Это была его находка, совершенно неожиданная и для нас: вчера этого не было. Под этот марш наши русские солдаты уходили на фронт. Под него же, кто остался в живых, с победой возвращались обратно. Именно таким он запомнился и мне лично, когда мы в июне 45-го из дружественной в то время Чехословакии, через поверженную Германию, полуразрушенную Польшу и Белоруссию возвращались на Родину. И далее, в исполнении хора и оркестра, звучали песни военных лет – грустные и печальные, лирические и боевые: «Вот солдаты идут по степи опаленной», «Бьется в тесной печурке огонь», «Ты увидел бой, Днепр – отец-река» и многие другие, что звучали вчера. Но по возможности мы старались не выходить из заявленного ранее сценария – мало ли что. И, конечно, мы не могли обойти вниманием наши авиационные песни из ряда фольклорных: «Моторы пламенем пылают, кабину лижут языки». А также «Там, где пехота не пройдет, где бронепоезд не промчится». А последние слова этой песни: «За вечный мир в последний бой летит стальная эскадрилья» с неподдельным пафосом исполнил не только наш ансамбль, но и зрители в зале. Мы, конечно, рисковали, но шли на это сознательно... Пусть будет то, что будет. Но постепенно боевой дух наших песен стал угасать. Это произошло после того, как один из наших хористов исполнил простенькую песенку того времени: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне». И – началось. Сразу же всех очаровал Саша Турев, который с успехом «просвистел» свой коронный номер - увертюру и куплеты тореадора из оперы «Кармен». Зрители прослушали его с большим вниманием, были удивлены и очарованы: редкий дар.

А я тем временем напомнил Солдатенко, что могу исполнить популярную у немцев песенку и танец «Ich weib ein kleines safe». Он согласился, и номер объявил сам: «Слоуфокс» – медленный фокстрот – исполнит наш главный заводила под мой аккомпанемент. Желающие могут танцевать». После этих слов Лыткин и Белобрысый сразу же отвоевали себе 3-4 квадратных

метра на своем «пяточке» нашей импровизированной сцены. А я, как только услышал первые такты этого фокстрота, сразу вспомнил наши танцульки в Синельникове, когда мы во время ночной бомбежки под звуки старенького охрипшего патефона, под глухие взрывы бомб противника и ответную стрельбу зенитки, что стояла рядом с нашим домом, танцевали этот фокстрот с девушками из полка. Воспоминания немного отвлекли меня от реальной действительности, и я чуть замешкался со вступлением. Но Солдатенко (вот умница!) все понял и повторил вступление еще раз. После первых же слов песенки я «краем глаза» заметил, как насторожились наши гости, особенно «коротышка».

После исполнения этой песни Солдатенко объявляет:

– Аргентинское танго. В том же исполнении.

Лыткин с Белобрысым «стали в позу», приготовившись к танцу, а я уже более уверенно пропел: «Zigeune! Du hast meine herz geteilt» (примерный перевод – «Цыган! Ты разорвал мое сердце на части»). А у немцев появившаяся было настороженность сменилась удивлением. И в конце этого номера они вместе со всеми дружно аплодировали нам. Танец в исполнении Лыткина и Белобрысого лишь отдаленно напоминал настоящее танго. Но в самом конце, не знаю, уж как им это удалось, но Лыткин рывком поднял своего партнера над головой, правда, тут же отпустил его обратно. Слушая дружные аплодисменты зрителей, я так и не понял, кому они предназначались: то ли мне за мой вокал, то ли танцорам – за их акробатический трюк. После нашего номера на сцене появился Мерзликин. Под мой аккомпанемент на мандолине он исполнил старинный романс «Гори, гори, моя звезда» – и, как всегда, успешно. Честно говоря, на репетициях мы пытались исполнить этот романс вдвоем, но моя «вольная» манера исполнения никак не склеивалась с его почти академической строгостью. Поэтому дуэта не получилось. После нас П. Мазурук со своим земляком (фамилию не помню) без аккомпанемента, но слаженно, исполнили несколько украинских песен.

Когда они ушли со сцены, Солдатенко торжественно объявил:

– Концерт окончен. Всех поздравляю с Новым годом!!!

И свои, и чужие дружно наградили нас аплодисментами.

«Коротышка», запрыгнув на сцену, пожал Солдатенко руку и совершенно искренне произнес:

– Danke schön, grössedanke. Wirzufrieden. Zehrzufrieden («Спасибо большое, большое спасибо. Мы довольны. Очень довольны»).

Солдатенко, увидев Колычева, кивком головы попросил его отвести гостей до выхода. А они вместе со всеми улыбались, оживленно обменивались впечатлениями, желали окружающим «Gute nacht».

Повторюсь, но это был тот случай, когда «искусство сближает даже враждующие стороны».

45-й победный

Более или менее размеренная жизнь нашего барака претерпела значительные изменения. Из рабочих команд исправно функционировали только угольная, «веше» и «бюксэ». Прекратились работы на котловане. Наша «командо» не очень регулярно, но продолжала работать на раскорчевке леса. Унтер потерял свою былую прыть и больше беседовал о чем-то у костра с охранниками. А беседовать-то было о чем: война все ближе и ближе подкрадывалась к границам Германии. Андрей все реже появлялся в бараке, ходил озабоченный и хмурый. На вечерние поверки, часто без Вихмана, приходил какой-то совершенно незнакомый нам мордастый лейтенант, на немецком языке без переводчика сообщал нам какую-то информацию, совершенно не беспокоясь, понимаем ли мы его или нет. Но один раз в присутствии Вихмана он сказал, что в скором времени лагерь союзников будет ликвидирован, а нас переведут в соседний – центральный в городе – ШТАЛАГ.

Сашка-американец напросился на прием к зубному врачу и сообщил Солдатенко, что на северном фронте, уже в Пруссии, немецкая армия терпит одно поражение за другим и что надо ждать больших перемен. Все предсказания сбылись. Буквально через пару дней, проснувшись утром, мы, не знаю уж по каким признакам, почувствовали какую-то необычайную тишину. Дежурные по бараку сообщили, что соседний с нами лагерь пуст. А вскоре увидели, что в северном более отдаленном лагере (из ко-

торого летом был осуществлен массовый побег пленных) ярким пламенем горел барак. Позже мы узнали, что в этом бараке хранилась какая-то документация на пленных. Стало ясно, что крупнейший в Германии Саганский лагерь союзных пленных летчиков прекратил свое существование. Почему-то все было сделано ночью, да так тихо, что мы ничего не слышали. Правда, немецкая администрация никуда не исчезла. Часовые на вышках исправно несли свою службу. Все внутрихозяйственные работы были прекращены. Вихман расщедрился и выдал нам по коробке продуктов, в изобилии хранившихся в его кабинете. Вот это, кстати, было очень даже к месту.

А вскоре произошло еще одно событие, которого мы никак не ожидали. Появились слухи, что Гитлер издал приказ об эвакуации гражданского населения из тех мест, которые могут быть захвачены наступающими частями нашей армии. И началось «великое переселение народов», которое предсказывал нам еще Сибиряк, когда нас везли из Умани в Польшу. Но он ошибся: перемещались не поработанные немцами народы с запада на восток, а сами немцы с востока на юг и запад своей страны. И вскоре мы в этом убедились, однажды увидев, как со стороны железнодорожного вокзала по дороге, что проходила параллельно нашему лагерю, бесконечным потоком шли немцы: старики, женщины с грудными детьми на руках. Многие катили впереди себя детские коляски тоже с детьми или с различным домашним скарбом. Несмотря на холодную погоду, все были довольно легко одеты. Шли они медленно, некоторых вели «под ручки». Это было печальное зрелище. Поглядеть на него наших набралось человек 20. Нас разделяла (и это было символично) только густая колючая проволока – «паутинка», – символ Германии того времени. Мне очень хотелось взглянуть в лица идущих, посмотреть, что они испытывают при этом – позор, стыд, ненависть, презрение, любопытство? Но самое главное заключалось в том, что за все время этого шествия ни один из них ни разу не взглянул в нашу сторону. Ни один! Ни разу! В этом было что-то противоестественное. Я украдкой взглянул на своих. А они стояли молча и неподвижно. На лицах – ни тени злорадства. В этой ситуации было трудно определить, кто из нас за колючей проволокой – мы по эту сторону, или немцы – по ту.

Все увиденное произвело на меня тяжелое впечатление. Где-то на задворках сознания упорно зрела мысль: ЭТО – ВОЗМЕЗДИЕ! От Бога, если хотите. Эта мысль окончательно утвердилась у меня уже после войны, когда я смотрел фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм». Кадры этого фильма ясно показывают, что и рядовые немцы 30-х годов боготворили Гитлера, молились на него и становились, таким образом, его невольными сообщниками. И только после того, как и на их долю выпали такие же испытания, у них, возможно, родилось некоторое прозрение и сознание того, что за все ими содеянное придется расплачиваться, хотя бы морально.

В конце января 1945 года наступило некоторое похолодание, поэтому всех нас срочно направили на сбор теплых вещей, что остались в бараках после ухода союзников: одежда, обувь, постельное белье, подушки. Все это предназначалось для эвакуированного из Пруссии мирного населения.

Воспользовавшись предоставленной возможностью, свои старые, изрядно потрепанные ботинки сменил на новые. Нашлись и теплые носки. Без особого сожаления расстался с брюками и гимнастеркой и оделся в летный парадный, почти новый американский костюм зеленого цвета (не думал я тогда, что этот костюм совсем скоро доставит мне немало хлопот). А вот расстаться со своей старой длиннополой шинелью не смог.

Кроме одежды, в бараках было оставлено много самого различного имущества: посуда, книги, продукты, музыкальные инструменты, спортивный инвентарь. Часть из перечисленного постепенно перекочевало в наш барак. Все это за ненадобностью в полнейшем беспорядке валялось на полу, никому не нужное и поэтому потерявшее всякую ценность.

Но, в преддверии предстоящих перемен, мы кое-чем и здесь запаслись. Я, например, из подушечных наволочек сшил себе 2 мешочка. В один из них уложил по преимуществу теплые вещи, в другой – припасенные ранее продукты.

А будущее не заставило себя ждать. Однажды утром в барак пришел уже знакомый нам лейтенант и приказал спешно «собираться в путь» – в центральный общий лагерь. На улице он проверил всех по списку, построил в колонну по четыре и под уси-

ленной охраной повел в неизвестность. А мы все мысленно и с печалью прощались с нашим, в общем-то, добрым бараком. В нем все было – и хорошее, и плохое, – одни концерты чего стоят. Сожалели, что Андрея не было на прощанье. Добрый старик был.

Шли неспешно, и через полчаса уже стояли перед нашим новым жилищем. Все как обычно: широкие ворота с часовым, аусвайс, новый пересчет, – и мы уже опять за проволокой. Место, куда нас привели, меньше всего напоминало лагерь: ни барак, ни подсобных помещений, ни ограждений из колючки. По-моему, это было какое-то производственное помещение размером примерно 50х50, с бетонным полом и низким – 3-4 м – потолком. В нем не было никакой мебели. Не помню, были ли окна, но хорошо помню тусклые, вполне адекватные лампочки под потолком. К нашему приходу это вместилище человеческих судеб уже наполовину было заполнено пленными, прибывшими из Польши, западной Белоруссии и других мест. Пленные лежали на голом полу рядами – ноги в ноги, от стены до стены. Между ними – узкий проход: так было легче считать, контролировать и кормить пленных.

Комендантом этого заведения и переводчиком по совместительству был еще молодой человек в полувоенной форме, но не немец. Все звали его Алекс. К пленным он относился с вниманием и сочувствием. А хлопот у него хватало: у кого-то поднялась температура, кто-то просил поменяться местами, кто-то сходил в туалет и забыл, где лежал до этого. Алекс без конца ходил между рядами, пытаясь решить те или иные вопросы, часто шутил, чтоб поднять настроение у пленных: «Ничего, мужики, потерпите немного, конец уже близок». И ведь помогало: раз говорит – значит, что-то знает. Питание было одноразовым – повар и его два помощника тащили по междурядью довольно вместительный бачок с бурдой: горячая вода и несколько ломтиков брюквы в ней плюс два кусочка черного хлеба.

Время от времени сюда заглядывал офицер из администрации лагеря. Через Алекса диктовал различные распоряжения, иногда отвечал на вопросы пленных. В последний приход сообщил, что все здесь пробудут не более недели, а далее – эвакуация на запад пешим ходом.

Когда мы шли сюда, то договорились держаться по возможности всем вместе, но... не получилось. Сразу же после нашего прихода привели еще одну группу пленных, пришлось потесниться, и все перемешалось. Среди этого столпотворения я пытался отыскать своих друзей – Лыткина, Мазурука, Битченко, Мерзликина, – но тщетно. Вскоре пришел Алекс, быстро отсчитал очередную десятку, указал место, где следовало расположиться. Волею случая в этой десятке я оказался первым. Рядами уже лежали пленные, прибывшие из других лагерей. Моим соседом оказался один из них. Встреча с ним оставила у меня глубокое впечатление, детали которого я помню до сих пор. Это был еще молодой человек выше среднего роста с опухшим от длительного голодания лицом и потухшим взглядом. Мои попытки завязать с ним разговор не увенчались успехом. В этом не было ничего удивительного: по законам лагерной жизни откровенничать с первым попавшимся человеком у нас было не принято.

За ним лежали такие же пленные в самом различном одеянии – молчаливые, инертные доходяги.

Уже под вечер двое пленных, очевидно друзья, принесли соседу пригоршню какого-то зерна. Он достал из кармана шинели небольшую фарфоровую ступку и пестик, какие бывают в химических и медицинских лабораториях, и растер подарок в мелкую крупку, которую небольшими порциями отправил в рот. Ел он не спеша, тщательно пережевывая каждую порцию. Не в силах это видеть, я достал из своего мешка одну галету и передал ему со словами:

– Угощайся. Это тебе.

Подобное творение цивилизации он видел, очевидно, впервые и поэтому не знал, что с ней делать.

– Ешь, это американский солдатский хлеб.

То ли по привычке, то ли чтоб продлить удовольствие, он и с галетой управился не спеша. Глядя на него, я подумал, до какого физического и нравственного самоуничтожения доводит человека голод, – и вспомнил тех доходяг, с которыми мылся в карантинном душе Лодзинского лагеря. Вспомнил и себя, когда рылся в куче гнилой брюквы в поисках более целого плода, чтобы угостить им своего однополчанина – Мордовина. А уже в наши дни,

когда вижу, как на помойках валяются куски белого хлеба, всегда внутренне возмущаюсь и вспоминаю то время. Знаю, что многие из моих знакомых называют меня «крохобором», но ничего с этим поделать не могу: грешно это – хлебом разбрасываться.

Меня заинтересовал вопрос – кем был этот угрюмый и молчаливый парень до войны? Но все мои попытки разговорить его успеха не имели. Несмотря на это, у меня сложилось впечатление, что у окружающих он пользовался определенным авторитетом.

В этот день случился со мной еще один почти нелепый случай. После событий с соседом я решил немного отдохнуть. Снял свою шинель и, сложив ее в несколько слоев, постелил под себя. Но вскоре обнаружил: все, кто по междурядью проходил мимо, останавливались и с любопытством рассматривали меня – что это за фраер разложился тут в парадном костюме? Я, конечно, понимал, что на фоне серой массы, которая господствовала здесь, я, действительно, выгляжу нелепо. Поэтому оделся в свою старую шинель с отметкой ЗИ на спине и не снимал ее в течение многих дней.

А пленные все прибывали. По-моему, их было уже несколько сотен. Не теряя надежды хоть кого-нибудь встретить из «своих», я обошел все ближайšie междурядья, но тщетно – никого! Тяжелое чувство полного одиночества – одиночества на людях, – постепенно овладело мной больше, чем все остальные невзгоды: холодный бетонный пол, лагерная баланда, спертый воздух, туманное будущее.

Покидать наше лежбище было запрещено, но так как туалет (один на всех) был на улице, то я частенько покидал наше жилище, чтоб глотнуть свежего воздуха и оглянуться вокруг. А смотреть-то было на что: лагерь был огромен. Вот только некоторые из моих наблюдений. Недалеко от нашего лежбища плотной шеренгой стояли типичные, стандартные бараки, но почему-то без выгульных площадок вокруг. Поэтому было неясно – пустые они или обитаемы, а может зарезервированы для вновь прибывающих пленных.

В другом месте стояли бараки, очевидно, временного содержания. В них помещались пленные союзных армий. Здесь их формировали в небольшие группы и без задержки этапировали на

запад. Около одного из таких бараков я повстречал небольшую группу американцев. Увидев, что на мне их униформа, они приняли меня за своего и предложили присоединиться к ним. Но я сразу дал понять, что мне с ними не по пути: им – на запад, мне – на восток. А чуть дальше, прямо под открытым небом располагался еще один участок лагерной территории. Он был разгорожен металлическими прутьями на высоту примерно 2 м. В одной из таких клеток находились, по-моему, индусы. Они были в своих национальных одеждах, на головах – белые чалмы. В другой тоже обитали какие-то представители восточного мира – в полосатых, не первой свежести халатах и тоже в чалмах, но не белых. Они с интересом рассматривали нас, мы – их. Все это больше напоминало зверинец, чем место проживания людей. Было интересно и печально одновременно.

Побег

А в нашем лежбище началось нечто вроде эпидемии. Предчувствуя, что в ближайшее время лагерь будут эвакуировать на запад, пленные вдруг начали искать земляков: сибиряков, москвичей, украинцев и т.д. Один из них упорно искал уральцев. Вначале я не обращал на него внимания, но однажды, когда он проходил мимо, я все-таки откликнулся:

– Урал большой. Какой тебя интересует?

– Оренбург, – ответил он.

– Тогда не по пути: я пермяк.

Но чем-то, видимо, я его заинтересовал. Он подошел, спросил имя, военную специальность, давно ли в плену. Я сел, уступив ему место рядом. Это был молодой человек лет под 30, небольшого роста, не худой, с пытливым взглядом, в гражданской одежде. Назвался Володей.

Мы разговорились. В какой-то момент я напрямую спросил его:

– На пленного ты не похож, как оказался здесь?

Не вдаваясь в детали, он кратко ответил:

– Я здесь не один, а с группой вольнонаемных. Работали на одной железнодорожной станции в Польше грузчиками.

– Груз-то какой? – поинтересовался я. – Военный?

– Всякий, – уклончиво ответил он.

Я обратил внимание на то, что он умел ловко увильнуть от деталей разговора, и был не так прост, как мне показалось поначалу. Но, несмотря на это, он мне чем-то понравился. Все-таки не одиночество.

А дальнейшие события нарастали, как снежный ком. На следующий день он подошел ко мне и жестом пригласил на улицу, «прогуляться». Это было уже интересно. Мы уселись на какой-то бетонный блок, помолчали.

– Дело вот в чем, – начал он. – Через пару дней будет сформирована большая колонна пленных для эвакуации на запад. Точного места назначения не знаю. Перед отправкой сделают «шмон», так что будь готов к этому.

Я задумался – откуда он все это знает? Нет ли тут подвоха? Надо, пожалуй, быть поосторожней. Помолчав, Володя спросил у меня:

– Уходить думаешь?

– По обстоятельствам.

– Один, или группа есть?

– Была, но в этой толчее все распалось.

Он опять замолчал. Я чувствовал, что он хочет о чем-то спросить, но не решается. Молчал и я. Наконец он произнес:

– Если никого не найдешь, то скажи мне об этом заранее. Я могу подобрать тебе надежных людей. Народ отчаянный, но не очень организованный и не очень грамотный. Надо их возглавить.

– А почему ты для этих целей выбрал именно меня?

– Других я просто не нашел. Посиди тут, с некоторыми из них я сейчас тебя познакомлю.

Он ушел, но вскоре вернулся.

– Сейчас придут человек пять из них.

И действительно, не доходя до нас метров 15-20, собралась небольшая группа крепких парней. Они вышли как бы покурить, о чем-то оживленно разговаривали, не обращая на нас никакого внимания. «А с конспирацией они знакомы», – подумал я.

–Запомни их, – сказал Володя. – В колонне будут сотни людей, легко запутаться.

Все сбылось. На следующий день нас подняли раньше обычного, наспех покормили баландой, велели одеться. Под руководством Алекса и двух его помощников с интервалом в 5 минут небольшими партиями выпускали на улицу. Там группа шакалов быстро и профессионально ощупывала каждого сверху до низу. Далее – проверка рюкзаков. Все делалось в спешке: надо было сформировать колонну из многих сотен пленных. Обысканных выводили за шлагбаум, где, собственно, и происходило формирование самой колонны. Там уже стояли немецкие солдаты, которым предстояло осуществлять охрану на марше.

К полудню все было закончено. По-моему, в колонну вошли все пленные, что находились на «лежбище».

Часов в 12 людской поток тронулся в путь. Шли не быстро. Нас хорошо пасли. Конвойные шли по бокам колонны с интервалом метров 15. За кюветом – несколько бронемашин с двумя пулеметами на каждой. Кроме того, очевидно для связи, – конная полиция и кинологи с овчарками.

Через час пути нам давали небольшой отдых, можно было присесть на обочине. Во время одной из таких передышек меня разыскал Володя. Указав на одного из пожилых конвоиров, попросил находиться около него – это было местом сбора всей нашей группы. Все время, пока мы шли, я постоянно присматривался – как, когда и где лучше всего осуществить побег. И постепенно пришел к выводу, что лучше всего это сделать, когда навстречу колонне, слева, движется какой-либо транспорт и тогда вся колонна смещается вправо до кювета, смешиваясь с конвоем...

Поближе к вечеру Володе удалось собрать почти всю свою команду около меня. Некоторое время мы шли рядом. Он напутствовал меня:

– Бежать надо сегодня, так как скоро будем переходить речку, которую на обратном пути придется форсировать, а это не так-то просто.

И пожелал нам удачи. Видя, что он собирается уходить, я спросил его:

– А разве ты не с нами?

– Нет. У меня есть другие дела.

Так я и не узнал, кем он был. Но воспоминания о нем у меня до сих пор самые хорошие.

Начало смеркаться, а колонна все еще двигалась. И тогда я подошел к одному из пареньков из Володиной команды и попросил его пройти немного вперед и сообщить нам, когда навстречу колонне появится машина или что-нибудь вроде. Парень ушел, но не прошло и минуты, как он вернулся обратно.

– Что там?

– Везут пушку с длинным стволом. Пушка отдельно, лафет отдельно.

Колонна уже начала смещаться вправо. Дальнейшие события произошли несколько суматошно. Я сбросил с плеч свой рюкзак с теплыми вещами и еще кой-каким барахлом, а мои подопечные, не дожидаясь команды, дружно ринулись в ближайшие кусты. Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ними. Не без труда вырвался из объятий кустарника и со всех ног бросился прочь. И почти сразу же сзади послышались автоматные очереди. Пригнувшись к земле и виляя вправо-влево, я все дальше и дальше уходил от колонны. Оглянувшись по сторонам, увидел, что не одинок: справа и слева беглецы вроде меня. Впереди виднелся лес – спасение для нас.

Фигура одного из беглецов, что бежал впереди, показалась мне знакомой. Небольшого роста, в серой шинели, на спине болтается рюкзачок. Догоняю и – о чудо! – это был «наш» Михаил Тикотский. Вот уж этого я никак не ожидал. Поскольку наши судьбы в ближайшем будущем будут связаны самым тесным образом, на его характеристике я остановлюсь более подробно.

Михаил Тикотский (в обиходе – просто Мишка) был старше меня года на 2-3. По национальности – еврей, родом из Киева, гражданская специальность – электрик. В войну – стрелок-радист на ДБ-3 (дальний бомбардировщик). В одном из вылетов их самолет был сбит чуть ли не над Берлином. Каким-то чудом он остался жив и оказался в Сагане. В лагере тоже исполнял обязанности электрика. Работал с конвоем. Хорошо говорил по-

украински и по-русски, сносно – по-немецки. В нашем коллективе ничем особо не выделялся, вел себя скромно. В числе моих друзей не был...

Но сейчас встрече с ним я обрадовался, и остаток пути до леса мы пробежали рядом. И только достигнув леса и немного отдышавшись, оглянулись назад. Колонна была еще видна. Но сейчас она казалась как бы отдельным самостоятельным организмом со своими законами, поведением и характером. Время от времени до нас долетали автоматные и винтовочные выстрелы, лай собак и приглушенное урчание бронемашин. Мелких деталей было уже не видно, и поэтому казалось, что она как бы извивалась на поворотах. Даже не верилось, что всего лишь несколько минут назад я тоже был в составе этого адского потока. Мишка стоял рядом и тоже, наверное, думал об этом.

Недалеко от опушки была небольшая лощинка. Я предложил Мишке немного передохнуть и с удовольствием растянулся на ее «бровке». Самые разные мысли как-то сразу захватили целиком. Вот долгожданный побег состоялся, я на воле. Нет ни «колючки», ни часовых на вышках, ни охранников. И как-то самопроизвольно возник главный вопрос нашего нового бытия. Если раньше все мечты сводились к побегу – где, как, когда, с кем – то сейчас, естественно, возник новый, не менее важный вопрос: а дальше что? Поход на восток? А сколько дней он продлится? Чем питаться? Про себя удивлялся, почему эти мысли не пришли мне в голову раньше. Ведь должны были.

От подобных размышлений меня отвлек Мишка.

– Вставай. Народ собрался.

– Какой народ?

– Разный.

Оглянувшись, я увидел, что около нас сгруппировалось человек 15 беглецов, в том числе 5 – из группы Володи. Кто-то из них спросил меня:

– Что делать будем?

Я вначале удивился, почему с этим вопросом они обратились ко мне, ведь среди собравшихся были люди и посолідней? А потом решил, что эта инициатива шла от Володиных парней и, подумав, обратился к ним с такими словами:

– Вот что, ребята, идти такой большой группой нельзя. Трудно будет маскироваться, организовать питание, принимать решения и так далее. Поэтому нужно разбиться на небольшие группы по 2-3 человека и... идти на восток.

– А где он – восток? Куда идти? Вот что интересует.

В это время, в направлении примерно на северо-восток союзники, очевидно, бомбили какой-то объект, и гул от этой бомбежки отдаленно доходил и до нас. Ориентируя присутствующих на этот гул, я сказал:

– Вы слышите этот гул? Это союзники бомбят Берлин (я, наверное, ошибался, но в данной ситуации это было уже несущественно). – Держитесь слева от его звуков.

Уже стемнело, и на небе сквозь разорванные облака то появлялся, то исчезал ковш Большой Медведицы. Указывая на него я добавил:

– Вот это созвездие всегда бывает на севере, поэтому держите его на левой руке (и даже показал, как это надо делать), – а днем – по солнцу: восход на востоке, закат – на западе.

– А если ничего не будет видно?

– Тогда на чутье. Другого не знаю.

Присутствующие стали постепенно расходиться. И тут, среди них, я увидел еще одного из «наших». Это был Костя Корунов. Родом из Бузулука. Ростом с меня. Он был ранен в левую пятку и заметно прихрамывал. Не было у него и рюкзака, да и одет он был не по-зимнему. Не скажу, что это обстоятельство меня обрадовало, но решил, что его придется взять в нашу группу, что вызовет много неудобств. Кроме того, около нас осталось еще два человека, совершенно незнакомых. Как мы узнали, один из них, уже пожилой, был татарин, родиной из Кустаная, второй – киргиз. Оба с рюкзаками. Я сразу спросил их:

– Почему вы ни с кем не ушли?

Татарин отмолчался, а киргиз расплакался самым натуральным образом и сквозь слезы мямлил, что если мы его не возьмем, то он вернется в колонну. Я молчал, не зная как поступить в этой ситуации. Выручил Мишка:

– Да пусть идут. Хрен с ними.

Таким образом, нас стало пятеро. Все молчали. Это был не лучший вариант: осложнялись вопросы питания, замедлялись

темпы передвижения. «Неважно все начинается», – подумал я, но все-таки нарочито-бодрым голосом предложил:

– Ну что, тронулись, что ли?..

– Постой, – остановил меня Мишка.

Он долго рылся в своих каких-то карманах и, наконец, вытащил... компас! Да не такой, что продают в «Спорттоварах», а шпионский. Не буду описывать его конструкцию: как-никак это все-таки тайна. Уточнив по нему, где север, где – юг (таковы были его возможности), мы медленно двинулись на восток... в неизвестность.

Шли осторожно, не спеша, вдоль лесной опушки – она пролегла параллельно дороге, по которой только что прошла колонна. К сожалению, опушка кончилась, поэтому пришлось идти по сплошняку. Под утро решили сделать привал. И тут мы встретились с нашими главными проблемами, к решению которых были совершенно не готовы.

Первое – питание. Продукты были только у нас с Мишкой. Их пришлось делить на всех. Мишка сообщил нам, что у него есть сухое молоко. Решили изготовить «молочный напиток» на кипяченой воде. И тут обнаружилось, что ни у меня, ни у Мишки нет ни кастрюль, ни котелков, в которых можно было бы вскипятить воду. «Дурачье, – подумал я. – Каким местом думали раньше?». К счастью, вопрос этот решился просто: наш русский дюралевый солдатский котелок нашелся у «нацменов» – (так мы их стали именовать). Спасибо им.

Второе – вода. На нашем пути попадались небольшие сугробы и даже ручейки. Еще раз – дурачье. Никто об этом не подумал даже. Что ж, всего не предусмотреть.

Без особого труда развели костер, наскребли рыхлого снега в котелок, вскиптали молоко. Кружки тоже нашлись у «нацменов». Одну еще изготовили про запас, вскрыв банку американского паштета.

После приема пищи немного оживились. Пора было отдохнуть. Я попросил всех набрать побольше зеленых веток (благо хвойных деревьев вокруг было предостаточно) и использовать их в качестве подстилки: не ложиться же прямо на снег... И опять

обнаружилось, что ни у меня, ни у Мишки никаких одеял не оказалось. А ведь была возможность обзавестись ими, когда мы собирали теплые вещи в покинутых союзниками бараках. О немцах позаботились, о себе – нет. Дорогой читатель, не судите нас строго за подобное легкомыслие: это, ведь, был наш первый побег, да и лет нам было по двадцать. К счастью, два одеяла нашлось у «нацменов». Я даже подумал, что Бог, наверное, существует. Это он вознаграждает нас за то, что мы не бросили их на произвол судьбы, а включили в свою компанию.

Долго советовались и примерялись – как разместиться на сон. Решили лечь вплотную, чтоб одеял хватило на всех. Менять положение по команде.

Тесно прижавшись друг к другу, не снимая одежды и обуви, два одеяла на всех, мы улеглись на сон грядущий. Но не спалось. Не ошибусь, если скажу, что все думали о том, «что день грядущий нам готовит?». А мне, кроме этого, вспомнились картины детства, юности, первой любви и прочее.

Но волнения последних дней, побег, ночной марш почти без отдыха сделали свое дело и все постепенно задремали – подобную дрему трудно назвать сном. Да и он был коротким, с рассветом все были на ногах. Умывались снегом, без труда развели костер, все расселись вокруг, чтобы согреться. Из наших запасов достали банку паштета (одну на пятерых) и запили горячей сгущенкой – из порошка... Немного посоветовавшись, решили опять идти в ночь. Шли по редколесью, сверяя курс по Мишкиному компасу. Но что-то мне внушало тревогу: за лесом и кустарником постоянно слышалось движение машин, слева – далекие и глухие взрывы бомб или еще чего-то – так в летнее время слышно далекую грозу... Вскоре вышли на шоссе, которая шла поперек нашего маршрута. За ней – лес и, очевидно, крупная железнодорожная станция – оттуда постоянно раздавались короткие гудки маневрового паровозика. Было ясно, что она доставит нам немало хлопот. Решили обойти ее справа. Шли не спеша: сдерживал прихрамывающий Коруннов... Но вскоре услышали колокольный звон и лай собак... Пришлось вернуться обратно. Через некоторое время двинулись по направлению к станции. Мест-

ность была почти открытой. И вдруг на нашем пути появился небольшой холм с плоской вершиной. Сразу родилась мысль – подняться на него и осмотреть окружающую местность. Оставив своих спутников у основания холма, я быстро вскарабкался на его вершину. В первую очередь направился в сторону, откуда слышались редкие звуки колокола. С трудом (ночь ведь) просматривалась небольшая убогая церквушка. Сколько ни всматривался в сторону станции, ничего стоящего внимания не обнаружил. Светомаскировка была отличной. Слева видна небольшая металлическая труба на растяжках и слышно ритмичное «пыхтение» какого-то заводика. Довольный увиденным, я уверенно направился к своим спутникам, но в темноте оступился с небольшого обрывчика и упал на какие-то жердочки, подвернув ногу. Осматривая ее, обнаружил, что жердочки эти плотно уложены в ряд и в виде конуса уходят к вершине холма. Пополз по ним дальше. В конце наткнулся на что-то металлическое. Ощупал его и понял: это – ствол пулемета, и даже услышал приглушенный разговор немцев где-то там внизу. Сразу догадался, что это не холм природного происхождения, а ДЗОТ – долговременная земляная огневая точка. Забыв про свою ушибленную ногу, почти кубарем свалился к оставленным товарищам и сообщил им о своем открытии. Немедля, ускоренным шагом пошли прочь в сторону станции. Не доходя до нее, обнаружили еще одну дорогу, выложенную булыжником. Дорога была старая, местами проросла травой. Прямо от дороги, на которой мы стояли, был отворот к станции. Мишка, сходивший по нему на разведку, сообщил, что перед путями есть шлагбаум с охраной. Решили обойти станцию справа. Шли по булыжной дороге, ориентируясь на все еще раздававшийся колокольный звон, полагая, что от той деревушки с церковью есть какая-нибудь дорожка или тропинка в сторону станции. Слева от дороги – молодая лесопосадка, справа – редкие для Германии березы. Они, кстати, напомнили мне наш Сибирский тракт в районе Кунгура, окаймленный по обочине такими же старыми березами. Метров через 200 посадка кончилась, за ней – поворот налево. Посоветовавшись, решили следовать по нему. Прошли немного и услышали, что за нами на малом газу

идет машина. Собрались в кучку, насторожились. Неожиданно водитель машины включил свет. Откуда прыть: мы с Мишкой буквально «нырнули» в кусты, остальные – в лесопосадку. Машина (это была военная фура) медленно приближалась к нам. Подумал, что сейчас она остановится и солдаты, которых она везет, начнут вслепую расстреливать нас. Но грузовик проехал мимо. Я осторожно вышел на обочину дороги, на фоне неба увидел поднятый кверху шлагбаум; короткий разговор с охранником, машина скрылась в темноте. С облегчением подумал: «Пронесло». Все собрались вокруг меня.

– Что будем делать? – спросил Мишка.

– Думаю, следует отсюда поскорей сматываться. Нас «засекли» уже дважды. Проверим – есть ли возможность проскочить через станцию из лесопосадки.

Посадка была еще молодой. В темноте, медленно и осторожно мы продирались сквозь густые рядки молодых сосенок. И вдруг наткнулись на серый не покрытый лесом квадрат примерно 2 на 2 м. Я шел первым и сразу остановился, размышляя о том, что бы это могло быть? Подошел Мишка, вполголоса сказал:

– Брось ты это дело. Пошли дальше.

– Почему? Интересно ведь.

И, встав на колени, стал осторожно ощупывать поверхность. Оказалось, что это было обыкновенное одеяло, каким укрывались и мы. И даже нащупал под ним нечто вроде ног. Вдруг из-под одеяла послышалось: «Не щипай». Я сразу догадался, что под одеялом были такие же бродяги, как и мы, и даже рассмеялся. Спросил:

– Что это вы тут разлеглись?

В ответ (парень был, видно, не без юмора) мы услышали:

– А вы чего тут шляетесь?

Их было двое. Разговорились. Оказалось, что они тоже пленные и сбежали из той же колонны, что и мы, и вот уже второй день пытаются перейти эту станцию. Я все же спросил его:

– А зачем щипал своего приятеля?

– А он задремал там и, когда я увидел вас, то и решил разбудить его.

Далее я поинтересовался: можно ли перейти станцию из посадки?

– Мы пытались, – ответил он. – Но она здесь огорожена труднопроходимой колючкой. За ней – кустарник.

Он рассказал нам, что станция не очень большая, есть вокзал, но пассажирские поезда проходят очень редко. В основном здесь формируются товарные составы. Охрана хорошая.

Поблагодарив его за информацию и пожелав удачи, мы вышли на знакомую нам дорогу и направились в сторону шлагбаума, у которого уже были ранее. Опасаясь, что охранник, дежуривший у шлагбаума, может заметить нас, решили двигаться к станции по лесу, который начинался сразу за дорогой. В лесу обнаружили небольшое воронкообразное понижение метра 3 глубиной с пологими откосами, слегка припорошенными снегом. В центре – мелкий кустарник и разное грубостебельное разнотравье. «Хорошее укрытие, – подумал я. – Может, еще пригодится». И ведь как в воду глядел: пригодилось.

Мы намеревались переход станционных путей осуществить из леса – левой шлагбаума. До него было метров 60. Но вначале решили немного отдохнуть – все изрядно устали, особенно Костя. Но дальше произошли события, которым я ни тогда, ни сейчас не могу найти никакого логического обоснования. Не прошло и минуты, как мы вначале услышали, а потом и увидели, как по дороге к шлагбауму шли, не таясь, два человека. Вначале я подумал, что это идет смена охраннику, но настораживало одно обстоятельство – шаги идущих были какими-то неестественно четкими, почти гулкими (дорога была выложена камнем). О!.. Эта «музыка» была нам хорошо знакома по лагерям – или оба спутника, или один из них, обуты в деревянные колодки, или в ботинки, но с деревянной подошвой. Мы единодушно решили, что это идут те двое, с кем мы недавно разговаривали. Но были и сомнения: пленные не ведут себя подобным образом. Затаились, ждем – что будет дальше. А дальше – зычный окрик часового у шлагбаума, а в ответ – отборный русский мат и... тишина... Ни тогда, ни сейчас я так и не могу себе представить: что же все-таки там произошло?

А дальше охранник, очевидно, заподозрил что-то неладное и с нажимным фонариком по этой же дороге направился в нашу сто-

рону. Он шел рядом с кюветом, тщательно осматривая его. На всякий случай я попросил Мишку отвести всех в укрытие, да осторожно и без шума... Впрочем, «без шума» у них не очень получалось: в лесу, ночью, да группой – это не так просто. А сам, лежа за кустиком, стал наблюдать за охранником. Он прошел метрах в 10 от меня, но, не обнаружив ничего подозрительного, вернулся обратно. После небольшого перерыва, уже по лесу, активно работая фонариком (вжик... вжик), он направился в нашу сторону – видать, какие-то звуки все-таки слышал. Он шел «змейкой» – явно что-то искал. Улучив момент, прячась за кусты и деревья, я спешно направился к укрытию. Дойдя до него, приказал: «Все быстро на дно, прячемся в кустиках, всем запорошиться снегом».

Жужжание фонарика явно приближалось к нам. О наличии этого укрытия он, очевидно, знал, и поэтому шел уверенно. Вот он уже на бровке. Уголком глаза на фоне неба я увидел, что это был рядовой солдат в темно-зеленой пехотинской шинели, без оружия. В левой руке фонарик, правая – в кобуре пистолета. Однако храбр.

Лучик фонарика скользнул по откосам укрытия, уперся в центр, где в кустарнике находились мы... А мы лежали не шелохнувшись. К счастью, свет фонарика был очень слаб и вряд ли хорошо освещал нас. Еще раз скользнув по бортам укрытия, солдат выключил фонарик и удалился в сторону шлагбаума.

Вроде пронесло. Вылезли из укрытия, отряхнулись от снега – дешево отделались.

– Что будем делать? – спросил меня Михаил.

– Не исключено, что этот солдат вызовет подмогу и направится сюда еще раз, поэтому нам надо поскорей «сматывать отсюда удочки».

– А дальше?

– А дальше пойдем в сторону «Заводика» (так мы его прозвали) и железнодорожные пути перейдем там. Надо спешить, скоро рассвет.

По кромке леса мы вышли на уже знакомую нам «булыжную» дорогу и, не особенно таясь, направились в сторону завода. Вскоре обнаружился отворот дороги вправо. Мишка сходил по ней на разведку и доложил, что метров 30 дорога идет рядом с кустарником, далее поворачивает направо и продолжается уже

рядом с лесом, в котором мы только что прятались. За ним железнодорожные пути. Охраны не видно.

Не теряя времени, зашагали в указанном направлении – мы с Михаилом впереди, остальные почему-то отстали от нас.

И здесь судьба подкинула еще одно тяжелейшее испытание.

Когда до конца кустарника оставалось метров 10, на дороге, по которой шли, появилось два вооруженных солдата. Кто они? Куда идут? Не за нами ли? Мысли одна тревожнее другой мелькали в голове. Перебрал все возможные варианты нашего поведения в данной ситуации, но ничего подходящего не нашлось. Солдаты шли прямо на нас. Встреча неизбежна. Внутри у меня похолодело: неужели все пойдет прахом? Но как-то так получилось, что при встрече мы им уступили дорогу. А они, о чем-то оживленно беседуя, прошли мимо, не обратив на нас никакого внимания.

Господи! Неужели и на этот раз «пронесло»?

И только в этот момент я вспомнил про отстающих. С трудом, ночь ведь, я увидел, что они, сбившись в кучку, все еще находятся у начала кустарника, а солдаты, уже свернув к заводу, прошли мимо.

Довольные, что встреча с солдатами закончилась благополучно, и немного успокоившись, направились к железнодорожным путям. Вот и они. Уточнили обстановку: станция почти не видна (отличная светомаскировка) – нам это на руку. В тупике, напротив нас, два товарных вагона без охраны. За ними – две колеи. Быстро, поодиночке, перебежали на противоположную сторону. Попытались найти продолжение дороги, но ее здесь не оказалось. С трудом обнаружили узкую тропинку, которая вроде бы шла в нужном для нас направлении. По ней и пошли: я – впереди, остальные – сзади. Рядом, справа, начинался небольшой заснеженный овражек. Идти по узенькой тропинке, в темноте, да рядом с бровкой овражка, было довольно трудно, поэтому шли медленно и осторожно. Думали, что сегодня никаких непредвиденных событий уже не будет. Но ошиблись: внезапно на этой же тропинке рассмотрел еще одного путника, шедшего нам навстречу. Я остановился, он – тоже, в двух шагах от меня. И для него, и для нас эта встреча оказалась совершенно неожиданной. Я быст-

ро понял, что никакой опасности для нас она не представляет, но не мог решить, как вести себя в данной ситуации. А таинственный путник, увидев, что нас много, быстро «сиганул» в соседние заросли кустарника и скрылся в темноте. Посоветовавшись, мы решили (так, на всякий случай) перейти на противоположную сторону овражка. Снег в овражке оказался довольно глубоким, и мы даже замели свои следы.

То, что мы увидели, перейдя овраг, поразило нас больше, чем испуганный «прохожий»: перед нами простиралась совершенно открытая местность – ни леса, ни кустарника, ни строений, ни дорог. С трудом нашли межу, разграничиваемую пашней – слева, и не то сенокосом, не то с выгоном – справа. Идти по дороге, когда тебя видно за версту, было как-то неуютно. Но зато и мы могли обнаружить ту или иную опасность заранее. Медленно, но надежно постигали опыт хождения по чужой земле.

Внезапно межа куда-то исчезла, а дорогу преградила металлическая изгородь, которую мы в темноте и не заметили. «Опять начинается», – мелькнуло в голове. Но что-то надо было решать. Оставив у изгороди остальных, мы с Мишкой пошли на разведку. Оказалось, что это был типичный немецкий фольварк площадью не более половины гектара. Жилище – небольшое двухэтажное здание с застекленными балконами. В центре усадьбы – ротонда со скамейками по периметру и маленьким столиком в центре. За ней – рядок каких-то плодовых деревьев. Проверили, нет ли в огороде картофельного бурта наподобие того, что был у нас в Саганском лагере. Но тщетно. Стало ясно, фольварк этот – не более, чем место отдыха, а основное место хозяев – в городе.

Но одно обстоятельство нас обрадовало – от усадьбы на восток уходила хорошая накатанная дорога. Презрев всякую опасность, мы дружно широким шагом зашагали по ней, тем более что близился рассвет. Шли долго, так как не могли найти место для ночлега. И примерно через час в стороне от дороги обнаружили, наконец, небольшой лесок. Рядом – свежая вырубка. Безмерно уставшие и физически, и морально, даже не стали разводить костер, а, набрав на вырубке мягких зеленых веток на наше лежбище, завалились спать.

Но не спалось: тяжелые мысли овладевали, не давая покоя. Осторожно, чтоб не беспокоить остальных, я пригласил Тикотского для «важного разговора». Отойдя в сторонку и усевшись на куче хвороста, мы начали действительно серьезный для обоих разговор. Я сразу спросил его:

– Михаил, ты, конечно, знаешь, что наше положение с каждым днем ухудшается.

– В чем именно? Поточней.

– Первое – у нас кончились продукты. Я не представляю, сколько мы сможем просуществовать без них. Есть только один выход, да и тот сомнительный – картофельные бурты на крестьянских подворьях. Это, конечно, воровство. Но, как сказал один герой из «Итальянских рассказов» М. Горького: «Если от многого берут немножко, это не кража, а просто дележка».

Михаил горько усмехнулся, но добавил:

– Для успокоения совести это пойдет, да только вряд ли такие подворья встретятся на нашем пути.

А я продолжал:

– В народе говорят, что лесная ягода брусника, хотя и не калорийна, но хорошо подавляет чувство голода. Думаю, что для нас это может пригодиться.

– Это, пожалуй, пойдет. Еще что?

– А еще вот что. Две последних ночи показали, что мы идем слишком медленно. Если так будет продолжаться и далее, то нам никогда не добраться до цели. По этому поводу у тебя есть какие-нибудь соображения?

– Да есть. По ночам, а иногда и днем в северо-восточном направлении от нас часто слышится какой-то отдаленный гул, как летом – гром от далекой грозы. А ты это слышишь?

– У меня слух неважный, но бывает, что-то такое слышу. И как по-твоему, что это такое?

– Американцы бомбят немецкие города и разные военные объекты.

– А у меня другое мнение. Ты только не удивляйся, но, по моему, в результате успешного наступления наших войск, к нам неумолимо приближается линия фронта. Предполагаю, что этот вал скоро докатится и до нас, и даже быстрее, чем мы думаем.

– Ну, ты даешь! Дай-то Бог! Спасибо, утешил. А пока пойдем часика два вздремнем. Предстоящий день, полагаю, опять будет нелегким.

А ведь он был прав!!!

Неожиданная преграда

В полдень разожгли костер, чтоб согреться. Допили остатки сухого молока и дружно пошли на восток – в неизвестность. Шли кучно, не спеша (берегли силы), по привычке выбирали более скрытые места. Против ожидания, окружающая местность оказалась довольно пустынной: ни одного подворья, ни одной машины на дорогах не встретилось на пути. Ближе к вечеру вышли на железную дорогу. Дорога – «однопутка», по бокам молодая поросль ели – в случае опасности есть куда спрятаться. Дальше решили идти по ней. Но вскоре вышли к железнодорожному мосту и речке под ним. Мост одноарочный, стоял на двух каменных быках и буквально висел над водой. Залегли прямо на шпалы. Охраны не видно. Даже думали сходу переправиться на другой берег реки – вот была бы удача! Но вскоре обнаружилось, что мост охраняется. На противоположной стороне моста, рядом с колеей, стояла сторожевая будка с небольшим окошечком и даже прожектором. Охранник то выходил из нее и подозрительно всматривался в нашу сторону, то снова исчезал. Он, конечно, нас обнаружил, поэтому мы спешно ретировались назад. Но от форсирования моста не отказались, решили подождать темноты.

Когда стемнело, мы медленно и осторожно по шпалам между рельсами поползли в сторону моста. Дорога проходила по центру моста, справа и слева – пешеходные дорожки с перилами по бокам. Они были несколько выше железнодорожного полотна, что позволяло нам ползти скрытно. Мы уже одолели примерно треть моста, как в этот момент из сторожевой будки вышел охранник и включил прожектор. Свет его не был очень ярким, но неприятно слепил глаза. Орудую прожектором, он явно «ощупывал» нас. А мы инстинктивно вжимались в шпалы. Мне казалось, что я слышу, как сердце колотится в груди. Думаю и остальные чувствовали то же самое – решалась судьба всей операции. А охранник выключил прожектор и, не заходя в будку, скрылся в темноте.

Воспользовавшись наступившей темнотой, я подполз к Мишке и вполголоса признался ему:

– Не нравится мне вся эта затея. Не может быть, чтоб мост охранялся одним человеком. Как минимум, должны быть сменщики. Сколько их, где они – мы не знаем. Куда он постоянно уходит – мы тоже не знаем. Фактически мы ползем прямо им в лапы: будка-то стоит рядом с рельсами. Я не исключаю, что у них есть и огнестрельное оружие и, если дело дойдет до этого и какая-нибудь шальная пуля зацепит кого-нибудь из нас... и что тогда?..

– И что ты предлагаешь?

– Уходить и немедленно.

После непродолжительного молчания Мишка согласился со мной. Съехав с крутого откоса железной дороги до самой поймы, мы присели отдохнуть. И вдруг Тикотский спрашивает меня:

– А тебе не приходила в голову мысль: по-человечески договориться с охранником о том, чтоб он «по-мирному» пропустил нас на тот берег реки?

– Блестящая идея! Я и сам все время думаю об этом. Но... встает вопрос: кто будет парламентом? Ответ очевиден – тот, кто может более или менее сносно калякать по-немецки. Так что выбор падает на тебя. Если надумаешь, я возражать не буду. А время позднее. Пойдем, поищем логово.

Перед этой преградой нам суждено было пробыть несколько дней и пережить события более драматичные, чем все то, что было до этого. Поэтому на характеристике той обстановки, которая складывалась там, я остановлюсь более подробно. (Территория направо от железной дороги).

Речка, так внезапно появившаяся на нашем пути, была небольшой – с нашу Бабку или Сылву. По берегам – кустарниковая кайма. За ней низкая выровненная пойма шириной 50-70 м. По ней проложена шоссейная дорога. Пойма через уступ переходит на небольшую терраску шириной 15-20 м. На ней – 5-7-летняя посадка сосны, между рядками дренажные канавки глубиной 40-50 см – в настоящее время подо льдом.

Наибольший интерес для нас представляла железная дорога, по которой мы только что подошли к мосту, и ее откосы. На водоразделе их почти не было. А у моста и дорога, и сам мост воз-

вышались над речкой на 15-20 м. Было ясно, что столь высокие откосы – дело рук человеческих.

Параллельно дороге у основания откосов была вырыта канава, но не конической формы, как кюветы у дорог, а прямоугольной – шириной метра три, глубиной 50-60 см. Для чего она была сделана? По ее днищу иногда пропечатывались человеческие следы – тоже не могли понять: окружающая территория была не обжитой. Но вскоре на ней появились и наши следы, но об этом – чуть позже.

Налево от железной дороги окружающая местность и обстановка были совершенно другими. На низкой пойме, почти у самой реки, стоял высокий красивый фольварк в три этажа. Рядом с ним – уже знакомая нам шоссейная дорога. От нее местность постепенно поднималась вверх на водораздел. На этом склоне – усадьба. Вначале – целый ряд различных хозяйственных построек, за ними – огород. Слева граница огорода проходила у основания откоса, здесь же приютился небольшой крытый дровяник, в нем, помимо дров, различный домашний скраб. Справа и по фронту – обычная металлическая изгородь.

Пишу об этом подробно, так как через пару-тройку дней здесь будут развиваться довольно драматичные события.

Место для ночлега, несмотря на то, что было уже темно, мы нашли довольно быстро. Это была старая могучая ель в полтора охвата недалеко как от сосновой посадки, так и от железной дороги – в густом закустаренном лесу. Нижние ветви ели, отягощенные лишайником и снегом, свисали чуть ли не до самой земли. Под ней не было никакой растительности, но валялось много старых сучьев, отмерших веток и хвойного опада. Этот материал оказался хорошим топливом, чем мы и воспользовались – быстро развели костер. Пламя костра было небольшим, но ярким и, что важно, – без дыма. Утомленные за день, разместились вокруг костра. Молча грелись, думали каждый о своем.

Здесь же мы сделали еще одно важное для себя открытие: под костром хорошо прогревалась почва. И поэтому, сдвинув остатки костра в сторону, а прогретую почву прикрыв тонким слоем зеленых веток, мы спать улеглись на хорошо прогретое ложе.

Конечно, запасенного тепла хватало ненадолго, но для нас это был уже некоторый комфорт. Я даже удивился – почему мы до этого не додумались раньше. Так постепенно, зачастую дорогой ценой, постигали «тонкости» бродячей жизни.

Утро следующего дня было довольно прохладным, да и запасенное с вечера тепло быстро кончилось. Мне, как обычно, не спалось. Печальные мысли одолевали меня, лишая сна и покоя. Чтоб не будить остальных, я осторожно вылез из-под одеяла, разжег небольшой костерок, уселся рядом. Огонь костра немного согрел, но не успокаивал. Беспокойство овладевало мной не столько за себя, сколько за всю группу.

Вскоре проснулся Мишка, присел рядом, с легкой издевкой спросил:

– О чем задумался, детина?

– Да все о том же. Забот – хоть отбавляй. Спим на холодной почве, обувь плохая – ноги постоянно в холоде, брусника и та мерзлая. А что будет, если кто-нибудь из нас заболеет по серьезному? Представь себе эту ситуацию.

– Меня это не очень беспокоит. Вот уже пять дней мы в пути, и никто из нас даже не кашлянул. Значит, у человека есть какие-то внутренние защитные силы, которые проявляют себя в критических ситуациях.

– Допустим, что ты прав. Дай-то Бог. А вот еще вопрос поважней. На эту тему мы с тобой уже говорили, но я возвращаюсь к ней вновь, так как существует угроза провала всей нашей «операции». Третий день мы живем без пищи. Не знаю, как ты, а я замечаю, что у меня появилась слабость в ногах и во всем теле. А это ведь только начало. А что будет далее? Сколько дней человек может прожить без еды? Я еще по Лодзи знаю, что такое голод и что он делает с человеком при длительной голодовке.

После продолжительного молчания Тикотский ответил:

– Не знаю. В этом вопросе я не советчик.

– То-то и оно. Мы с тобой живем на нервах. У нас есть ясная цель. А у остальных? Я и о них думаю.

А остальные, услышав наши разговоры, тоже стали вылезать из-под одеял – сонные, хмурые, подавленные. Я с горечью подумал: «С таким коллективом далеко не уйдешь. Надо что-то

предпринять». И попросил Хасана набрать в котелок снега и вскипятить воды.

– А это еще зачем? – спросил Тикотский.

– Всем умыться. Посмотрите на себя – небритые, немытые, грязные. Больше похожи на бандитов, чем на людей.

Преодолевая явное и скрытое сопротивление своих спутников и убеждая их личным примером, я все-таки заставил всех привести себя в порядок. Тут, правда, возникла еще одна небольшая проблема – нечем было утереться, ни у кого не оказалось полотенец – не предусмотрели. После этого выпили по кружке горячей воды. Не знаю, насколько все это было оправдано, с медицинской точки зрения, но вроде бы помогло – желудок не пустой, настроение улучшилось. После завтрака мы направились на поиски переправы.

Вначале, чтоб отойти подальше от моста, пошли вдоль овражка, который начинался недалеко от нашей «стоянки», а потом свернули на шоссе. Шли медленно, заглядывая в каждый прогал «ивовой каймы» в надежде обнаружить там прибитую лодку, или какой-нибудь плотик, или (на худой конец) пристанище рыбака. Но – тщетно. Более детально познакомились и с рекой. Оказалось, что у нее довольно быстрое течение, вода темная: значит река глубокая, а поэтому надеяться на мели и перекааты – бесполезно.

Уже в полдень рядом с дорогой обнаружили придорожный знак с различной информацией, из которой узнали, что в пяти километрах отсюда находится село Вальдендорф. А это значит, что за рекой. А вот и поворот к ней. Обрадованные, «прибавили шагу». Но... никакой переправы не оказалось. Только на том берегу, на суше, кверху дном лежала старенькая лодка, привязанная цепочкой к старенькому пеньку. Скрывать не буду, мы были потрясены: надежды рушились одна за другой. Подавленные, молча вернулись к дорожному знаку и по шоссе двинулись дальше. Прошли, наверное, метров 200 и обнаружили, что лес, рядом с которым проходила шоссе́нная дорога, внезапно кончился, а впереди – открытое пространство.

Река, поворачивая направо, давала большую излучину и терялась в зарослях. В полукольце излучины – широкая пойма, но

выглядела она как-то непривычно захлавленной: заросла сорняками, местами закустарена, в прирусловой части просматривались небольшие гривы с межгривными понижениями между ними. Даже шоссейная дорога куда-то исчезла. Все это удручало.

В том месте, где кончался лес, как форпост, стояло одинокое дерево, под ним – несколько чурбанов и даже чьи-то человеческие следы: видать, мы были здесь не первыми. Усталые и разбитые, уже не беспокоясь о скрытости, мы собрались под этим деревом в кучку. Пожалуй, впервые, я ощутил свою полнейшую беспомощность. Что делать? Что делать? Но все-таки произнес:

– Общее собрание нашего коллектива считаю открытым. На повестке дня один вопрос – что будем делать дальше?

Но моего «шутливого» тона никто не поддержал. Все молчали. Наконец, слово взял Тикотский:

– Старшой (так он иногда обращался ко мне), мы торчим здесь уже два дня. Сам посуди – за это время по железной дороге не прошло ни одного поезда, по шоссейке – ни одной машины. Все это говорит о том, что мы здесь в тупике. И делать нам тут больше нечего!

– Что ты предлагаешь?

– Завтра попробуем поискать переправу налево от железной дороги. От фольварка и далее – вдоль берега.

Возражений не последовало. На том и порешили. Надо признать, что Тикотский часто давал дельные советы, смекалка у него была.

Не ведали мы тогда, что дня через три, под этим же деревом нам суждено встретиться в ситуации куда более сложной, чем сейчас.

Под ель возвращались по шоссейке. Развели костер, отдохнули и хорошо прогрели почву для сна.

На следующий день, оставив нацменов под елью, мы с Мишкой отправились за железную дорогу. Но местность здесь мне сразу не понравилась: это была свежая вырубка. Повсюду были видны пеньки – если деревья спиливали, небольшие рытвины – если их корчевали. Зеленые ветви были аккуратно уложены в небольшие кучки. Поближе к реке вырубка кончалась и начинался густой лес.

Пошли к нему. Мишка, не очень осторожный в таких ситуациях. Размашистым шагом пошел вперед, я – более медленно – за ним. В какой-то момент я почувствовал на себе чей-то взгляд. Чувство это было настолько реальным, что я даже остановился, внимательно ощупывая взглядом окружающую местность, и вдруг буквально «наткнулся» на смотрящего. Он стоял за старой развесистой сосной. Видна была только часть его лица и... глаз. Я, конечно, сразу сообразил, что прятавшийся подобным образом человек не может представлять для нас какой-либо опасности, и пошел прямо к нему. По старой полувоенной одежде, по бледному небритому лицу я сразу определил, что это такой же бродяга, как и мы. Поздоровались. Спрашиваю:

– Один?

– Нет.

– Где остальные?

Он махнул рукой в сторону леса.

– Сколько вас?

– Пятеро.

Вскоре к нам примкнул и Мишка. Парень привел нас к небольшой поляне, расположенной внутри лесного массива. У них все было не как у нас: поляна была совершенно открытой, костер был большим, горел ярко. Около костра сидели два, как мне показалось, уркагана. Один диктовал другому слова какой-то блатной песни, другой записывал их в старую потрепанную тетрадь. Еще один только что принес из леса большую охапку хвороста для костра.

Но более всего мое внимание привлек, очевидно, их предводитель. Это был крепыш, выше среднего роста, скуластый с загорелым лицом, взгляд острый, пытливый. Одет был в черную шинель танкиста, на голове шерстяной подшлемник.

Я сразу не столько понял, сколько почувствовал, что это – лидер не по должности и званию, а от Бога. Увидев нас, представился: «Андрей». Спросил:

– Кто такие и с чем пожаловали?

– Пленные, – ответил я, не вдаваясь в подробности.

– А все же?

Я кратко рассказал ему – кто мы такие, из какого лагеря бежали. И вот уже два дня не можем переправиться через реку, а сюда пришли на разведку.

– Где обосновались?

– Недалеко от вас, по ту сторону железной дороги перед мостом

– Голодные?

Я почему-то немного смутился и неопределенно ответил:

– Вообще-то не мешало бы...

Без лишних разговоров, кивком головы он попросил парня, что принес хворост, вырыть нам из золы пару небольших картофелин, что тот и сделал. А мы, обжигаясь, даже не очистив их от кожуры, с удовольствием уничтожали это чудо природы – какая вкуснятина... Почему мы этого раньше не замечали?

А в это время он кратко рассказал нам о себе и своих спутниках:

– К вашему лагерю мы не имеем никакого отношения: мы из другого «заведения». Вот уже дней десять идем на восток и здесь застряли по этой же причине. Три дня назад недалеко отсюда обнаружили лодочную переправу. Прихватив рюкзак, вдвоем ночью переправились на ту сторону. Долго искали картошку, но нашли и к утру вернулись обратно. По такому случаю сделали пир. И на следующий день всей компанией пошли на переправу, но...лодки там уже не было. Ошибку сделали: следовало переправиться в тот же день. Но был другой риск – встретиться с немцами, которые обслуживали эту переправу.

– Пробовали ли вы искать другую?

– Да, пытались, но безуспешно.

– И что дальше?

– Будем думать.

– Вместе с нами, – добавил я.

Перед уходом я рассказал ему про мост и его охрану, про фольварк с огородом и прочее.

Придя «домой» под ель, мы узнали еще об одном ЧП: исчез Костя Корунов – ушел в лес за брусникой и не вернулся.

– Мы пробовали искать его, – рассказывал Хасан. – Но далеко не уходили: как бы самим не заблудиться. Аукать также не рискнули.

Мы с Мишкой призадумались. Причин случившегося было не так уж много.

1. Элементарно заблудился и бродит где-нибудь по лесу.

2. Не желая быть нам в тягость, пошел своим путем.

3. Пытался перейти на тот берег по мосту. Результат неизвестен. Без пищи, без теплой одежды он рано или поздно будет вынужден сдаться «на милость победителя».

Но, честно говоря, меня не покидало чувство вины перед ним. За все время нашего путешествия я ни разу не поинтересовался его самочувствием, не спросил – болит ли нога. Идет и ладно. А то, что хромает, так он и раньше хромал. Оправдывало только то, что мне и без него хлопот хватало.

Оставив Мишку с киргизом под елью (вдруг Костя появится), мы с Хасаном отправились за железную дорогу – в огород. Ориентируясь на изгородь, обошли его по периметру. Я наказал ему:

– Прощупай его вдоль и поперек и поищи картофельный бурт. Это единственная наша надежда на пропитание. Встречаемся у дровяника.

А сам бегло осмотрел небольшие сарайчики, собранные в один ряд и под одной крышей. Но ничего ценного не обнаружил: разный домашний скраб, огородный инструмент да детская коляска. Вернулся в дровяник. И вдруг, не столько услышал, сколько почувствовал, что от шоссе в мою сторону кто-то осторожно крадется. Кто бы это мог быть? Хозяин фольварка? Так около него должен находиться какой-нибудь транспорт. Охранник с моста? Но он бы не стал бросать свой пост. Я осторожно попятился внутрь дровяника, но в темноте наткнулся не то на корыто, не то на ведро. Раздался, как мне показалось, страшный грохот (ночью он всегда сильнее, чем днем). И в этот же момент неизвестный посетитель осторожно заглянул внутрь. Я стоял не шелохнувшись. Не обнаружив ничего подозрительного, он уже более решительно сделал несколько шагов вперед, не заходя вовнутрь, и

повернулся ко мне спиной. На фоне неба я отчетливо различил на его голове танкистский подшлемник, а на хлястике темной шинели – две блестящие пуговицы.

Ба-а-а! Да это же Андрей. От удивления я, очевидно, пошевелился. Он уловил это движение и полез в карман за фонариком. Но я опередил его:

– Не надо, это я – Анатолий.

Оба, конечно, обрадовались.

– Какие намерения?

– Обследовать огород и хоромы фольварка.

Вскоре вернулся Хасан, сказал, что ничего не нашел. Все трое направились к фольварку. Андрей, убедившись, что непосредственной опасности уже нет, широким шагом хозяина пошел впереди, разговаривал громко. Я одернул его:

– Не шагай так быстро, да и разговаривать можно потише – мост-то рядом.

Он усмехнулся. Парировал:

– Около фольварка – никого. А охранник на мосту, ночью да в темноте, сам дрожит от страха.

У фольварка Андрей попросил нас остаться, а сам пошел на разведку. Вернувшись, доложил:

– Все, что можно – закрыто. Жаль, что не прихватил с собой своих «медвежатников»: они по «замочному делу» мастера.

В этот момент, примерно в северо-восточном направлении, мы слышали то усиливающийся, то затихающий гул. Вспомнив наш недавний разговор на эту тему с Тикотским, я спросил Андрея, что он думает по этому поводу.

– Американцы бомбят какие-нибудь важные объекты.

– А почему ночью, а не днем?

– Днем зенитки бьют прицельно, да можно и на истребителей нарваться. А ночью прожектора и зенитки больше отпугивают противника, не рассчитывая на поражение.

Я обратил внимание на то, что Андрей отвечал на мои вопросы довольно профессионально. Откуда это у него? Он по-прежнему был для меня загадкой.

– Что будем делать дальше? – спросил я.

– У этой махины (он показал рукой на фольварк) есть несколько полуподвальных помещений, но они крепко застеклены. А надо бы и их пощупать.

Подошли к первому. Это было небольшое стеклянное окошечко сантиметров 40 в ширину и сантиметров 30 в высоту от земли. Все это сооружение было прочно укреплено деревянными рамами. Андрей, внимательно осмотрел его, долго молчал, потом коротко бросил: «Будем брать». Улегся прямо на снег, согнутыми в коленях ногами в сторону окошка. Нас попросил сесть рядом, чтоб погасить неизбежный при этом шум. Подождав, когда отдаленный гром от бомб и снарядов усилится, резко, обеими ногами выбил решетку внутрь. Треск от поломанных оконных рам и звон разбитого стекла, как нам показалось, был сильнее, чем отдаленный гул снарядов и бомб. Но мы с Хасаном быстро закрыли «своими телами» выбитое окошко. Притаились, ждем – не будет ли какой-нибудь реакции со стороны моста. Вроде все тихо. Андрей достал из кармана фонарик и быстро (батарейки надо было беречь) осмотрел внутренность подвала. Озабоченно произнес:

– Пустой номер. Ничем съестным не пахнет, крысы не бегают. Подвал довольно глубокий, было бы хорошо спрыгнуть туда, а как выбираться оттуда?

Перешли на противоположную сторону фольварка. И там все повторилось, результат тот же... Не вставая с «места преступления» присели рядом, молча оценивая сложившуюся ситуацию. Наконец Андрей предложил нам следующий вариант.

– Если у вас появится что-нибудь стоящее, поставьте меня в известность. Если у нас, – я сообщу вам. Связи терять нежелательно.

Под елью все было без перемен. Корунов не появился. Положение усложнялось. Чувство безысходности овладело мной. Мишка, заметив это, подсел рядом. Спросил:

- А гул от ночного бомбометания слышали?
- Конечно. Под него и окна в подвал выбивали.
- Вот и хорошо. Жди перемен.
- Не утешай.

Дальнейшие события развивались столь же стремительно, сколь и непредсказуемо.

Утром следующего дня я сообщил Тикотскому:

– Вчера ночью, когда мы брали фольварк, я обратил внимание на то, что его задняя стенка отстоит от речки метров на 20, не более. Не может быть, чтоб хозяева не имели к ней никакого доступа. Пойдем, проверим.

Он без колебаний согласился. Мы вышли на прямоугольную (дренажную) траншею, что проходила у основания откосов железной дороги. Ночью выпал снежок - чистый, нежный, нетронутый. Почему-то не хотелось нарушать эту первозданную чистоту. Но - надо. По тоннелю перешли на противоположную сторону железной дороги. Чтоб не попасть на глаза охранникам моста, обогнули фольварк с обратной стороны и сходу, не теряя времени, направились прямо к реке. От фольварка к ней действительно пролегла зацементированная дорожка. Над водой – небольшой плотик с поручнями по бокам и даже крючок для ведра и – ничего больше: ни лодки, ни плотика, ни парома. Да и в самом деле – зачем все это, когда рядом мост.

Подавленные, пошли обратно тем же маршрутом, что шли сюда. От тоннеля по той же траншее отошли вверх (дорога шла немного в гору) метров 60. Решили отдохнуть. Очень уж приветливым было утро: на земле и на ветвях деревьев лежал снежок, сзади из-за реки всходило теплое ласковое солнце. Какая прелесть! Если б не война, если б до родного дома было не две тысячи верст, если б желудок не был пуст, если б не враги вокруг. Несмотря на неудачи последнего времени, несмотря на эти «если б», я с удивлением обнаружил, что мы еще не разучились видеть и чувствовать прекрасное.

В одном месте прямо над обрывом траншеи осталась не спиленной старая, но еще крепкая сосна. Видать рабочие, что прокладывали эту траншею, пожалели ее. И половина корней этой сосны осталась сбоку под землей. С противоположной стороны остался только один толстый корень. Он висел в воздухе и почти доходил до противоположной стенки траншеи. Но здесь для удобства прохода он был спилен. Остался узенький проход сантиметров 50 в поперечнике.

Мишка сел на землю спиной к сосне, я – на толстый корень, прислонился к нему боком.

И вдруг! Ох уж это вдруг! Я увидел, как по траншее прямо к нам идет немецкий офицер (лейтенант) с пистолетом на поясе. Среднего роста, еще не старый. За ним в двух метрах от него, пригнувшись к следам, трусила овчарка. В правой руке он держал небольшой – 30-40 см – сучек. В конце его под острым углом две коротких – 3-4 см – рогульки. У нас на Урале подобное оружие называют «мутовкой». С ее помощью сбивают сметану для получения сливочного масла. Вращая сучек на пальце, лейтенант медленно приближался к нам. Я ткнул Мишку локтем в бок. Он, видимо, дремал, вздрогнул и замер. Страха, который лишает человека воли к действию, я не испытывал. В голове сплошным вихрем крутились самые разные мысли: «Видит ли он нас? Конечно. Но собака... Почему она никак не реагирует на наше присутствие – нюхает след? А чего его нюхать: от нас за версту несет черт его знает чем. Я не помню, когда в последний раз мылся в бане».

Ситуация усложняется... Лейтенант совсем близко. Нас двое, он один. Что делать? Бежать? Но у него собака, и он вооружен. Схватка неизбежна. А как поведет себя Тикотский?

До нас 5... 3 шага. Чувствую, как непроизвольно напрягается тело для броска, как у спринтера перед стартом.

А лейтенант, не переставая вращать «мутовку», спокойно обходит обрубленный конец корня, на котором я сижу, и идет по траншее дальше. Собака за ним. «Заходит нам в спину, - подумал я. - Сейчас все начнется». У Мишки не выдерживают нервы. Он ложится на снег и ужом ползет в сторону ближайшего кустарника. Я медленно, из-за сосны, поворачиваю голову вслед уходящему лейтенанту. А он (вот нервы!), не прекращая крутить на пальце сучек, спокойно заходит в туннель.

Я вслед за Мишкой тоже ползу в кусты. Некоторое время молчим, постепенно приходим в себя. Потом начинаем делиться мыслями: «Кто он? Откуда, куда и зачем шел? Нет ли у него сообщников? Что-то тут неспроста...».

Попросив Мишку никуда не уходить, я быстро перемахнул через железную дорогу и спустился к дровянику в надежде еще увидеть лейтенанта. Но – опоздал. А следы остались. После туннеля лейтенант и собака шли по нашему утреннему следу. И

только перед главным входом в фольварк я обнаружил их на ступеньках и, как у нас говорят, - на крылечке. Их было много. Видать, он проверял прочность и надежность замков. Далее он свернул на шоссе и пошел в сторону лодочной переправы.

Я вернулся к Мишке. Критически оценив все события сегодняшнего утра, мы решили, что лейтенант шел сюда с определенным заданием и поэтому не стал связываться с нами в траншее, и потому надо ждать больших перемен.

Немцы рядом

Вернувшись под ель, мы обо всем рассказали нашим нацменам, предупредили их, чтоб «были начеку». Вечером, перед сном хорошо прогрели почву: как знать – может, в последний раз.

Мне не спалось. Все еще переживал встречу с лейтенантом, пытаюсь хоть как-то спрогнозировать ход дальнейших событий. И только под утро, когда уже стало светать, я, чтоб не будить остальных, осторожно вылез из-под одеяла и отправился на разведку... Вот тут-то все и началось!

Никого и ничего не опасаясь, знакомым маршрутом я спокойно вышел из леса и, как только подошел к лесополосе, сразу увидел двух солдат. Мгновенно плюхнулся в дренажную канавку между двумя рядами молодых сосенок. Солдаты шли по границе лесопосадки с поймой и что-то внимательно рассматривали на земле. Как только они скрылись за тоннелем, я подполз к этой самой границе и обнаружил на земле два изолированных провода полевой телефонной связи... О, господи! Только этого нам и не хватало! Прощай, ель. Прощай, костер.

Вернувшись обратно, я обо всем рассказал оставшимся. Сразу возник вопрос – кто они такие, как и зачем появились здесь? Я попросил Тикотского осторожно перейти железную дорогу и, если представится возможность, пронаблюдать, что творится в районе фольварка? Через полчаса он вернулся, доложил:

– Около главного входа фольварка стоит легковая машина. Телефонные провода, на подставках вроде бы в самом здании.

Стало ясно – здесь что-то назревает. Поэтому я вновь направился к лесопосадке, не заходя в нее, в лесу нашел укромное место в кустарнике, залег, жду. Предчувствия не обманули

меня. Поближе к вечеру, по шоссе со стороны Вальдендорфа к тоннелю подъехали две вместительных военных фуры. Из них в спешном порядке стали выходить солдаты. Все вооружены, с рюкзаками и саперными лопатками. Командиры повели их на пойму и стали что-то показывать. Слов было не слышно, поэтому я вначале не мог понять, что здесь затевается. И только позднее, когда солдаты стали активно работать лопатами, я понял – они роют окопы, верней – ячейки в 20 метрах одна от другой в шахматном порядке.

Вот это да! Не исключено, что через день-два здесь начнутся бои. С кем? С нашими, конечно. Капитально укрепят противоположный берег реки, а сюда подойдет бронетехника, артиллерия и пр. Так мы можем оказаться внутри немецкой обороны. Не пора ли «сматывать удочки»?

Этой новостью я поспешил поделиться со своими спутниками. Все были возбуждены, удивлены, «ошарашены». Еще бы: не надо идти сотни километров на восток, к своим.

Но сразу же возникло много разных вопросов: почему немцы укрепляют этот берег, а не противоположный? Если здесь предполагается создание линии обороны, то почему бездействует железная дорога, а солдаты роют ячейки, а не окопы? И главный вопрос – что делать нам, если, чего доброго, здесь действительно начнутся бои?

Эти вопросы несколько умили наш пыл. Все призадумались. В наступившей тишине Тикотский напрямую спросил меня:

– И что ты предлагаешь?

– Оставаться здесь нам опасно. Фуры пришли со стороны Вальдендорфа. Не исключено, что где-то там налажена переправа. Поэтому нам надо немедленно идти на ее поиски. Завтра днем будет уже поздно.

– А если не найдем? – настаивал Тикотский.

– Вернемся обратно и будем искать место нашего нового пристанища.

Не скажу, что все приняли мое предложение с восторгом: опять в ночи, в темноте куда-то идти, что-то искать. Но близкое соседство с врагом – каких-то 50 метров – без пищи, без костра – тоже не радовало.

Как только стемнело, мы по знакомой дорожке, рядом с оврагом, по лесу направились в сторону дорожного знака. По редким огонькам и приглушенным разговорам стало ясно, что немцы окопались по всей пойме. Поэтому шли осторожно, без шума и лишних разговоров. Вот и дорога на Вальдендорф. Но никаких следов – ни машинных, ни человеческих на ней не было. Вернулись на шоссе и пошли дальше. Вот и большая излучина реки, конец леса, одинокое дерево и даже чурбаны под ним не тронуты...

«Но ведь где-то фуры-то прошли», – мучил меня один и тот же вопрос.

Я попросил всех остаться под деревом, а сам осторожно пошагал на пойму. Но надо же такому случиться – из-за облаков появилась большая светлая луна и ярко осветила пойму и меня на ней. Пришлось спешно ретироваться обратно. Все собрались под деревом. Сообща обсуждали сложившуюся ситуацию. В минуты затишья слышали совсем близко приглушенный разговор. Все притихли. Кто бы это мог быть?

Я рассуждал примерно так: «Голоса разные – значит, это группа. Далеко от русла реки – значит, это не немцы». И в голову мне пришла, как мне казалось, совершенно разумная мысль: «Это, наверное, Андрей со своей группой тоже ищет переправу. Вот я их сейчас припугну». Всем приказал прекратить разговоры и внимательно следить за моим поведением: мало ли что. Я отошел от дерева метров на 8 и по редкому кустарнику пополз к месту, откуда был слышен разговор. О том, что это была группа Андрея, я уже не сомневался. А кто же еще?

До них оставалось метра полтора. На фоне светлого неба можно было различить человека в темной шинели и две светлые пуговицы на хлястике. Все совпадало. Он стоял по пояс в вырытом окопчике, остальные – внутри. Сомнений не оставалось. Я подполз к ним вплотную и хотел уж было хлопнуть его по плечу, но в этот момент человек нагнулся к остальным, и я услышал:

– Дортдрынист гут. (Вам там внутри-то хорошо).

Господи! Да это же немцы в своей ячейке!

Немедленно и спешно пополз обратно: вначале попластунски, потом – на четвереньках, а потом и нормальным ша-

гом. Остальные, увидев меня, тоже по дороге пошли, пошли за мной. Отошли метров 15, собрались вместе рядом с дорогой.

– Кто там? – спросил Тикотский.

– Немцы.

Услышав это, киргиз кинулся было бежать, но я успел схватить его за рукав шинели, притянул к себе, прошипел:

– Ни с места, сволочь. Или я тебя прибью.

В это время мы увидели, как по дороге в нашу сторону идет немецкий солдат с автоматом на шее. Надо было что-то предпринимать, но в голове не было ни одной порядочной мысли. Выручил Мишка. В данной ситуации он оказался смекалистей. В руках у него была толстая суковатая палка: так, на всякий случай. Подпустив солдата поближе, он направил эту палку на него, коротко приказал:

– Хальт (стой)!

– Битэ (пожалуйста), – ответил солдат.

По голосу я понял, что перед нами не старый опытный солдат, а юноша.

– Цурюк (назад), – продолжал Мишка

Солдат сделал шаг назад.

– Нох цурюк.

Солдат выполнил и это приказание. И, повернувшись к нам спиной, со всех ног бросился в свой окоп.

А мы, обрадовавшись такому повороту событий, тоже со всех ног бросились бежать в обратную сторону. Но почти одновременно нам в спину затрещали автоматные очереди вначале из этого окопа, а потом – из окопов большой излучины, а еще через несколько секунд, нарастающей волной, трещала вся немецкая оборона до моста включительно.

Я понимал, что прицельный огонь нам в спину ведут только солдаты из соседнего окопа (20-30 метров – для пули не расстояние). Это было видно и по тому, как падали на землю «подстреленные» ветки деревьев и кустарников.

Но слышать, как рядом трещат десятки автоматов – ощущение не из приятных. Поэтому, виляя из стороны в сторону, прячась в соседних с дорогой кустарниках, мы бежали довольно быстро. И это, несмотря на то, что желудки наши были пусты уже дней пять. Видать, в таких экстремальных ситуациях в человеке

ском организме включаются какие-то дополнительные источники энергии.

Вот и дорожный знак. Стрельба почти рядом. Но это место нам уже знакомо – быстро сворачиваем к овражку и по его днищу, но все еще бегом, добираемся до своей заветной ели. И только тут, безмерно уставшие, мы повалились на землю. Все молчали: о чем говорить? Но втайне были довольны, что так легко отделались.

Отдышавшись, решили хоть немножечко отдохнуть и улеглись на еще не очень промерзлую землю, на зеленую, из веток, постель. Тяжелые нервные переживания, физическая усталость сломили нас и, тесно прижавшись друг к другу, мы довольно быстро уснули.

Но на рассвете, еще затемно, нас разбудил страшной силы взрыв. Ель наша качнулась сначала в одну сторону, потом в другую, осыпав нас старыми шишками и еще каким-то мусором. Ясно – немцы взорвали мост. Воображение рисовало обрушившиеся в реку рельсы и шпалы, искореженный взрывом металл арки. Сразу возник вопрос: сможем ли мы в этих условиях, из-под носа у немцев, перебраться на тот берег? К его обсуждению мы приступили сообща, еще не вылезая из-под одеял. Возможность подойти к мосту по железной дороге, по квадратной траншее у тоннеля или со стороны фольварка мы исключили сразу: слишком рискованно. Остановились на том, что вначале надо разведать подходы к нему, а потом – принимать решение. Мы с Мишкой предложили такой вариант: пройти по лесу в сторону дорожного знака, но, не доходя до него, найти укромное место, с которого разведать вначале линию обороны немцев, а потом – состояние моста. На том и порешили.

Когда рассвело, мы с ним направились на выполнение задуманного плана. Честно говоря, тоже довольно рискованного. Мы уже хотели выйти на шоссе, но слышали справа, совсем близко, шум мотора. Едва успели «нырнуть» в густой кустарник, как рядом с нами на большой скорости пронеслась легковая машина гражданского образца. Интересно, откуда и куда она направилась?

Проводив машину взглядом, я обратил внимание на Тикотского, который сидел рядом неподвижно, как истукан, и при-

стально рассматривал что-то на дороге. Взглянув в том же направлении, я увидел, что на ней... валялась булка хлеба. Не веря глазам, забыв об осторожности, мы почти одновременно выскочили на дорогу. Мишка хотел было сразу схватить ее, но я остановил его: она могла быть заминирована. Тщательно осмотрели все окружение вокруг нее, но ничего подозрительного не обнаружили. Но из предосторожности срезали молодую иву, оставив в конце небольшую рогульку (как у лейтенанта в траншее), залегли в кювет и, цепляясь рогулькой за булку, подтащили ее к себе. Осмотрели, ощупали, даже обнюхали – все было нормально. Она была еще свежая, даже не утратила запаха. Решили сразу же «снять пробу», но обнаружили, что стоим на середине шоссе на дороге, у всех на виду, поэтому вернулись в кустарник. Мишка отрезал от булки корочку толщиной сантиметра два, разделил ее пополам и, тщательно пережевывая каждый кусочек, мы медленно, с наслаждением уничтожили этот дар Божий.

Не знаю, что испытывал при этом Тикотский, а я решил, что есть у меня мой добрый ангел, который хранит меня в трудную минуту жизни.

Когда с хлебом было покончено, вспомнили, зачем мы сюда пришли. Тщательно, со всеми предосторожностями, с разных мест осмотрели всю пойму. И с величайшим удивлением обнаружили, что немцы покинули свою линию обороны. Но когда? Ведь еще ночью они были здесь?

За сегодняшний день это была вторая удача.

Обрадовавшись этим открытиям, не таясь, прямо по шоссе мы направились к своим нацменам. Выслушав наши сообщения, они были безмерно удивлены и рады. А когда мы угостили их настоящим хлебом, радости их не было предела. «Как дети», – подумал я.

За все время нашей бродячей жизни это был первый праздник.

Естественно возник вопрос – а как быть с переправой? Решение было единогласным – идти на штурм моста немедленно.

Уложив в рюкзаки свои пожитки, простившись с елью, давшей нам приют на несколько дней, и не медля ни минуты, по квадратной траншее, мы дружно пошагали к мосту.

Когда подошли к речке, то увидели, что рядом с «быками», без шпал и рельсов лежит целехонькая мостовая арка: одним концом на нашем берегу, другим – на противоположном. Я был в шоке. Ни тогда, ни сейчас я не мог себе представить – как это: с помощью необузданного взрыва, от которого наша ель ходила ходуном, можно было уложить ажурную арку с моста на берег с такой, почти ювелирной, точностью. Что ни говори, а у немцев есть чему поучиться.

Восторг восторгом, а как перебраться нам на ту сторону? Дело в том, что крепежные металлические переплеты, соединяющие правую и левую дуги арки, были не часты и не очень прочны. Что поделаешь – решили «брать арку приступом»: другого варианта не было. Скажу откровенно – это решение было рискованным. Цепляясь за все, что было возможным, опираясь ногами, помогая друг другу, стараясь не смотреть на черные холодные воды реки, мы медленно, очень медленно приближались к противоположному берегу.

Больше всего я боялся того, что на шоссейной дороге появится какой-нибудь вражеский транспорт и нас перестреляют, как куропаток. Случайный обрыв в воду тоже не предвещал ничего хорошего: река была довольно глубокой и обладала быстрым течением. По моим прикидкам, переправа наша длилась часа два.

Но – пронесло! Мы на том берегу. На сей раз наш добрый ангел не оставил нас в беде.

Оказавшись на суше, все с облегчением вздохнули. Недалеко от нас, у самой воды увидели заросли кустарника и, больше по привычке, спрятались в нем, чтоб отдохнуть, успокоиться, согреть руки.

Кустарник оказался напротив хорошо знакомым нам местом на том берегу. Вот – пойма с остатками «обороны», вон лесопосадка с рядками молодых сосенок. Была видна даже верхушка ели. Но дальше всего мы рассматривали, конечно же, мост. Тот самый, что не давал нам покоя, пока искали переправу. Но сейчас он был повержен: рельсы как-то нелепо висели над водой, вместе с ними повис в воздухе и домик охранника – одинокий и никому не нужный.

Неужели все это уже в прошлом? Вот только речка, доставившая нам столько хлопот, по-прежнему несет свои воды куда-то вдаль. Ну что ж – она живет по своим законам.

Но с роковой неизбежностью возник новый вопрос: а что дальше? Хотя мы и преодолели эту проклятую речушку, но ведь находимся не на своей, а на чужой территории. Что судьба готовит нам на ней? И хотя по ночам по-прежнему были слышны не то артиллерийские, не то бомбовые отзвуки войны, но ведь это – где-то, а не здесь. Как не крутись, а надо, как и прежде, принимать какие-то решения, что-то делать. А так не хочется. Лежать бы вот здесь без всяких забот. Видать, наступила не только физическая, но и моральная усталость. Мозг требовал отдыха.

Усилием воли я заставил себя подняться и поднять остальных:

– А ну, бродяги, нечего прохлаждаться. Вперед, «заре навстречу».

А бродяги не очень активно, но все-таки поднялись: видать, тоже устали.

В отличие от противоположного, этот берег реки был более крутым и без поймы. Осторожно, оглядываясь по сторонам, мы шли «судьбе навстречу». И только поднявшись на водораздел, примерно в полукilометре от нас, увидели окраину довольно большого села. А вокруг ни лесочка, ни кустика. Собравшись в кучку, решали – что делать? Присмотревшись к окраинным домикам, пришли к выводу, что село необитаемо: не слышно лая собак, окна у некоторых домиков полураскрыты, и ветер играл их занавесками, бродили бездомные коровы. А одна из них бегом бросилась к нам. «Вот еще. Только испанской корриды нам здесь и не хватало», – подумал я.

Но в этой ситуации не растерялся киргиз. Крикнул нам: «Старшой, Миша, задержите корову, хватайте ее за рога и держите крепче».

Впрочем, в последний момент корова сама остановилась около нас. Но мы с Мишкой все-таки схватили ее за рога и только тут увидели, что у нее из сосков тонкой струйкой льется молоко прямо на землю. А киргиз продолжал командовать:

– Хасан, готовь котелки и кружки. А сам, присев на колени, быстро и профессионально приступил к дойке.

Со стороны все это выглядело, наверное, смешно, но мы об этом не думали. Слишком уж необычной была ситуация. Надоив один котелок, киргиз наполнил и второй, а благодарная корова пошла гулять по своим делам.

Когда дойка закончилась, киргиз, хитровато улыбаясь и показывая на котелки, предложил:

– Надо бы пробу снять, лучше с хлебом.

– Не возражаю.

Тикотский отрезал нам по кусочку хлеба, и мы с величайшим наслаждением выпили по кружке этого божественного напитка. А я, как когда-то в детстве, вновь ощутил забытый уже вкус и запах парного молока.

Припрятав в надежном месте котелки с молоком, мы пошли знакомиться с селом. Оказалось, что село было каким-то разношерстным. Все дома – разные и по форме и по убранству. Одни закрыты на замок, другие – просто прикрыты. Одни побогаче, другие – победней. Приусадебные участки и скот были редкостью. А чем жило и чем занималось население – так и не поняли. Но вскоре эта экскурсия по чужим домам мне не понравилась: все было чужим, мы – непрошенные гости, и наше поведение было некорректным. Поэтому я всем предложил прекратить эту затею.

А для себя мы выбрали небольшой и скромненький домик на самом краю поселка. Почему именно его? Не знаю. Наверное, потому, что он был более «деревенским», что больше соответствовало нашему деревенскому происхождению (кроме Тикотского: он – киевлянин).

Надо отметить, что наши нацмены, оказавшись в новой для себя ситуации, стали проявлять завидную активность. Вот и сейчас попросились у меня «сходить на разведку по продовольственным делам». Я не возражал, но дал им строгий наказ:

– Будьте максимально осторожны, мародерством не заниматься. В случае появления какой-либо опасности – сразу поставить нас в известность.

А мы с Тикотским пошли знакомиться с хозяйством нашего домика.

Для начала зашли в сарай. Сарай как сарай, стены кирпичные, покрыт черепицей. Десяток кур, да и те без петуха, деловито разгуливали по сараю, разгребая лапами замусоренную землю в поисках какого-нибудь корма. В углу – высокий ящик с различным хозяйским скарбом: лопаты, вилы, грабли и пр. Вдоль стены – поленница дров.

Рядом с сараем небольшой огородик – сотки две, не более. От него – тропинка к дому: три ступеньки, крылечко, тамбур. Дверь плотно прикрыта, но не на замке. Открыв ее, мы сразу оказались на кухне.

Кухня представляла собой небольшую комнатку. В центре и разделочный, и обеденный стол, накрытый чем-то вроде клеенки. Здесь же переносная керосиновая лампа. На стенах – многочисленные шкафчики и полочки с разной кухонной утварью.

Но больше всего меня поразила печь. По площади она была не меньше, чем кухня: метра полтора-два в длину и около метра в ширину. В ней было несколько самостоятельных секций: для нагрева воды, для поджарки, духовка. Четвертая – не понял – наверное, для обогрева дома, сушки белья и обуви. Около каждой секции – кучка дров.

Здесь же мы обнаружили ход в подполье (по-уральски – голбец, а как же без него?). Не поленились и по лестнице спустились вниз. Там было много разных припасов, но в полутьме не стали в них ковыряться, а прихватили только ведро картошки, банку моченой брусники и бутылку с какой-то жидкостью.

Наибольшую площадь в доме занимала столовая и спальня по совместительству. В центре ее стоял овальный стол, накрытый скатертью. На нем различные безделушки и пепельница, четыре стула.

Около одной из стен стояла кровать странной конструкции: она была очень низкой. Внутри нее не было ни перин, ни матрасов, но она все равно была довольно мягкой. У остальных стен – два дивана.

К вечеру явились наши «разведчики». Однако продовольственные трофеи у них были невелики: десяток яиц да курица. Собравшись вместе, единодушно решили сотворить торжествен-

ный ужин. Через час все было готово... кроме таинственной жидкости в бутылке. Часть ее, для пробы, вылили в стакан. Это была грязно-желтая жидкость с легким запахом бензина. Окончательное заключение о ней решили поручить Хасану, как наиболее старшему из нас. Он долго принюхивался, осторожно пробовал на язык, чмокал губами и, наконец, произнес:

– Это, ребята, самогон, по качеству, конечно, г...но, но пить можно. Не то, что наш хлебный – Кустанайский – чистый, как слеза.

Дальнейшие события стали развиваться совсем не по начальному плану. В разговор вступил Тикотский:

– Нашел чем хвастаться: настоящий самогон делают у нас на Украине из буряков, а в них 10 процентов сахара. Это о чем-то говорит. Полученный напиток пропускают через уголь. Вот тогда и получается настоящая горилка. Ни один праздник без нее не обходится.

Высказать свое мнение по этому вопросу захотелось и киргизу. Надо сказать, что он довольно хорошо говорил и по-русски, но, защищая честь своей Родины, внезапно перешел на тюркский:

– Самогон у нас жок. А вот адын киса кумыса да жирный курдюк – ой екши!

Дошла очередь и до меня. Честно говоря, в самогоне я не разбирался, но, чтоб не ударить «лицом в грязь», авторитетно заявил:

– А вот лучше нашей Кудымкарской овсяной каши, да хмельной овсяной бражки на свете ничего и нигде не найдешь. Ручаюсь!

После такой перепалки мы, наконец, приступили к торжественной части. На первое у нас был куриный суп, на второе, за отсутствием жиров, – вареная картошка, на третье – по яичку. Вместо чая выпили по кружке молока. На десерт – моченая брусника.

Были и тосты. Первым, поскольку мы были не за колючей проволокой, а НА ВОЛЕ, то и выпили за СВОБОДУ. Далее – традиционные: за Родину, за Победу!

За всю мою долгую жизнь мне пришлось побывать на самых разных «званных обедах», но этот – неповторим. Помню все до деталей.

Такого большого обилия пищи за один присест мы не употребляли, наверное, с месяц. То ли по этой причине, то ли самогон оказался крепким, но мы как-то быстро «сломались» и улеглись на сон грядущий... На этот раз – крепкий и без тревожных сновидений.

И только на следующее утро я обнаружил, что мы даже не сделали светомаскировки, а керосиновая лампа выгорела до дна. Ведь пары гранат хватило бы, чтоб разнести наш приют вдребезги... Дурачье!

Перекусив остатками вчерашнего ужина, мы с Мишкой решили немного ознакомиться с окружающей местностью, чтоб решить вопрос о дальнейших действиях.

А нацменов оставили в районе нашего домика.

Вначале мы пошли к мосту и с удивлением обнаружили, что железная дорога кончалась под аркой, на этом берегу ее уже не было. Мы обнаружили также, что рельсы и шпалы, которые были под аркой, аккуратно уложены в штабель на том берегу. А с помощью взрыва была аккуратно уложена сама арка рядом с «быками», на которых она покоилась. Похвальная бережливость.

Далее мы решили сходить к лодочной переправе и посмотреть – нет ли там группы Андрея? Лодка была на месте и по-прежнему под замком. За ней примерно в полукилометре виднелась небольшая деревушка. Не здесь ли Андрей с группой запаслись картошкой, которой угощали нас с Тикотским во время знакомства с ними?

Но сколько ни всматривались в тот лесок, где они базировались, мы никого и ничего не обнаружили. А жаль: интересно было бы узнать – как сложилась их дальнейшая судьба?

Вернулись обратно и попытались пройти до Вальдендорфа, но тоже неудачно. К обеду вернулись к нашему домику, и вот здесь нас ожидал приятный сюрприз: Хасан и киргиз подоили еще одну бродячую корову и сварили картошки. Не бог весть какой изыск, но все равно приятно. Жаль, что хлеба уже не осталось.

Мы были сыты, по ночам не мерзли на снегу, но проблем, самых разных, не убавилось

1. Сколько времени мы можем побыть в этом селе?

2. Куда идти дальше? Тот факт, что жители села покинули свои дома, а наш русский мотоциклист приезжал сюда на разведку, говорило и том, что фронт где-то рядом. Но где? Не исключено, что фронт сместился уже на запад, а мы, вместе с мирным населением, находимся в тылу. Что делать в данной ситуации?

Вопросы были непростые и требовали скорейшего решения.

По первому разногласий не было – уходим завтра. А вот по второму мы с Тикотским общего языка не нашли. Суть наших споров заключалась в следующем. Он предлагал:

– Во всех случаях идем на восток.

– То есть опять по лесам да у костра. Ты еще картошки прихвати с собой.

– Рано или поздно выйдем на людей и там все уточним.

– Каких людей? Немецких солдат?

– А что ты предлагаешь?

У меня, честно говоря, никакого плана еще не было, поэтому я дипломатично ответил:

– Пока ничего. Сообщу завтра утром.

Нацмены высказались кратко:

– Нам все равно. Куда вы, туда и мы.

Было еще не поздно, поэтому мы с Тикотским решили пройтись по той дороге, на которой встретились с русским мотоциклистом. Дорога была хорошей, с твердым покрытием, двумя кюветами, по бокам обрамлялась довольно густым лесом, но пустынной. Мы прошли километра два, но впереди не было видно ни одного населенного пункта. Чтоб не испытывать судьбу, вернулись обратно. Уже в потемках улеглись на свою мягкую низкорослую кровать. Какое это удовольствие: спать в тепле и на мягком ложе. Почему мы не замечали этого в мирной жизни?

Проснулись уже засветло. Нацменов дома не было, наверное, ушли за молоком.

Мы не спеша приготовили завтрак, не спеша покушали, не спеша наметили план действий на предстоящий день. Вскоре вернулись нацмены. Вид у них был встревоженный.

– Старшой, – обратился ко мне Хасан. – Население возвращается в село. Мы видели уже несколько человек.

Это обстоятельство меняло все наши планы. Посоветовавшись, решили, что в первую очередь надо навести в доме кой-какой порядок. Спокойно, без спешки заправили постели, принесли к печке дров, помыли посуду. Навели порядок на кухонном столе.

Более всего я боялся встречи с хозяевами дома. Как-никак, а керосин в лампе исчез, картошки поубавилось, самогон выпит. Кто его знает, как поведут себя хозяева при таких обстоятельствах?

На листочке календаря огрызком карандаша мы с Тикотским сочинили «извинительный» документ. При этом, наверное, допустили кое-какие ошибки: ни словаря, ни времени для раздумий не было. Все привожу в том виде, в каком он был составлен нами:

Энтшульдигензиунс.

Вир зиндруссенкриггефангенен.

Гроссэданке.

И, ни минуты не задерживаясь, по краю села пошли на восток. Но первые же встречи с возвращенцами показали, что на нас они особого внимания не обращают: их больше беспокоила судьба оставленных здесь без присмотра своих жилищ. Видя такое отношение к нам, мы немного осмелели и повели себя более раскованно.

Так дошли до хорошо наезженной шоссейной дороги, которая появилась справа и уходила вглубь села.

И тут произошло нечто невероятное.

Из села по этой дороге в нашем направлении шла женщина (судьба наша). Было видно, что она не из местных. На ней было легкое демисезонное пальто с темным бархатным воротничком, на голове никакого убора. Волосы черные густые, тронутые сединой. Ей было уже под 40, но она все еще была достаточно обаятельной. Мы плотной кучкой стояли на ее пути. Когда она приблизилась к нам, я внезапно вышел ей навстречу и максимально вежливо, насколько мог, спросил ее:

– Гутэ фрау. Вы не скажете, далеко ли отсюда до города Саган?

Вспоминая этот эпизод, я часто спрашиваю себя: почему именно ей я задал этот вопрос? Не знаю. Все произошло совершенно спонтанно. Судьба, наверное.

– А вы кто? – в свою очередь обратилась она к нам, мельком взглянув на моих спутников.

Я стоял рядом с ней и заметил, как горькая усмешка мелькнула на ее лице и тотчас же исчезла... Я все понял: на дороге стояли мои спутники – еще молодые, безмерно уставшие, изможденные, худые и небритые. И только в глазах можно было прочесть некоторое упрямство и твердость духа.

– А зачем вам Саган? – опять спросила она.

– Мы – русские пленные. Длительное время находились в одном из саганских лагерей. Потом бежали, и вот уже дней десять как идем на Родину.

– Ясно, – ответила она. – До Сагана километров 25. Идите по этой дороге, никуда не сворачивая. Ауфвидерзейн.

И пошла не оборачиваясь.

Недалеко же мы ушли за эти дни.

Эпизод с таинственной незнакомкой длился всего лишь несколько минут, но оставил у меня какое-то светлое впечатление. Он как бы приоткрыл окошечко в давно забытый прошлый мир.

Незнакомка ушла, а мы с Тикотским продолжили неоконченные разговоры о нашем ближайшем будущем. Не стесняясь в выражениях, он буквально набросился на меня:

– На кой черт дался тебе этот Саган. Ключнул на дамочку?

– Дорогой мой Мишенька, – в шутливой форме отражал я его нападки. – Ведь там осталась часть нашей непростой жизни. Неужели тебе не хочется взглянуть на наш барак, со всех сторон огороженный колючкой, узнать, кто и что в нем сейчас? Неужели ты не догадываешься, что фронт ушел на запад, и мы оказались в тылу. А самым крупным городом этого региона является Саган. Через него проходит и железная дорога на юг страны – важнейшая в военном отношении. Я нутром чувствую, что там нас ждут очень важные события. Но, если у тебя есть свои намерения, то пожалуйста, иди своей дорогой. Да только без нас ты пропадешь. А мы сегодня к вечеру будем уже в другом измерении. Так что решай.

Скрипя сердцем, не скрывая своего раздражения, Тикотский пристроился к нам.

Но дорога оказалась не легкой. Мы сильно уставали, присаживаясь на отдых. Я даже стал беспокоиться: сможем ли мы к

вечеру добраться до Сагана. Но идти было интересно, так как дорога была оживленной. Нас частенько обгоняли разные машины: то немецкие – большей частью легковые, то и наши – русские, военные. Много было и мирного населения – одни налегке, другие – нагружены разными узлами («котомками» по-уральски). Некоторые катили перед собой детские коляски, тоже нагруженные различным домашним скарбом. Нечто подобное мы наблюдали однажды в Саганском лагере.

Неизбежное и справедливое возмездие.

Чем ближе мы походили к Сагану, тем многолюднее и оживленнее становилась дорога. Все чаще стали появляться бродяги вроде нас. Начиналось великое переселение народов, что предсказывал еще сибиряк, когда нас везли в Лодзь в далеком 43-м году. Однажды нас обогнал молодой паренек в длинной, не по росту, зеленой шинели. Обличьем очень походил на русского. Я окликнул его:

– Эй, Иван!

Не останавливаясь (видно спешил), он ответил: «Никс Иван – итальяна».

В другой раз, чтоб отдохнуть, мы присели на обочину дороги. К нам сразу же подошел мужчина средних лет – веселый, бесцеремонный. Тикотский спросил его – не американец ли он? Он отрицательно покачал головой и заученно ответил: «Я французский летчик Май. Больше я ничего не знаю».

И, как внезапно пришел, так внезапно и покинул нас.

Вскоре стали попадаться какие-то складские помещения, а потом и жилые дома. Пахнуло чем-то знакомым. Первыми догадались, что мы уже в Сагане, наши нацмены. Хасан вдруг громко закричал: «Миша, Старшой, вон наш лагерь, в котором колонну делали!».

Мы с Мишкой быстро сориентировались и перешли на знакомую нам дорогу, которая проходила рядом с нашим лагерем. Вот справа за колючкой (ее все еще не убрали) появились недостроенные бараки. Вот раскорчевка, где наш Унтер избивал Ведерникова. Вот вышка, под которой союзники сделали выход в лес из подкопа – во время побега.

Вот и центральный вход в лагерь. Ворота на замке. На месте проходной – небольшая будка. Из нее вышел солдат с автоматом на шее. Спросил:

– Что надо?

Узнав, кто мы такие, велел подождать, а сам кому-то позвонил по телефону.

Вскоре к воротам подошел старшина, вежливо поздоровался, попросил следовать за ним. Подвел нас к бараку. У входа стояла обычная конная повозка с высокими бортами. Около нее – лошадь с мешком овса на шее. Война, лагерь пленных, поток беженцев, где-то слышны взрывы: и вдруг – мирная лошадка. Все это было настолько противоестественно, что мы невольно подошли к ней. А киргиз даже погладил ее по шее. Старшина пригласил нас в барак. Барак как барак: стол, стулья, несколько двухэтажных заправленных нар.

– Это мы куда пришли? – поинтересовался я.

– Мы представляем охранное воинское подразделение. Сейчас придет его начальник – лейтенант (фамилию его я, к сожалению, забыл), и он расскажет вам обо всем более подробно.

А пока мы познакомили старшину с лагерем союзников – контингентом пленных, главными службами лагеря, его охраной.

Часов около 7 вечера явился лейтенант. Узнав у старшины, кто мы такие, попросил его организовать нам небольшое застолье (по нашему виду он без труда определил, что мы голодаем уже давно).

За чашкой чая мы рассказали лейтенанту, что оба – летчики, были узниками этого лагеря, намерены разыскать свои боевые полки, в которых воевали, и продолжить в них дальнейшую службу.

При этих словах лейтенант снисходительно улыбнулся, но ничего не сказал. А мы попросили его рассказать нам о его службе и обстановке в городе. Он охотно согласился. Привожу по памяти его рассказ с некоторыми сокращениями.

– Вначале о городе. В Сагане размещается так называемый «запасной полк». Но к слову «запасной» он никакого отношения не имеет. В данный полк или направляют, или туда приходят самые разные люди: раненые из госпиталей, отставшие от своих

подразделений, дезертиры, заключенные после отбытия наказания, пленные вроде вас и т. д.

В полку есть служба – СМЕРШ. Работники этой службы всем, кто вызывает те или иные подозрения, учиняют строгий допрос. А далее всех этих людей распределяют по воинским частям. Поэтому я сразу предупреждаю вас: первое – ко всему этому будьте готовы, второе – во всей этой свистопляске администрации полка быстро разыскать ваши подразделения будет очень трудно и вряд ли возможно. Но я попытаюсь.

Чем занимаемся мы? Дело вот в чем. В последнее время наша Армия стремительно продвигается на запад. В тылу остается много самых разных трофеев: промышленные предприятия, банки, стратегические склады, даже бесхозный скот. Встает проблема по их охране. Вот эту проблему мы и решаем. Охранников подбираем из числа поляков, чехов, даже немцев и русских. Но для решения организационных вопросов требуются переводчики, знающие немецкий. По вашим биографиям я понял, что вы сможете с этим справиться. Если согласны, то я смогу быстро оформить всю необходимую документацию по возвращению вас в действующую Армию. А это, поверьте мне, не так просто, как кажется. Тем более что вы имели тесные контакты и с немцами, и союзниками. Так что думайте. С завтрашнего дня старшина возьмет вас на довольствие... берем грех на душу. Пехотинцев ваших я завтра отведу в распределительный пункт, а там пусть сами разбираются. А вы пока отдыхайте: вид у вас неважный.

Но я все-таки спросил его:

– А какова дальнейшая судьба этих объектов?

– Часть передаем местному самоуправлению, часть – нашим тыловикам.

На следующий день жизнь наша, как я в свое время сказал Тикотскому, «потекла в другом измерении». Впервые за много дней умылись из «рукомойника», утерлись вафельным полотенцем и закусили сухим армейским пайком из запасов старшины. И, конечно же, неподдельно трогательно простились с нашими нацменами, пожелав им всего самого наилучшего.

А мы с Тикотским решили пройтись по нашему, теперь уже бывшему, лагерю. Вначале зашли в наш барак – пустой, необитаемый. Двери полураскрыты, раскачиваются на ветру. Стекла в

окнах побиты. На полу валялись рваная одежда, обувь. На кухне – посуда и даже черпак: прямо в котле. А в одном углу валялась такая жалкая пятигранная немецкая гармошка, на которой играл Ведерников в нашем шумовом оркестре.

Мы побывали в госпитале, где я подружился с английским штурманом с «Бостона». Заглянули в карцер, в котором отсидел несколько дней. Прошлись по баракам союзников – везде одно и то же: полное запустение.

Мне трудно выразить те чувства, которые я испытал. С одной стороны надо бы радоваться: конец баракам, конец колючей проволоке и вышкам с часовыми, конец фашизму. Но все это – на уровне сознания. А на уровне чувств все было сложнее. Во всем мире, во все времена любое жилище – дворец или лачуга – делается для человека. Вместе они представляют собой как бы «комплект». Поэтому человек вне жилища, равно как и жилище без человека – это уже «не комплект», то есть явление противоестественное. Такие же чувства я испытываю и в наше время, когда вижу заброшенные и умирающие без человека деревеньки. Печально. Но что поделаешь.

Но где бы мы ни были и что бы ни делали, чувствами и мыслями своими постоянно возвращались к нашему больному вопросу – принять предложение лейтенанта или отказаться от него. Вариантов «за» и «против» – поровну. Но оценивали обстановку по-разному. Тикотский жаловался мне:

– Тебе легче. Ты про свой полк все знаешь. А я за два года, пока находился в лагере, и номер-то полка забыл. Да и машин тех времен (ДБ 3-Ф) уже не осталось – все давно побиты.

Я пытался утешить его:

– Ты ведь был стрелком-радистом. Вот и претендуй на эту должность на ПЕ-2 (пикирующий бомбардировщик военного времени).

– Я работал на РСБ (самолетная радиостанция), а сейчас она и с вооружения снята. На «ключе» (азбука Морзе) легко давал 100 знаков, а сейчас... В общем – надо заново переучиваться, а не летать.

Мои переживания были иными: что ждет меня, если руководству «запасного полка» не удастся разыскать расположение

нашего – 951-го ШАП? А это, наверное, так и будет. Значит – пехота! Но почти два года ЧВАУ, год в боевом полку в какой-то мере сроднили меня с таким понятием как АВИАЦИЯ. И поэтому (Господи, прости меня, грешного) само слово пехота было для меня унижительным. Это не значит, что я испытываю какое-то высокомерное чувство превосходства к представителям других родов войск. Нет – это был обыкновенный здоровый патриотизм. Сходные чувства испытывают и моряки, и, пожалуй, похлеще, чем авиаторы – особенно, когда дело доходит до взаимных драк и потасовок. Это чувство подогревалось и свыше: строгий медицинский отбор призывников, повышенная норма питания, боевые 100 грамм по вечерам после вылетов, сложная боевая техника, более экстремальные условия ведения боя. Не говоря уже о том, какая красивая форма одежды, особенно – парадная.

Но где-то в глубинах сознания притаилась мыслишка: «А плен и общение со своими коллегами из капстран, на фоне которых мы выглядели довольно убого, ты не учитываешь? Смотри – не только в пехоту, а как бы в штрафбат не загреметь».

Вот в таких тяжелых раздумьях протекала наша жизнь... у своих. А так хотелось попасть в родной полк! Да только не знал я тогда, что из тех летчиков, с которыми я начинал свою боевую жизнь, к настоящему времени в живых остались считанные единицы.

На следующий день мы хотели посмотреть, как живет город в новых условиях, но не рискнули – как бы не попасть в комендатуру. Поэтому решили продолжить знакомство с лагерем в той его части, где были сосредоточены управленческие и прочие службы: администрация, клуб, кухня, столовая и т. д. Все это тоже оказалось бесхозным. И только кабинеты начальника лагеря, его заместителей по охране и по хозяйственной части, общества Красного креста были укрыты капитально.

Лейтенант в тот день со своей «охраны» пришел раньше обычного. Поставил на стол бутылку водки и кое-что из сухого пайка, объявил: «Сегодня Сабантуй – День Красной Армии (23 февраля)». И только в этот момент я сосчитал, что наш путь на Восток (до переправы через речку) длился примерно две недели.

Одна из них почти без пищи. Видно, в самом деле мы выглядели неважно, раз лейтенант поставил нас на довольствие и дал два дня отдыха.

Общими усилиями мы сделали в общем-то довольно скромное застолье: вобла сушеная, перловка из брикета, небольшая баночка свинины, немного вареной картошки, хлеб. После первых же тостов: «За Победу!», «За Родину!» – разговорились. Лейтенант, конечно, поинтересовался:

– Что вы решили относительно моего предложения?

– Пока ничего. Все еще думаем.

– В вашем распоряжении одна ночь. Завтра мы переезжаем на новое место. Нам приказано из крупных промышленных предприятий экспроприировать металлообрабатывающее оборудование и железнодорожным транспортом отправлять его на Урал и далее.

А я рассказал ему, как в далеком 43-м немцы из Донбасса аналогичное оборудование спешно вывозили в Германию. А нам с капитаном В.М. Заболотновым, только что назначенным заместителем командира полка по стрелковой части, было приказано разбомбить один из таких составов, следовавший на запад. Мы быстро перехватили состав, но не на главном, а на каком-то второстепенном пути, и «приступили к работе». Израсходовали почти весь наш боекомплект: пушки, бомбы, ЭРЭСы, но смогли только разрушить железнодорожное полотно. Может, это было и к лучшему: содержимое вагонов осталось невредимым.

Более подробно этот вылет описан мною ранее.

Вспоминая те события, я не мог избавиться от мысли, что все они имеют какой-то почти мистический оттенок: в 43-м году мне пришлось препятствовать вывозу подобного оборудования на запад. В 45-м мне предоставлялась возможность вернуть его обратно на восток.

Следующий день был полон самых разных непредсказуемых событий. С утра старшина и лейтенант упаковали все необходимое оборудование в свою высокобортную повозку, уселись в нее сами, а нам предложили два «плацкартных» места – сзади. О нашем решении лейтенант уже не спрашивал: все было и так ясно. Но я не утерпел и спросил его:

– А нам в городе куда и к кому обратиться?

– Я высажу вас около какого-нибудь военного ведомства. А дальше, раз вы такие самостоятельные, все решайте сами.

Против ожидания, город оказался довольно оживленным: много гражданского населения, много военных самых разных званий, много машин – по преимуществу тоже военных. Но не было ни столовых, ни кафе и разных развлекательных учреждений – жизнь только входила в норму.

Немного поплутав по улицам и переулкам, мы остановились у небольшого трехэтажного здания. У главного входа – очередь, по преимуществу женщины. За порядком следит молодая девчонка лет 16-ти (из русских). Не знаю уж почему, но вела она себя довольно грубовато. Лейтенант спросил ее – как пройти к начальству? Не говоря ни слова, она ткнула пальцем в одну из дверей. Лейтенант скрылся за дверью, но вскоре вернулся обратно, сообщил нам:

– Это городская управа. Здесь вы пробудете до вечера, а вечером вас отведут на распределительный пункт. Там и решат вашу судьбу.

За дверью – небольшая прихожая, за ней – еще одна дверь в небольшую комнату. В ней – сержант: рослый парень с автоматом. Вот сюда и привел нас лейтенант. Пожал нам руки, пожелал всего хорошего и удалился.

А сержант оказался покладистым парнем, очень заинтересовался нашей судьбой. Завязался мирный дружеский разговор.

Но внезапно в комнату вошел старшина (один из сотрудников управы). Был он пьян. Увидев нас, спросил у сержанта: «Кто такие?». Сержант кратко рассказал ему все, что успел узнать о нас. Изрядно покачиваясь, старшина подошел еще к одной небольшой двери, которая была на замке, кратко приказал сержанту: «Сюда!».

– Может, не стоит? – обратился сержант к старшине.

– Выполняй приказ и без разговоров!

И ушел наводить порядок в очереди.

– Болван! – в сердцах бросил ему вдогонку сержант.

Из этой комнаты куда-то вниз вела небольшая лестница. В конце – массивная дверь. Из связки ключей сержант нашел нужный и открыл ее.

То, что я там увидел, а точнее то, что не увидел, трудно описать в деталях. Это оказалось подвальное помещение, подобное тому, что было в фольварке (у моста). Из маленького полупрозрачного окошечка падала узкая полоска тусклого света. Все остальное было – в полумраке. Подвал был набит людьми до отказа. Большинство сидели на полу, прислонившись спиной к стене, остальные – лежали. Подвал совершенно не проветривался, поэтому первое, что я почувствовал – это смрад: не хватало кислорода.

Мы с Тикотским, конечно, понимали, что после побега нас здесь – у своих – никто с оркестром встречать не будет, но чтоб вот так – это уже слишком. Мы были настолько подавлены, что даже не пытались хоть как-то оценить случившееся.

Но может через полчаса, а может через час, он не выдержал и, по заведенному здесь правилу, вполголоса спросил меня:

– Ну и как тебе все это нравится?

– А никак...

– И что думаешь делать дальше?

В данной ситуации эти вопросы были настолько нелепыми, что и я решил ответить ему столь же нелепо:

– Думаю танцевать...

– Здесь что ли?

– Нет – в Венском лесу, под музыку Штрауса...

Как ни странно, но это в какой-то мере сгладило тяжесть обстановки. Даже сосед, который уступил нам место, повернулся в нашу сторону и, наверное, поняв, о чем мы говорили, добавил по-немецки: «Нах дэмкриг» (после войны).

Прошло, наверное, часа два. Щелкнул замок, дверь открылась. Сержант кивком головы предложил мне выйти и повел меня на третий этаж здания. Там в небольшой, но уютной комнате за массивным столом сидели двое, очевидно, начальники из следственных органов (петлицы и погоны у них были с синей окантовкой). Один, поближе – подполковник, второй – майор. Дальнейший разговор происходил только с подполковником. Он «ощупал» меня пытливым глазом, предложил сесть. Не столько по делу, сколько для общего знакомства сразу задал мне несколько вопросов: ФИО, год и место рождения, воинское звание и спе-

циальность. Я спокойно отвечал на все. Далее вопросы стали более конкретными:

– Номер воинской части и занимаемая должность?

– 951-й ШАП, воздушный стрелок в экипаже заместителя командира полка по политчасти майора Квелидзе.

– Обстоятельства пленения и что было потом?

Воздушный бой с двумя мессерами. Отказ пулемета и мотора. Падение, многоосколочное ранение. Плен. Уманский лагерь, госпиталь в нем. Поезд – Польша. Пересыльно-следственный лагерь советских летчиков в г. Лодзь. Саган. Эвакуация лагеря. Побег, 2 недели шли на восток. Снова Саган. И вот мы здесь.

Я даже подошел к окну, из которого был виден лагерь, и показал ему наш барак.

– Известна ли Вам судьба майора?

– Нет.

– Давно ли Вы знакомы с Вашим другом?

– Мы жили с ним в этом бараке, но не общались. Встретились во время побега, в лесу.

– Как Вы к нему относитесь?

– Положительно. В критических случаях он часто оказывался более смекалистым, чем я.

– Говорите ли вы и он по-немецки?

– Немного.

Подполковник открыл шкатулку стола и достал из нее пачку фотографий. Как колоду карт, рассыпал их на столе передо мной. Спросил:

– Кого-нибудь узнаете из них?

Я внимательно рассмотрел ее, понял – это были «лагерные офицеры». Опознал только двоих: первый – гауптман – из Югославии, которому я иногда помогал изучать русский язык. Второй – наверное, его помощник. О чем и сказал подполковнику.

Собирая «колоду» фотографий, подполковник как бы между прочим спросил меня:

– Что думаете делать дальше?

– Как что? Воевать. Вот только хотелось бы попасть в свой полк.

– Это не по моей части. Сейчас сержант отведет Вас на специальный распределительный пункт. Там и будете решать этот вопрос.

Дверь открылась, вошел сержант и отвел меня в свою комнату. Тикотский был уже здесь. Сержант навел в комнате относительный порядок, положил ключи в условленное место, перекинул автомат за спину и, немного подумав, обратился к нам со следующими словами:

– Сейчас я поведу группу немцев из нашей каталажки в гарнизонный приемо-контрольно-распределительный пункт. Вы пойдете отдельно от них – за мной. Только не отставайте далеко.

Сержант поступил правильно – умно и деликатно, наверное, щадил наше самолюбие, отделив нас от немцев.

Немцы – человек 8 – были уже на улице: стояли кучкой без всякой охраны. Сержант пересчитал их, и мы медленно пошли навстречу судьбе.

Давно замечено, что люди, которых ведут в тюрьму, на следствие, на казнь, всегда идут медленно, словно прощаются с этим миром. Конвоиры ведут себя соответственно, не подгоняя их. Я заметил это на себе еще в Лодзи, когда меня водили на допрос. Так было и сейчас.

Наш путь проходил около небольшой речки, к сожалению, не помню ее название. Раньше через нее был проложен мост, но во время недавних боев немцы его взорвали. Наши саперы на этом месте навели понтонную переправу – три мощных понтона были уложены с берега на берег. И один наш русский танк решил проехать по этим понтонам на противоположный берег. Но во время переправы крайний понтон оторвался от остальных и встал на ребро. Танк мгновенно соскользнул в воду. Народ на обоих берегах с тревогой ожидал – удастся ли экипажу спастись?

Поближе к речке подошли и наши немцы. Один из них показался знакомым – небольшого роста с рыжеватой бородкой. Мишка стоял рядом со мной и тоже внимательно рассматривал его. А немец, очевидно, почувствовав взгляд на миг повернулся в нашу сторону, и... желтые очки в роговой оправе сразу выдали его. Сомнений не оставалось – это Якоп. Майор Якоп.

– Узнаешь? – спросил я Мишку.

– Конечно! – ответил он.

Это было удивительно, даже неправдоподобно: местный магнат, владелец банка и окружающих лесов, первый заместитель коменданта Саганского лагеря. А мы с ним в одной каталажке и здесь – в одной группе идем по одному и тому же адресу. Все в жизни перемешалось.

Танк, очевидно, затонул, – экипаж погиб (царство им небесное). Народ стал постепенно расходиться. Некоторые смельчаки осторожно, но уже пытались перейти речку по понтонам. А сержант повел нас дальше.

Вскоре мы подошли к невысокому, но вместительному зданию – это и был тот самый «распределитель». Сержант попросил нас с Мишкой присматривать за немцами, а сам направился к дверям распределителя. Немцы, видать, по привычке, собрались в кучку и завели свои разговоры.

В это время совсем недалеко от нас раздалось два мощных взрыва. Немцы в страхе попадали на землю, мы с Мишкой продолжали спокойно стоять: не пристало боевым летчикам реагировать на такие «пустяки». Когда все немного успокоились, я подошел к «очкастому», спросил:

– Майор Якоп?

Он не удивился, не испугался, посмотрел на меня внимательно. Ответил:

– Да.

– Вы нас не узнаете?

– Вы из этого лагеря? – кивнул он в сторону барачков и охранных вышек.

– Да.

– Нет, не узнаю: вас там было слишком много (цуфиль).

В разговор вмешался Мишка. Обратился ко мне:

– Давай его поколотим.

Я откровенно рассмеялся, спросил:

– А за что?

– Да просто так, для профилактики.

– Ты лучше спроси, за что его еще летом отстранили от занимаемой должности и куда-то упекли?

(Ходили слухи, что он пытался вступить в связь с некоторыми американскими пленными с тем, чтобы с их помощью перевести свои капиталы в американские банки).

В это же время раздался еще один взрыв, но меньшей мощности. На него немцы отреагировали уже более спокойно. И только Якоп, ни к кому не обращаясь, бормотал про себя что-то невнятное. Не очень понимая его речь, я спросил Мишку:

– О чем он?

– Он говорит, что ему все это надоело и жить не хочется. Скорей бы на тот свет.

Я повернулся к нему, стараясь вникнуть в смысл его слов. Якоп, глядя мне в лицо, произнес:

– Аллее ферлорэн (все потеряно).

Фразу эту я понял, но все же спросил его:

– Что – все?

Якоп повернулся ко мне вплотную, поправил очки, сухо ответил:

– Все. Дом, семья, дети, работа. Где все это?

В его словах, в тоне, каким они были сказаны, в потухшем взгляде было столько неподдельной печали, что мне по-человечески стало жаль его. Пугая немецкие и русские слова, я довольно резко прервал его:

– Майор, о чем ты говоришь? Разве не видишь, что война скоро кончится, и все будет гут.

Обнаружив, что меня внимательно слушают и остальные немцы, я с этими словами обратился к ним:

– И вам того же желаю.

Немцы явно оживились; некоторые, правда, скептически улыбались: не верили.

Вернулся сержант и всех повел в здание.

Допросы. Допросы

В здании «приемника» насчитывалось много разных комнат и комнатушек, отделов и подотделов: слишком уж разношерстным был состав прибывающих. Каждому надо было дать пристанище, напоить, накормить, и определить его дальнейшую судьбу.

Представитель «приемника» молча завел нас в небольшую

комнатушку, в которой стояли две заправленные койки, маленький столик, два стула и две не заправленные койки. Немцев разместили в таких же комнатах – напротив. Сержант, присутствующий при этом, пожелав нам всего наилучшего, добавил:

– Хорошие вы ребята, жаль мне с вами расставаться. А за «каталажку» извините: таков порядок, не нами заведенный.

Вечером того же дня нам принесли ужин – суп с мясом, немного хлеба и кофейный напиток. Управившись с едой, я пошел в комнату напротив, отыскал Якопа, сказал:

– Якоп, а вас здесь кормят лучше, чем Вы нас.

Он промолчал, всем своим видом показывая, что в разговоры со мной вступать не намерен. Я понял и удалился.

Позже узнал, что немцев из «каталажки» и ей подобных заведений привозят сюда же. Здесь проверяют их лояльность новому строю и принимают решение об их дальнейшем использовании. Отбор не очень строгий: в городе надо было налаживать жизнь – торговлю, работу больниц, кафе, школ. Людей не хватало, тут уж не до тонкостей.

Поближе к вечеру в комнату поселили еще двоих. Первый – молодой интеллигентный капитан – артиллерист. Второй – ... Ворожцов. Да! Да! Тот самый, кто играл на тромбоне в нашем лагерном оркестре. Пылкая встреча – вопросы, ответы. Мы с Мишкой кратко рассказали ему о себе. Его рассказ был более продолжительным. Приведу его по памяти с некоторыми сокращениями:

«О том, что заключенных будут переводить в центральный городской лагерь, Вихман, очевидно, знал заранее, поэтому еще утром он отобрал себе небольшую группу наших ребят – человек 8-10 – и отвел на зачистку солдатских и офицерских казарм. Таким образом, в вашу группу мы не попали.

После того, как вас увели, началась активная ликвидация лагеря. Не сразу, а по частям. Уже на следующий день из свинарника на машинах увезли поросят вместе с обоими «швайнмайорами». Потом ликвидировали кухню. Дня два подчищали барак, где проживали лагерные рецензентки. Очень тщательно упаковывали все архивы лагерной комендатуры и отделения Красного креста. Пустой барак, в отличие от остальных, опечатали».

Я поинтересовался, не знает ли он судьбу Солдатенко.

– О! Это особая статья. Когда пришли за вами, он быстро смылся в свою зубодерню, хотя она уже не работала. И в нашей команде его тоже не было. По-моему его куда-то упрятал Вихман.

– А сюда как попали?

– О, это не менее интересно. После ликвидации лагеря исчез и Вихман. Остались мы одни на весь лагерь. Продукты есть. Ждем его день – два. Никто не появляется. В городе тихо. Без конца решаем, что делать дальше – идти на восток к нашим или ждать их здесь? На третий день слышим – «кукушка» на вокзале гудки дает. Значит, город оживает. Решили проверить – что в городе творится. На разведку пошел я... Вот тут мы сделали ошибку: надо было идти вдвоем-втроем. Ну, в общем, хожу по городу, вижу – народа много, машины наши разъезжают. Все очень интересно. Но напоролся на военную комендатуру: кто такой и т. д. Привели сюда. Здесь небольшой допрос. Говорю, что в лагере остались мои друзья. Повели в лагерь уже под охраной... Но в бараке никого не оказалось. Походили по комнатам – везде пусто. Вскрыли комнату Вихмана. Нашли еще одну коробку с продуктами. «Что будешь делать?» – спрашивают. «Не знаю. Ведите обратно», – отвечаю. Привели сюда. Но никак не могу представить – куда они могли исчезнуть?

Что ж, в войну и не такое бывало.

Дня через два нас с Тикотским отправили на допрос. На сопроводительной бумажке дали адрес, рассказали, как туда пройти. Это был небольшой домик (особняк). У входа – часовая. Он проверил наши бумаги, провел к кабинету следователя. Кабинет – небольшая уютная жарко натопленная комнатка, ничего лишнего: стол, два кресла, телефон. Следователь – старший лейтенант, совсем молодой, но с цепким взглядом.

Первым вызвали Тикотского. Пробыл он там недолго – минут 15. Вернулся смущенный, подавленный.

– Что там? – спросил я его.

– Потом расскажу.

Открылась дверь, старлей кивком пригласил меня, предложил сесть. С минуту «ощупывал» взглядом. Наверное, для устрашения.

Честно говоря, ощущение не из приятных. Но за время пребывания в плену я этих допросов прошел немало, поэтому научился держать себя в форме, тем более – у своих.

Допрос начался по стандарту – точь в точь, как в горуправе: рождение, домашний адрес, образование общее и военное, фронт. Но с той разницей, что все сказанное он тщательно записывал. Стенографией он не обладал, поэтому допрос протекал медленно.

Обстоятельства пленения и все, что было потом, попросил освещать более детально. Задавал много дополнительных вопросов. Вскоре мне все это стало надоедать, и я сказал ему, что обо всем этом меня уже спрашивал в горуправе один подполковник. Сталей холодно парировал:

– У них свое ведомство, у нас – свое.

В комнате было довольно душно, поэтому я распахнул шинель.

– Если Вам жарко, можете снять шинель, – предложил старлей.

Я разделся... и предстал перед ним в парадном костюме американского летчика.

Старлей долго и молча разглядывал меня, а потом спросил:

– А Вам не кажется, что Вы на русского пленного не очень похожи?

– Да, кажется.

– Тогда, может быть, не будем терять времени...

Пришлось рассказать ему про те обстоятельства, при которых я облачился в этот костюм.

Далее последовало несколько вопросов относительно Тикотского. Чтобы не было никаких разночтений, я рассказал старлею о Тикотском все то, что было сказано подполковнику в горуправе.

Допрос, с небольшими перерывами, продолжался несколько часов. Когда все было закончено, старлей попросил меня уточнить некоторые детали, что я и сделал. После этого он молча «пробежал» глазами по всему тексту допроса, очевидно, остался доволен, коротко произнес: «Все. Свободны».

Честно признаюсь – подобная щепетильность старлея меня приятно поразила, и он оставил у меня в целом хорошее впечатление.

Мне казалось, что материалы допроса лягут в основу всех дальнейших событий, и меня, может быть, направят в свой полк. Но я глубоко ошибался: все только начиналось.

Когда мы возвращались в «Приемник», я спросил Тикотского:
– Что у вас произошло?

– Я не мог точно вспомнить номер своего полка. А на вопрос, кем я работал в лагере, ответил все как было. Он посчитал мою работу как «обслуживание немцев», меня назвал «пособником» и прекратил допрос. Положение Тикотского озадачило и меня. В самом деле – работая в лагере электриком, он осуществлял электропроводку во вновь строящихся бараках, но в аварийных ситуациях – по всему лагерю, в том числе и у немцев... Конвоир, который сопровождал его во время работы, – тоже немец. Таким образом, положение Тикотского в самом деле было щекотливым: общение с немцем (врагом) – было? Было. Насколько тесным? Недоказуемо. Дать какие-либо сведения о нем в период жизни в лагере я не мог, так как с ним не общался. Мое же отношение к нему во время побега было высказано дважды – только положительное.

В «приемнике» нас ожидало еще одно происшествие – Ворожцов и капитан (артиллерист) куда-то исчезли. Постельные принадлежности на их койках отсутствовали. Разыскивать их по всем отделам посчитали бесполезным – если они еще здесь, то сами найдутся. Но в голове непроизвольно родилась мысль: «А «приемник»-то, оказывается, не такое уж гуманное заведение». Увы – все сбылось.

На следующий день нас с Тикотским переселили в другую, более вместительную комнату. В ней уже находилось трое пожилых пленников и парень – зенитчик. А днем приходила на допрос молодая дамочка –Таня: не то врач, не то санинструктор. В последующие дни стали появляться и другие обитатели «приемника».

Но нас с Мишкой заинтересовала троица пожилых мужичков. Все они худые, бледные, какие-то понурые. Я сразу понял, что сюда они прибыли из какого-нибудь другого лагеря. Держались они всегда вместе, о чем-то вполголоса разговаривали между собой, избегали общения с другими. Наши попытки «разговорить» их успехов не имели. Но позже мы все-таки узнали, что в

плен они попали под Севастополем и что занимали там какие-то важные посты. Дня через три в нашей группе было уже около десяти человек. И, кроме того, к нам приставили не то охрану, не то группу сопровождения – 2-3 человека. Они и повезли нас повезли в г. Оэльс. Не ручаюсь за точность, но в городе, якобы, находился штаб какой-то Армии, а при ней, естественно, армейская разведка.

Дорогой в одном месте мы попали в «пробку». На обочине дороги стоял молодой лейтенант в авиационной форме и упрашивал водителя «подбросить» до Оэльса. Получив согласие, пошел забираться в кузов. Я подал ему руку и помог подняться. И тут обнаружилось, что это был мой хороший друг по ЧВАУ – Петя Рыжов. Он был очень удивлен и признался мне, что, по слухам, я считался уже погибшим.

А Петя воевал при каком-то авиационном штабе, где летал на разведку на Пе-2, переоборудованном для этих целей. Как водится, обнялись, разговорились: он – о себе, я – о себе. Вспомнили по такому случаю «АФА» – прозвище старшего лейтенанта Еременко, который в ЧВАУ читал нам курс аэро-фото-разведки. А сейчас Петр чем-то заболел и едет на Кавказ подлечиться. Мы обменялись адресами и еще долго, уже после войны, вели оживленную переписку. Неисповедимы пути господни.

В Оэльсе нас поместили в отдельную комнату. В нашей мужской компании очень неуютно чувствовала себя Таня. Местная администрация пошла ей навстречу, поместив ее с другими женщинами, но на допрос она приходила к нам.

Надо сказать, что мы относились к ней внимательно и деликатно: давно отвыкли от женщин.

На следующий день начались допросы. Следователей было несколько – каждый специализировался по своему какому-то определенному профилю. Допзнание часто проводилось не по принципу «вопрос – ответ», а в виде собеседования: наверное, для того чтобы придать этому процессу доверительный характер. И чем чаще я проходил подобные собеседования, тем лучше начинал понимать, что следствие интересуется не столько мной, сколько Квелидзе. Часто мне задавали, как мне казалось, совершенно несущественные вопросы: «Отец у него русский (Семен),

а он почему грузин?», «Его домашний адрес?», «Когда и за что он был награжден двумя орденами Красного Знамени?», «Где он проходил службу до появления в вашем полку?».

На все вопросы я отвечал осторожно, взвешенно и только то, что знал достоверно. Жизнь научила.

Но особый интерес следствие почему-то проявило к тому периоду жизни майора, когда произошло его знакомство с Алкой (Аллой Степановной: ее девичью фамилию я, к сожалению, не помню). Это было в Борисоглебске. Пришлось рассказать обо всем, что там произошло. Включая и ее «похищение», которое мы провели с нашим механиком Поляковым.

На вопрос, как отреагировало полковое и дивизионное начальство на его появление с ней, я ответил кратко:

– Или никак, или отрицательно.

Отметил также, что в девичий коллектив полка (мотористки, оружейницы, связистки) Алла вписаться не смогла. Не приняли.

В процессе собеседования мне был задан не очень корректный вопрос:

– Любил ли майор Аллу, или она была для него лишь ППЖ? (походно-полевая жена)?

– Любил! – коротко и без колебаний ответил я, так как хорошо знал всю подноготную их романа.

Вопрос о том, как был сбит наш самолет и как мы с майором попали в плен, следствию был известен по Саганским данным, поэтому на данную тему меня ни о чем не спрашивали.

Тикотский после допроса в Сагане как-то сник, ходил мрачный, подавленный. Здесь его допрашивал другой следователь. Результатами этих допросов он со мной не делился, а я не настаивал.

Здесь же, в Оэльсе, произошло еще одно немаловажное событие. Один раз зенитчик отвел меня в укромный уголок и под большим секретом поведал мне одну загадочную историю (излагаю ее с сокращениями):

«Из Ваших разговоров я понял, что Вы в начале 44-го находились в Лодзинском лагере. Я, уже после Вас, тоже побывал там...случайно.

Не буду вдаваться в подробности – это история длинная. Но

однажды надежный человек (из немцев) передал мне небольшую скомканную записку, написанную, якобы, одним летчиком, полковником по званию, который сейчас находится в лагерном карцере. Устно, через того же немца он просил передать эту записку кому-либо из летчиков. В ней не очень разборчиво (в карцере карандашей, да бумаги не держат) было указано место падения его самолета и место, где припрятаны его документы и ордена.

Меня из этого лагеря вскоре перевели в другой, поэтому его просьбу я выполнить не смог и поэтому, хотя и с запозданием, передаю ее Вам».

Я поблагодарил его за доверие, а записку зашил в тренчик – ляпочки на шинели для того, чтобы полы ее при ходьбе не очень распахивались по сторонам. Хотя, честно говоря, я не очень представлял себе – что с ней делать дальше? Случай этот «запал мне в душу», и я стал частенько задумываться об этом полковнике. И однажды вспомнил допрос в Умани, когда следователь вначале спросил у меня фамилию командира нашей 306-й дивизии. А потом, вместе со своим начальником, подсунул мне фотографию А.Ф. Исупова. Естественно, возникло подозрение – не он ли находился в карцере Лодзинского лагеря?

Забегая вперед, скажу, что уже в 80 х годах, на одной из встреч с нашими однополчанами я познакомился с бывшей женой Исупова – Капитолиной Ивановной – и все рассказал ей об этой записке. Она выслушала меня спокойно и сказала, что он действительно был сбит и попал в плен в районе Одессы, документов и наград нигде не прятал. В плену вел себя героически, был заточен в тюрьму и, очевидно, расстрелян. А мы с Капитолиной Ивановной подружились и еще долго переписывались. Вот ведь как бывает.

На крутых поворотах

В Оэльсе мы пробыли с неделю. В нашей группе добавились новые люди, и охранники повезли нас дальше на восток. На сей раз это был г. Ченстохов (Польша). Здесь, если не ошибаюсь, в то время находился штаб какого-то фронта. Здесь мы, перед тем

как попасть в действующую армию, должны были пройти окончательную проверку или допрос. Здесь же сняли охрану, разместив нас в обычных казармах, укомплектовали в некое подобие рот, хотя многие все еще были в гражданской одежде.

Волею судьбы мы с Тикотским оказались в разных подразделениях и расстались навсегда. Жаль было, свыклись, да что поделаешь: война.

Моим новым следователем был... не знаю, как его охарактеризовать – щупленький, простоватый мужичек в годах, в звании лейтенанта, по воинской профессии – артиллерист. Когда я вошел в его кабинет, он усадил меня на диван, дал в руки старенький номер «Красной звезды», а сам приступил к изучению моего (уже довольно солидного) личного дела. Долго и въедливо читал его. Время от времени задавал мне кое-какие вопросы. Более всего его интересовал Саганский лагерь союзников – как они жили, чем питались и что мы делали в нем? В конце поинтересовался, есть ли у меня к нему вопросы, жалобы? Пользуясь случаем, я, конечно, спросил его: «Как бы мне найти свой полк?».

– Это исключено. Кто его будет разыскивать? Все при своем деле. Да и сама война стала подвижной.

Помолчав, добавил:

– Я тоже артиллерист, а вот сижу здесь... бумаги перебираю. Так что повоюйте в матушке-пехоте. Здесь не засидитесь.

В ту же ночь нас подняли по тревоге. Ротные привели нас к БПК (банно-прачечный комбинат). В темноте и суматохе они пачками загоняли нас вначале в санпропускник. Здесь мы разделлись. Шинели побросали в одну кучу, верхнее и нижнее белье – в другую, обувь – отдельно. А далее – душ. О! Это блаженство! 15 минут на помывку – и в каптерку. Здесь натренированные сотрудники этого комбината без особой примерки одели нас в военную форму от сапог до пилотки. И снова в строй.

И только тут меня осенило – записка-то осталась в старой шинели! Не раздумывая, бросился к месту, где раздевались. А шинели лежали здесь уже «горой». В поисках своей, лихорадочно стал разбрасывать их по сторонам. Вбежал ротный:

– Что здесь ищешь?

– Шинель свою старую.

– Зачем она тебе, если получил новую? Марш в строй. Ну что ж, командиров надо слушаться. Поплелся в строй. В казарме всех нас остригли «под нолевку» и выписали новые Красноармейские книжки.

Так я снова стал старшим сержантом – бойцом Красной Армии.

Утром прямо к казарме подъехал какой-то начальник, отобрал 10 человек покрепче и отвез на ближайший железнодорожный полустанок. В эту десятку попал и я. Этот полустанок оказался перевалочным пунктом артиллерийских боеприпасов. К нему постоянно приходил старенький паровозик с парой товарных вагонов со снарядами самого разного калибра. За ними – грузовые машины. Мы перегружали снаряды на них, а они увозили «груз» уже к линии фронта. Готовилась «Берлинская операция»!

Работа, без привычки, была тяжелой. К вечеру я думал только об одном – как бы поскорее добраться до постели.

Через неделю к нам на американском «Виллисе» подъехал незнакомый лейтенант. О чем-то переговорил с нашим начальником и спросил:

– Нет ли среди вас моряков, летчиков и танкистов?

Таких вместе со мной набралось трое. Он посадил нас в машину и отвез в очередной ЗАП.

Данный запасной полк (это была уже немецкая территория) располагался на участке, по всему виду, преуспевающего бауэра. На усадьбе площадью около 4 га размещались многочисленные конюшни, скотные дворы, крытые навесы для сена, огород, жилье для работников, даже маленький прудик. И – отдельно – фольварк для хозяина: жилое, немного вычурное трехэтажное здание. Лейтенант поместил нас в одну из комнатшек этого здания. В ней, кроме нас, уже проживало несколько человек.

В этом же здании этажом выше проживал один из сотрудников этого полка – дураковатый парень без особой воинской выправки, но с довольно нахальной физиономией и странной фамилией – Морос. На следующий день он вывел нас на плац, построил в колонну по два и...началось!

– Напра-во! Нале-во! Бегом – марш!

Было видно, что он буквально упивается возможностью покомандовать «этими аристократами» вроде нас. И опять!

– Направо! Налево! Ложись!

Мы легли.

– Встать!

Мы встали.

– Плохо. Повторить. Еще раз. Ложись!

Все легли. Я остался стоять. Морос подошел ко мне и, с трудом сдерживая бешенство, спросил:

– Тебя что? Это не касается?

– Да не касается. Я умею и ложиться, и вставать, и ползать по-пластунски не хуже Вас!

– Вот что! За неподчинение командиру я быстро отправлю передовую.

– И чем раньше ты это сделаешь, тем будет это лучше и для вас, и для нас.

Сержант, видно, исчерпал себя полностью, скомандовал:

– Вольно, разойдись!

Лейтенант

Фронт требовал пополнений. Запасной полк, в котором я оказался, производил формирование так называемых «маршевых рот» и без промедления отправлял их непосредственно в зону боевых действий. Один из таких пунктов формирования рядового и сержантского состава возглавлял тот лейтенант, который привез нас из Безымянного полустанка.

Так случилось, что мои взаимоотношения с этим лейтенантом переплелись самым неожиданным образом, поэтому на его характеристике я остановлюсь более подробно.

Небольшого роста, коренастый, с хорошей военной выправкой, с тонкими чертами лица, немногословный. Командовать по делу и без дела – не любил, себя не «выставлял». У подчиненных и командования пользовался авторитетом.

На второй день после моего конфликта с сержантом Морос (боюсь, что лейтенант знал об этом) он пришел в мою комнатку и без «обиняков» предложил мне следующее:

– В нашем полку есть особая категория людей – «ограниченно пригодных для несения воинской службы»: хромые, глухие, контуженные, больные и т.д. Частично мы используем их на вспомогательных работах – на кухне, в столовой, в медпункте и др. Остальные шатаются без дела. Командование полка порекомендовало сформировать из них отдельную роту и проводить с ними занятия как со здоровыми: конечно, по мере их возможностей. Командование этим подразделением я поручаю Вам.

Интересная деталь – он сказал «поручаю», а ведь мог сказать и «приказываю».

– Почему именно мне? Я ведь не строевик.

– Вы единственный, у кого есть военное образование.

– И что с ними делать?

– Думаю, начать надо с азов строевой подготовки. А дальше – посмотрим.

Списочный состав и форму 2-УР (учетно-регистрационную) получите завтра. Их первый сбор и построение проведу завтра я. А дальше – на Ваше усмотрение.

Скрывать не стану – я был в полной растерянности, так как совершенно не представлял, что с ними делать. В ЧВАУ «шагистике» нас обучали почти два года. Но – нас, а не их.

На следующий день лейтенант собрал их прямо на плацу, по росту построил в одну шеренгу. Скомандовал:

– На первый-второй рассчитайсь!

Не сразу, но рассчитались.

– Все «первые» встаньте в первый ряд, «вторые» – во второй. И запомните свое место в строю.

Далее продолжил:

– Начиная с завтрашнего дня, вы объединяетесь в отдельную роту и будете жить по тому распорядку, который принят в полку. Командиром роты назначается старший сержант Паутов. Со всеми просьбами, вопросами и жалобами обращайтесь к нему.

Уходя, мне коротко приказал: «Действуйте».

Легко сказать «действуйте», а как? С чего начать? Как к ним обратиться: «Товарищи. Солдаты. Бойцы»? Я стоял перед ними совершенно растерянный, не зная, что делать, и, наконец, выдал:

– Мужики. Я по профессии авиатор. Строевым командиром никогда не был. Поэтому, если что-то буду делать не так, то – не обессудьте. Завтра – сюда же. А пока – разойдись!

Утром следующего дня они дружно явились на плац. Главная трудность в общении с ними заключалась в том, что я не знал их ни в лицо, ни поименно. Для меня это был пока чужой народ. Поэтому знакомство с ними я решил начать с их списочного состава. Но переключка показала, что передо мной стояла не рота и даже не ее подобие, а настоящий сброд: они были разновозрастны – от 20 до 40, они были комиссованы в группу «ограниченно годных» по самым разным статьям, в прошлом имели разные воинские специальности, отличались и по национальному признаку. У многих не было никакой воинской выправки. Так, по крайней мере, казалось мне.

Но и это было не все. Проходя вдоль строя, я обнаружил, что многие были без погон, на шинелях не хватало пуговиц, ремни были застегнуты ниже хлястика, а не наоборот. Пилотки вместо «лихого» наклона чуть вправо, были надвинуты на голову до самых ушей. Ничего себе – наследство!

Ко всем этим проблемам прибавилась еще одна. Дело в том, что около нас стали собираться местные «зеваки», главным образом из молодежи. Откровенные насмешки, сомнительные советы сыпались на нас со всех сторон. По лицам подчиненных я понял, что для них это было, пожалуй, самое тяжелое испытание. Надо было что-то предпринимать. После коротких раздумий я пошел на одну довольно сомнительную авантюру – полагая, что после вчерашних занятий они усвоили постановку в строй, я подошел к ним, скомандовал:

– В колонну по два становись!

Эту команду они выполнили сравнительно хорошо. Я не смог сдержать улыбки и даже украдкой показал им большой палец руки. Это был наш первый скромный успех: мы тоже кое-что можем.

Далее, стараясь придать своему голосу начальствующие нотки, строго предупредил:

– К завтрашнему дню в вашей одежде и обмундировании устранить все мои замечания. Завтра собираемся здесь же.

Остаток дня пытался составить расписание на предстоящие занятия, но без особого успеха. А для себя твердо решил – занятия на плацу проводить не буду: это – спектакль.

А если не здесь, то где? За пределами гарнизона. Сходил на разведку и довольно быстро нашел небольшой, частично вырубленный участок леса: пеньки, кучи хвороста, пожухлая трава. Сойдет – почти по Пушкину – «И лучше выдумать не мог».

В тот же вечер в Ленинской комнате попросил старые газеты для знакомства с международным положением и с обстановкой на фронте – не только для моих подопечных, но и для себя – я тоже давно отстал от всего этого.

Утром следующего дня я встретился с ними вначале на плацу, а далее – колонна по два. Шагом марш! Раз... два. Раз... два.

Я шел во главе колонны, но иногда выходил из строя и ненавязчиво давал им кое-какие указания. До настоящего строевого шага им еще далеко. Случайные прохожие с улыбкой поглядывали на нас: такого здесь еще не было, чтоб эти «калики-перехожие» шествовали строем по гарнизону.

Не знаю почему, но я и сам постоянно испытывал некоторую неловкость.

Вот и спасительный лес. Переключка. «Вольно!». Все уселись, кто как мог.

Я догадывался, что среди моих «старичков» есть довольно образованные люди. Некоторые уже побывали на фронте, но никогда не «выставлялись» и не кичились этим. И постепенно проникался уважением к ним.

Себе я выбрал место на пеньке, украдкой наблюдал, как они будут реагировать на события, происходящие в мире, и у нас – на фронтах. Международные новости они прослушали с прохладцей, а наши – фронтовые – с огромным вниманием. Обсуждение сводок с мест боев было бурным, доходило до легких ссор – по известному принципу: «Каждый мнит себя стратегом...».

Перед обедом я решил, что пора приступить к занятиям по строевой подготовке. Всех больных и хромых пришлось освободить от занятий. Остальным рассказал о том, какие виды строе-

вой подготовки нам предстоит освоить: повороты направо, налево и на 180 градусов; выход из строя по приказу командира, приветствия при встрече на улице.

Первые же прикидки показали, что хороших строевиков среди моих подопечных не было. Предстояло все начинать с «азов». А мне самому пришлось вспомнить, как мы всю эту премудрость постигали. Занятия напоминали, как теперь говорят, «мастер-класс». Ничего не поделаешь. «Назвался груздем – полезай в кузов». Старался, как мог.

В последующие дни занятия проходили по этому же «сценарию». С чувством удовлетворения я стал замечать, что в их отношениях наметилось некоторое сближение между собой, и мое сближение – с ними, чего не было ранее. А началось с того, что им стало интересно – кто я такой и откуда свалился на их головы. Вопросов в мой адрес оказалось много – пришлось и мне «раскрыть свои карты».

Причина такого человеческого сближения заключалась не в моем командирском таланте, а, скорее, наоборот – в его отсутствии. Занятия проводились в «вольном» стиле – я ни на кого не кричал, никого не наказывал, так как понимал, что это – не строевое подразделение, а люди, ограниченно пригодные для несения воинской службы. Так или иначе, но к концу третьего дня это был уже не тот «сброд», который я принял в день знакомства с ним.

Аэродром

На третий день, уже под вечер, ко мне в комнату явился лейтенант, без лишних разговоров приказал:

– Завтра свое войско никуда не угоняй (знал ведь все мои проделки) и после завтрака собери его на плацу.

– А в чем дело?

– А в том, что недалеко от нашего ЗАПа закладывается временный полевой аэродром, требуется рабочая сила из БАО (батальон аэродромного обслуживания), приедет их представитель и отберет с десятков мужичков – из тех, что покрепче. Кроме нашего, там будет и другой народ. Руководство работами этой группы поручено тебе как авиатору. Более подробная инструкция обо всем – на месте.

У меня екнуло сердце: Может, мне удастся узнать что-нибудь и о своем полке?

Для закладки аэродрома был выбран небольшой безлесный участок местности размером чуть больше футбольного поля. Для более «мягкой» посадки самолетов и для выравнивания микрорельефа местность была покрыта слоем соломы 5-8 см. На нее укладывались стальные плиты размером 100 на 40 см. На них по периферии были сделаны отверстия примерно 8 на 2 см. На соседних плитах были выступы, с помощью которых плиты прочно сцеплялись между собой (конструкция американская). Наша задача заключалась в том, чтобы производить эти сцепления.

Общее руководство всеми работами осуществлялось представителями БАО. В тот же день один из них показал нам, как это делается. Под его началом провели «пробную» укладку плит на небольшой площади.

Убедившись, что мы освоили эту операцию, он сообщил о том что к нам в помощь из соседнего поселка придут еще рабочие, преимущественно женщин. Рабочий день с 9 утра до 7 вечера. Перерыв на обед с часу до двух. Пищу доставят сюда же.

На следующий день нас привезли на транспорте ЗАПа. Женщин – на машине БАМа. В их составе было 5-6 уже пожилых и человек 8 – девчонок лет 16-18. Женщины, что постарше, были молчаливы, серьезны, держались кучно. Их привезли к нам с соседнего участка, поэтому с работой они были знакомы. Девушки – полная противоположность: общительны, шумливы, легкомысленны. Не думал я тогда, как много хлопот они мне доставят.

Первое, на что я обратил внимание, – они были плохо умыты, а руки – просто грязные. Но – время пошло, надо было работать. Своих мужичков и женщин я поставил на «сцепку», а девушки подносили им плиты.

В час дня привезли обед. У водителя попросил ведро, наполнил его водой и заставил девушек помыться, а кто этого не сделает – останется без обеда. Не сразу, со скрипом, но приказ этот они выполнили.

Во время обеда (час от часу не легче) я обнаружил также, что они откровенно голодны. Что-что, а уж эти признаки мне были хорошо знакомы. А про себя подумал: «Пожалуй, с ними надо быть полегче».

Вечером, когда за ними приехала машина, я в очень деликатной форме, попросил их назавтра на работу приезжать чистыми. Не знаю, кто или что на них подействовало, но на работу они явились чистыми.

Догадываясь, что они, наверное, давненько голодают, я за завтраком в нашей столовой стал подворовывать для них по 2-3 кусочка хлеба и отдавал его еще до обеда. По их лицам я видел, что они были тронуты этим: голод не тетка. Дня через три они стали приходить на работу чистыми, причесанными, но... с накрашенными губами и в одежде не по работе.. Запретить подобные метаморфозы я не мог: это дело их вкуса, но свое отрицательное отношение все-таки высказал. Дальше – больше, но наши взаимоотношения стали приобретать некоторые элементы интимности. Например, они спрашивают меня:

– А мы Вам нравимся?

Что ответить? Чтоб не ущемлять их самолюбия, отвечал:

– Да. Конечно.

– А кто больше?

– Все одинаково.

– Наин, найн! Так не бывает.

Все бы ничего, но это была уже игра в поддавки. Мужички стали покрикивать на них, что перестали подносить плиты, а женщины откровенно ругали их по-своему.

Косвенно, эти обвинения в их адрес предъявлялись и мне. Я это чувствовал, но мне не хотелось нарушать ту теплоту взаимоотношений, которая установилась в коллективе: это ведь тоже не мало. Надеюсь, читатель простит мне мои прегрешения: я ведь и сам был тогда всего-то года на три постарше их.

Не знаю, как бы стали развиваться события дальше, если б не один непредвиденный случай. Один раз на малой высоте над нами пролетел немецкий истребитель ME-109. Увидев его, девчата запрыгали в восторге:

– Унзэрэ вафэ! Унзэрэ вафэ!!! (буквально – наши военные силы). Их восторг оказался для меня совершенно неожиданным. Не знаю уж почему, но я воспринял его очень болезненно и резко оборвал их:

– Какие вафэ! Один единственный самолет. Хватит прыгать. Арбайтен.

Конечно, мои взаимоотношения с этими девчонками были совершенно «неуставными», но их можно было бы охарактеризовать как «мир враждующих сторон». Размышляя в этом направлении дальше, я пришел к выводу: раз такое возможно в небольшом коллективе, то значит оно возможно и в большом. Но неподдельный восторг девчонок показал, что «мир» наш был не более чем видимость, и отношения развивались по законам старой русской пословицы: «Сколько волка ни корми, а он все равно в лес смотрит». Поэтому в моем отношении к ним наступил резкий перелом. Все произошло спонтанно. Я перестал угощать их хлебом по утрам, прекратил «неуставные разговорчики», перестал обращать внимание на их внешний вид. Осталась только работа. Я был не одинок. Мужички из моей роты все видели, молчали. Пожилые женщины-односельчане откровенно называли их дурами.

Не берусь судить о том, прав был я или нет: так уж случилось. Полагаю, что и сами девчата понимали, что сделали что-то не так, но назад событий не вернешь...

Вскоре к нам приехал представитель БАМа. Работу нашу оценил на «ХОР». Но приказал «пришпилить» крайние по периметру плиты, чтоб не прыгали.

Воспользовавшись представившейся возможностью, я обратился к нему с просьбой – можно ли узнать местонахождение моего 951 ШАП. Добавив, что ранее он входил в состав 17-й Воздушной Армии. Он ответил, что в настоящее время эта Армия воюет где-то на юге – Венгрия, Австрия. Добавил, что фронт сейчас подвижный, и при таких условиях никто никакими поисками заниматься не будет. Так пропала еще одна надежда. Посмотрим, что скажет «покупатель».

У позорного столба

После завершения работ на аэродроме я оказался как бы «не у дел». Но дня через два пришел лейтенант и приказал всем нам завтра никуда не отлучаться, так как должен прибыть «покупатель». Весть о «купле-продаже» каким-то образом быстро разнослась по всему ЗАПу, и с утра около нашего здания стали под-

собирываться любопытные: такое бывает не часто. Мы, человек 12, собрались небольшой кучкой и ждали своей участи. Надо сказать, что, командуя ротой «ограниченно годных» и работая на аэродроме, я как-то отстранился от своих соседей по списку и поэтому имел о них весьма смутное представление. А любопытные в виде широкой полудуги опоясали все зрелище.

Пришли лейтенант и «покупатель» – непонятно какого звания, рода войск и даже возраста человек. Почему-то все они разместились в метрах в 30 от нас. Лейтенант передал ему список, тот внимательно с ним познакомился и «действие началось». Постепенно группа наша «таяла» и из нее я остался один: моей фамилии так и не прозвучало. Я лихорадочно размышлял: что мне в такой ситуации делать??? Ждать? Или «быть свободным»? Никаких указаний на этот счет ни от кого не поступало. Было такое ощущение, что я один-одинешенек вокруг огромной массы людей как бы не существую. А дуга присутствующих стала постепенно сжиматься вокруг меня. А я – в центре. Уже были слышны реплики:

– Видно, самозванец.

– Да нет, не похоже.

– Недавно из Польши прислали группу их партизан и все без документов.

– Нет, этот здесь уже давно...

Десятки глаз с любопытством ощупывали меня. Как будто я уже не человек, а какая-то вещь, которую на аукционе никто не захотел покупать.

Смешанное чувство обиды, несправедливости, стыда и еще черт его знает, чего, переполняли меня. Почему люди так охочи до зрелищ и так бессердечны? Хотелось поскорей куда-то убежать, но разум подсказывал: «Нет, бегством порядочные люди не спасаются». И я спокойно и с независимым видом продолжал стоять на месте, «приговоренный к позорному столбу». Характерно, что никто из окружающих даже не пытался приблизиться ко мне, словно к прокаженному. Но постепенно народ стал расходиться. Ушел и я.

Не думал я тогда, что подобные, а то и похлеще, ситуации в нашем гуманном обществе будут сопровождать меня почти всю оставшуюся жизнь.

В тот же вечер ко мне пришел лейтенант, приказал собирать «свое войско» и продолжать занятия по той же программе, что и была. И ни слова о том, что только что произошло. А может, щадил мое самолюбие?

Весь последующий день я ходил по гарнизону, собирая свое войско. Быстро разыскал своих старичков, с которыми трудился на аэродроме, а они – остальных. Всех предупредил, чтоб завтра с утра собирались у нашего дома.

Опять повороты

Вечером того же дня ко мне в квартиру зашел сосед по коридорчику – старшина – и обратился с довольно странной просьбой:

– Недалеко отсюда расположен военный госпиталь. Там живет и работает санитаркой моя хорошая подруга. Завтра – воскресенье, я свободен и намерен укатить к ней на свидание. Присмотри за моей комнатой. А чтобы тебе не было скучно, я даю тебе очень интересную книгу «Роберт-дьявол» (роман Аполлона Григорьева).

Книга захватила меня с первых же страниц. А когда на следующее утро рота собралась около нашего дома, я рискнул отменить наши прежние «лесные» занятия, с тем, чтобы к приезду старшины дочитать ее до конца. С этой целью всех своих подчиненных я закрыл в одной довольно вместительной, комнате на первом этаже. Строго-настрога наказал, чтоб закрылись изнутри и никого не впускали внутрь, прочитали все газеты. Мой «пароль» – три удара ногой в нижнюю часть двери.

Казалось, что все предусмотрено, и я смогу отправиться к себе и дочитать «Роберта».

Но от судьбы не уйдешь. Уже перед обедом из своего окна я увидел, что к нашему зданию приближается какая-то комиссия – совершенно незнакомые мне люди – подполковник, майор, а также женщина из Ленкомнаты и лейтенант. Вначале я не придал этому особого значения: все продумано и рассчитано. Но – ошибся. Комиссия поднялась на третий этаж, слышу стук в комнату старшины. В ответ – тишина, подошли к моей комнате – то же самое. Спустились на первый этаж. Может быть, и здесь все обошлось бы благополучно, но мои подопечные, очевидно, вздумали играть в карты, что-то там не поделили и громко заспорили.

Требовательный стук в дверь, но – пароль не мой, в комнате наступила тишина. На требование комиссии открыть дверь – никакой реакции.

Лейтенант, все-таки умный мужик, все понял и поднялся ко мне. Довольно грубо стукнул кулаком в дверь, приказал: «Открой».

Играть в прятки было уже бессмысленно, я открыл. Мы молча спустились на первый этаж. Три условных сигнала в дверь... Не сразу, но дверь открылась. Надо отдать справедливость: при появлении комиссии все виновники происшествия встали по стойке «смирно». Без слов – жестом руки – я усадил их.

В сложившейся ситуации наибольшую активность проявил майор. Обращаясь к солдатам и указывая на меня, он спросил их:

– Это он закрыл вас здесь?

– Нет. Мы сами. (Спасибо вам, мои старички).

– Что вам было приказано делать?

– Проработать газетный материал.

– Проработали?

– Да... частично.

Но газеты лежали на столе почти нетронутыми. Заметили ли это члены комиссии?..

– Как вы относитесь к своему наставнику? (Почему не к командиру?)

– Хорошо. С нами впервые стали разговаривать по-человечески.

– Оно и видно, - усмехнулся майор.

В разговор вмешался лейтенант, пригласив всех наверх в мою комнату. Уходя наверх, я все-таки успел развернуть газеты, что лежали на столе. Коротко, вполголоса приказал: «Проработайте внимательно!».

Наверху майор сразу же обратился к лейтенанту:

– Сержант – Ваш ставленник?

(Мне, конечно, было интересно знать мнение лейтенанта обо мне... я насторожился).

Но лейтенант с ответом не спешил. После некоторого молчания, взвешивая каждое слово, он сказал:

– Сержант – человек сложной, почти трагической судьбы и поэтому характеризовать его довольно трудно. Но в целом я от-

ношусь к нему положительно. За короткий срок этот сброд «ограниченно годных» он сумел довести до состояния нормального воинского подразделения. А на строительстве аэродрома представитель БАО оценил их работу на «хорошо».

– А сегодняшний поступок?

– Затрудняюсь ответить. Пусть отвечает сам.

(Спасибо тебе, лейтенант. Не ожидал).

Далее майор, повернувшись к женщине, спросил ее:

– Вы встречались с этим человеком?

– Да, да, – взволнованно ответила она.

– При каких обстоятельствах?

– Он часто приходил к нам в читальный зал, просил газет для солдат и сам читал разные журналы.

– Спасибо.

После этого майор переключился на меня. Вопросы сыпались один за другим: место рождения, образование – гражданское и военное, специальность. В какой должности и с какого времени на фронте, как оказались в плену (деталь – знал ведь о ней?), обстоятельства побега и т. д.

На все вопросы я отвечал кратко, совершенно спокойно, ничего не скрывая. Терять мне было уже нечего: по сравнению с «позорным столбом» все происходящее здесь казалось мне детскими игрушками. Даже мое туманное будущее меня уже не волновало. Только было стыдно за то, что все так несуразно получилось.

– Считаете ли Вы себя виновным за все то, что здесь произошло?

– Да, считаю.

Во всей этой истории наибольший интерес у меня вызвал подполковник – наполовину седой с умным интеллигентным лицом. За все это время он никому не задал ни одного вопроса. Все время пристально посматривал на меня, словно хотел «раскусить» – что это за «пташка» такая со спокойным и независимым лицом? Увидев на моем столе наполовину прочитанную книгу страницами вниз, он осмотрел текст, заголовки. Удивился. Положил обратно. По-моему, он все понял, но промолчал.

Когда все вопросы были исчерпаны, майор обратился к нему с вопросом:

– Ваше мнение о происходящем?

– Пустяковое дело. Зря тратим время.

Все, как по команде, встали и не спеша покинули комнату. Я остался один. Время обеденное. А поскольку от занимаемой должности меня пока никто не отстранял, то в столовую я решил пойти во главе дорогих мне калек, да старичков. Спустившись на первый этаж, начальствующим тоном приказал – всем выйти на построение. Как обычно, построил их в колонну по три. Полушутя, полусерьезно напутствовал:

– Раз сумели «заварить кашу», сумейте ее и расхлебывать – сейчас пройдетесь в столовую как следует – строем... Может, в последний раз. Направо! Р-раз-два! Р-р-раз-два!

И ведь прошли как следует – на удивление окружающих. Жаль, что майор не видел. А может и видел, кто его знает?

Заниматься с ними дальше по отработанной программе у меня настроения уже не было. До вечера я объявил им «свободное время» с условием, чтоб по гарнизону не шлялись.

В остаток дня дочитал «Роберта». дождался прихода старшины, рассказал ему обо всем случившемся. На всякий случай предупредил, чтоб был готов к разбирательству.

Но главные события начались утром следующего дня.

Сразу, после завтрака, ко мне в комнату заявился лейтенант. Как всегда с непроницаемым видом, кратко произнес: «Собирайся». Взглядом показал на шинель, пилотку, рюкзак:

– Пошли.

На плацу уже «в строю» стояло человек 60 солдат. Я спросил его:

– Куда идем?

– Мы сформировали две роты солдат для отправки на фронт. Ты отправишься с ними.

Лейтенант привел меня в конец колонны, поставил в строй. И тут я увидел, что невдалеке стояло человек 5-6 моих старичков. Как-то ведь узнали обо всем – пришли проводить меня. Не скрою – был приятно удивлен и на прощанье помахал им рукой. Лейтенант все видел, но никак не среагировал. Уходя, довольно сухо произнес: «Счастливо».

В памяти моей он так и остался «человеком-загадкой».

Вскоре к плацу подъехали две грузовых машины, быстро погрузили нас и подвезли к какому-то железнодорожному полустанку. Здесь уже наготове стояли два товарных вагона – по одному на роту. Дорога – однопутка, ехали не быстро, но часам к 6 вечера подъехали к небольшому лесочку. Здесь два мощных грузовика (на сей раз американских) по разбитой дороге привезли нас на небольшую лесную поляну, со всех сторон окруженную лесом (местечко Котбус – предместье Берлина).

Это была уже прифронтовая полоса. Слышались нечастые – то глухие выстрелы пушек, то выстрелы минометов, а то и пулеметные очереди... Как мы вскоре узнали, здесь расположилось хозяйство 293-го гвардейского, много раз награжденного стрелкового полка. Полк с боями прошел почти всю Польшу, понес большие потери. Командование решило из остатков батальонов сформировать один сводный, придать ему легкую пушку (45 мм) и одну бронемашину. Разрешили также иметь свою связь и свою разведку.

То, что происходило дальше, достойно отдельного описания.

В центре поляны на небольшом возвышении в мягком трофейном кресле восседал капитан – человек средних лет с усталым и обветренным лицом, рядом два помощника. Они построили нас в один ряд дугой вокруг него. Командиры «наших» рот передали им списочный состав пришедших. Один из помощников зачитывал наши фамилии, а капитан, по каким-то ему известным признакам, решал – оставить человека в роте или приказывал выйти из строя и подойти к нему. В конце «смотра» «приближенных» набралось человек 10-12. Нас распределили следующим образом – два человека – «связными» к командиру батальона, одного – телефонистом (его затребовали из полка. В их числе оказался и я). В разведку назначили меня, Володю Качанова (до этого он уже был артиллерийским разведчиком), Мишу Чемезова – моторист с двухмоторного американского транспортного самолета «Дуглас». Ему предлагали вернуться в свой полк, но он, по каким-то личным соображениям, отказался. Теплых (имя не помню) – небольшого роста, но плотный битюг из Сибири.

После этого капитан привел нас в какой-то длинный полутемный сарай и представил нам вновь назначенного командира батальона – майора Варьяна. Майор меньше всего походил на боевого командира: выше среднего роста, пузатый, неповоротливый. Несмотря на теплую погоду, он все еще был в зимней шапке. Да и по-русски говорил неважно.

Он попросил капитана построить нас в обычную колонну по три и кратко, далеко не командирским голосом, сообщил:

– На сегодняшний день батальон укомплектован еще не полностью. Пополнения ждем со дня на день. В нем будет примерно 100 человек – три роты. Первой будет командовать старший лейтенант Лукьянов, второй-старший лейтенант Емешов, третьей – лейтенант Закутный. Вопросы есть?

Вопросов было много: где будем спать, питаться, когда и какое дадут оружие и другие.

Варьян отвечал на них кратко и по существу:

– Спать будем там, где придется. Мы пришли сюда воевать, а не на отдых. Питание из полковой кухни. Оружие – преимущественно – автоматы. Получим сразу же, как будет закончено формирование батальона.

Слушая его, я все пытался представить, какими будут для нас предстоящие бои. Воображение рисовало окоп, бруствер, мы отражаем атаки противника. Или, наоборот, атакуем его. Мы, разведчики, по ночам ходим в тыл противника за «языком».

Но все оказалось совершенно другим. Дело в том, что к этому времени все наши фронты за исключением Южного, все туже сжимали кольцо врага вокруг Берлина и его окрестностей. Но и немецкие части тоже были собраны в один мощный кулак вокруг своей столицы. И немецкие солдаты сражались здесь уже за свою «ближнюю» родину, образно говоря, за свой дом. Поэтому бились упорно, до «последнего», в чем мы вскоре убедились. Бои протекали на ограниченном пространстве не крупными подразделениями.

После укомплектования батальон, хотя и не терял связи с полком, но стал самостоятельной боевой единицей. Никакой линии фронта не существовало. Батальон или уничтожал отдельные небольшие группировки немцев, или блокировал их в различных

населенных пунктах. Часто немцы, хорошо зная окружающую местность, группировались в отдельных лесных массивах, из которых «охотились» за нашими. Бои носили подвижный характер, и поэтому батальону постоянно приходилось менять свое местоположение. В таких случаях нас, разведчиков, Варьян использовал или в боевом охранении, или поручал проверить наличие немцев на пути следования. Один раз батальону дали задание «прочесать» небольшой лесной массив, в котором прятались немцы, обстреливая наши войсковые группы и сразу же исчезали в лесных зарослях. В одной из таких групп оказался и я. Изредка простреливая заросли, мы без потерь продвигались вперед. И только в конце, когда густые заросли леса уже заканчивались, а впереди начиналось хвойное редколесье, из соседних кустов раздалась автоматная очередь. Один из наших солдат, совсем еще молодой парнишка, как подкошенный, упал на землю, а стрелявший побежал в сторону. Мы сразу открыли по нему огонь. Упал и он. Пуля прошла у него выше колена, видно было, как кровью намокают штаны. Идти он не мог. Несколько человек подхватили его за руки и потащили к нашему пареньку. Один из солдат пнул немца ногой, в сердцах произнес:

– Смотри, сволочь, что ты наделал!

Мы растерянно стояли вокруг, не зная, что предпринять.

Убитого солдата его друзья уложили на плащ-палатку и понесли к своим. А что делать с немцем? Он стоял на коленях, опустив голову почти до земли, наверное, все понял и, ни на кого не глядя, сказал: «Аллес капут»...

А дальше произошло неожиданное – парень, который дал немцу пинка, подошел к нему сзади и дал короткую очередь из автомата от затылка до лба. Череп развалился пополам и из головы прямо вывалились его мозги.

Эту картину мне не забыть, наверное, до конца дней своих. В моем представлении все мягкие ткани и животных и человека должны иметь красноватый оттенок, а мозги, выпавшие на землю, были неестественно серого цвета.

И хотел бы все это забыть, да не забывается...

С убитым немцем никто возиться не захотел, поэтому его решили оставить на земле. Что война делает с людьми... Все ушли.

Удрученный произошедшим, я как-то отстал от остальных и вскоре, на небольшой полянке увидел еще группу лежащих немцев. Вначале испугался: думал – живые и только убедившись, что это – трупы, решил подойти поближе. Их было пятеро, лежали рядышком. Значит, были уложены уже после смерти. Наверное, были убиты в результате прочесывания. В ногах лежали их рюкзаки. Не корысти ради, а из любопытства решил проверить – что в них? У четверых ничего стоящего не было. И только в последнем обнаружил пачку фотографий. Все были сделаны в Витебске – улыбающийся завоеватель в обществе, наверное, русских девушек, или у себя дома – с женой и детьми.

Увлечшись этим делом, я немного потерял чувство времени, обнаружив, что не слышно ни солдатского шума, ни автоматных очередей. Необычная тишина. Куда идти? Слева лес, который мы прочесывали, справа – хмурое редколесье. Пошел по их границе – автомат на шее, палец на спусковом крючке, весь внимание. Не прошло и получаса, как я увидел, что у одного из деревьев, приклонившись к нему, сидит немец. Насторожился, жду. Немец повернул голову в мою сторону и никаких движений больше. Я понял, что он ранен и осторожно подошел к нему. Это был солдат средних лет, почему-то в авиационной форме. Левая нога его было перебита ниже колена и висела на оставшейся мышце голени. В месте перелома видны белые остатки костей. По всему было видно, что лежит он здесь уже не первый день: неподвижное тело, потухший взгляд, серый, тронутый печатью смерти, цвет лица. На миг мелькнула мысль – а не пристрелить ли его, чтоб не мучился? Но понял – не смогу... Увидев на моем ремне фляжку, он попросил меня:

– Очень хочу пить, дай хоть глоток.

Но я показал ему, что фляжка пустая, на всякий случай сообщил, что недалеко отсюда проходит дорога и в ее кювете есть талая вода... Если сможешь...

По-человечески мне было жаль его, если б в моей фляжке была вода, я б дал ему напиться. С тяжелым чувством оставил его... наверное, умирать.

... И рад бы забыть...

Дальше шел почти наугад, из-за каждого куста ожидая автоматную очередь и проклиная себя за беспечность. Но вскоре лес кончился, и я пришел к какому-то довольно крупному населенному пункту. На центральной площади – местные и чужие, солдаты – наши и немецкие.

Увидев небольшую группу женщин, я подошел к ним и рассказал, что в соседнем лесу лежит раненый немецкий солдат, попросил оказать ему посильную помощь, пока он еще жив. Но, к моему удивлению, мое сообщение их ничуть не взволновало и я сомневаюсь в том, что они исполнили мою просьбу.

Таковы парадоксы войны – нелогичные и необъяснимые.

А сам пошел разыскивать «своих». По дороге увидел небольшую группу немецких пленных солдат – человек 15 - 20. Сразу подумал – не их ли мы сегодня «начесали»? Пленных охранял незнакомый мне лейтенант. Увидев меня, он подошел ко мне приказал:

– Вот эту группу пленных надо отвести на распрепункт. Это недалеко – около церкви. Я слышал, как ты сейчас разговаривал с бабами по-ихнему, а я по-немецки ни бум-бум. Думаю, справишься.

Что делать? Приказ надо выполнять. Не оставлять же их без присмотра: разбегутся. Кого-то бы позвать в помощь? Оглянулся вокруг. Никого. Понял – лейтенант тоже не знал, что с ними делать, и поэтому просто смылся.

Я растерянно уставился на пленных, они – на меня. В центре группы стоял один эсэсовец, тоже лейтенант. И я решил командование этой группой поручить ему. Попросил его об этом. Но эсэсовец довольно твердо ответил:

– Нихтс...

– Я приказываю!!!

Снова: «Нихтс», – и повернулся ко мне спиной.

Это было уже слишком. Я взорвался, рывком снял свой автомат с плеча и взял его «на изготовку». Но боковым зрением увидел, как остальные пленные плотным кольцом окружают меня сзади. Хватило ума, чтоб не натворить глупостей. Уже более спокойно развернул эсэсовца лицом к себе, спросил:

– Почему?

– Я привык командовать настоящими солдатами, а не этим «плюндэр» (примерный перевод этого слова – «барахло», «дрянь»). Характерно, что остальные солдаты, на столь их нелестную характеристику, никак не среагировали. Наверное, понимали, что лучше быть в плену, чем впутаться в эту нелепую историю.

Подумав, я растолкал солдат, в гуще которых находился, встал во главе и довольно спокойно произнес:

– Ком. За мной.

И повел их на распределительный пункт. Наверное, со стороны это шествие выглядело несколько необычно – один русский солдат, как на поводке, ведет за собой поверженных.

Так закончился еще один день моей войны. Всего лишь день, а сколько событий, трагических и невероятных, а иногда и необдуманных вместил он. На войне время более сконцентрировано.

Военные будни

Вскоре нашему батальону было приказано сменить огневой рубеж.

Шли днем в полном составе по наезженной дороге. Справа – редколесье, слева – пашня, разделенная узкими межами на отдельные клетки – наверное, на поля севооборота. В центре, метрах в двухстах, – небольшой кирпичный сарайчик с окошком в нашу сторону.

Вдруг из окошка по нашей колонне была открыта пулеметная стрельба. Все сразу залегли в кюветы. Варьян, спрятавшись за соседнее дерево, закричал:

– Артиллеристы!!! Где артиллеристы?! Вот сволочи - опять отстали... (далее непечатно).

– Разведка!!! Где разведка?!

Я находился недалеко и быстро подбежал к нему:

– Мы здесь.

– Остальные где?

– Рядом.

– Бери еще одного и подавите точку! Видишь ведь, батальон лежит.

– Подавить точку??? Это как?

– Не «это как», а выполняйте задание!..

Некоторые из бойцов пытались открыть огонь по сарайчику, но пули ПШ, которым мы были вооружены, не достигали цели. Слышны были отдельные винтовочные выстрелы, но и они с задачей не справились.

В помощники я выбрал себе Володю Качанова. В последнее время мы с ним быстро подружились – просто так, по-человечески.

Виляя из стороны в сторону, постоянно падая в размокшую пашню, все в грязи, не отрываясь друг от друга далеко, мы медленно приближались к цели.

Немец бил короткими очередями – не то выбирал цель, не то сэкономил патроны. Выбрав такую передышку, я подполз к Володе, хотя и запыхался, но успел сказать:

– Володя, так дело не пойдет. Я сейчас открою огонь по окошку, а ты по меже беги вперед. Потом ты меня точно так же подстрахуй.

Предложение оказалось эффективным. Немец, хотя и охотился за нами, но не прицельно. Но он решил перехитрить нас. Когда до цели оставалось метров пятьдесят, он незаметно выполз из сарайчика и спрятался за массивную дощатую дверь, лежа продолжая обстреливать нас. Этот маневр мы быстро разгадали и открыли по нему огонь сразу из двух автоматов. Стрельба прекратилась. Для острастки дали очередь и по окошку. И бегом ворвались в домик. В углу, насмерть перепуганные, сидели женщины.

– Кто стрелял?

– Не мы... Не мы...

– Кто тогда?

– Один солдат.

– Где он?

– Убежал в лес. Куда – мы не знаем.

Выйдя из сарайчика, мы увидели, что батальон уже идет по дороге. Задание выполнено, огневая точка подавлена.

За сарайчиком, по кромке пашни начинался молодой лесок. Опасаясь, что пулеметчик, спрятавшись за кустами, может вновь открыть огонь уже по идущему батальону, мы решили «прощупать» и этот лесок. Это было рискованное намерение, но мы почему-то об этом не подумали. Вблизи за деревьями никого не обнаружили. Пошагали, уже углубляясь в лес, вышли на широкую просеку, которая проходила прямо к пашне. Я попросил Володю потихоньку двигаться дальше, а сам, спрятавшись за кустик и вдруг услышал, что сзади меня что-то хрустнуло. Повернувшись, увидел, как буквально в десяти шагах от меня просеку на цыпочках перебежал немецкий солдат. В руках у него был пистолет. Мы, если так можно выразиться, «встретились глазами». Мысли в голове мелькали одна за другой: у него пистолет, у меня автомат... Но он, какая жалость – за спиной. Где Володя, почему он никак не реагирует? Почему солдат не выстрелил мне в спину? Но все же, больше по привычке, я выхватил автомат из-за спины и смог бы дать из него очередь по убегающему в лес солдату. Но в голове мелькнула еще одна мысль – солдат ведь тоже мог выстрелить мне в спину, но не сделал этого. А я? (Простите меня, грешного...). Я тоже воздержался от выстрела... Так что – квиты.

Поворачиваюсь в сторону Володи – видел ли он наш поединок? А он, не спеша идет в сторону пашни. В это время из соседних кустов на просеку выходит еще один немец, оглядывается по сторонам. Можно стрелять, но сзади – Володя. Даю короткую очередь в воздух. Володя резко оборачивается, конечно, видит немца. Можно стрелять.... но за ним – я. Упустили и этого. Видать, неважные были солдаты... Пошли догонять уходящий батальон.

Война многолика – всякое бывает. Иногда такое, что трудно поддается описанию. Так, например, однажды, меня дислокацию, по пути мы неожиданно наткнулись на прошедшее здесь недавно боевое сражение. Сражение, видать, было жестоким: повсюду – небольшие окопчики, пока еще не убранные трупы немецких солдат (кто убирать-то будет?). Бои происходили не более чем дня два назад. Местами лежали убитые лошади со вздутыми животами, копытами кверху, уже начавшие разлагать-

ся. Их, кстати, мне было жаль больше, чем людей: люди с ума посходили, а лошади-то причем?

И над всем этим неприятный, ни с чем несравнимый запах тления. Я шел по дороге, чтобы не вилять между лежащими трупами солдат, хотя и немецких, но все равно – людей. Перед лицом смерти мы все равны.

Слева от дороги, за кюветом, я снова увидел убитых немцев. Один из них сразу привлек мое внимание. Он лежал на животе, левая нога от паха до пятки была проволокой примотана к двум дощатым лубкам. Он, хотя и лежал на животе, но голова была приподнята. Правая рука согнута в локте, указательный палец во рту зажат зубами. Глаза открыты – голубые, чистые, смотрят вдаль. Я вначале даже подумал: может живой? Но – умер, наверное, недавно.

И в этот момент мне на память пришли студенческие годы, когда я, по вечерам в городской библиотеке «штурмовал» наболевшие вопросы сельскохозяйственного производства. Но один раз, на витрине «Новости» мне на глаза попала книга «Судебная медицина». Книга настолько увлекла меня, что, забыв про сельское хозяйство, я читал ее до самого закрытия библиотеки.

В ней, между прочим, говорилось, что у человека, умершего от насильственной смерти, в глазах, если они открыты, еще долго сохраняется выражение, которое было у него перед смертью: страх, боль, удивление и пр. Поэтому опытному следователю этот факт может рассказать о многом. Вспомнив об этом, я тоже взглянул в глаза убитого и прочел в них следующее: «Человек – царь природы, а в каких условиях умирает...».

И рад бы забыть...

Крупномасштабных боев с немцами на нашем участке фронта не было. Мы, или проводили «прочесывание» отдельных лесных массивов, или уничтожали небольшие группировки противника.

Более крупные и хорошо вооруженные немецкие подразделения, зная окружающую местность, обычно с вечера занимали тот или иной выгодный в тактическом отношении населенный пункт, создавали там хорошо налаженную круговую оборону и на

следующий день отвлекали на себя наши воинские части.

Поиск таких узлов обороны Варьян чаще всего поручал мне, так как я был старше остальных по званию и, главное, хорошо разбирался в топографических картах – как-никак был штурманом по образованию.

Подобные задания были для меня очень трудными, так как обнаружение такого пункта обороны приходилось делать только ночью, на задание я уходил уже уставшим за день, поэтому и внимание и бдительность у меня были снижены. А, кроме того, легко было нарваться на засаду, а то и на минное поле. В ночи, на неизвестной местности, можно было и заблудиться. Чтобы этого избежать, иногда брал с собой Теплых, оставлял его в засаде с фонариком, чтоб на обратном пути он показывал мне свое местонахождение. Но он оказался трусоват, поэтому я от него отказался. Конечно, было бы легче идти на такое задание с Качановым, или Чемезовым, но майор оставлял их для других поручений.

Одну из таких операций привожу ниже.

... Уже под вечер, наш батальон остановился в одной брошенной жителями, деревеньке. Варьян вызвал к себе командиров рот, приказал разместить личный состав в соседних домиках, строго предупредил, чтоб без мародерства: «Замеченных в этом буду строго наказывать». Затем вызвал меня, усадил рядом и под «большим секретом» сообщил следующее:

– В трех-четыре километрах отсюда протекает небольшая речка. Там она образует довольно глубокую долину с крутыми берегами. На противоположном берегу наша полковая разведка обнаружила крупную группировку немцев с артиллерией и даже бронетехникой. Для чего? Неизвестно. Вариантов много, но один, мне кажется наиболее вероятным. Если судить по карте, то там, дальше начинаются леса. В них им делать нечего, поэтому они, наверное, думают переправиться на этот берег и объединиться с другой группировкой, которая, возможно, находится здесь поблизости. Конечно, это всего лишь предположение, но все же...

Развернув карту, он продолжал:

– Смотри – вот речка. Вот крутой берег. Вот дорога, по которой мы идем. За ней густой закустаренный лес, за ним – еще дорога, за ней – опять деревушка. Как видишь, мест для сосредото-

точения войск много. Поэтому я поручаю тебе, пока еще не стемнело, – прощупать этот лесок, потом – деревушку. Если обнаружишь хоть какие-то скопления немецких войск, – немедленно возвращайся обратно. Если нет, то по той дороге прогуляйся еще километров пять до следующего населенного пункта и «пронюхай», что в нем. На мелочи не отвлекайся, главное – вооруженная группировка. От твоих данных будет зависеть многое. Я предполагаю, что нам прикажут занять оборону по этой речке и представь себе – что будет, если по нам с того и другого берега противник откроет огонь... Капут батальону. Вопросы есть?

– Да. На это дело мне все-таки лучше было бы идти вдвоем с Качановым или Чемезовым. Все веселей, да и посоветоваться есть с кем.

– Нет. На это дело я пойти не могу. Мне надо будет держать связь с ротами. А может быть, и с полковой разведкой. Так что отправляйся один. Будь осторожен. На рожон не лезь.

Легко сказать – «прощупай одно, пронюхай другое». А как это сделать, если я уже с утра на ногах. Позавтракал только утром, да и то скромненько. Как одному в ночи бродить на вражеской территории по лесам и дорогам, из-за каждого куста ожидая автоматной очереди. Случись что – помощи ждать неоткуда. Но, как это ни покажется странным, имея ясное представление о всех трудностях предстоящего поиска, страха я не испытывал. Причина ясна – у меня появился опыт, а может быть, и некоторый профессионализм. Как-никак, а почти двухнедельные скитания по вражеской территории, после побега из Саганского лагеря, да здесь вот уже месяц брожу по лесам, частенько встречаясь с противником «лицом к лицу». Все это оставило свой след. Появилась некоторая привычка, что ли, к постоянной опасности и, извините за каламбур, – появилось чувство Предчувствия. Оно – сродни интуиции. И рождается у представителей как мирных профессий, кто много и долго работает в какой-либо области – у врачей, конструкторов, ученых, – так и у тех, чья работа связана с постоянной опасностью – у профессиональных охотников, подводников, нелегалов. Это чувство постепенно становится вторым «Я», к нему привыкают. Но в минуту явной опасности чувства эти все-таки обостряются.

Борясь с усталостью, поплелся в лес. Он оказался «пустым», только какая-то птица внезапно взлетела у меня из-под ног, испугав до смерти. Пустой оказалась и деревушка за этим лесом. В ней если и остались, то только мирные жители. Выполняя приказ комбата, пошел по дороге дальше на восток. Вначале осторожничал, потом надоело. Даже у одного дерева присел отдохнуть и как-то незаметно задремал... но быстро проснулся.

Вдали, в полутьме показалось село. Осторожно подошел поближе. Где-то тьякнула собачонка, вот мелькнул и тут же погас огонек. Кто-то есть... Но кто? Выбрав удобное местечко, за кустиком, залег. Село было не очень большим, но протяженным – аккуратненькие домики в два ряда тянулись по обе стороны дороги. Меняя свои позиции, осмотрел его полностью. Стало ясно, что мирные жители в селе имеются, а воинские подразделения отсутствуют.

Приближаясь к селу, я опасался, что подходы к нему могут быть заминированы. Но убедившись, что военных здесь нет, стал менее осторожен. А в одном месте мне даже повезло. Уже на обратном пути, проходя около одного небольшого домика, я своим чутким (профессиональным) ухом уловил, как под легким ветерком в домике скрипнула дверь, а в окне дрогнула занавеска. Притаился, жду. Но потом осторожно прохожу на кухню. А здесь – дар божий. На столе лежала половинка белого батона, скорлупа от вареных яиц, но одно оказалось еще целым, в стакане – недопитый ячменный кофе. Видать в спешке покидали хозяева свое жилище... Хлеб – за пазуху, яйцо – в карман, и уже ничего не опасаясь, поспешил к своим. Дорогой отщипывал от батона небольшие кусочки, уничтожая их на ходу. Да и с яичком управлялся быстро.

К своим вернулся уже засветло и сразу же у самого обрыва увидел майора с Качановым. Оба встретили меня с радостью.

– Наконец-то, – заговорил майор. – Ну, как там дела?

– Везде пусто. В поселках только мирные жители. Военных подразделений нет.

– Ну, и слава Богу.

В это время с противоположного берега раздались выстрелы крупнокалиберного пулемета. И земля буквально у наших ног

было вспорота пулями. Все мгновенно, кто как мог, по крутому берегу скатились вниз... Здесь, окаймленный густым ивняком, протекал небольшой ручеек. Стрельба не прекращалась, и мы с Володей подползли к этим ивам поближе, чтоб укрыться за ними.

Я из-за пазухи достал кусочек белого батона, предложил Володе, спросил:

– Будешь?

– Не откажусь.

А Варьян, очевидно опасаясь, что немецкий пулеметчик рано или поздно нащупает нас в кустах, подполз к ручейку, снял шапку, с которой все еще не расставался, и, как только началась стрельба, опустил голову в воду.

Мы с Володей, видя эту картину, не смогли сдержать улыбок. Высунув голову из воды и заметив наши улыбки, довольно строго произнес:

– Нэ смэшно.

Солдаты

Надо сказать, что в войну солдаты старшего поколения в таких ситуациях вели себя более осторожно, чем молодежь. Оно и понятно: у одних дома остались жена, дети, у других – разве что родители.

Как только стрельба немного поутихла, майор подполз к нам, выругался:

– Немчура проклятая просто охотится за нами, поэтому нам надо срочно менять нашу позицию. Сейчас по моей команде мы враз побежим вон к той деревушке, что расположена у шоссе – Володя знает: мы там ночевали (до нее было метров 50-60)... Ясно? Бежим!

Варьян относился к старшему поколению и оказался умней и хитрей нас. Мы с Володей побежали по пойме (так было ближе), а он – по узкой песчаной отмели, что проходила у основания склона. А пойма оказалась заболоченной и вдобавок – заочкаренной. Обессилевший за ночь, я сразу запыхался, плюнул на все и пошел пешком. Но майор, увидев наше положение, приказал следовать за ним. А «немчура проклятая» быстро перенесла огонь на нас.

Есть расхожее выражение – «пули свистят». Это так, когда они в воздухе, а в нашем случае, застревая в болоте они противно чавкали. И только когда мы укрылись в доме, я понял, какая участь только что миновала нас.

Дорогой ценой, однако, дается нам этот самый «военный профессионализм» или «наука побеждать!»

В доме майор, видя наши усталые лица, дал нам «часик отдыха, а потом – опять за работу». Но, прежде чем завалиться на отдых, мы спросили:

– Где Чемизов?

Майор долго думал, но все-таки ответил:

– Дело в том, что наш батальон временно перешел в подчинение полкового командования. Но все приказы передаются через меня. По их приказу роты Емишева и Лукьянова заняли оборону в пойме реки, что протекает в долине. Но оказалось, что у нас очень мало саперных лопат, поэтому вопрос обороны повис в воздухе. Емишев через своего посыльного сообщил, что они хорошо замаскировались в кустах и различных понижениях. А от Лукьянова никаких вестей. Вот я и послал Чемезова на его поиски.

– А с тобой, – обратился он ко мне. – Разговор будет особый. Вот из окна видишь хорошую асфальтированную дорогу? Она уходит на противоположный берег долины, вначале с небольшим подъемом, а перед берегом – покруче. На этом месте стоят два деревенских домика. Лейтенанту Закутному с его ротой еще вчера было приказано – утром на рассвете внезапным ударом атаковать находящуюся там немецкую военную группировку, зацепиться там за какой-нибудь плацдарм, связаться с Емишевыми и удерживать его до прихода подкрепления. Задача трудная, одной внезапностью не возьмешь. Немцев там может оказаться больше, чем наших. Уже полдень, а от Закутного никаких вестей. По-моему, поставленная перед ним задача не выполнена. Пока отдохни с часик, а потом надо пойти туда и разузнать, в чем дело.

По-моему, прошло больше часика, я проснулся сам – что-то внутри сработало.

Что ж, приказ надо выполнять. Раз надо – значит надо: война. Да и молчание Закутного беспокоило. Ни с кем не простив-

шись, отправился в путь. Дорога была пустынной. Вот и крестьянские домики, больше похожие на наши, русские, чем на аккуратные немецкие. Когда подошел к ним вплотную, услышал кудахтанье кур в соседнем сарайчике. Осторожно заглянул внутрь и увидел двух наших солдат, гоняющихся за курицей. Ничего особенного: когда-то и мы так же поступали. Спрашиваю:

– Вы из роты Закутного?

– Да.

– А где он сам?

– Вон в домике, что напротив.

Бесцеремонно вхожу в этот домик и вижу довольно мирную картину – Закутный и еще один солдат на маленькой печурке жарят яичницу. Без всяких вступлений сообщаю ему, что командование интересуется положением дел в роте и почему не выполнен приказ? Ротный задумался. Не буду излагать весь наш разговор полностью, остановлюсь на главном.

– Считаю, что штурмовать оборону противника, не зная ни его численности, ни точного места его расположения – это безрассудство. Как только мы подошли к основанию подъема, немцы выкатили на дорогу зенитное орудие, наклонили ствол в нашу сторону, взрыватель на головке снаряда, очевидно, ставили на нужное расстояние до нас и далее... выстрел!!! К счастью, тоже ошиблись. А если б нет?! Половина роты была бы изранена. Пробовали штурмовать противника в открытую, но встретили шквальный огонь. Поэтому от дальнейших атак я воздержался. Организовал свою разведку из трех человек. Им удалось выяснить, что за дорогой начинается довольно густой лес, за которым немцы и укрываются. И получается, что им нас видно, мы на виду... Слева от нашей дороги располагался какой-то пустырь – выгон по-русски. Посоветовался со взводными и решили по этому пустырю зайти немцам если не в тыл, то хотя бы сбоку. Но оказалось, что это был не выгон, а старая заброшенная размякшая пашня. Сразу все застряли в грязи. У меня уже трое раненых. Передай там всем начальникам – пусть все приедут сюда и покажут, как надо воевать... Приказывать-то легко.

– Да нет, – прервал я ротного. – Тоже нелегко. У тебя три взвода. Они все на виду, при тебе. А у Варьяна – три роты, тоже

по приказу они заняли оборону в пойме реки. Лукьянов с ротой ушел к указанному месту и... никаких вестей. Свою обстановку сам видишь. Только Емишеву удалось наладить с ним связь. Вот и посуды, какова ситуация.

После длительного молчания Закутный продолжал:

– Меня так и так ожидает штрафбат или за гибель роты, или за невыполнение приказа, но посылать людей на погибель я не буду. А Варьяну передай – пусть как-нибудь организует эвакуацию моих раненых – куда я с ними? Двое ходячих, один – нет.

Я внимательно выслушал ротного и вынужден был признать, что он прав, хотя некоторые тактические ошибки были и у него.

Вопрос взаимоотношений между начальником и подчиненным в армии на всех уровнях – от окопа до Ставки, – всегда стоял очень остро, так как от его решения зависела судьба сотен, а может, и тысяч людей. Уставные: «Приказ начальника – закон для подчиненного» или «Приказы не обсуждаются, а исполняются» постоянно довлели над нами. А как поступать, если приказ явно ошибочный? Или внезапно изменилась обстановка? Все равно исполнять?

Вот что по этому поводу еще в позапрошлом веке сказал царский генерал М. Скобелев: «Дисциплина заключается не в рабском исполнении желаний начальника. Она не только допускает, но и требует рассуждений» (Еженедельник К. П. Август, 2015. Стр. 7). Комментарии излишни.

И тот факт, что Закутный отказался выполнять явно ошибочный приказ и всю ответственность за это взял на себя, заслуживает только положительной оценки.

После продолжительного молчания, желая сменить тему разговора, он спросил:

– Кушать будешь?

– Не откажусь.

Солдат разбил над сковородкой еще одно яйцо, жаль, что без хлеба и соли.

– А как насчет выпить?

– Смотря что...

– Коньяк французский, – ответил он с горькой усмешкой.

Откуда-то из-под стола солдат вытащил черную и грязную бутылку, открыл пробку... и в тесной комнатухе сразу запахло чем-то вроде бензина. Конечно, это был немецкий самогон, за его желтоватый цвет прозванный «жабой». Солдат налил мне с пол-стакана этой отравы, но я с трудом осилил два-три глотка: не обучен был.

Когда все вопросы были исчерпаны, я попросил ротного рассказать мне, как разыскать роту Емишева. Он отвел меня за сарайчик дома на узенькую тропинку и подробно пояснил:

– Вот эта тропинка приведет тебя к небольшому ручейку, через него – мостик. Мостик перейди. И дальше вдоль этого ручейка спускайся вниз по течению. И тщательно маскируйся, чтоб не попасть «на мушку». Ручей этот впадает в реку. Вот там где-то эта рота и находится.

Я мысленно представил себе предстоящий путь и направился к мостику. Подходя к нему, я вдруг почувствовал, что пьянею. Что делать? Неудобно все-таки вести предстоящие переговоры с Емишевым заплетающимся языком. Обругал себя всякими словами. Решил не спешить, попить из ручья чистую водичку, авось поможет.

Вот и ручей. На его противоположном берегу – плакучая ива. Ее начинающие зеленеть ветви нависли над мостиком. Уже тепло, небо синее – идиллия. Природа живет по своим законам.

Опираясь на перила мостика, глянул вниз, а там – стайки маленьких рыбешек жмутся к берегам ручья в поисках пропитания. Защемило в душе: на память пришли картины детства и юности, когда я увлеченно рыбачил на р. Пышма и Рефт у г. Сухой Лог (Свердловская обл.) или на р. Ирень, недалеко от с. Красный Ясыл (Пермская обл.). Неужели все это только в прошлом?.. Нашупал в кармане крошки батона, что остались от завтрака с Качановым, бросил их в воду. Рыбки жадно набросились на неожиданный прикорм. Еще раз повторил угощение, но в этот момент увидел, как одна из ивовых веток почему-то обломилась и упала в воду. Вот и вторая – то же самое. Ничего не понимая, оглянулся вокруг и увидел, недалеко от меня в небольшом понижении почти у дороги, лежат солдаты, вроде – наши, и упорно показывают мне, чтоб я лег. И только в этот момент я понял, что

опять «нахожусь на мушке». В ту же секунду буквально плюхнулся с мостика на землю и, отчаянно работая руками и ногами, пополз в их сторону. Встретили они меня неприветливо.

– Ты что? Ох...ел что ли?

Их было четверо. В ватниках, без погонов, вооружены автоматами, смотрят на меня внимательно. Но разговорились. Оказалось, что они из нашей полковой разведки. Находятся здесь уже вторые сутки с целью установить численный состав и вооружение немецкой группировки войск, сосредоточенной здесь на стыке двух дорог. Сказали мне, что немцы находятся совсем близко – по ту сторону дороги, но прячутся в лесу, поэтому неуязвимы, – но мы с ними не связываемся, так как у нас задание другое. Они про нас знают, но мы часто меняем свои позиции, поэтому никак не могут «засечь» место нашего нахождения, – пояснили разведчики.

Странная ситуация: одни по одну сторону дороги, другие – по другую, и мирно сосуществуют. Каких только чудес не бывает на войне.

Один из них, очевидно, старший, спросил меня:

– А ты кто такой и чего здесь шляешься?

Я рассказал им, что я – тоже разведчик, только батальонный. Разыскиваю роты, которые находятся здесь же недалеко.

– Постой. А сегодня утром около хутора (так он назвал два крестьянских хутора, где обосновался Закутный) не ваша ли рота атаковала позиции немцев?

– Да. Одна из них. Им было приказано захватить плацдарм на территории противника – на стыке двух дорог (на этих словах я сделал особое ударение), но атаки были безуспешными, к сожалению, есть раненые. А здесь я разыскиваю другую роту, которая расположена в пойме реки – на случай, если немцы вздумают форсировать ее для того чтобы объединиться с другими своими подразделениями на том берегу долины.

– Мы знаем, где она расположена. Помощь нужна?

– Нет. Я сам ее найду.

– Тогда слушай меня внимательно и срочно передай своему «армяшке», а он пусть сообщит в полк следующее. Тяжелую технику и артиллерию немцы отсюда же отправили, остались только стрелковые подразделения. Они нас, к сожалению, обнаружили,

поэтому нам приходится постоянно менять свое местоположение. Продукты на исходе. Запомнил?

– Да.

– Ну, тогда – с Богом. И, пожалуйста, осторожней и не выпендривайся, как на мостике (уел все-таки).

В его словах и тоне, каким они были сказаны, я без труда уловил нотки высокомерия, а как же – одно дело разведчик полковой, другое – какой-то там батальонный... И даже подумывал о том, как бы ответить ему (взаимностью), но решил, что сейчас не место и не время мелочиться. И еще обнаружил, что я совершенно трезв. Видать, одной минуты было достаточно, для того чтобы в экстремальных условиях выбить из головы хмельной угар.

Со всеми предосторожностями я вернулся к ручью, без труда нашел место его впадения в речку. Не сразу, но разыскал Емишева, рассказал ему о своих злоключениях и обо всем, что сообщили мне полковые разведчики.

Ротный был, конечно, очень доволен, указал мне, где перейти за ручей. А я, извинившись за то, что вмешиваюсь не в свое дело, посоветовал ему наблюдение за немцами проводить собственными силами: полковая разведка на нас работать не будет, у нее свои «хозяева».

Местность за ручьем была мне уже знакома, и поэтому, не более чем через час я уже был у Варьяна. Он встретил меня приветливо, и я бы даже сказал – по-отечески (видать, переживал за нас, «младенцев»). И сразу приступил с расспросами:

– Слава Богу, явился, жив-здоров. Как там дела? Поподробней.

Я рассказал ему о ситуации, которая сложилась у Закутнова, особенно его просьбу о скорейшей эвакуации раненых. А также о моей встрече с полковыми разведчиками, и передал ему все, что они просили. Но (Господи, прости меня грешного), умолчал о том, что было со мной на мостике.

– Ну что же, спасибо тебе, молодец. Наш телефонист здесь, я приведу его сюда и, может быть, ему удастся связаться с Юрчком, (начальник штаба полка – майор Юрчак). Ты лучше знаешь результаты их разведки и место их нахождения, ну и попытаемся решить вопрос об эвакуации раненых.

Последние бои

Не мне судить, что тогда происходило в районе Котбуса, где мы воевали. Но все же можно было заметить, что многие воинские подразделения постепенно стали перемещаться на северозапад, как бы в обход Берлина, замыкая его окружение. При этом серьезных столкновений с противником не было. Мелкие были не в счет.

Но, это было уже в конце апреля. Мы и другие подразделения подошли к небольшому городку с населением примерно 30-40 тысяч человек. К сожалению, не запомнил его названия. Далее оказалось, что в этом городе сосредоточена мощная группировка немецких войск (а может быть, потому и подошли к ней). Началось ее окружение... Немцы не стали разрывать кольцо окружения. Даже если бы им удалось это сделать, неизбежно возник бы другой вопрос – куда двигаться дальше: на западе – союзники, в Берлине уже идут уличные бои. Поэтому немцы решили сделать город чем-то вроде опорного пункта и приступили к созданию вокруг него оборонительной полосы. Работы велись в спешном порядке, днем и ночью, на наших глазах.

Стало ясно, что город придется брать приступом, с большими потерями с той и другой стороны. Поэтому устно, через усилители, немцам было предложено сдать город без боя. В ответ – молчание, а местами даже демонстративная стрельба в нашем направлении. В ответ на такое поведение противника наше командование подтянуло к линии обороны артиллерию, минометы и даже бронетанковые подразделения... Все это делалось открыто и, в какой-то мере, даже демонстративно, в надежде на то, что у противника возобладает здравый рассудок, но – увы....

Тогда на город с самолета были сброшены листовки с ультимативным требованием: «Во избежание больших потерь не только среди военных, но и среди гражданского населения – сдать город без боя». Точно не помню, но, по-моему, был даже дан срок – сутки на размышление.

Сутки прошли. Реакции никакой. Ни тогда, ни сейчас не могу понять – на что они надеялись? Ведь было ясно, что город находится в плотном кольце окружения. Не может быть, чтоб во-

инствующий фанатизм охватил не только их высшее командование, но и рядовых солдат.

Наше командование допускало, что немцы могут сделать попытку прорвать нашу линию обороны, поэтому мы были готовы и к такому варианту развития событий.

Прошло уже более суток. Ждать бесполезно, да и день кончался. И тогда на хорошо укрепленную линию обороны противника обрушился шквал огня из пушек, минометов и даже стрелкового оружия. Стоял оглушительный грохот, тем более что все орудия были расположены за нами, поэтому снаряды летели над нашими головами. Ничего подобного в своей жизни я никогда не испытывал.

Не молчали и немцы, огрызались, как могли. Наиболее эффективно они использовали ручные пулеметы. Временами завеса их огня была настолько плотной, что и «голова не поднять». Спасали только окопчики с брустверами, которые мы успели вырыть за предшествующие два дня.

Артиллерийская подготовка длилась примерно с полчаса. За это время сопротивление немцев было сломлено. А мы? Нет, мы не бросились на врага с криками «У р р а !!!» и винтовкам наперевес, как это показывают в кино. Не знаю, чем это объяснить, но мы не испытывали радости, ликования от победы. Мы шли молча, медленно, постоянно обходя трупы немцев, а иногда и перешагивая через них. Иногда попадались и раненые, пока еще никем не прибранные... Это была война в ее натуральном виде...

Запомнился один эпизод – одному солдату рваный осколок снаряда разорвал брюшину. Кишки вывалились наружу. Солдат, видно сгоряча, пытался уложить их обратно, но уже не смог... он сидел на коленях, откинув туловище и голову за спину со своими кишками в руках. Жуткое зрелище.

И хотел бы забыть, да не могу...

Удрученный всем увиденным, я как-то незаметно оторвался от своих. За немецкой линией обороны начинался город, вернее, его окраина – небольшие домики деревенского типа, какие-то сарайчики, в сумерках их и не разберешь. В поисках своего батальона я рыскал вправо и влево, но – безуспешно. Положение усложнялось: наступала ночь, надо было найти место для ночле-

га. Иногда встречались наши солдаты. На мой вопрос, не знают ли они, где расположился «армянский батальон», ответили, что не знают. И только уже в темноте сквозь небрежно сделанную светомаскировку, я увидел небольшой огонек. Это было невзрачное бревенчатое здание примерно 10 на 10 м. Дверь приоткрыта. Осторожно захожу внутрь (мало ли что). Узкий проход. Направо и налево от него – небрежно, видать на скорую руку, сделаны нары. На них вповалку лежат раненые солдаты – и наши, и немецкие. За нарами – небольшой столик. Там хлопочут врачи и санитары – человек пять, – тоже и наши, и немцы.

На меня никто не обратил внимания. Я скромно уселся на старый колченогий стул и с любопытством, а больше – с горечью, стал наблюдать, что здесь происходит.

Кто бы мог предвидеть, что лежащие на нарах солдаты еще пару часов назад с ненавистью убивали друг друга, а сейчас – умиротворенные – лежат рядом. Неисчерпаемы лики войны.

Вот с трудом опираясь на руку, один наш солдат просит:

– Пить... пить... дайте хоть глоток...

Пока санитар в кружку наливает ему воду, солдат озирается по сторонам. Увидев лежащих рядом немцев, с возмущением матерно ругается:

– В бога мать!!!! Куда вы меня положили???

Санитар подносит ему кружку воды, помогает напиться, успокаивает:

– Успокойся, здесь все свои.

– Что с ним? – спрашиваю.

– Разрывная пуля в области паха. Не знаю, доживет ли до утра. Надо бы в госпиталь, да где он?

Все это действует на меня удручающе. Не прошло и несколько минут, как другой солдат (тоже из русских) почти кричит:

– Мужики! Как бы мне где-то п-ть...

Два дюжих санитаря подхватывают его под руки и ведут в маленький чуланчик в дальнем правом углу здания, переделанным под туалет. Правая нога у него забинтована ниже колена, штанина разорвана. Раненую ногу он держит на весу, на левой – неловко прыгает.

Вот таким я увидел полевой госпиталь военного времени. Война!

Левый дальний угол здания от остальной его части был отгорожен дощатой заборкой и имел входную дверь. Оттуда вдруг слышались звуки музыки. Вначале я подумал, что это радиоприемник, но быстро понял, что звучит аккордеон. Музыка была незнакомой, но исполнитель играл отменно. Кто-то из раненых, ни к кому не обращаясь, произнес:

– Под хорошую музыку и умереть не страшно.

Правда, я так и не понял – сказано это было с иронией или от души.

Позже я узнал, что музыканта в эту ночь раненые слушают уже не впервые и всегда с удовольствием. Положительные эмоции, оказывается, могут возникать и в госпиталях.

Сгорая от любопытства, я приоткрыл дверь и заглянул за перегородку. Моему взору представилась следующая картина. Комната была небольшой – метров 12. У наружной стены – двухъярусные нары, на них – солдаты. В центре на каком-то ящике сидел аккордеонист. Был он уже не молод – лет пятидесяти, полноватый, седой, лицо слегка отечное, что частенько бывает у профессиональных музыкантов. Одет немного странно: вместо пиджака – офицерский китель, остальная одежда – гражданская (цивильная, по-ихнему). Увидев меня, немец прекратил игру и встал с ящика. Я спросил его:

– Вэр бист ду и варум ду хир? (Кто ты и почему ты здесь ?)

Немец оказался очень разговорчивым и, очевидно, обрадовался, что ему представилась возможность рассказать о себе и о том, как он здесь оказался. Говорил он быстро, совершенно не беспокоясь о том, понимаю ли я его. Он, в частности, сообщил мне, что зовут его Отто, что по профессии он – музыкант, по вечерам играет в местном ресторане. Даже добавил, что в последнее время в ресторан стали часто приходиться военные. Они «филе тринкен, абер гут бецелен» (Много пьют, но хорошо расплачиваются).

Далее рассказал, что произошло с ним сегодня:

– Сегодня (Хойтэ абенд) я прихватил с собой инструмент и отправился на работу. Но по дороге меня задержал ваш патруль. Долго решали, что со мной делать, и привели сюда. Велели играть раненым.

Пожаловался мне, что очень обеспокоен тем, как идут дела в ресторане.

Что его наверное, все уже ищут, а жена уже вся «унруинг» (извелась). И здесь он играет уже несколько часов, поэтому очень устал и пальцы плохо работают. Но я все же упрямил его сыграть мне что-нибудь из их ресторанного репертуара – немного, по одному куплету.

– Битэ.

И я, вспомнив наши танцульки с полковыми девчатами в Синельниково и мою партнершу – Надежду Русину, пропел ему:

– Их вайс айн клайнен кафэ.

Отто оживился:

– О! Это слоу фокс (медленный фокстрот). Играем каждый вечер.

– А танго?

– Какое? Их много.

Я пропел и танго:

– Цигойнэ, ду хаст майнэ хэрц гетайлен.

Немец удивился и, быстро нащупав нужную тональность (под меня), проиграл и это, правда, без басовых клавишей.

Солдаты с любопытством смотрели на нас и даже приняли меня тоже за музыканта. И было видно, что все это они прослушали с большим удовольствием.

А раз такое дело, то я решил попросить его исполнить какой-нибудь вальс. Долго думал, пока не пришли на память первые такты одного из лучших вальсов Штрауса. Но, не зная слов (да и есть ли они?), исполнил только эти вступительные такты – под тарарам:

– Трам... трам... трам... та... та...

Отто был удивлен, быстро понял, что я имел в виду и даже пришел мне на помощь:

– Это Йоган Штраус – «Сказки венского леса». Прима вальс.

И проиграл эту вступительную часть знаменитого вальса до конца.

В это время в комнатку зашли двое: капитан (артиллерист) и старшина – не то его денщик, не то переводчик. Капитан

приказал старшине, и тот в довольно вежливой форме попросил у немца аккордеон. Отто, предчувствуя что-то неладное, никак не среагировал.

– Нур пробирэн, – уже по-немецки и более требовательно повторил старшина. Немец подозрительно посмотрел на него, но инструмент отдал. Старшина «прошелся» по клавишам сверху вниз, сыграл какую-то простенькую мелодию и, обращаясь к капитану, сообщил:

– Меха ослабли. Остальное в норме. – И передал ему аккордеон.

Я все понял и, не отдавая отчета своим поступкам, в довольно невежливой форме высказал капитану:

– Капитан, ты что делаешь? Этим инструментом он зарабатывает себе на жизнь!

Но капитан резко оборвал меня:

– Во-первых, не «капитан», а «товарищ капитан». Во-вторых, я не собираюсь отчитываться перед тобой. В-третьих, Вы, товарищ старший сержант, давно с этой «немчурой» (кивок в сторону немца) якшаетесь?

И, подхватив аккордеон под мышку, направился к выходу. А старшина, уже перед дверью, оглянулся назад, посмотрел на меня, но, прочитав в моих глазах откровенное презрение, отвернулся.

Уважаемые читатели, не судите меня строго, но в данной ситуации мои симпатии были на стороне немца, а не на стороне капитана, может быть не раз награжденного: хамство – оно хамство и есть, от кого бы оно ни исходило.

Потрясенный происходящим, я повернулся к немцу. Он беззвучно плакал. Слезы его частой каплей лились на одежду. Я сидел рядом, не зная, что предпринять. Помогли солдаты, посоветовали:

– Сержант, не тревожь его. Пусть проревеется, – все легче будет.

Видать, и они тоже остро переживали происходящее.

Не могу точно сказать, как долго длилось наше с немцем молчание. Но из этого состояния меня вывел санитар – тот, что поил водой раненого солдата. Он вошел в нашу комнату, сразу понял, что здесь произошло, спросил меня:

– Они что, забрали у немца аккордеон?

– Да.

– Вот сволочи... – И с сочувствием взглянув на немца, ушел обратно.

А немец, тронув меня за руку, подавленно произнес:

– Мне пора домой.

– Дом далеко?

– Нихт цу вайт (не очень).

– Я тебя провожу. Идем.

Это было рискованное предложение, но по-другому – не мог.

А город не спал. Он жил всеми тревогами прифронтового города: пустынные и затемненные улицы, иногда слышалась перестрелка, иногда появлялись патрули – как наши, так и немецкие. Это странно, но между собой они не враждовали – как в госпитале...

Мы шли молча – не время и не место обсуждать случившееся. Когда подошли к его домику, он поблагодарил меня за все, приглашать в гости не стал, попрощался и ушел к своим домочадцам.

Я остался один в этом чужом, затемненном городе. Страх не испытывал: не привыкать. Но – так, на всякий случай, автомат со спины перевесил на грудь.

До госпиталя дошел без приключений. А здесь меня ждали кой-какие важные новости.

Вернувшись в свою комнатку, я попросил солдат немного потесниться, чтоб освободить мне место. Снял шинель, постелил ее под себя, на себя и под голову. Рядом положил свой неразлучный автомат. И тут обнаружил, что у солдат, лежавших рядом, не было никакого оружия. Оказалось, что это был всего лишь хоззвод из нашего полка. Это они на «скорую руку» построили нары для раненых и – здесь, – для себя. Они рассказали мне, что искать «армянский батальон» (более крупной войсковой единицы в полку уже не было) надо не в городе, а за ним. Там находятся различные хозяйственные постройки, дачи и – что называется – пригород. Все это я «принял к сведению».

Несмотря на многочисленные события прошедших суток и позднее время, я быстро и крепко заснул.

Триумф победителей

Проснулся засветло. Хозвзводовцы были уже на ногах. Угостили меня завтраком, который привезли им из полка. Врачи и санитары вроде и не спали – продолжали лечить раненых.

А город преобразился. На улицах – народ, в основном гражданские. Все спешат на «центральную площадь», где немецкие солдаты как будто бы организованно сдаются в плен. О! Это уже интересно. Направился туда и я. Но по дороге меня повстречал один солдат из нашего батальона, сообщил, что меня разыскивает комбат и привел меня к нему. Варьян, больше для порядка, чем по существу, отругал меня и стал расспрашивать – где я пропадаю целые сутки? Но я прервал его:

– Товарищ майор, о том, где я пропадаю, я расскажу Вам попозже, а сейчас идем в город – там, на городской площади, немецкие солдаты сдаются в плен.

Мое сообщение явно заинтересовало его. И первому же попавшемуся взводному он поручил следить за порядком в батальоне. А мы спешно направились к площади.

Центральная городская площадь была довольно просторной. Изнутри, по периметру, охранялась не то комендантским, не то еще каким-то воинским подразделением. Народ, в основном – горожане, плотной стеной окаймляли ее. Еще бы – такого здесь еще и не бывало. Но нам удалось пробиться до линии охранников: хотя и косвенно, но мы все-таки являлись участниками происходящих здесь событий.

А то, что происходило дальше, трудно описать – это надо было видеть своими глазами! А происходило следующее.

Солдаты охранного подразделения со стороны северной оконечности города, сквозь толпу зрителей проделали коридор шириной 8 – 10 метров. По нему бесконечным потоком хмурые и молчаливые, при оружии, шли немецкие пленные разных возрастов, званий и родов войск, но по проемуществу инфантерии (пехота). Окружающие, в основном, женщины, сопровождали их взглядом, но по-разному. Одни – с сочувствием – все-таки плен не украшает воина. Другие – более благосклонно – войне конец, слава Богу, живые. Третьи – пытливо всматриваясь в проходивших мимо пленных – нет ли среди них родных или знакомых?

А пленные все шли и шли без конца. Их было много, очень много – тысячи!

Я никак не мог понять – откуда они взялись? Где были раньше? Почему не принимали участия в обороне города? По моему, ничего не знали об этом и в штабе нашего полка: никаких дополнительных указаний по этому поводу оттуда не поступало.

На противоположной от коридора стороне площади высилась гора трофейного оружия высотой метра два. Пленные, подходя к ней, бросали на нее свое оружие – винтовки, автоматы, ручные пулеметы, пистолеты, проходили дальше. «Гора» эта, кстати, тоже была под охраной.

За ней, на двух старых елях висели, или прибиты на гвоздики разные дощечки, фанерки, картонки, на которых иди углем, или – мелом были указаны номера воинских частей, принимавших участие в штурме города и их настоящее местоположение. Сиди них я обнаружил и нашу – «Хозяйство Варьяна 300 м» и стрелка в сторону сараев. Авторы этих объявлений меньше всего думали о славе, больше о том – как бы «Собрать до кучи» своих солдат, затерявшихся в бою. Но выглядело это символично, так как сразу было видно, какие воинские подразделения принимали участие в том победном сражении.

От елей дорога поднималась немного в гору и терялась где-то за холмом. По ней, по-прежнему медленно, нескончаемым потоком, шли пленные. Охрана – чисто символическая через 50-100 метров по бокам. Но вдоль дороги стояло много наших солдат, молча и с интересом наблюдавших это шествие. В их числе оказались и мы с майором.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я думаю: «Почему этот эпизод войны не нашел отражения ни в литературных воспоминаниях разных авторов, ни на телевидении? А ведь речь идет о тысячах(!!!) пленных. Это ведь не рядовые события в «Речной долине».

Обратно, в расположение батальона, мы с майором шли молча. Варьян был в глубокой задумчивости. И даже мой рассказ о моих ночных приключениях он прослушал без особого внимания. Нарушив всякую субординацию, я все-таки спросил его:

– Ну, и каковы Ваши впечатления от всего виденного?

После продолжительного молчания он, ни к кому не обращаясь, ответил:

– Почему мы об это ничего не знали? Это же событие огромной важности. Почему молчит штаб полка?

Об этом же, конечно, «со своей колокольни», размышлял и я. Вопросов было много:

1. Как могла наша разведка не заметить столь многочисленную группировку войск противника?

2. Почему эта группировка не принимала никакого участия в тяжелом кровопролитном сражении за город? Ведь солдаты были «при оружии»?

3. Откуда и чья была охрана, организовавшая «коридор» для прохождения пленных, поддерживающая порядок на площади и охрану трофейного оружия. Бойцы этой охраны, в основном, рядовые, были одеты в русские шинели. И только после «елей с дощечками» когда пленные были уже разоружены, охрана была уже разношерстной, в основном, из русских солдат.

И чем более я вникал во все эти события, тем более утверждался в мысли о том, что массовую сдачу в плен организовали и осуществили сами немцы. Логика их рассуждений была проста: «Война проиграна, зачем лишние жертвы. Сдаемся и... по домам».

Конечно, неясных вопросов было еще много. Но главная мысль для меня оформилась четко. Да и Варьян был не далек от нее.

А вот для нас война еще не кончилась: враг, особенно в самом Берлине, сопротивлялся отчаянно.

Враг коварен

Не прошло и двух дней, как нашему полку был дан приказ – двигаться в северо-западном направлении – очевидно, поближе к Берлину. Жаль, что не пришлось попрощаться со старым аккордеонистом из городского ресторана, а также узнать, как сложилась судьба наших раненых из смешанного госпиталя.

В батальоне я встретился со своими друзьями – Качановым и Чемезовым. Участия в боях за город они не принимали (были в

резерве), поэтому с интересом прослушали мой рассказ обо всем, что там происходило.

Марш полка и батальона, естественно, больше походил на «бросок»: шли не только днями, но и ночами.

Полковая разведка сообщила, что крупных подразделений противника на пути следования полка не обнаружено. А вот мелкие рыскали постоянно. Это были, в основном, фанаты, слепо поклоняющиеся своему Фюреру. Их тактика была нам хорошо знакома – они атаковали батальон прямо на марше из хорошо замаскированной засады и сразу же исчезали в окружающей местности, которую хорошо знали. Делалось это обычно, по ночам.

Для предупреждения этого Варьян быстро организовал систему охраны батальона – (БО). Суть ее такова. В тех случаях, когда батальону предстояло проходить по облесенной местности в ночное время, он, как это бывало и ранее, выдвигал вперед, метров на 50-100, нас троих. Одного – по центру (на дороге), остальных – по флангам – (по лесу), рядом с дорогой. В особо опасных местах каждому из нас добавлялось 2- 3 человека солдат из батальона.

Честно признаюсь – «работа» эта была трудной, опасной и изнурительной: сутками без сна, в ночной темноте, в одиночку, постоянно ожидая автоматной очереди из засады. Тяжело было не только физически, но и психологически.

Трудно в деталях описать весь комплекс чувств и переживаний, который мы испытывали при выполнении этих и других заданий по разведке в БО. Но я, ориентируясь на себя, все-таки попытаюсь это сделать. Примите ж исповедь мою (почти по Пушкину).

1. Был ли страх? Нет, не было. Война есть война, и риск погибнуть в ней был всегда. Поэтому к нему как бы привыкаешь. Если он и появлялся иногда, то где-то глубоко – на «подкорковом уровне».

2. Приходилось ли испытывать чувство опасности? Да – постоянно. Оно сопутствовало нам, как чувство самосохранения. Так я постоянно опасался автоматной очереди из-за куста. Этого ведь не спрогнозируешь. Поэтому я не могу сказать что ничего не боялся.

3. Приходилось ли при выполнении боевых заданий «идти на риск»? Да, постоянно, если в этом была необходимость. Если ее не было, то проявлял обычную осторожность, но далеко не всегда. Частенько все делал «на авось». Поэтому не могу сказать, что я был очень дисциплинированным солдатом.

4. Считаешь ли ты себя опытным разведчиком? Трудный вопрос: легко скатиться на рельсы тщеславия. Но в масштабах батальона, считаю, что да. Так, например, во время выполнения заданий походка моя становится мягкой, осторожной, слух и зрение обостряются, мой мозг непроизвольно запоминает наиболее характерные детали окружающей местности с тем, чтобы на обратном пути, после выполнения задания, не заблудиться, ориентируясь на них. Даже появилось чутье.

Когда задание мы выполняли группой, то научились уже на расстоянии поддерживать взаимную связь между собой: негромкий свист – протяжный, прерывистый, короткий или подражание звукам птиц – кар... р... р..., одиночные хлопки в ладони, или – «аплодисменты». Это помогало нам чувствовать, что мы не одиноки, что друзья рядом – в случае чего придут на помощь.

Признаюсь, что если обстановка была не очень сложной, то мы частенько выходили на главную дорогу, шли рядышком, вели разговоры на разные темы. Это было, конечно, нарушением, но снимало нервное напряжение.

Таким образом, в нашей группе было все более-менее отработано, мы хорошо понимали друг друга, в быту дружили... Но честно признаюсь – мне хотелось попасть в полковую разведку на задания более высокого класса.

Последнее задание

Дня через два мы подошли к небольшому городку. И здесь случилось невероятное – его жители не покинули город и не разбежались по окрестным лесам. Командование полка связалось с местной управой и попросило ее оказать нам посильную помощь в том, чтобы разместить где-либо наших солдат – человек 200. Невероятно, но вопрос этот был решен положительно.

Рядовые сотрудники управления полка, полковая и батальонная разведки были размещены в небольшом одноэтажном

особняке за городом. Пока еще было светло, начальник полковой разведки – старший лейтенант – подозвал меня к себе, развернул карту, сообщил:

– Мои ребята недалеко от нас, обнаружили небольшую группу противника. Нам приказано узнать ее численность, и где она разместилась на ночь. Если обнаружишь, что группа сейчас скрытно продвигается в нашем направлении, немедленно возвращайся обратно. Задание трудное. Справишься?

– Постараюсь. А можно пойти с кем-нибудь из наших в паре?

– Нет. Варьян оставил их при себе.

– А Теплых?

– Его забирай. А теперь смотри и запоминай. Вот от нас идет тропинка и упирается в ручей. Через него мостик (опять мостик, подумал я). Далее тропинка пойдет в гору, а там километра четыре – пять от нас, – первое, довольно крупное село. К нему, справа, идет шоссейка, далее она поворачивает направо и тянется до второго села. В общем, там решение принимай по обстановке.

Пошли с Теплых, как обычно, не впервой. Тропинка была старой, местами проросла травой. Мостик был перекинут не через ручей, а через осушительную канаву. Здесь, в кустах, я оставил Теплых.

Недалеко от мостика стояло старое, совершенно голое дерево, без листьев и коры. Привычно отметил про себя – хороший ориентир, далеко виден. По заданию я должен был идти по тропинке (она шла немного в гору) к ближнему селу. Но что-то подсказывало мне, что идти надо правее. Оттуда слышались какие-то подозрительные шорохи. И склон в гору здесь был более крутым, поэтому возводить оборонительную полосу немцам, как мне казалось, здесь было более целесообразным. Прислушался – шорохи продолжались. Поэтому дальше у бровки пополз уже попластунски... и на фоне неба явственно увидел очертания бродячих коров... Тьфу! От досады даже выругался. Но, подумав, решил, что это даже и лучше: «Раз коровы бродят на воле, значит, жители поселка покинули его, и поэтому вряд ли там будут немцы».

Вот и шоссейка, и я более уверенно, почти не таясь, пошел к селу. Вначале обошел его слева. Пусто – ни солдат, ни жителей.

Вернулся обратно, намереваясь обойти его справа. Но в этот момент неожиданно увидел слабенький огонек. Странно: он был почти у самой земли. Осторожно приблизился. Оказалось, что свет шел снизу, из подвала, через небольшое окошечко размером примерно 40 на 40 см с прочной крестовиной по центру (рамой). В подвале плотно в ряд стояли небольшие аккуратненькие ящички с крышками. Между ними спокойно разгуливал молодой парень в гражданской одежде. Из некоторых ящичков он небольшим совочком что-то черпал и пересыпал в рюкзак. Что бы это значило? Любопытство буквально разрывало меня. И я решил тоже спуститься в подвал. Но как? Сразу вспомнил, как эту операцию делал Андрей у фольварка перед железнодорожным мостом у речки. Таким же образом решил поступить и я. Лег на спину и обеими ногами враз выбил стекло и крестовину внутрь. (Господи, почему это ночами все получается так громко). И спрыгнул в подвал. Парень от неожиданности с перепугу стоял неподвижно с открытым ртом и тарачил на меня глаза. Не давая ему опомниться, я направил на него автомат и строго спросил:

– Вэр бист ду? (Кто такой?)

Мешая немецкие, польские и даже русские слова, он дрогнувшим голосом ответил:

– Их нихт дейч. Я полен... полен. Ферштейн.

– Ваз махст ду да? (что ты здесь делаешь?)

Он, уже смелее, зачерпнул из ящичка немного печенья, показал мне и высыпал обратно.

Поняв, что я, видимо, русский и никакой опасности для него не представляю, парень жестом пригласил подойти меня поближе и из следующего ящичка тем же совочком почерпнул немного дешевеньких конфет. Предложил мне. Я не удержался и высыпал их в карман шинели. Пожалел, что не взял с собой рюкзак – набрал бы немного для своих ребят.

Пользуясь представившейся возможностью, я решил для начала немного «разговорить» этого парня. Подбирая то немецкие, то русские, а то и украинские слова, спросил его:

– Есть ли в этом селе немцы?

Он ответил, что они были здесь примерно до обеда. А потом, узнав, что русская армия совсем близко, ушли в соседнее се-

ло. Это 8-10 километров отсюда. Далее мне удалось узнать, что живет он там же, но не в самом селе, а рядом – у одного бауэра в работах. Но когда узнал, что русские совсем близко, убежал сюда, чтобы чем-нибудь поживиться в магазинах, пока хозяев нет.

На вопрос, сколько их и делают ли они оборону вокруг села, ответил, что их около тридцати человек, а про оборону ничего не знает.

С этой информацией можно было возвращаться обратно, но под конец я спросил его, есть ли из подвала выход? Парень жестом пригласил меня следовать за ним и минуту спустя, через торговый зал, мы были уже на улице.

На фасаде здания я прочел: «Кондиторай». Мысленно, в который уж раз за последнее время, обозвал себя дураком: зачем было разбивать окно и раму? А парень пошел искать новые магазины.

Близился рассвет. В поисках тропинки к мостику, подошел к бровке склона, но в темноте тропинки к мостику не обнаружил. Израсходовал несколько спичек из коробка – условный знак для Теплых. Но ответного огонька не было: спит, наверное. Или ушел к своим. И, «нащупав» глазами голое дерево, пошел на него.

Вот и особняк. Часовой у входа, примостившись на мягкое кресло, крепко спал. Винтовка – между ног, голова повисла. Не будем будить его: я и сам в таком же состоянии. Осторожно отодвинул кресло в сторону, вошел в комнату. Но и там все крепко спали.

Обидно стало: оказывается, что все мои ценные разведданные, добытые с таким трудом, никого не интересуют. Что ж, на войне и не такое бывает.

Ищу, где бы примоститься. В углу увидел детскую кроватку-качалку (вместо ножек внизу две полудуги – так легче укачивать ребенка). Набросал в кроватку каких-то тряпок, шинель туда же, автомат под руку – и не сразу, но все-таки крепко уснул.

Не знаю, сколько я проспал, но внезапно меня разбудили автоматные очереди. Первой мыслью было: «Немцы напали на наш особняк и расстреливают спящих»... Мгновенно, еще полусонный, вывалился из кроватки и быстро уполз в дальний угол

комнаты. Автомат в руку, пальцы на спусковом крючке, направил в противоположный угол комнаты. Но когда пришел в себя, то обнаружил, что комната пуста. А интенсивная стрельба продолжалась, но уже на площади – рядом с домом. Решил, что бой идет уже на улице. Дверь полуоткрыта, осторожно выглядываю на площадь.... и ничего не могу понять: немцев не видно, а наши ребята – кто длинными, а кто короткими очередями лупят в «божий свет, как в копеечку», веселые, обнимаются. Некоторые уже «навеселе». Выхожу на площадь, что перед домом, и я. Один из знакомых подходит ко мне, шутливо говорит:

– Засоня несчастный. Война давно закончилась, а он все еще дрыхнет.

– В каком смысле – «закончилась»?

– В самом прямом. Из штаба только что сообщили, что войне конец. Победа!

На площади появился Варьян. Идет не спеша, улыбается (впервые вижу на лице его улыбку уже старческую, добрую). Его быстро окружила солдатня. Обращаясь ко всем, он с неподдельным пафосом произнес:

– Поздравляю всех с Побэдой!

Увидев, что он все еще в шапке, я напомнил ему:

– Товарищ майор, Вы обещали сменить шапку на пилотку, как только закончится война.

– Да, помню. Обещал. Выполняю.

Снял шапку, развязал тесемки, приказал:

– Всем приготовиться.

И раскрутив шапку за тесемки, высоко подбросил ее вверх. Наверное дюжина автоматных очередей вмиг превратила шапку в трухлявый комок: что-что, а стрелять-то мы умели.

Вот таким, во всех деталях запомнился мне этот день. ДЕНЬ СВЯТОЙ ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ!

Но (почти по Некрасову) «не долги были радости». Уже в полдень наш полк со всеми его службами и наш батальон собрали воедино и приказали: «Приготовиться к маршу».

Мы молча стояли в строю, с недоумением посматривали на начальство: «Нежели опять война? Но с кем? С Японией? Вряд ли: слишком далеко до нее. Но вскоре все встало на свои места. Оказалось, что дело заключается в следующем.

В эти же дни в Праге чехословацкие партизаны и другие подпольные силы Сопротивления подняли восстание против немецкого военного гарнизона. Чехословакия, как известно, в это время находилась под немецким протекторатом. На ее промышленных предприятиях изготавливалась самая разная продукция, в том числе и военная, для немцев. Немецкое военное представительство в Чехословакии было достаточно мощным. Поэтому разрозненные, слабо вооруженные силы Сопротивления стали терпеть поражение. Их руководство открытым текстом обратилось к Союзному и нашему командованию с просьбой о помощи. И буквально в тот же день наш полк и множество других военных подразделений пошли на помощь дружественному чехословацкому народу.

Транспорта для перевозки людского состава не было. Шли пешком ходом с небольшими передышками по 10-12 часов в день. Магистральной дорогой в этом направлении была не привычная нам «шоссейка», а «бетонка» – бетонные плиты на низких опорах. Использовалась она преимущественно для проезда грузового, легкового, а иногда и гужевого транспорта. И по «остаточному принципу» – для всех остальных.

Мы шли не строгими колоннами, как надо бы Победителям, а сплошной массой по обочине главной дороги, без каких-либо дистанций между подразделениями (шириной по фронту 50-100 м). Было много и других факторов, прямо, или косвенно обуславливающих такой порядок шествия: прием пищи, кому-то стало плохо – потребовалась медпомощь и. т.д. А кроме того, обочина, по которой мы шли, – далеко не асфальт, а «пересеченная местность». Или вот необычное зрелище: четыре верблюда тащат четыре пушки – каждому по одной. А вот – юркие американские «Виллисы» тянут пушки крупного калибра. Среди них и наши Пермские длинноствольные гаубицы (здравствуйте, дорогие).

В общем, это был многотысячный живой организм, живущий по своим боевым законам и нацеленный на Победу!

В этом солдатском массиве было легко затеряться, что часто и наблюдалось. Для нас ориентиром был старенький (откуда только его выкопали) фаэтон на пароконной тяге. В нем на заднем сидении дремал наш Варьян. За ним, стараясь не отставать от него, ползла еще одна наша батальонная повозка, ведомая уже стареньким ездовым Гавриком.

Но при всем этом наблюдались и некоторые отрицательные явления. Подразделения, в распоряжении которых был тот или иной транспорт (саперы, связисты, артиллерия на машинной тяге и др.), иногда отклонялись от маршрута, чтоб заглянуть в соседние поселки с целью поживиться кое-каким барахлом – одежда, обувь, сервизная посуда – то есть все ценное, что еще осталось от хозяев, покинувших свои жилища. Явление это быстро стало повсеместным. Часто в этом были замешаны и военачальники более высокого ранга.

А я, с любопытством наблюдая это шествие, все более утверждался в мысли о том, что вот здесь, сейчас по территории поверженной Германии идет самая сильная Армия в мире – Армия Победителей – и испытывал при этом некоторую гордость от того, что и я – ее частица.

Мы идем уже два дня. Немецкие поселки, что виднелись в стороне от дороги, стали постепенно исчезать, да и солдатская лавина тоже стала потоньше.

Приближались Судеты. Красивейшие места. Скалистых образований, свойственных той или иной горной местности, здесь не было. Преобладали куполообразной формы холмы, покрытые лесом. Между ними – небольшие речки и речушки с широкими поймами. На склонах холмов – аккуратные, как картинки, каменные домики (Почему не деревянные? – подумалось мне, когда я вспоминал наш предгорный Урал).

Коренное население (боюсь ошибиться) – не то немецкие словаки, не то словацкие немцы. Большинство говорят по-немецки и по-словенски. Жители нас встречали спокойно, без бо-

язни, но и «хлебом-солью» не угощали. Это было вполне логично: мы их территории не освобождали.

Где-то здесь, около Мариенбада, находится мастерская по ремонту автомашин, принадлежащая унтер-офицеру Антонио-Форстеру, который в Саганском лагере пленных летчиков возглавлял рабочую команду «На подхвате». Где он сейчас? Интересно было бы встретиться.

Здесь со мной произошло одно важное событие с далеко идущими последствиями, которое я запомнил на долгие годы. Мы только что вошли в небольшой аккуратненький городишко – Циттау. Я очень хотел пить, и по привычке, приобретенной в Германии, сходу, не особенно размышляя, зашел в первый попавшийся отдельно стоящий домик. Меня встретил дед и две пожилые женщины. Вежливо поздоровался. Реакции никакой. В глазах настороженность и немой вопрос: кто такой, что надо, что дальше. Я этому не удивился и, как можно более мягко, попросил попить:

– Чай, кофе, вода? – Спросили они.

Я никогда в жизни еще не пробовал настоящего кофе и попросил его. Одна из женщин принесла мне чашечку какого-то черного напитка. На вкус оказалось, что это никакой не натуральный, а обычный – не то овсяный, не то ячменный кофе. Я поблагодарил их за оказанную услугу и, чтобы сгладить неприятную напряженность от своего визита, решил задать им несколько безобидных вопросов: были ли здесь в войну немцы; не знают ли они около Мариенбада мастерскую по ремонту автомашин? Сказал им, что я знаком с ее владельцем, и очень хотелось бы с ним встретиться. Но на все вопросы они ответили отрицательно.

Я уже хотел попрощаться с ними и уйти, но увидел на стене подвешенную мандолину – инструмент, на котором я еще в школе играл в нашем школьном оркестре и, совсем недавно – в Саганском лагере. Не удержался, снял мандолину с гвоздя и взял несколько аккордов. Звучание было слабеньким, но поразительно нежным и мелодичным. Это трудно объяснить словами, но я сразу и надолго «влюбился» в этот инструмент!

Дед, предчувствуя что-то неладное, подошел ко мне, встал рядом. Не особенно раздумывая (подумаешь – мандолина), я обратился к нему со словами:

– Дед, подари мне ее.

– Найд, – твердо ответил он.

– А, если тебя я очень попрошу: я музыкант.

В ответ – опять:

– Нет!

Просьба моя была, конечно, нелепой, но ничего другого я придумать не смог. Но вспомнил, что у меня есть старинные швейцарские карманные часы с исключительно точным ходом – 4-5 секунд в сутки, циферблат еще римский. Я выиграл их в пространенную в то время игру «Махнем не глядя», а проиграл театральный бинокль. Я положил часы на стол и, ни на кого не глядя, не простившись, вышел на улицу. Там обнаружил, что наш батальон уже прошел, быстро догнал его и стал в строй.

Выглядел я, наверное, нелепо: за спиной автомат, в руках – мандолина. Ребята снисходительно подсмеивались надо мной, понимая, что и я «не без греха».

Но в этот момент нам привезли обед и все с удовольствием расселись и улеглись на обочине. Я уселся около Варьяна. Он внимательно посмотрел на меня, усмехнулся, но ничего не сказал. Мудрый был старик.

В этот момент рядом проходил незнакомый мне капитан – высокий, стройный, подтянутый. Увидев меня с мандолиной, подошел ко мне. Я, положив мандолину рядом, быстро встал перед ним, как положено, – по стойке «Смирно». Показывая на инструмент, он без всяких объяснений приказал:

– Положи туда, где взял!

– Я не взял.

– Да-а-а? А как она во время марша здесь оказалась?

– Я купил ее.

Он долго и пристально смотрел мне в глаза, словно хотел понять – что это за фрукт такой? Взгляд его был тяжелым, но я, будучи уверенным в том, что швейцарские часы – достойная плата за мандолину, выдержал его.

– Ну, смотри – проверю.

Когда он ушел, я спросил у Варьяна: «Кто это такой?». Немного помолчав, Варьян мне и окружающим солдатам сообщил:

– Это недавно назначенный в наш батальон начальник штаба – капитан Векшин. Так что прошу любить и жаловать. Но по тону, каким это было сказано, я понял, что он не очень доволен происшедшим.

Должен сказать, что очень скоро мои отношения с Векшиным пересекутся самым неожиданным, порой драматичным образом. Но это – в будущем, а пока, я лихорадочно размышлял о том, что мне делать с мандолиной? Решил посоветоваться с Гавриком, с которым был в добрых отношениях.

Гаврик – статья особая. По национальности – молдаванин, не молод – уже за сорок. В боевых действиях непосредственного участия не принимал, находился где-то в обозе, но должность свою считал очень ответственной, так как в его повозке, помимо разного барахла, хранились разные батальонные и полковые документы, за которые он «отвечал головой». Поэтому службу свою он считал ответственной.

Лошадку свою, тоже немолодую, очень любил. Аккуратно где-то получал на нее овес, не упускал случая побаловать ее свежим хлебом, а то и сахаром.

Наскоро поев, я быстро разыскал его, изложил суть дела.

– Что-нибудь придумаем, – сказал он.

Быстро раскрыл повозку и со дна ее достал патронный ящик, заполненный патронами лишь наполовину. Померил – помещается ли в нем мандолина. Уместилась. Уложил ее на дно ящика, а сверху засыпал патронами, прикрыл крышкой, приколотив для прочности на пару гвоздиков. В повозке быстро навел порядок, уложив все как было.

Я на всякий случай спросил его:

– А вдруг патроны потребуются?

– Не потребуются: они не на подотчете. Да и война, слава Богу, кончилась.

Я, конечно, поблагодарил его. Уходя, увидел около повозки лежащее для верховой езды седло. Как оно здесь оказалось, спрашивать не стал. Кто-нибудь вроде меня тоже принес его на хранение.

Не судите меня строго дорогие читатели. Из всех трофеев, которые я привез с фронта домой, кроме мандолины, были только губная гармошка, да тетрадь для рисования с хорошими ватманскими страницами...

Новые приключения

Мы шли уже по территории Чехословакии. Вероятность встречи с противником значительно уменьшилась, пражане разделились с немцами, очевидно, без нашей помощи, поэтому упала и дисциплина в колонне. Варьян попытался было навести порядок в своем батальоне, но не очень успешно – многие вышли из строя и шли по обочине.

И вот один раз я свернул в сторону небольшого лесочка. Отсюда все и началось. Когда возвращался в колонну, то недалеко от дороги увидел кем-то брошенный велосипед. Он был уже старенький: цепь стерта, шины приспущены, но (видать – судьба) он был никелированным, и поэтому невольно привлекал внимание. Ни на что не рассчитывая, больше из любопытства, решил испытать его в деле. Подкачал шины, проверил сцепление и прямо по бездорожью, с трудом, но догнал свой батальон.

Надо сказать, что велосипеды в колонне не были редкостью, поэтому на меня никто не обратил особого внимания. К вечеру я разыскал знакомых парней из полковой разведки, многие из которых уже давно ехали на своих велосипедах. На ночь остался с ними. Утром проснулся раньше всех, скрутил шинель «вскатку», уложил ее на заднее сидение, автомат привязал к рулю.

Маршрут дальнейшего следования колонны был трудным. Массивные, полого окатанные холмы следовали один за другим. Мне удалось оторваться от своих, но на пути встретился очередной такой холм. Шоссейная, хорошо накатанная дорога, змейкой поднималась на его вершину. Скорость движения, конечно, упала. Частенько приходилось идти пешком. Но вот и вершина. Оглянулся с высоты на окружающую местность – красотища. Где-то справа – речка, параллельно ей – широкая пойма уходит вдаль, и только в одном месте она пересекает шоссе и уходит влево. За ней – довольно крутой подъем на выравненное плоскогорье.

А дорога с холма, в обрамлении густого древостоя, опять змейкой петляет вниз – в пойму. Я сел на свой двухколесный транспорт и вначале осторожно, а потом и не очень, на большой скорости поехал. Резиновые шины с каким-то шипением скользили по асфальту, поворот налево – поворот направо. Скорость опьяняла: крутить колеса не надо... и я потерял бдительность. Когда холм почти кончился, а я сделал последний виток, то вдруг увидел, что впереди, прямо на дороге расположилось на отдых какое-то воинское подразделение (тоже колонна). Лихорадочно пытаюсь педалями нажать на тормоза, но они на огромной скорости не сцепляются с тормозной колодкой (велосипедистам эта ситуация хорошо знакома). Еще две-три секунды, и я врежусь в гущу людей, повозок и какой-то техники. Делать нечего, и я направляю велосипед в правую стенку кювета... Страшный удар, я вылетаю из седла и метров через десять обнаруживаю себя на зеленой траве, а рядом чья-то лошадь перебирает копытами, очевидно, чувствует, что там, внизу, есть кто-то посторонний. Постепенно прихожу в себя и вижу колеса пароконной повозки.

Двое ездовых, изрядно навеселе, с недоумением смотрят на меня сверху, спрашивают:

– Ты что, о...ел?

Осторожно вылезая из под оглобель, встаю на ноги, проверяю, насколько цел и, к своему удивлению обнаруживаю – ни единой царапины. Видать, мой добрый ангел и на сей раз был ко мне милостивым.

Пошел взглянуть на велосипед – что с ним. И то, что я там увидел, повергло меня в шок. Велосипедисты знают, что если обод колеса не отцентрирован по отношению к его оси и во время езды «хоботит», то такую неисправность называют «восьмеркой». А у моего велосипеда «восьмерка» было в натуральную, почти математическую, форму. Автомат оторвался от руля и валялся в кювете. Видя столь бедственное состояние своего велосипеда, решил бросить его и дожидаться прихода своих. Но стало жаль беднягу: ведь это я довел его до такого состояния – совесть замучила. И я решил сделать хотя бы попытку реанимировать его. Отошел в сторону от дороги, расстелил там шинель и прита-

шил сюда же искореженный велосипед (заднее колесо, к счастью, не очень пострадало). Походил вокруг и нашел два подходящих камня и половинку кирпича. Задумался – с чего начать?

В этот момент ко мне подошли те ездокие, что были на повозке. Поинтересовались – кто я такой, почему один, где остальные? Не очень охотно, но на все вопросы я дал им исчерпывающие ответы. Затем осмотрели велосипед, покачали головами. Увидев принесенные мной камни, поинтересовались

– А это зачем?

– Как зачем? – ответил я. – Буду ими обод исправлять.

Один из них, видимо постарше, сходил к повозке, принес молоток и завел со мной деловой разговор:

– Вот что, парень, по специальности я – механик, а ездокой – по совместительству. Так что слушай меня внимательно. Перво-наперво, ключики, гаечки, винтики, болтики не разбрасывай, где попало, а сложи в отдельное место – пригодятся.

После этих слов он бесцеремонно сдернул с меня пилотку, собрал все, что я успел разбросать по шинели и сложил в нее. Далее ножичком вырыл в земле воронку по глубине и диаметру сантиметров 15, вдавил в нее полу шинели, вытащил из обода резиновые крышку и камеру и поместил в это углубление ось исковерканного колеса, чтоб не в земле ремонтировать его.

– А далее, – продолжал он. – Выпрями все спицы, а потом – под них – выпрямляй обод, а не наоборот. Это ускорит дело.

И даже, орудуя молотком, показал мне как выполнять ту, или иную операцию. Но в этот момент их колонна тронулась в путь и они поспешили к своей лошадке.

Надо сказать, что в велосипедном деле я не был новичком. Еще в восьмом и девятом классах у меня уже был велосипед марки «Пенза», на котором я изъездил почти все окрестности Орды. Всякое бывало, и ремонтом частенько занимался, но чтобы в таких масштабах и в такой ситуации – ни разу.

После всех этих наставлений я уже более или менее ясно представлял, что и как надо делать и, не теряя времени, взялся за дело.

Прошло, наверное, часа два, а может и больше, и ремонт был закончен.

Для проверки я, еще по старой привычке, поставил велосипед на седло, колесами кверху и прокрутил его на «холостом ходу». Вроде, исправен.

Потом, с опаской, конечно, поехал на нем сам.

Но сразу встал вопрос – где же наша колонна? Неужели я ее просмотрел?

А это было вполне вероятно, так как увлеченный работой, я не очень присматривался к тому, что там, на дороге, происходит. Вместе с велосипедом вышел на нее, осмотрелся – дорога пуста. Только впереди просматривался довольно крупный населенный пункт. Недолго размышляя, поехал в том направлении. Вскоре с главной дороги появился отворот влево – тоже хорошо ухоженная дорога. Подумал – не по ней ли ушел наш полк? Решил проверить и этот вариант – выехал на нее.

Дорога шла немного в гору, справа от нее – довольно крутой облесенный склон. За ним – высокий плоский водораздел – речная терраса. Дорога привела меня на нее. Но и на ней не было видно никаких воинских подразделений.

В этот момент я вдруг почувствовал себя совершенно одиноким и заброшенным: чужая земля, чужая страна, чужая природа, рядом – ни друзей, ни родных, ни знакомых. Где-то далеко-далеко – Родина. Все чужое, не мое. Даже наш батальон во главе с Варьяном показался мне родным. Да и он неизвестно где. Захотелось поскорей попасть на главную – шоссейную дорогу. С ее холмами и долинами.

Отсюда путь на нее проходил по высокому водоразделу. Туда вела широкая, безо всяких кюветов, грунтовая дорога. В конце ее – густой лес. Решил, что она ведет на главную дорогу и далее – к поселку. Куда же еще?

Когда до леса оставалось метров 100, из него, навстречу мне, неожиданно вышло человек пять немцев, почти все вооружены. Екнуло сердце... Вот и конец... Помощи ждать неоткуда... Убьют и сбросят со склона в кусты. Откуда они появились, ведь война уже закончилась? Наверное, фанаты. Какая нечистая сила потащила меня сюда?

Все это пронеслось у меня в голове за секунды. Но столь же быстро сработал и инстинкт самосохранения. Собрав все силы,

какие у меня еще остались, и сделав максимально приветливое лицо, я направил велосипед прямо на немцев и даже поприветствовал их:

– Гутэн таг, комерадэн. Вохин гэен?

– Нах хауз...– Не очень дружно ответили они.

– Дас ист вайт? (Далеко?).

– Нихт зэр (не очень). Криг капут! Аллее гут. (Все хорошо).

И даже расступились передо мной. Думают, наверное, ударить мне в спину, – подумал я и стал беспорядочно вилять по дороге – вправо-влево. А на поворотах боковым зрением посматривал – не целятся ли? Вроде, нет.

Когда до леса осталось метров 20, нажал на педали и скрылся в лесной чаще. А когда немцы ушли далеко, я, не желая так безрассудно рисковать своей жизнью, не спеша, пешим ходом, по склону спустился на главную дорогу.

По ней в сторону поселка шла чья-то колонна. Не наша ли? Я быстро догнал ее и увидел следующую картину – немного отстав от колонны, плелась пароконная повозка. В ней, обнявшись, сидели двое ездовых и о чем-то мирно беседовали.

Повозка, да и ездовые, показались мне чем-то подозрительно знакомыми. Я быстро догнал ее и... (бывают в жизни чудеса!) без труда опознал своих помощников по ремонту велосипеда. Не скрою – обрадовался: не одинок. Приблизился к ним вплотную, спросил:

– Эй, механики, как поживаем?

Они были удивлены не меньше, чем я, и даже предложили:

– Закидывай машину на повозку, да залезай к нам, а то вдвоем нам скучновато.

Я поблагодарил их за приглашение и признался, что разыскиваю своих. Быстро сообразил, что они где-то сзади, пожелал им всего хорошего и без промедления помчался в обратном направлении.

Через полчаса я был уже у своих. Полагал, что встреча с ребятами из батальона будет радостной: слава Богу, нашелся. Но – увы. К моему возвращению они отнеслись довольно прохладно. А Варьян даже набросился на меня:

– Ты где пропадал целый день? Ведь беспокоимся – человек пропал.

Обидно было: ничего не узнав о причинах отсутствия, и сразу – одни обвинения. Не хотелось оправдываться, но – пришлось:

– Извините, товарищ майор, но я попал в аварию. Велосипед поломался, я долго его ремонтировал... (показал майору погнутые спицы в колесе, искривленный обод и даже «восьмерку»).

На первом же привале я рассказал им обо всех своих злоключениях, которые выпали в тот день на мою долю. Не умолчал и о встрече с немцами. После этого их отношение ко мне заметно потеплело. А я попросил у Варьяна разрешения уйти на ночлег к полковым разведчикам, у которых велосипеды ночью «находятся под охраной».

Триумфальное шествие

А теперь я не могу умолчать о том, как встречали нас чехи и (словаки?), ради которых мы сюда и пришли.

По мере приближения к Праге, местность, по которой мы шли, стала более равнинной и поэтому – более населенной. Жители небольших и более крупных населенных пунктов повсеместно встречали нас восторженно, приветливо, радостно и многолюдно – зачастую по обе стороны дороги, так что мы шли как бы в ликующем людском коридоре. Люди без конца приветливо махали нам руками, а мы, естественно, отвечали им тем же. Без конца слышалось: «Насдар!!! Насдар!!!» (точного перевода этого слова я не знаю, но что-то вроде приветствия).

И – море цветов, главным образом – сирени, которая только что расцвела, наверное, специально для нас... Дарили их не только тем, кто шел с краю колонны, но и тем, кто шел внутри нее.

Часто предлагали нам что-нибудь попить: чай, кофе, иногда – пиво и даже простенькие постряпушки. И все это – от души.

В некоторых поселениях, что покрупней, нас встречали даже с музыкой – духовой оркестр из 5-6 инструментов и, конечно с барабаном – исполнял марш «Прощание славянки». Эта мелодия была уже наша, родная, и мы непроизвольно подстраивали свой шаг по нее.

Не знаю – случайно это или нет, но за время нашего шествия все дни стояла теплая погода, солнце сияло ярко – по-весеннему.

В общем, это был настоящий ТРИУМФ ПОБЕДИТЕЛЕЙ. Других слов не нахожу.

Пражане с немцами расправились, очевидно, сами, без нашей помощи, и поэтому колонны (не только наша) шли уже не спеша, «без форсажа».

На ночевку мы остановились в «чистом поле». Вокруг было много разных хозяйственных построек, и местные жители развели нас по ним, указав при этом, где вода, туалет, дровишки и прочее. Для нас это было не очень удобно, так как батальон оказался разрозненным, но зато не надо было ставить палатки.

За ужином Варьян сообщил нам о том, что конечным пунктом нашего маршрута является небольшой городишко Млада Болеслав, это недалеко, к вечеру будем там.

Новые приключения

Даже в этой, казалось бы, мирной обстановке, новые чрезвычайные события не обошли меня стороной. Такая, видать, судьба моя.

Утром следующего дня я проснулся рано, решил проверить как чувствует себя мой испытанный двухколесный друг – он был в одной связке с остальными. Но обнаружилось, что все велосипеды в ней были налицо, кроме моего. Не скрою – я был потрясен: так хотелось конец похода встретить на своем боевом друге... Поразмыслив, решил, что похититель находится где-то здесь недалеко, и отправился на его поиски. Обошел другие места ночевки, все вокруг – тщетно.

В этот момент, уже за пределами поселка, я увидел пасущуюся лошадь. Подошел к ней, осмотрел – некрупная, какая-то кругленькая, похожа на цирковую. Лошадь была взнуздана, повод волочился по земле. Вначале я подобрал его, потом спокойно взял ее «подузцы». Лошадь при этом не проявила никакого беспокойства. Странно: сытая, на рабочую не похожа, чья тогда?

И тут меня осенило! А что, если я ворвусь в этот Младу Болеслав на самом настоящем боевом коне, а не на каком-то задрипанном велосипедишке.

Но для этого надо было раздобыть где-то седло. Оглянулся вокруг – нигде ничего. И тут я вспомнил Гаврика. В тот день, когда мы с ним прятали мандолину, я видел, что какое-то седло валялось у него рядом с повозкой.

Вместе с лошадкой я без труда разыскал Гаврика и кратко изложил ему суть дела. Вопрос решился на удивление быстро. Гаврик охотно предложил мне:

– Да забирай, хоть насовсем. Место занимает, а хозяин не является.

И даже помог мне закрепить седло на лошади, подрегулировал по росту стремени. А лошадка вела себя спокойно, никак не реагируя на происходящее.

Занимаясь этими делами, я позабыл о завтраке и явился в батальон, когда он уже был построен к маршу. Из всех сил я пытался придать себе героический вид, но ребята из батальона поглядывали на меня довольно скептически и даже с усмешкой – Паутов опять дает... Варьян вначале осмотрел лошадку, потом меня на ней, но, не обнаружив «состава преступления», безнадежно махнул рукой – мол, делай, что хочешь.

А я сидел в кресле и лихорадочно старался вспомнить – с какой стороны надо садиться в седло? Как бы не «ударить лицом в грязь».

Колонна двинулась в путь – я рядышком, пусть не на лихом, но все-таки на коне.

А дальше началось все то, что было вчера. Насдар!!! Насдар!!! Приветствия. Цветы. И даже мне! Это меня немного воодушевило, и я решил оторваться от батальона, чтоб посмотреть, что творится в других местах.

Но примерно через часик-два «лихой езды» я обнаружил, что моя лошадка НИКОГДА НЕ ХОДИЛА ПОД СЕДЛОМ, а всадник (это я, значит) НИКОГДА НЕ СИДЕЛ В СЕДЛЕ (это было хорошо видно со стороны).

К полудню я смозолит все трущиеся части моего бедного тела. Я уже готов был отпустить мою лошадку на волю, но как быть с седлом? И как на это среагирует Гаврик?

В одном месте дорога шла немного под уклон, я подумал, что если на ровном месте мне не удалось добиться от своей лошадки ни рыси, ни галопа, то под гору- то может это и получится. Но как я ни старался, мне и здесь не удалось добиться от нее хоть какого-нибудь классического хода.

Примерно в середине склона ко мне на красивом рослом гнедом жеребце подъехал начальник штаба нашего полка майор Юрчак. Не очень громко, пожалуй, даже доверительно (видно, щадил мое самолюбие) посоветовал:

– Слушай, сержант, слез бы ты со своей лошадки и не позорил нашу Армию.

Но я все-таки попросил его:

– Товарищ майор, разрешите мне продержаться на ней до вечера. А там я сам с нее слезу...

– Ну, смотри. Сам, так сам.

И, дав шпоры, умчался вперед.

К вечеру мы добрались до небольшого городка Млада Боле-слав. По центру города протекала речка (Йизера по-чешски) величиной с нашу Сылву. По мостику мы перешли на противоположный берег речки. Прошли по окраине города. Здесь нас любезно встретил представитель городской администрации и от-вел... в чистое поле. Значит, опять в палатки. А мы-то думали, что нас расселят по квартирам...

Вскоре сюда приехал и Гаврик. Ему эта зеленая лужайка понравилась, поэтому он быстро распряг свою лошадь и отправил пастись на зеленую травку.

Гаврику я вернул седло и уздечку, а свою лошадку отпустил на волю. А сам – ноги калачиком (после целого дня пребывания в седле они у меня никак не выпрямлялись) – поплелся в свой род-ной батальон.

Кто бы мог подумать тогда, что лет через 20 мы – братья-славяне – станем почти врагами? Неисповедимы пути господни...

На отдыхе

У этого города мы пробыли дней 10. Все было ново. Утром, по привычке, проснулись рано. Нам подвезли бочку воды, чер-пак, скамейки и

еще какую-то кухонную утварь. Не спеша умылись, позавтракали. Откуда-то появился Варьян (командиров расселяли по квартирам), молча походил около палаток, заглянул в бочку с водой. На наш вопрос: «Что будет дальше?» – растерянно ответил: «Пока отдыхайте...».

Не только он, но и полковое начальство было в полной растерянности – чем занять людей? Для чтения «политинформаций» не было свежих газет с Родины. Заняться строевой подготовкой? Это... после недельного изнурительного марша? Да и кто будет проводить эти занятия? Ротные? Но ведь они тоже шли вместе с нами... Вот поэтому и было приказано «Пока отдыхать», к нашему удовольствию.

Ну, а раз такое дело, то мы небольшими группами отправились знакомиться с городом.

Знакомство начали с ближайшей к нам окраины. Город понравился. Аккуратные одно - двухэтажные домики, чистые улочки. Меня немного удивило то, что домики эти не примыкали друг к другу, как у нас, образуя улицу, а стояли отдельно – рядышком, а улица как бы существовала сама по себе.

Все дома каменные, не помню ни одного деревянного. Такими же небольшими и уютными были магазинчики и кафе. Мы попытались было заглянуть в один из них, чтоб купить что-нибудь на память, но их крон у нас не было, а наших рублей – «кот наплакал», поэтому от этой идеи отказались.

Редкие прохожие были с нами приветливы, что-то говорили нам по-своему, но мы их плохо понимали. Я тоже пытался заговорить с ними по-русски, по-украински и даже по-немецки. Вот при этом нам удавалось с ними кое о чем договориться.

Но были люди и менее доброжелательные. Один раз мы проходил мимо одного домика, входная дверь в который была приоткрыта. Не особенно раздумывая, я, прямо сходу, свернул в нее. Осторожно и деликатно вошел во внутрь и оказался в просторной гостиной. В ней двое мужчин о чем-то оживленно беседовали. Робко поздоровался по-украински: «Здоровэньки були». Но мужчины не обратили на меня никакого внимания. Оскорбленный таким отношением к моей персоне я, не простившись, вышел на улицу.

К обеду всей компанией вернулись обратно, обменивались впечатлениями. Позже, я продолжил свое знакомство с городом более детально. Признаюсь, он оставил у меня несколько иное впечатление. В городе была довольно большая Центральная площадь. На ней – по периметру – церковь, крупные здания явно старинной архитектуры. Мне показалось, что городок этот не очень современный, а скорее древний. Само название – Млада – говорит об этом.

После обеда, во время «мертвого часа» я отправился на поиски моей лошадки, брошенной накануне. Осмотрел все окрестности, но ее здесь уже не было. Ушла, наверное, восвояси.

К вечеру того же дня пришел Варьян. Принес лоскут белой ткани, нитки, ножницы, иголки велел всем пришить на гимнастерки новые подворотнички и, по возможности, побриться. Вот это да!

Только сейчас мы поняли, что начинается новая жизнь. На фронте от этого мы уже отвыкли. А сейчас ко всему этому придется привыкать заново.

А дня через четыре произошло еще одно знаменательное событие. Силами городской администрации для нас были вырыты (не знаю, как назвать) нечто вроде широких траншей метров 15 в длину и метров 5 в ширину, глубиной до метра. По центру – более глубокий проход шириной с полметра. Вправо и влево от него были постелены ватные матрацы и подушки, но без простыней и наволочек. В ее изголовьях – место для одежды и личных вещей. С торцов – вход и выход с занавесками. В каждую такую траншею помещалось человек 20. Даже была сделана пологая двухскатная крыша.

Сюда же была привезена кухня и прочая утварь, что осталась около палаток.

Обживались мы капитально. Стало ясно, что здесь мы подержимся неопределенно долго. А так хотелось поскорей домой.

После переселения события стали развиваться самым неожиданным образом. Случайно мы узнали, что любимым местом отдыха горожан является пляж на берегу речки Йизеры. Погода установилась теплая, и пляж наполнился людьми, преиму-

щественно молодежью. Вода в речке была еще прохладной, но некоторые смельчаки уже открыли купальный сезон. А мы что? Хуже что ли? И мы туда же. Правда, пляжной одежды у нас не было, поэтому загорали мы только до пояса. По сравнению с местной молодежью выглядели мы, конечно, похуже: острижены под машинку, одеты в поношенную солдатскую униформу, в кирзовых сапогах. Несмотря на это, местные красавицы не избегали знакомства с нами, и только языковой барьер мешал более тесному общению.

Но дело не в этом. Один раз у кого-то из солдат (не из нашего полка) оказалась граната, не использованная в свое время по прямому назначению.

Он с ней поднялся вверх по течению реки и (не пропадать же добру) взорвал ее в воде. Оглушенная рыба поплыла вниз. Первыми не растерялись местные парни. Они дружно бросились в воду и стали выбрасывать полумертвых рыбин на берег.

Дня через три, думаю, по предварительному сговору с местными парнями, новоиспеченные рыбаки ушли от города подальше, чтоб не пугать население взрывами, и... все повторили еще раз. В числе участников этой «операции» были ребята и из нашего батальона. А еще через день во время обеда в меню нашей столовой вместо «Суп гороховый с мясом» появилась «Уха из свежей рыбы». Ее, кстати, я не пробовал, по-моему, еще с довоенного времени.

После третьей такой рыбалки в полку появился приказ: «Всем сдать любое огнестрельное и холодное оружие на склад. За нарушение приказа виновные будут строго наказаны».

После этого приказа взрывы в реке прекратились.

Тем временем уже в начале июня в полку произошло еще одно примечательное событие – в полк явился его командир, гвардии полковник А.А. Свиридов. В последнее время он находился в Москве, где решался вопрос о присвоении ему звания Героя СССР с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». По этому поводу офицерский состав из Управления полка по русскому обычаю решил «отметить это дело». Участников было немного – по-моему, человек восемь. Начальник штаба полка майор

Юрчак решил, что встречу эту надо организовать с музыкой. Быстро нашел баяниста, гитариста и меня... с мандолиной. Как ему удалось выйти на меня – не знаю. Наверное, Векшин подсказал. Пришлось опять идти к Гаврику.

Юрчак отвел нас в отдельную комнату, наказал:

– Репертуар – на ваше усмотрение, но на военные темы. И не очень громко, чтоб не мешать разговорам. В остальном – по обстановке.

И отвел нас в отдельную небольшую комнатку, где уже сидели офицеры.

Первая бутылка уже подходила к концу, и дружеская беседа была в разгаре. Вспомнили, как был сформирован полк, отдельные эпизоды сражений, победы и поражения, погибших товарищей.

Баянист усадил нас покучней, вполголоса приказал:

– Ну, поехали...

И музыка полилась: «Бьется в тесной печурке огонь», «Вот солдаты идут», «Темная ночь, только пули свистят по степи», «После тревог спит городок», «На позицию девушка провожала бойца» и многое другое.

Время от времени он украдкой посматривал на офицеров – слушают ли? Вроде бы, да. Иногда в свой репертуар мы включали и более драматические мелодии: «Кто погиб за Днепр, будет жить в веках» или «Играй, мой баян, и скажи всем врагам, что жарко им будет в бою»... Раза два-три исполнили «Прощание Славянки» – как без нее?

После второй бутылки, когда разговоры ветеранов стали более оживленными, Юрчак позвал нас к столу, налил всем по стопке водки, дал по маленькому бутерброду, поблагодарил за музыку, недвусмысленно добавил:

– Вы свободны.

Но то ли водка была крепкой, то ли мы оказались слабаками, но, выйдя на улицу, уже ночью, мы громко пропели многое из того, что исполнили на встрече.

Завершая эту тему, считаю нужным отметить, что А. А. Свиридова в полку уважали все не только за храбрость и умелое командование полком, но и чисто по-человечески: выше среднего

роста, стройный, красивый в меру строгий, но справедливый. Своих подчиненных он любил, они платили ему тем же.

Дня через три после «встречи» Свиридов приказал командирам построить полк недалеко от того места, где первое время жили здесь в палатках – на «лужайке»: рядом был небольшой и ровный плац, где было удобно проводить различные построения. Собрал «до кучи» командный состав, вместе с которым провел «смотр полка», дал какие-то указания и уехал, как потом оказалось, в штаб дивизии, на юрком трофейном «Виллисе».

Дальнейшее управление событиями взял на себя Юрчак.

Во время войны в короткие минуты затишья мы часто вели разговоры о том, что будет после? Почему-то нам казалось (или хотелось), что наступит счастливое время: похоронки с фронта приходить не будут, продуктовые карточки отменят, промышленность будет выпускать только мирную продукцию.

Все было так, да не совсем: отголоски войны еще долго аукались в нашей жизни. Наивными были мы.

А как процесс перехода от войны к миру протекал в нашей армейской жизни? Поведаю об этом на примере нашего воинского подразделения.

Война закончилась 9 мая 1945 года. Это – по календарю, а для нас? Нет. В этот же день начался тяжелый изнурительный марш по 15 часов в сутки для оказания военной помощи Чехословакии. В город Млада Болеслав мы прибыли 15 мая. Помощь была уже не нужна. Что делать? А по-моему никто ничего толком не знал. Помните, Варьян сказал нам: «Пока отдохайте»? Отдыхаем день, второй, пятый, десятый. Знакомимся с городом, купаемся в речке, знакомимся с местными девочками. Благодать!

Вот только в эти дни мы по-настоящему почувствовали, ЧТО ТАКОЕ МИР!.. И наслаждались им.

А Армия? На то она и армия – не может жить без дела, без своего военного дела. Нас помыли, приодели, постригли под машинку, потренировали ходить в колонне. В общем, делалось все, чтоб мы не забывали – кто мы и кому служим. А я подумал – значит, опять строем в колонне, наверное – домой. Но пешим хо-

дом, питание – на обочине, сон и отдых – где придется. Наверное, будет и «Славянка», и даже восторженные встречи окружающих. Но все это уже не радовало: это уже не мир...

По мне было бы лучше, если б на какую-нибудь соседнюю станцию пришел поезд с товарными вагонами типа «теплушки», с соломой на полу и повез нас на восток – на Родину. И недельки через две мы были бы уже дома – на месте прохождения дальнейшей воинской службы.

Увы, все пошло не так. Победа над фашизмом оказалась более тяжелой, чем мы думали.

Да, мы уничтожили фашизм, разгромили фашистскую военную машину. А дальше что? Какие решения принять в отношении ее? В ней, ведь, остались фанаты, куда-то попрятались остатки власовских армейских соединений. Как налаживать взаимоотношения с административными органами на местах? Сложнейшим был вопрос о взаимоотношениях с союзниками.

Что делать в отношении таких стран, как Польша, Венгрия, Румыния, которые в начале войны воевали на стороне Германии, а в конце – против?

Непростая ситуация складывалась в отношении Чехословакии и даже Болгарии.

Прежде чем решать проблемы послевоенного обустройства Европы, нам следовало бы определиться с вопросом – а кто мы? Освободители или Завоеватели? На мой взгляд, этот вопрос должен был стать исходным пунктом нашей политики в то время. Если мы Освободители, то руководству той или иной страны должны были заявить, что мы свое дело сделали – освободили вас от ига фашизма, а вы свою дальнейшую судьбу определяйте сами – на Ваше усмотрение. Если мы Завоеватели, то в этих странах должны были сохранить свое военное присутствие и установить свой диктат.

Мне могут возразить, что в решении этих вопросов я берусь «не за свое дело». Есть верховное командование, правительство, разные министерства и прочее. Все правильно, да только претворение в жизнь всех этих вопросов приходится делать нам – солдатам. А мы не пешки на шахматной доске, а люди, поэтому тоже имеем право голоса.

Историю задним числом не делают. Она развивается по своим законам. Дальнейшая история показала, что все вышеперечисленные страны, независимо от наших исходных позиций, предпочли свое государственное устройство производить по своему усмотрению, без оглядки на нас, а то и игнорируя нас.

Так, например, ни Рокоссовский, ни Гомулко в Польше так и не смогли ее политику в отношении России сделать более лояльной. Для подтверждения сказанного приведу такой пример. Наш 293-й гвардейский стрелковый полк летом 1944 г. в кровопролитных боях прошел почти всю Польшу, освобождая ее от немецких захватчиков. Был при этом почти полностью обескровлен. И что взамен? Да ничего. Скорее, наоборот.

Почти по такому же сценарию развивались события и в Венгрии. Из послевоенного правительства в ней был постепенно «выдавлен» наш став-ленник Янош Кадар.

В шестидесятых годах прошлого столетия, казалось бы, дружественная нам Чехословакия выступила против Российского представительства в своей стране.

Не знаю, стоит ли под горою Алеша – Болгарии русский солдат?

В этой череде событий особое место занимают Прибалтийские страны. Уже в наше время в них постепенно разрушаются памятники русским воинам-освободителям. Рвутся с ними деловые, культурные и другие связи. (Юморина в Юрмале погоды не делает). Перед войной эти республики де-юре считались социалистическими, де-факто – никогда ими не были.

Под давлением всех этих факторов мои коллеги по Великой Отечественной войне с горечью спрашивают: «За что боролись?»

Ушли в прошлое годы войны, и вряд ли они играют какую-нибудь роль в политической жизни Европы и России в наши дни. Великая Отечественная война стала рядовым событием истории.

Далекий путь на Родину

Наши предположения сбылись: Юрчак готовил полк к маршу: отрабатывали быстроту построения в колонну (чтоб без суеты)

ты и суматохи), порядок в ней во время шествия – управление, батальон, обоз. Честно признаюсь, уходить из приветливого и дружелюбного городка Млада Болеслав нам не хотелось. Пусть и кратковременный, но здесь был настоящий отдых, и взаимоотношения с местным населением были дружественными, почти без конфликтов. Казалось – так будет всегда.

В путь тронулись уже в июне (точной даты не помню). Сразу стало ясно, что на этом пути мы не одни. И спереди и сзади нас шли такие же воинские подразделения. Даже не берусь судить, какой по протяженности была наша колонна.

Вначале мы наивно полагали, что путь наш будет кратчайшим на Восток. Ан, нет. Мы шли на север в сторону Берлина. Ребята шутили: «Второй раз Берлин брать будем». Но все же постепенно сворачивали на Восток.

Следует отметить, что на этот раз путь наш проходил не по проселочным дорогам и мало населенной местности, а по широкой асфальтированной дороге – от города до города и по многолюдным местам. Но и на этот раз население встречало нас восторженно. Иногда, особенно вблизи населенных пунктов, мы шли в сплошном коридоре ликующих людей и снова – приветствия, аплодисменты, цветы. Да и колонна выглядела посолидней – не то, что наш батальон с повозкой Гаврика в обозе. Я не мог понять причину такого восторга: здесь не было следов войны. Иногда даже приходила в голову мысль: не благодарят ли они нас за то, что мы уходим?

Особенно пышными были встречи в более или менее крупных городах. Не помню названия одного из них, но хорошо помню события, которые происходили там. В центре города на «лобном» месте по такому случаю была установлена трибуна, на которой находились местная городская власть, два-три наших генерала и еще один, по-моему, из Польши. Но личность, видать, авторитетная: он стоял в центре и снисходительно улыбался. Духовой оркестр играл военные марши. Вся эта церемония сопровождалась небольшим митингом, на котором городские власти поздравляли нас с Победой, благодарили за то, что мы разрушили немецкую военную машину. А некоторые даже высказали мысль о том, что

освобожденная Европа должна быть благодарна Советскому Союзу и его Армии за то, что они освободили ее от нацизма (как знать, может они в самом деле верили, что так оно и есть).

Горожане заполнили площадь «под завязку». Не скажу, что внимательно слушали выступающих, но пытались поближе пробраться к трибуне. Чтоб посмотреть, как выглядят эти «победители» на самом деле.

А победители выглядели неплохо: крепкие, загорелые, в чисто выстиранных брюках и гимнастерках, некоторые при орденках. В общем – бравые.

Ну и, конечно, что скрывать, мы были тронуты столь необычным вниманием к нам. В обычной-то обстановке нас больше ругают, чем хвалят, а тут – такое.

В конце митинга, когда все уже начали расходиться, один из стоящих на трибуне наших генералов взял в руки микрофон и громко произнес:

– МО-ЛОД-ЦЫ! Так держать!

Мы не очень дружно, но все-таки ответили ему русским «УРРРААА!».

Вот с такими почестями покидали мы Европу.

Справедливости ради должен отметить, что управление всем этим шествием было тщательно продумано и грамотно организовано. Так, например, были хорошо спланированы интервалы между подразделениями на стыках – так, что каждое из них сохраняло свою самостоятельность. Места отдыха и питания во время марша были намечены заранее и проводились в наиболее подходящих для этого местах. То же самое можно сказать и о местах ночевки. Полагаю, что и здесь нам помогали местные власти.

Мы, конечно, понимали, что все это делалось не для шоу, а для того, чтобы продемонстрировать любителям военных авантур всех мастей, что в этом строю идет не измотанная в боях армия, а идет крепкая, здоровая и хорошо обученная армия, готовая к новым сражениям.

Чтобы мы выглядели соответствующим образом, поход наш не был изнурительным. Да и силы надо было беречь: до конца пути было еще ой как далеко.

Но через некоторое время мы стали замечать, что колонна наша начала «таять»: то одно, то другое подразделение стали куда-то исчезать. Ясно – или переводят в другую колонну, или оставляют в Европе... до поры, до времени. Так что поход на Родину не был для нас безмятежным: это – не прогулка.

Тем не менее, с разными происшествиями и остановками мы все же продвигались вперед. Вот и кончились Судеты – красивейшие места и картинные домики жителей.

Постепенно местность стала более спокойной, деревеньки победнели, а от недавней мощной колонны остался только один – наш, с позволения сказать, полк. Мы вошли в Польшу.

В жизни нашей многое изменилось. Повторюсь, но к месту. В этой стране год назад, в тяжелых боях за ее независимость сражался наш 293-й Гвардейский стрелковый полк. А сейчас, действительно, остатки этого полка шествуют на Родину. Не судьба ли?

Но не стало ни приветствий, ни цветов. Население встречало нас молча, я бы даже сказал, что с некоторым сочувствием, но не более того. Пораженный, я всматривался в их лица, стараясь прочесть в них хоть намек на дружественные чувства. Тщетно. Но почему? Не течет ли в них кровь древней польской шляхты? Постепенно и во мне зрело чувство некоторой ответной неприязни. Наверное, это не по-христиански, но тут уж ничего не поделаешь. Это чувство, кстати, сохранилось у меня и до сих пор.

Дня два спустя в расположение батальона на двух машинах во главе с командиром полка А. А. Свиридовым приехал почти весь состав Управления – его штаб во главе с майором Юрчаком, а также замполит, парторг, врач (по профессии ветеринар, но врачевал хорошо), инженер-строитель, начальник АХЧ (административно - хозяйственная часть) и другие – чином поменьше (никогда не думал, что их там так много)! И ведь все при деле.

Я уж не говорю про рядовых солдат правления, которые в большинстве случаев шли с нами: ординарцы, коноводы, писари, сапожник, почтальон, кузнец (никогда не забуду, как он ковал лошадей не в специальном станке, а у себя на колене - верх мастерства).

Векшин построил батальон как положено, а Свиридов со-

общил нам следующее (пишу по памяти, поэтому за абсолютную точность не ручаюсь): «Конечным пунктом нашего марша является Белоруссия. Точное место дислокации пока неизвестно. Международная обстановка беспокойная, поэтому полк не должен терять своего боевого духа, и поэтому мы переходим на более строгий распорядок дня: отбой, подъем, занятия по теории и практике наземного боя: окоп, бруствер, блиндаж, атака, оборона, наступление, бросок и прочее. Постараемся провести и боевые стрельбы. Основной боевой единицей остается батальон численностью 100 человек. Три роты – по 30-40 человек. Особая роль в процессе обучения падает на ротных: у них – военное образование и богатый боевой опыт. Дело это новое, посмотрим, что получится. Распорядок рабочей недели следующий: 4 дня – пеший марш, 2 – занятия по расписанию. Один день отдыха – личное время. На всякие непредвиденные случаи батальону придаем еще одну повозку». И под общий хохот добавил: «Начальником кавалерии назначаю Гаврика. Вопросы есть?»».

Вопросов было много: сохраняется ли номер полевой почты полка; как быть в случае болезни и др.

Не скажу, что мы были довольны услышанным: к ежедневным маршам добавляются занятия по тактике, ночные дежурства, чего доброго, введут еще и строевую подготовку. А, кроме того, лето было «в разгаре», и поэтому с шинелью «вскатку» да с оружием в жару идти было непросто. И радовались, если на пути попадалась речка. Купались все. Даже ездовые купали своих лошадок.

А намерения А.А. Свиридова были ясны – в условиях продолжительного марша не растерять, а сохранить боевой дух полка. На то он и командир.

Немного о личном

Когда я узнал, что в Управлении полка есть почтальон (молоденькая аккуратненькая девушка), то спросил у нее, можно ли в условиях марша отправить письмо родным? Она ответила утвердительно. И даже дала мне пару чистых листочков бумаги (из школьной тетради) и огрызок карандаша – с возвратом!

Мои эпистолярные приключения начались еще тогда, когда я воевал в 951-м ШАП. Тогда я, хотя и не часто, но поддерживал

связь со своими родителями. Но в конце ноября 1943 г., когда наш самолет был сбит истребителями противника, ни о какой связи ни с родителями, ни с остальным миром даже речи быть не могло (человек исчез бесследно). Из полка в адрес родителей пришло сообщение следующего содержания: «29. 11. 1943 г. Ваш сын, экипаж майора Квелидзе, не вернулся с боевого задания. Место падения самолета не обнаружено. Судьба экипажа неизвестна».

И только после моего удачного побега из лагеря пленных союзных летчиков (г. Саган, начало 1945 г.) и прохождения следственных комиссий СМЕРША, уже находясь в действующей армии, я мог бы послать родителям весточку о себе, но решил воздержаться: зачем? Чтоб опять получить похоронку?

Но после долгих размышлений, почти «наудачу», я все-таки решился написать письмо в свой полк на имя Русиной Нади (Надюшке). В нем я попросил ее сообщить мне, где сейчас находится наш полк и узнать, можно ли мне как-нибудь вернуться в него?

Но дальнейшие события развивались непредсказуемо. Оказалось, что Надюшка вышла замуж за какого-то лейтенанта, ждет ребенка, демобилизована и уехала домой в г. Алма-Ату. А наши полковые девчата, узнав о том, от кого письмо, быстро переправили его к ней.

Надюшка, получив мое письмо и зная адрес моих родителей, сразу сообщила им обо всем. Родители были в полном недоумении: человек жив, а вестей от него никаких.

В таком же состоянии был и я: почему от Русиной нет ответа? А то, что ее уже нет в полку, я не знал.

И только сейчас, прямо с «дороги» я (наконец-то) отправил письмо своим родителям – на двух листах убористым почерком. Кратко сообщил им обо всем, что было со мной за это время. Правда, и ответное письмо от них я получил только осенью... Вот ведь как бывает...

А полк наш жил своей жизнью. Вот уж более месяца мы все куда-то идем. Но на каждом отрезке пути появляется что-то но-

вое, и возникают новые проблемы. Вот сейчас мы шли преимущественно по проселочным дорогам, избегая «большаков» и населенных пунктов. Да и оркестрами нас нигде не встречали. Полагаю – не случайно.

Занятия по разным разделам военной науки ротные вели больше в теоретическом плане, чем на практике. Зачетных стрельб тоже не было: патроны были далеко упакованы в ящиках у ездовых.

А мне запомнился наш замполит и его занятия. Был он уже не молод – лет сорок с небольшим. Небольшого роста, не улыбочив, даже скучноватый.

Но, он был не лишен юмора. Но юмор него был каким-то странным. Вот однажды на одном из занятий уснул солдат. Замполит подошел к нему, разбудил, говорит:

– Слушай, солдат, вот у тебя сосед очень хочет спать, а ты храпишь ему прямо в ухо. Нехорошо.

Мы все сдержанно хохочем, а у него на лице ни улыбочки.

Частенько он откладывал газеты в сторону и, обращаясь к нам, говорил:

– Мужики, вот скоро начнется демобилизация. Вы вернетесь в свои деревни, поселки, а там все служебные должности уже заняты. Что делать??? Поэтому я прошу вас – не обижайте тыловики, которые в войну там работали: им тоже не сладко было. Не то, что нам: одежда, обувь – бес-платно, питание – тоже бесплатно, не скажу, что вкусно, но сытно...

Мы смеемся, а он затронул один из проблемных вопросов послевоенного устройства жизни. Умный мужик был.

Не знаю, где и как он доставал для занятий газеты, правда не первой свежести, но умел найти в них наиболее интересные для нас факты и умел владеть аудиторией. Слушая его, я вспоминал, как аналогичные занятия проводил я с «ограниченно годными» солдатами в запасном полку. Должен признать, что это сравнение было не в мою пользу. Но ведь и аудитория была разная.

А мне его занятия нравились тем, что я как-то незаметно начинал жить проблемами своей страны, то есть мы как бы уже приближались к ней.

А вскоре начались события, которые по своей важности вышли на первый план. В полк поступил приказ о том, чтобы рядовому и сержантскому составу выплатить зарплату за последние два месяца, если этого не было сделано ранее. Предстояла колоссальная работа, так как указанный состав батальона был очень разношерстным и по званию, и по возрасту, и по занимаемой должности. Кроме того, многие пришли в полк из других подразделений и не имели представлений о том, когда, где, и сколько они получали. Я, например, еще ни разу ничего не получал.

Для выполнения этих работ потребовалось большое количество грамотных писарей. В нашем батальоне был только один штатный писарь – старшина Лаптев. Этого было явно недостаточно. Решено было в штат роты ввести еще по одному.

Не знаю, из каких соображений, но в первую роту (командир – старлей Лукьянов) начальник штаба батальона, уже известный нам капитан Векшин, предложил меня как наиболее грамотного. А я, честно говоря, не любил это племя писарей-каптенармусов. И поэтому отказался. Векшин вызвал меня к себе и, не церемонясь, строго приказал:

– Здесь – армия, не хочешь добровольно – заставим принудительно, приказом. Все принадлежности: чернила, ручки, бумага – в повозке у Гаврика.

Так я стал штабным работником – писарем первой роты.

И, по крайней мере, на первых порах началась настоящая каторга не только потому, что работа была нелюбимой, но и потому, что взаимоотношения с Векшиным с самого начала не заладились.

Забегая вперед, скажу, что с этого времени судьба связала меня с Векшиным на годы вперед – вплоть до моей демобилизации в 1947 году.

Для начала он приказал мне завести в роте так называемую «Форму 2 УР» – послужной список всех солдат роты по строго определенной форме: порядковый номер, ФИО, год рождения, домашний адрес и фамилии родителей, образование и т.д. – до «седьмого колена».

Казалось, чего тут сложного – пиши, чего скажут. Да нет. У кого-то родители разошлись, а он жил у бабушки – чей адрес пи-

сать? У казахов, например, не четко звучат фамилии: не то Джубаньязов, не то Жубаньязов. У кого-то все документы потеряны и. т.д. А Векшин требовал скрупулезного выполнения данных записей.

Вскоре, однако, обнаружилось, что по сравнению с другими солдатами у меня появились некоторые преимущества. Так, например, в жаркий день я мог не идти в строю вместе со всеми, а сидеть в повозке Гаврика и... делать вид, что очень занят. Можно было избегать многочисленных построений батальона по поводу и без. Кроме того, я был официально освобожден от ночных дежурств. Все это, хотя и немного, но утешало. Но угнетало то, что я постепенно терял связь со своими ребятами из роты, к которым привык и которые привыкли ко мне.

Настоящие мучения начались, когда мы приступили к начислению зарплат за прошлые месяцы. Почти ни у кого не было никаких документальных доказательств того, где, когда и сколько он получал ранее. Даже Векшин не мог разобраться с этим вопросом и предложил мне «все делать на свое усмотрение». В общем, провозились мы с этим делом недели две. Обычная штабная рутина.

Маршрут следования выбирали по-разному. Если была возможность, то следовали по широкой грунтовой дороге, если нет, то проселками.

Разница между тем, что мы видели, допустим, в Германии или в Судетах, с тем, что было здесь, оказалась более чем разительной. Деревеньки, а точнее, хутора, были маленькими, а то и на одну семью. Это определялось, главным образом, количеством пахотно-пригодных почв вокруг: кругом болота, особенно не разгонишься. В каждом таком хозяйстве было по 4-5 коров не столько для молока, сколько для навоза: без него почвы давали мизерные урожаи.

Но главное заключалось в том, что здесь год назад, тяжелым катком прокатилась война, оставив после себя разруху, пустые дома, пожарища. Это угнетало больше, чем одинокие домики на хуторах.

Но были и некоторые позитивные элементы – это яблоневые сады у многих жителей в более крупных населенных пунк-

тах. Желтоватые гроздья плодов свисали чуть ли не до самой земли (я нигде не встречал такого сладкого Белого налива, как в Белоруссии, и такой рассыпчатой бульбы, как здесь).

Выращивание яблок в Белоруссии издавна было почти массовым, так как в приемных пунктах СЕЛЬПО государство принимало их за деньги, и таким образом можно было немного подзаработать. То же было и с картошкой.

Радовало глаз то, что население кое-где начинало отстраиваться, но многие пока еще жили в крохотных землянках. Такова была Белоруссия послевоенная.

А мне, выросшему в так называемой Кунгурской лесостепи, более всего понравились белорусские леса. В них каким-то чудом уживались и лиственные породы, в том числе и такие редкие, как бук и граб, и хвойные – главным образом, сосна. Впервые увидел, как выглядит орешник (лещина). Подобное содружество представляло собой дремучее царство зелени.

Изредка попадались и осушительные каналы, по преданию, вырытые еще в Екатерининские времена. Они и в самом деле были довольно древними – некоторые из них превратились в небольшие речки и даже имели течение. Но все еще исправно исполняли свое предназначение – дренировали окружающую местность.

Особый разговор о том, как нас на этих проселочных дорогах встречало местное население. Сказать, что дружелюбно – значит, ничего не сказать. Дело в том, что многие из них знали войну не понаслышке. Более того – многие, пусть в тылу, в партизанских отрядах, – были ее участниками. Возникал вопрос: кого приветствует: мы их или они нас? Все это происходило примерно следующим образом.

Небольшими группами они, больше для приличия, приветствуют нас, молча всматриваются в наши лица, а в глазах – скорбь. Почему? (Вот вопрос, на который я не могу дать ответа). Наверное, думали про себя: «Такие молодые, дети еще, и «хлебнули лиха». Слава Богу, живы остались». Наверное были и такие, кто с горечью вспоминал: «А вот мой (муж, сын, брат) уже никогда не вернется». И в глазах – непрошенные слезы.

Война многолика и ее последствия – тоже.

Конечно, при прохождении более крупных населенных пунктов, особенно в городах, все было иначе. Я бы даже сказал – по стандарту: наспех сколоченная трибуна, духовой оркестр играет военные марши, пылкая речь кого-либо из местных начальников и поздравления с Победой. Горожане вели себя более активно: не каждый день здесь отмечаются такие торжества. Они дружно рукоплещут нам, пытаются что-то скандировать, машут руками вслед.

А полковая жизнь текла своим чередом. Мы уже два месяца в пути.

Все стало привычным и выполнялось без окриков и приказов ротных. Иногда шли даже с песней. Песни разные, но почему-то предпочитали гражданские: из тех, что были поритмичнее:

Знаю, знаю, дывчинонька,
Чем я тэбэ огорчил.
Що я вчора и с вечора
Крашэ тэбэ полюбыл.

В толчее походных дел я постепенно осваивал тонкости штабных дел.

Если не было работы, я находил ее, по делу и без – рылся в бумагах, исправлял допущенные ошибки. Без конца выслушивал разные придирки Векшина, но все делал по-своему.

По секрету узнал, что конечным пунктом нашего маршрута является город Бобруйск. Но казармы для нас там были еще не готовы, поэтому мы шли умеренным темпом без физических перегрузок. Когда бумаги мне на-доедали, я шел в колонну, узнавал там последние новости, делился своими.

Опасаясь, что в Бобруйске нам могут сделать «смотр боевой готовности», и чтобы не «ударить лицом в грязь», Свиридов ввел в программу обучения даже некоторые элементы строевой подготовки.

Если на пути нашего следования попадалась речка, то около нее мы делали очередной день отдыха. Для нас это были самые радостные дни. Вели себя как дети: купались, загорали, просто отдыхали от многодневных маршей, стирали белье и портянки.

Вроде бы ничего особенного, а радость. В мире все относительно.

Уже август, дней десять, как идем по Белоруссии. И всюду одна и та же картина: там, где прошел фронт, разрушенные города и села, железнодорожные станции, мосты через реки. Там, где не было боев, картина несколько иная – села и города более или менее целы и невредимы, но радости на лицах жителей не видно, хотя война закончилась уже месяца три назад.

Не берусь судить за всех, а меня одолевает один и тот же вопрос: Как и чем жили люди в войну в городах и селах под немцами? Кто управлял городом, были ли школы, больницы, почта, были ли свадьбы, какие праздники справляли и т.д.? Ничего неизвестно. Как и почему это случи-лось? Некоторые сведения можно получить только из романа А. Фадеева «Молодая гвардия» и из некоторых рассказов В. Белова. А жаль: целая эпоха страны осталась в тени: ни в литературе, ни в кино – почти ничего. Игровое кино или отдельные эпизоды в фильмах в счет не идут: в них нет обобщений. Когда проходили недалеко от Минска, я, естественно, подумал: «А как жила столица Белоруссии под немцем?». Ответа нет, по крайней мере, мне неизвестно.

В середине августа мы пришли в Бобруйск. Городок средней величины. До войны считался даже промышленным, сейчас все разрушено. В пути мы пробыли месяца три, за это время прошли примерно 1900 км. По военным меркам это считается чуть ли не выдающимся показателем.

Против ожидания в город вошли без пышной помпы, наверное, потому, что казармы в гарнизонном городке для нас были еще не готовы. Поэтому нам предложили временно разместиться в пойме реки Березины.

Путь на нее проходил вначале по мосточку на небольшой островок, а далее, опять по мосточку – на обширную пойму. На островке стояли два домика с сараями.

На пойме, где нам предстояло базироваться, был заготовлен кой-какой строительный материал – небольшие шесты для палаток, брусья и доски – для оружейных пирамид и туалетов.

Офицерский состав и часть управления разместились в городе на частных квартирах, медпункт – на острове.

Подобный образ жизни нам даже понравился: река рядом, утренний туалет (умывание и прочее) прямо на берегу реки. Свободного времени было много, в теплые дни купались, в дождь – валялись в палатках.

Я со своими бумагами, старшина батальона и санинструктор – полноватый мужчина лет под 50 – разместились в одной палатке (как-никак, хотя и небольшое, но все-таки начальство).

Состав рот немного изменился: кто-то демобилизовался, кого-то перевели из других подразделений. Кроме того, в роту пришло два командира взводов – младшие лейтенанты. Один – компанейский общительный парень по фамилии Янутан, но русский по национальности. Второй – более строгий, собранный – Шаляпин. Он сразу признался мне, что в армию пошел не по призыву, а добровольно, с намерением сделать в ней карьеру, и что фамилия его не имеет никакого отношения к знаменитому певцу.

В общем, канцелярских работ прибавилось, да и других забот хватало (куда-то запропастился Гаврик с моей мандолиной).

Не особенно надеясь на успех, я попросил Векшина выделить мне в помощь еще кого-нибудь из солдат.

– Я подумаю, – ответил он.

И на следующий день привел мне одного нацмена (не знаю, откуда он его «выкопал») – не то таджика, не то туркмена по фамилии Мурвалов.

– Вот, бери. Не пожалеешь.

Уходя, добавил:

– На двоих.

По обличию он не очень походил на нацмена. Небольшого роста, но плечистый. Держался уверенно, я бы даже сказал – с достоинством. О том, кто я такой, Векшин ему, наверное, сообщил. Но я решил немного «прощупать» его. Спросил:

– Если потребуется, где тебя найти?

– Третья палатка в этом ряду.

– Будешь у меня помощником. Какая у тебя воинская специальность? Что умеешь делать?

– Специальности никакой. Я был коноводом у одного начальника – это не в нашем полку. Но больше ухаживал не за его лошадью, а за ним, был у него, как бы денщиком.

Я призадумался, сомневаясь, – того ли мне дали? Но для начала решил дать ему такое задание:

– Завтра найди Векшина, узнай у него адреса офицеров, а по ним узнай, в какой части города они находятся, для того чтобы при надобности их можно было легко разыскать. Там же посмотри квартиры для двух младших лейтенантов. Они прибыли к нам вчера на должности командиров взводов в первую роту. Я – писарь этой роты.

– А зачем мне знать эти адреса и прочее?

– По слухам, скоро начнутся штабные учения, и скорей всего именно тебе придется вызывать офицерский состав на командный пункт. И еще попроси Векшина, чтоб он перевел тебя в первую роту. Так нам будет легче работать. Все ясно?

На слове НАМ я сделал особое ударение, чтоб он понял, что дальше нам придется работать вместе.

– Все понял. А что делать сейчас?

– Сейчас отдыхай.

На третий день к вечеру он принес мне все данные, которые я просил. Кроме того, уже по собственной инициативе, он передал мне расписание поездов, проходящих через железнодорожную станцию Бобруйск. А также адреса двух аптек, кинотеатра и даже Дома офицеров.

В тексте были, конечно, грамматические ошибки, но это уже мелочи.

Забегая вперед, должен сказать, что, начиная с этого дня, наши судьбы с ним переплелись самым тесным образом, и расстались мы только в начале 1947 г., когда я демобилизовался из армии. И все эти годы он исправно служил не только мне, но и всем нам.

Он был инициативен, находчив, часто предвосхищал те или иные события раньше меня. Например, уже осенью, когда казарма была подготовлена к заселению, он первый перетащил в нее

мой широкий ящик с ротной документацией и поместил его на самый дальний угол двухэтажных нар – на первый этаж. Здесь был узкий проход между нарами и окнами здания. Остальную мелочь разместил под нарами. Мою шинель постелил на втором этаже с краю: занято! Этот уголок в течение года был нашим «рабочим кабинетом».

Перед походом в городскую баню (в наш день) без всяких указаний свыше он брал большой кусок мыла, предназначенный на роту, разрезал на мелкие кусочки – каждой паре по одному.

На городском рынке купил сапожную мазь и давал всем, кто пытался

навести лоск на свои кирзовые сапоги. И так во всем. Он ни перед кем не заискивал и был добр со всеми.

Когда весь полк с поймы перебазировался в казарму, начались регулярные занятия по распорядку дня и по расписанию. Ответственными за эти программы жизни и учебы были Векшин и майор Варьян. Но Варьян считал себя боевым командиром, поэтому не вникал в эти «школьные» вопросы и полностью самоустранился от них.

Моя обязанность на этом этапе жизни батальона заключалась в том, чтобы на каждую неделю готовить расписание занятий (по существу, программу обучения). При этом оказалось, что мои представления о процессе обучения, то есть подготовка грамотных бойцов для армии, не совпадают с теми, которые предлагал Векшин. Он требовал одно, я упрямо предлагал другое. Поэтому наши взаимоотношения с ним превратились в острый, глубоко драматичный конфликт. Хотя война и закончилась, а мирного времени, по крайней мере, для меня, не наступило. Кроме того, обнаружилось, что он – холерик, и в момент «срывов» мог пустить в ход и руки. Но на следующий день ничего не помнил, так что все могло повториться вновь. А я, наоборот, был сдержан, молчалив, очень болезненно переживал все эти события.

Он мог бы уволить меня с этой должности, но в штабе ему были нужны люди грамотные, а у меня – незаконченное высшее

(Пермский СХИ), законченное военное (ЧВАУ). Были и другие достоинства – например, вечернюю проверку роты перед сном, если не было света, я мог провести без списка, по памяти. На полковых и даже гарнизонных соревнованиях по пулевой стрельбе (малокалиберная винтовка, положение лежа) я не опускался ниже 2-го – 3-го места – 92 очка из 100. На соревнованиях приносил своему подразделению зачетные очки.

Меня он, мягко говоря, недолюбливал, но я был ему нужен. Я платил ему взаимностью, но был бесправен.

Поближе к весне 46-го появился приказ о досрочной демобилизации шахтеров, железнодорожников, учителей, врачей и еще некоторых специалистов при наличии у них подтверждающих документов. А вслед за ним – еще один: о демобилизации рядового и сержантского состава по возрасту – всех до 1916-го года рождения включительно. В связи с этим нам, писарям, работешки прибавилось: оформление красноармейских книжек, составление ведомостей на получение вещевого довольствия, в котором человек увольняется из армии: шинель, гимнастерка, брюки, сапоги и пр.

В это же время на меня свалилась еще одна напасть – в полк стали поступать призывники 25-26-го годов рождения. Почему-то среди них было мало русских, больше – нацменов из наших восточных Союзных республик, а также – прибалты, украинцы, молдаване.

Оформляя на них самую различную документацию, я постепенно узнавал их культурные и даже национальные достоинства и недостатки. Более всего меня поразили призывники из Средней Азии. Многие из них плохо говорили по-русски, поэтому военную науку усваивали с трудом. Замполит в растерянности. Про ротных и говорить нечего.

Векшин, наблюдавший все это со стороны, уже взвинченный, приходил в мой «угол» за нарами, приказывал: «Иди, покажи этим олухам, как надо выполнять хотя бы простейшие элементы строевой подготовки!». Вспоминал ЧВАУ. Показывал.

Один раз обо всем этом я поговорил с Мурваловым. Он, конечно, выступил в их защиту:

– Это – поколение войны. Им в войну жилось даже хуже, чем русским, питались плохо: тыквы и дыни – не еда. А, кроме того, у них свой язык, свои обычаи и нравы, и поэтому здесь они, как у вас говорят – «чужаки». Вы у них тоже были бы такими же. Как бросать гранату их никто не учил. Нормы ГТО они не сдавали.

Призывники из Прибалтики каким-то образом оказались баскетболистами (это было, в самом деле, так) и наш физрук – не то полковой, не то дивизионный – половину из них забрал в баскетбольную команду – «сачки» были порядочные.

Особый разговор об украинцах. Эта публика оказалась довольно разношерстной. Например, представители из Западной Украины (Львов, Ужгород и др.) держались довольно обособленно, были необщительны. Невооруженным глазом было видно, что они кого-либо из местных начальников – порядочные националисты.

Остальных украинцев я узнавал по их говору. У северян и тех, что проживали в центральных районах (Киев, Полтава), говор был более мягкий с протягом. У южан – скороговорка. У одесситов – «шо» вместо «ще» и т. д. В учебе они были более дисциплинированы, но и сами любили покомандовать.

Впрочем, и русские говорили по-разному. Вспомним известную песенку военного времени: «Письмо моей уралочки попробуй-ка пойми – на фронт прислала валенки, а пишет, что «пимы». На каждом слове «токает»: все то, да то, да то...».

Против обыкновения, к своим восточным землякам стал наведываться и Мурвалов, став, таким образом, посредником между ними и нами. Я даже попросил его проводить с ними уроки русского языка – по военной тематике, конечно.

В разгар этих событий из очередной командировки вернулся Свиридов.

В ответ на жалобы ротных он предложил в строю все национальности перемешать. Напомнил, что срок службы у них два года – этого достаточно, чтоб подготовить из них грамотных бойцов. На то и армия.

Но в это время возникла еще одна неожиданная и трудно решаемая проблема. Дело в том, что после демобилизации в полку остались ветераны войны с 17-го по 25-й год рождения. Их-то куда девать? Призывников поставили в строй, плохо ли, хорошо ли – но обучают военному делу. А ветеранов? Поставить в строй вместе с ними? Изучать винтовку: приклад, цевье, отсечку, отражатель? Они из этой винтовки не один год врага били.

Не знаю, по чьему велению, но было приказано: ветеранов поставить в строй вместе со всеми! Но не получилось: начался активный процесс неповиновения. Среди них был и я, поэтому хорошо знаю, как все это происходило.

«Поставить в строй» не означало «В колонну по два становись». А означало нечто большее. А именно – всех нас надо было выровнять с новобранцами по всем армейским параметрам: остричь под машинку; ремни на поясе должны быть только стандартные – узкие; сапоги – кирзовые, а не хромовые; гимнастерка и брюки – х/б.

Я, да и все остальные, очень болезненно переживали все эти события. Сознанием я, конечно, понимал, что данные нововведения правильны: армия, ее жизнь и быт должны подчиняться уставным нормам. В этом ее сила. Но сердцем чувствовал, что все происходящее, по меньшей мере, несправедливо. Неужели солдаты, прошедшие войну, с орденами и медалями на груди, не заслужили нечто большее? Получалось, что война кончилась, и все они уже не воины, защитившие страну от рабства, а опять – обыкновенные новобранцы?

Сужу по себе. В армии я с 1940 г. И все эти годы прошли в казармах, землянках, за колючей проволокой, в общем – где придется. А это ведь лучшие годы жизни.

Вот и в Бобруйске хотелось просто посмотреть, как живут обыкновенные люди, во что они одеты, чем торгуют в магазинах, какие цены? Сходить в кино на законном основании (по увольнительной), а не в самоволке. Ходить по городу свободно, а не озираясь по сторонам, чтоб не напороться на городскую комендатуру.

Вновь крутые повороты

Ранней весной 1946 г. пришел приказ наш полк перевести в небольшой городок Слуцк, расположенный недалеко от Бобруйска. В Слуцке еще с дореволюционных времен находилась большая трехэтажная казарма с обширным плацем и жилыми помещениями для начальства. Но казарма была в запущенном состоянии – «ни окон, ни дверей». Требовался капитальный ремонт. Для выполнения этих работ в полку был организован специальный хозвзвод (АХЧ официально) – человек 15-20. Взвод включал в себя различных специалистов: слесари, механики, плотники, столяры. Все хозяйственные работы в полку возглавлял майор со странной фамилией Таропурин.

За неподчинение начальству, за постоянные конфликты с Векшиным и по моей просьбе меня отстранили от должности писаря и направили в этот самый хозвзвод на должность столяра (в школе по труду у меня, в самом деле, были только отличные оценки).

За учебным плацем, около старой кузницы, сохранились остатки конного двора. Одну из конюшен мы быстро переделали в наш штаб, в котором обсуждали текущие дела, принимали заявки на различные работы, прятались от дождя. Вскоре он стал оживленным местом, куда заглядывали солдаты из казармы: одни из любопытства, другие – чтоб не попадать на глаза командирам. Сюда же для решения самых разных хозяйственных задач приходил и Таропурин. (Здесь же я впервые увидел, как кузнец кует лошадей на своем колене, о чем я писал еще раньше). Поразительно, но лошади не только не брыкались, но, по-моему, охотно давали ему ту или иную ногу. Умные животные.

Пока решался вопрос о переезде полка в Слуцк, хозвзводу приходилось решать различные вопросы. Была организована пошивочная и сапожная мастерские, появился мастер по ремонту огнестрельного оружия и др. Двум нашим ездовым, в том числе Гаврику, который пока остался на сверхсрочную службу, мы помогли привести в божеский вид еще одну конюшню, и даже навесили на ее дверях замки.

Как только стали привозить нам пиломатериалы, сразу начались различные столярные работы. Я оказался в центре внимания. Ребята помогли мне сделать верстак. Мурвалов, с которым я связи не терял, купил мне на рынке ножовку, молоток с гвоздодером и немного гвоздей. Работа закипела.

Первый заказ поступил от Таропурина. Он попросил меня на базе пароконной армейской повозки с двумя бортами и задником, сделать крытый фургон для перевозки хлеба. Возился долго, наверное, с неделю. В начале – спереди, по центру и сзади я врезал в борта небольшие брусочки – (7 на 7). На них установил каркас самого фургона из более тонких брусочков с дверкой сбоку и даже небольшим коньком сверху. Внутри на боковых стойках укрепил полки. Все это сооружение обшил фанерой. Спереди, перед фургоном, оставил место для кучера. Старался изо всех сил: надо ж было показать, что я чего-то стою. Ребята, конечно, помогали. Взаимопомощь была у нас законом.

Работу принимал сам Таропурин. Осматривал долго, придирчиво, остался, вроде, доволен.

Дня через три прямо к нам в штаб пришел наш полковой врач – мужчина средних лет с приятным и добрым лицом в звании капитана медицинской службы. Вежливо спросил:

– Ребятки, есть ли среди вас плотники, столяры?

– Это я. Что Вас интересует?

– Не могли бы вы сделать мне обычный стол?

– Большой, маленький?

– Средний.

– Покажите, где.

Капитан привел меня в приемную и показал некое подобие стола – несколько широких досок, прибитых гвоздями к здоровенному чурбану и прикрытых обычной простыней.

– Вот, – пожаловался он. – Больные приходят на прием, облокачиваются на это сооружение, и все, что есть на нем, валится на пол. Поэтому надо бы чего-нибудь посолидней.

– Размеры?

За отсутствием каких либо измерительных приспособлений размеры будущего стола он показал просто руками.

Уходя, я попросил его пожертвовать нам доски, что были прибиты к чурбану. Он отдал их без сожаления.

По-хорошему, стол надо бы делать на шпунтах. Но я не краснодеревщик, а всего лишь столяр со школьным образованием, поэтому делать стол решил на гвоздях, тем более что врач никаких предварительных условий в этом отношении не ставил.

Из имеющегося в моем распоряжении материала я вначале сделал ножки стола. По заданным размерам сверху я связал их дощечками, внизу – для ног – рейками. Ниже верхней связки, на всю длину стола, я сделал свободно выдвигающуюся как бы шкапулку для различного медицинского материала: бинты, вата, клизма бумага и пр.

Столешницу пришлось делать из досок заказчика, прочно прибив их к ножкам. Стол получился грубоватым, но прочным. Пожалел, что в моем хозяйстве не было рубанка.

Вдвоем с одним из моих помощников мы перенесли стол в приемную медпункта и поставили на место, где стоял чурбан. Врач встретил нас приветливо. Быстро осмотрел стол, попробовал, не шатается ли, даже испытал, не дает ли перекосов шкапулка. Накрыл стол простыней и почему-то по-немецки похвалил: «О! Гут!».

На минутку исчез за занавеской и принес нам по маленькой стопке разведенного спирта и по маленькому кусочку хлеба. Смущенно добавил:

– По русскому обычаю... следует обмыть...

После немецкого самогона типа «Жаба» медицинский ректификат показался мне блаженством.

Мы поблагодарили капитана за угощение и, убедившись, что сделали все, что могли, удалились в свой штаб. Не думал я тогда, что с этим капитаном мне суждено встретиться еще раз и, что эта встреча во многом предопределит мою дальнейшую судьбу. Но об этом позже.

Никаких заказов в мой адрес не поступало. Чтоб не терять время попусту, я смастерил себе небольшой чемоданчик, в который (как в воду глядел) уложил кое-что из моих писарских принадлежностей: бумагу, чернила, карандаши, ручки.

Вскоре в штаб пришел сам Таропурин и сообщил нам следующую новость:

– Послезавтра вся ваша группа и еще человек пять будут отправлены в город Слуцк для выполнения следующих работ. Первое – казарма, в которой будет дислоцирован наш полк. Это вместительное трехэтажное здание, но находится в плачевном состоянии. В первую очередь, хотя бы приблизительно, надо определить объем предстоящих работ – нары, окна, двери, лестничные марши. В зависимости от этого будем решать вопрос о том, обойдемся своими силами или будем привлекать какой-нибудь стройбат. Так что отнеситесь к этому заданию серьезно. Второе – для выполнения этих работ потребуется большое количество стройматериалов: доски, брусья и прочее. То есть потребуется пилорама. В городе, еще при немцах, она была. Но сейчас – разукомплектована. Ваша задача – разыскать ее и привести в рабочее состояние. Это сейчас главное. Сегодня-завтра получите зарплату, сухой паек на две недели, постельные принадлежности и набор инструментов. Послезавтра утром выезжаем. Берите с собой все личные вещи – в Бобруйск мы уже не вернемся. Я поеду с вами.

Таким образом, в жизни моей наступил еще один важный крутой перелом. На всякий случай я простился с В. Качановым, который в полку исполнял обязанности художника, с Мурваловым, прихватил с собой свой боевой рюкзак, новенький чемоданчик с писарским принадлежностями и мандолину, хорошо замаскировав ее в рюкзаке.

Пилорама, казарма и прочее

Слуцк – небольшой городишко с населением тысяч 20, стоит на берегу речки Случь. В городе есть ж/д станция, магазины, кафе и даже Городской парк культуры и отдыха.

Приехав туда, мы обнаружили, что в городе, вернее, в его пригороде, уже базируются какие-то воинские подразделения, Гарнизон, возглавляемый генералом.

Наша группа численностью 15 человек, приехавшая в Слуцк, была первой, и потому представляла собой как бы десант

– во всяком случае, нам так казалось. В ее составе, кроме наших – полковых, были люди мне незнакомые. Всех нас Таро-

пурин подразделил на две подгруппы. Первая – «пилорамщики». Ее возглавлял незнакомый мне паренек Сеницын – небольшого роста, плотного сложения, молчаливый, необщительный. В ней же оказался и мой компаньон еще по разведке – Теплых (по гражданской специальности – тракторист). В эту же группу Таропурин включил и меня.

Во вторую подгруппу вошли все остальные: плотники, столяры, стекольщики и те, что «на подхвате». Подгруппу возглавлял солдат из нашего батальона Иванов – полная противоположность Сеницыну: среднего роста краснощекий симпатичный паренек – столяр по специальности.

На сей раз не забыли и повара. Им оказался еще совсем молоденький паренек Веревкин. В большом холщевом мешке он привез все атрибуты поварского дела: чашки, ложки, поварешки и вместительный чайник.

В день приезда Таропурин попросил Иванова подыскать в казарме подходящую комнату для жилья и выгрузить в нее все привезенное имущество, а нас, «пилорамщиков», повел на осмотр пилорамы. Оказалось, что она была расположена совсем недалеко от казармы, вернее, от плаца.

Осмотр показал, что рельсы, каретки и пилы исправны, шкив беспризорно валялся рядом. В стороне, уже ошкуренные, лежали бревна кубов на 15-20.

Таропурин, видать, был грамотным мужиком. Он молча водил нас по всем механизмам и элементам самой пилорамы, внимательно осмотрел оборванные провода электропроводки и щиток, попробовал, работает ли на нем рубильник. О результатах осмотра доложил нам следующее:

– Вот, ребята, послушайте следующие выводы. Первое. Пилорама работает не от электричества. Поэтому данный вывод сразу отбрасываем. Второе – значит, она работала от какого-то движка, или от какого-нибудь транспорта с валом отъема мощности. Завтра же попытайтесь решить этот вопрос. Поговорите с местным населением. Хорошо бы выйти на какого-нибудь механика.

После осмотра пилорамы Таропурин уехал в гарнизон, чтобы утрясти кое-какие территориальные проблемы.

А группа Иванова установила, что в отличие от Бобруйска, данная казарма разделена на отдельные вместительные комнаты с общим коридором на всю длину казармы. Ребята нашли себе одну из таких комнат на первом этаже. В ней было три окна. Одно из них, без стекол, забило досками. Два остальных сумели застеклить.

Веревкин прямо под окном этой комнаты, из обломков кирпичей сложил небольшую печурку. Где-то раздобыл чугунную плиту, даже с вьюшками, и укрыл ею сложенную печурку. Не мудрствуя лукаво, накормил всю братию макаронами с мясом из сухого пайка и даже напоил «чифиром».

К вечеру Таропурин вернулся к нам, прошелся по этажам, попросил Иванова собрать всю группу, приказал:

– В первую очередь отремонтируйте лестницу, как положено в жилом доме. Далее организуйте тщательную ревизию всех комнат на всех этажах, вытрите из них наименее пострадавшие и приступайте к их ремонту. Остекление не делать – подождем специалиста.

Под конец подошел к печке Веревкина, осмотрел ее, похвалил за находчивость и оперативность. Уходя, добавил:

– Скоро я привезу тебе настоящую полевую армейскую кухню с котлом, печкой и жаровней, так что заготовливай дрова – нахлебников прибавится.

На следующий день часть ребят из команды Иванова сразу после завтрака отправилась в город. На местном рынке купили ведра три картошки, в промтоварном – дверной замок и пробой к нему: обживались. Остальные выполняли наказ Таропурина. Ревизию комнат провели довольно быстро. А вот на ремонте лестницы застряли: нужного материала для ремонта не хватало. А за перилами - пришлось сходить в соседний лесок, где и срубили три молодых деревца. Простим их за эти прегрешения.

На следующий день вся группа Сеницына собралась у пилорамы. Думали-гадали, с чего начать поиск. В том, что это должен быть тот или иной двигатель, мы уже не сомневались.

Не придя ни к какому решению, уселись на бревнышко. В это время рядом с нами проходил мужчина средних лет с откровенно насмешливым выражением лица. Увидев нас, уселся рядом, спросил:

– Что призадумались?

Разговор с ним, на правах старшего, завел Синицын.

– Вы здешний?

– Да.

– Не знаете ли, вот эта пилорама раньше работала?

– Да. При немцах.

– А от какого двигателя?

– Это был не двигатель, а допотопное творения человека еще 19-го века – нечто несуразное наподобие трактора.

– А где оно сейчас?

Мужчина задумался, а потом сообщил нам следующее:

– Еще в войну немцы хотели сделать на нашем стадионе не то скамейки для сидения, не то крытую трибуну и зачем-то укатали это «чудо техники» туда. А в конце войны, когда немцы начали отступать, то обнаружилось, что мост через Случь оказался взорван (партизаны поработали). Могли перевезти эту «каракатицу» туда. Поэтому искать ее нужно или там, или там. Думаете наладить пилораму?

– Военная тайна...

– От кого?

– Мало ли.

– Ну, дай-то Бог.

Конечно, это была всего лишь шутка. Но в нашей сложной ситуации ее нам как раз и не хватало.

Мы не знали ни имени, ни отчества этого человека, но в дальнейших событиях он нам здорово помог, поэтому мы решили называть его просто «прохожий».

Обрадованные его сообщением, мы отправились на поиски этого творения (позже мы узнали, что это был все-таки трактор марки «Бульдог»). Довольно быстро нашли его в дальнем углу стадиона.

Мысленно я полагал, что это будет нечто вроде «Фордзона». Но то, что мы увидели здесь, лишь отдаленно можно было назвать трактором. Высотой он был чуть более метра, два широких колеса – сзади, два поменьше – спереди. Более внимательно осматривал его Теплых.

– Ну, что там нашел? – спросил его Синицын.

Вот бачок для горючего, вот радиатор для охлаждения. Есть вал для отъема мощности.

Но всех нас поразила еще одна деталь – спереди, на небольшом кронштейне находился круглый металлический шар диаметром сантиметров 15. Сверху к нему примыкали две трубки сантиметров 5-6 в диаметре.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– Пока не пойму, где и как происходит сгорание горючего, но нутром чую, в этом шаре. Иначе, зачем он нужен?

Рассуждения Теплых были логичны. Надо сказать, что разведчик из него был никудышный. Но в технике он, видать, разбирался.

Мы уже не сомневались, что это то, что мы ищем. С великим трудом и частыми передышками, под любопытными взглядами встречных горожан мы перетащили «Бульдог» к пилораме. По следам колес нашли место его прежней стоянки. Но сразу возникло множество вопросов: На каком горючем работает «Бульдог»? Где его взять? Смазаны ли его трущиеся части? и пр. Выслушав эти вопросы, «прохожий» тут же взял вилы и лопату, пошел в дальний угол пилорамы, разбросал там кучу какого-то мусора и откопал довольно вместительный бак с грязно-желтой жидкостью. Назвал ее незнакомым нам словом «соляр»:

– Вот горючее, на первое время хватит.

На следующий день с утра, без обеда, методом проб и ошибок мы пытались оживить внутренности «Бульдога». Не сразу, но поняли – надо постоянно поддерживать высокую температуру шара, а остальное (вот умница) он сделает сам. Труды наши были вознаграждены... мотор вдруг раза два чихнул, а потом затахтел более спокойно и ровно. Это был уже успех!

А где остальное? Где шкив? А он валялся рядом – грязный, неприбранный. Вымыли его в речке, что протекала недалеко, и повесили на бревна – сушить.

Первый успех окрылил нас. Захотелось испытать «Бульдога» в работе. Для этого точно отцентрировали вал отъема мощности на «Бульдоге» с аналогичным валом на стационаре. Подсохший шкив натянули на них. В это время с работы вернулся «прохожий». Устало уселся на бревнышке. Очень удивился, что нам удалось запустить мотор. Искренне похвалил и стал наблюдать за нами. Теплых осторожно включил мотор, но при первых же оборотах вала шкив свалился на землю. Мы то усиливали натяжение шкива, то уменьшали его – результат был отрицательный.

«Прохожий» не удержался, посоветовал:

– Перехлестните его восьмеркой.

Показал, как это делается. Переключил кнопку трактора на рабочий ход. Все сработало нормально – шкив был на месте. Бревно, приготовленное для распила, медленно поползло к зубьям пилы.

Это была победа! Мы радовались, как дети. Даже хотели распилить бревно до конца, но он остановил машину. Строго предупредил нас:

– Без меня ничего не делать. Я еще должен проверить кое-что. Кроме того, надо наточить зубья пилы: тупые зубья не пилят, а «жуют» дерево. В вашем распоряжении только день.

Наконец, наступил решающий день. Это было воскресенье. Прохожий пришел с некоторым опозданием. Без лишних слов прощупал остроту зубьев пилы. На рельсах проверил, хорошо ли закреплено в каретках бревно, предназначенное для распила, залил в бачок горючего.

– Ну что, начнем? – немного картинно обратился он к нам и приказал Теплых запустить машину.

Медленно, как бы нехотя, все пришло в движение. И мы не столько увидели, сколько услышали ритмичный и слаженный звук работающей пило- рамы. Даже ощутили пряный запах свежих опилок.

– Качнем Прохожего! – предложил Сеницын.

– Нет. Нет. Не надо. А вот пару досок я заберу... на память.

Только в этот день мы узнали, что «прохожего» зовут Николай и что работает он в городской администрации. И именно тогда у меня мелькнула догадка: он работал на этой пилораме еще при немцах. Но в данной ситуации это уже не играло никакой роли.

С этого момента мы стали бесперебойно снабжать группу Иванова пиломатериалом. Работы по ремонту казармы значительно ускорились.

Приезжал Таропурин, удивился, что мы так быстро справились с заданием. Даже похвалил нас.

Чтобы обеспечить охрану пилорамы, мы переделали одну из кладовок под спальную комнату. Устроили нары на четырех человек, принесли сюда спальные принадлежности. Установили стол для еды, навесили дверь и даже замок к ней. Здесь же спасались иногда от непогоды. Эх! Не думали мы тогда, что эта ночлежка сыграет в нашей жизни решающую роль...

На работе мы установили себе определенный распорядок. Суббота – укороченный день. Воскресенье – выходной. Надо же было как-то отдохнуть от тяжелой работы: изо дня в день ворочать тяжелые бревна было, в самом деле, нелегко.

В выходные дни мы чаще всего уходили на речку – купались, загорали. По вечерам я частенько уходил в Городской сад на танцы.

Казалось, все складывается нормально: мы в меру работали, в меру отдыхали. Но не тут-то было. Опасность поджидала нас с той стороны, с какой мы ее не ожидали.

Как только стало известно, что в городе работает пилорама, сразу к нам потянулись жители окрестных сел и деревень с просьбой продать им что-нибудь из пиломатериала за натуральную плату. Вначале нам все это даже понравилось, так как в нашем меню, кроме сухого пайка Веревкина, появилось молоко, сметана, яйца и разные деревенские постряпушки. Ну и, конечно, самогон – как без него. Нет, мы не злоупотребляли алкоголем, так как надо было работать, да и запасы «наших» бревен стали

быстро таять. Поэтому к последующим заказчикам мы стали предъявлять довольно жесткое условие – одно бревно вам, другое – нам. Но даже такое условие не уменьшило притока заказчиков: после четырех лет войны пиломатериалы были нужны всем. А мы постоянно пополняли запасы бревен для ремонта казармы.

Имея практически неограниченный приток материалов, группа Иванова работала очень активно. К заселению было подготовлено еще две комнаты. Но прочих хозяйственных работ оставалось еще много: плац, изгородь вокруг городка, кухня, столовая и пр. Рабочей силы явно не хватало.

И вот однажды для ее пополнения в городок прибыла еще одна группа рабочих – явно не из наших. Их было человек 12. Все были одеты не то в парусиновую, не то в брезентовую рабочую одежду. Группу возглавлял совершенно незнакомый нам старший лейтенант – выше среднего роста, хмурый необщительный. Группу во главе с ним разместили в бывшей Ленкомнате (странное совпадение).

Но более всего меня удивило то, что в этой группе на правах помощника старлея находился и мой хороший друг еще по Бобруйску – старшина Борохов Федя – сибиряк, из бывшей армейской разведки. Он-то и сообщил мне, что в эту группу собраны «штрафбатовцы» – народ еще тот: уголовники, дезертиры, «уклонисты» от армии и др. Между собой держались дружно, на контакт с нашими не шли. В полк были направлены для выполнения самых разных работ, не требующих особой квалификации.

– А старлей тоже штрафник? спросил я Федю.

– Нет, – ответил он. – Не смотри, что он такой хмурый. На самом деле он мужик хороший. По профессии историк. До войны занимался научной работой. Сейчас пытается уйти в запас, но что-то не получается.

– А как ты оказался здесь?

– Юрчак постарался за отказ продолжать службу вместе с новобранцами.

Была на всех одна война. Наступил мир – один на всех. А как по разному складываются судьбы ее участников.

Снова крутые повороты

Один раз к нам на пилораму на стареньком ЗИС приехал очередной заказчик. Привез три хороших бревна, попросил распилить. На наши условия сразу согласился. Мы выполнили заказ согласно договоренности.

– Надо бы обмыть... по русскому обычаю, – сказал он и зашел в наш чуланчик. На столе появилась бутылка самогона и разные закуски.

Честно говоря, мы против этого не возражали. Уселись за стол, беседуем на разные темы. Главным образом о том, как жили при немцах. Уехал он за полночь.

Утром раздается стук в дверь. Мы не реагируем. Стук повторился – начинаем просыпаться. Непрошенный гость с силой рванул дверь на себя и сорвал ее с крючка. Не верим своим глазам – перед нами стоял Юрчак. Он оторопело посмотрел на наши полуспящие лица, потом – на бутылку с самогоном и недоеденные закуски и, ни слова не говоря, вышел вон.

Не скрою – было стыдно. Все так хорошо начиналось и так нелепо кончилось.

Через день, не знаю уж, письменный или устный, появился приказ: «Таких-то и таких-то за пьянство на рабочем месте отправить в штрафную роту под начало старлея».

Никто не ожидал, что дело это может кончиться таким образом.

А тот факт, что мы за короткий срок разыскали Бог его знает где валяющийся «Бульдог», привели его в рабочее состояние, обеспечили Иванова самым разным пиломатериалом – все это, оказывается, не имело никакого значения. А недопитая (на пятых) бутылка самогона оказалась главным фактором обвинения. Обидно!

Не мне осуждать начальника штаба полка майора Юрчака. Может быть, ему казалось, что подобным образом он укрепляет дисциплину в армии, явно пошатнувшуюся в последнее время.

Всех нас включили в команду старлея. Батальонные штрафники восприняли это событие совершенно спокойно: за свое криминальное прошлое видали и не такое. Даже Таропурин,

приехавший к нам на денек, решение Юрчака оценил отрицательно. Он-то знал, чего стоит наша работа.

Для начала нас заставили почистить все старые сортиры. Что были около казармы и около ДНС (дома начсостава) и привести в порядок их наружное состояние. Работа не тяжелая, но, скажем так, не очень приятная. А потом – камнем выложить въезд в городок. Это было уже потяжелей, так как многие из них надо было долбить тяжелой кувалдой. Но – работа есть работа, если не нам, то кому-нибудь другому пришлось бы выполнять ее. Это не угнетало.

А один раз мне в голову пришла, как мне кажется, вполне здравая мысль (сработал мой старый писарский инстинкт) – вся наша штрафкоманда существует на правах самостоятельного воинского подразделения, имеет своего командира и даже заместителя, но никак не оформлена официально. Народ отпетый – мало ли чего... Иди свищи. И я попросил Борохова поговорить со старлеем на эту тему. К моему удивлению, он с этим сразу же согласился. В качестве писаря Борохов предложил меня. Сказал ему, что у меня в этом отношении есть большой опыт и все писарские принадлежности у меня имеются.

Вот тогда я и вспомнил про свой чемоданчик, который я сделал еще в Краматорске и который предусмотрительно (на всякий случай) заполнил бумагой, линейкой, ручкой и даже – чернилами. И пригодились ведь!

Мы, конечно, рисковали, так как все это делалось без ведома Юрчака. Но с юридической точки зрения, все делалось правильно. Подразделение, как таковое, существовало? Да. Но по списочному составу в полку нигде не было оформлено.

Для начала я завел на всех Форму 2-УР. А также составил ведомость обеспечения военным обмундированием: шинели, гимнастерки, сапоги и пр.

И вот тогда я и сам более или менее детально ознакомился с этим народом. И странно – когда я чистил с ними туалеты, они относились ко мне, как к равному, а когда начались эти бумаги, наступило некоторое отторжение...Такова, видать, сила бумаги – по принципу «что написано пером»...

При этом я познакомился и с некоторыми биографическими данными старлея Соломина.

Дальнейшие события развивались непредсказуемо. Дело в том, что лето 1946 г. в стране выдалось сухим и жарким. Старожилы называют тот год даже более тяжелым, чем предыдущие военные. Урожай хлебных культур, картошки, овощей погибал на корню. На урожай естественных и сеяных трав надежд особых тоже не было.

Для того чтобы не допустить падеж скота, решено было (на высшем уровне) мобилизовать часть воинских подразделений на заготовку сена в более влажных районах страны – в частности, в Белоруссии. В эту категорию соединений попал и наш полк, тем более, что и так находился в Белоруссии.

В Слуцк срочно приехал Таропурин и передал приказ командования полка о том, чтобы всех, кто не связан с ремонтом казармы, направить на сенокос в ближайший сельский район. В эту группу вошли все штрафники и часть фронтовиков преимущественно из первой роты бывшего батальона Варьяна. Всего около 20 человек. Руководство группой было поручено старлею Соломину.

Все делалось организовано и с размахом. Для перевозки людей и различного сопутствующего материала был мобилизован транспорт города. Нам для кошения достался участок недалеко от небольшой деревеньки. Для связи с городом Соломину выделили армейскую повозку и ездового. На ней сюда же перевезли и полевую кухню вместе с поваром Веревкиным.

Место для кошения и жилья нам выделил деревенский начальник – в прошлом бригадир. Так как палаток нам не дали, то он предложил нам изготовить шалаши и даже рассказал, как легче всего их соорудить.

Бичом местной жизни и для людей и для скота были комары и оводы. Мы и сами быстро это ощутили на себе. Было такое ощущение, что тучи насекомых слетелись сюда со всей округи. Местное население, зная, что это такое, давали нам советы, как от них избавиться.

Мы с Федей – в прошлом тоже жители лесных краев – быстро соорудили для себя аккуратненький шалашик на двоих и

быстро научились, как избавиться в нем от комаров. Для Соломина с ездовым шалаш сделали более просторным и даже поставили в него небольшой столик для «приема посетителей» (позаимствовали его из деревни).

Жаль было лошадку: на нее нападали и комары и оводы. Она без конца пряталась в густые заросли молодого кустарника и беспрестанно отмахивалась хвостом от всех этих кровососов. Ездовой, жалея ее, пытался даже укрывать ее попоной (своим одеялом).

Как только обустроились с жильем, возникла новая проблема – вода. Чистую проточную воду можно было найти только в старых дренажных каналах, но это было далеко. Поэтому мы, выбрав несколько более сухое местечко, выкопали там небольшую ямку глубиной сантиметров 80. После отстаивания вода из нее была чистой, но буроватой по цвету и обладала неистребимым болотным запахом. А кроме того, в ней обнаруживались мельчайшие (доли мм) темные частицы, которые почему-то всегда находились во взвешенном состоянии. Так как эту воду в сыром состоянии мы никогда не пили, то на данный факт особого внимания не обращали. А зря.

Сенокос

Жилье обустроили. Пора было браться за порученное дело. Орудий производства – кос (литовок) – было достаточно. Все новые, поэтому пришлось точить их пока напильниками. Были и грабли, и даже деревянные вилы.

Нас 18 человек. Но оказалось, что половина из них никогда не брала в руки кос. Целый день потратили на их обучение.

Всю группу разбили на 3 звена – по 5-6 человек в каждом. Каждое из них получило свой участок кошения.

При этом обнаружилось, что мастерство и техника кошения у всех была разная. Я, например, косить начал еще с седьмого класса. Косил по-уральски: взмах косой вправо – до отказа, влево – тоже. При низком срезе травостоя. После такого прокоса остается чистая, без огрехов, полоса и валик скошенной травы на земле.

Но «бригадир» такую работу забраковал, так как при этом валик полу-чается слишком плотным, лежащим на влажной зем-

ле, и поэтому он будет слишком долго сохнуть. И потребовал – кошение производить как бы широким корытом перед собой и на высоком срезе с тем, чтобы валик скошенной травы был более рыхлым и укладывался не на землю, а на скошенную траву. При этом он быстрее просыхает.

Ничего не поделаешь – пришлось переучиваться. Дневная норма выработки на каждого – 30 соток. Выполнить ее без привычки было не просто, и поэтому не все справлялись.

Так начались наши трудовые будни. Дисциплина была почти военная. Утро – подъем, туалет, завтрак, работа. Если была подсыхающая трава – производили ее копнение. И ее перенос к месту стогования. Стогование – это венец сенокоса. Его конечный результат. Поэтому на этой операции я остановлюсь более подробно.

Когда мы подошли к этому этапу работы, то оказалось, что из всей нашей группы ставить стога никто не умел... кроме меня. Дело в том, что еще перед войной мы, мужчины нашей семьи – отец, мой младший брат и я – каждый год заготавливали сено для нашей буренки.

Ставить на стогование младшего брата было нельзя – маловат, отца тоже – староват. Волей-неволей братья за это дело приходилось мне – в 15-16 лет. Не скрою, я любил эту операцию, и не особенно раздумывая, согласился на эту роль. И успешно выполнял ее примерно до середины лета.

Распорядок дня был строг: в полдень – обед и часовой отдых. После этого опять кошение часов до 7 вечера. Далее – ужин и вечерний отдых.

Перед сном любили развести большой костер и немного подурачиться около него. К нам частенько приходили деревенские: интересно было взглянуть – какие они, эти русские.

А кроме того мы с Федей случайно обнаружили, что некоторые древние дренажные каналы, местами, где встречались не торфяные, а минеральные участки грунта образуют небольшую речку, где можно было даже искупаться. Вскоре сюда стали приходить и остальные.

А местами, на мелководье, обнаружили даже нечто вроде... рыбы. Черная, похожая на ужа, длиной 15-20 см, толщиной –

около сантиметра. С мягкими хрящеватыми зубами. За ними – один головной и два боковых недоразвитых плавника. От местного населения узнали, что эта, с позволения сказать, рыба съедобна, в чем мы вскоре убедились сами, так как в нашем меню появилась уха. Должен сказать, что ничего подобного в своей жизни я не встречал нигде. Знаю, как выглядит речная минога или семидырка уральская (р. Пышма Свердловской обл.), но не это творение природы.

Веревкин исправно, как мог, кормил нас. Меню было простеньким и довольно однообразным: суп из мясных концентратов, различные каши и чай без ограничения.

Но после посадки картошки у местного населения еще оставались ее запасы, которые они охотно и за умеренную плату продавали нам. А нашу сухую воблу и соленую селедку мы охотно меняли на различные молочные продукты. Все это немного разнообразило наше питание. Хлеб регулярно привозил нам ездовой из Слуцка.

В общем, жить было можно, если б не одно обстоятельство – у нескольких человек враз обнаружилось расстройство желудка. Для выяснения этого из Бобруйска срочно приехал врач. Тот самый, которому я еще весной сделал стол для приема больных.

Вначале он проверил продукты, из которых готовилась пища, потом само приготовление пищи – ничего подозрительного не обнаружилось. Но я, наблюдая происходящее, принес ему воду, из которой готовилась пища, и показал на взвешенные частицы, которые находились в ней. Он проверил и этот вариант и тоже отверг его: если это живые организмы, то при варке пищи они должны погибнуть, если минеральные, то они безвредны.

Но на всякий случай предложил мне вырыть колодец поглубже – до минеральной основы.

– Сможешь?

– Один – нет. А остальные – на сенокосе.

– Это не проблема. Я договорюсь с Соломиным.

Данное решение показалось мне разумным. Но вначале я решил сходить в деревню и посмотреть, как решает этот вопрос местное население. И к своему удивлению обнаружил, что ко-

лодцы у них обычные – деревенские со срубом. Разыскал «бригадира», рассказал ему суть дела, попросил помочь.

Для него, с детства знающего всю округу, это не составляло особого труда, и на следующий день он указал мне, где надо рыть колодец. Это было далековато от кухни, но ничего не поделаешь. Соломин выделил мне двух помощников, и в тот же день мы приступили к работе. Работа оказалась трудной, так верхние горизонты почвы были густо переплетены корнями, а нижние – излишне влажными. Для удобства работы рыть место будущего колодца пришлось в виде котлована. И на глубине примерно двух метров мы дошли, наконец, до минерального суглинка. Ноги «чавкали» – значит, вода есть. Вылезли наверх, ждем. Устоявшийся уровень воды, пока еще мутноватой, составил 40-50 см. Не густо, но достаточно.

Дно колодца выложили осиновыми поленьями, чтоб не взмучивать воду при ее заборе. Сруб, тоже осиновый, решили делать не в котловане, а рядом – на почве. И на второй день, полностью готовым, со всякими предосторожностями, опустили сруб на осиновую площадку. Так было удобнее. Венцы сруба, чтоб не распадались, связали двумя досками, прибитыми снаружи. И на второй день полностью готовый, со всякими предосторожностями опустили сруб на осиновую подкладку. Это довольно громоздкое сооружение аккуратно присыпали выброшенной ранее землей. Верхние венцы сруба при этом оказались выше почвы сантиметров на 20. Сверху сруб закрыли дощатой крышкой на шарнирах. Так что все было сделано на совесть. Даже врач оценил нашу работу на 4.

На следующий день уже можно было набрать ведра два чистой отстоявшейся воды с приятным вкусом и без болотного запаха.

И только после этого, немного стесняясь, я обратился к врачу со своей болячкой. Он без труда установил: «Воспаление придатка на почве физических перегрузок» и попросил Соломина освободить меня от сенокосения и других нагрузок подобного рода. Соломин был этим не очень доволен. Но я сказал ему, что

как писарь я установлю учет всей проделанной нами работы. А, кроме того, деревенский «бригадир» обещал дать мне специальную «наковаленку», установленную на обычном чурбане, и небольшой молоточек к ней для «отбивания» кос. Такими косами работать будет значительно легче. Еще спасибо скажут.

Перед отъездом врач «огорошил» меня еще одним предложением:

– Ты согласен с тем, что в вашей команде отсутствует даже элементарная санитарная служба. Поэтому возглавить ее я предлагаю тебе. Вот обычная военная сумка с лекарствами. Познакомься с ней.

– Но я никогда не был не только врачом, но даже санинструктором.

– Ха-Ха! Можно подумать, что был хорошим столяром (тонкий намек). Если ты отказываешься, то назови мне человека из вашей группы, который смог бы справиться с этой должностью. Но предупреждаю, что со своим «придатком» тебе придется обращаться к нему.

Логика врача была безупречной. Пришлось согласиться. Но, познакомившись с лекарствами, я обнаружил, что половина из них мне была совершенно незнакома, поэтому я попросил его на каждой написать: от чего, сколько и разовые дозы. Он расхохотался, но пообещал сделать это к завтрашнему дню.

Так я стал, если уж не врачом, то как минимум фельдшером. Забегая вперед, скажу, что народ у нас был молодой, крепкий, болел не часто. Изредка наблюдались пищевые отравления и... чирьи. Но их я научился выводить быстро – доводил до созревания, а дальше в ход шла моя хорошая трофейная бритва марки «Солинген».

И только одна болезнь доставила мне немало хлопот – малярия. Заболел ею наш ездовой. Трясло его через день. За хлебом ездил в «здоровые» дни. Я пробовал лечить его акрихином, но выздоровления не наступало.

Решив, что болезнь эта местная (болотная), я опять пошел в деревню поговорить с мужиками – может, что-нибудь посоветуют. Так я вышел на одного «хроника», которого в деревне так и называли – «трясун».

Он вел себя не очень деликатно и высказал мне следующее:
– Я тебя не знаю, ты меня тоже. Я тебе ничего не говорил, ты меня не слышал.

Но посоветовал:

– Достань стакан хорошего самогона и всыпь туда порошок акрихина. Все хорошо перемешай и дай выпить до дна. За жизнь не ручаюсь, но от малярии избавишься.

Все так мы с ездовым и сделали. Но всю ночь волновался – выживет ли? Раза два заглядывал к нему в шалаш – вроде дышит. Встретились утром – больной вышел по «малой нужде». Значит – жив.

И ведь вылечился.

После отъезда врача жизнь моя резко изменилась. Утром, после завтрака начиналась «обивка кос». Честно признаюсь, в деле этом я достиг большого мастерства, косари были довольны. После обеда и небольшого отдыха, вооружившись конторскими принадлежностями и сделав себе нечто вроде веника только с длинной ручкой, я отправлялся на сенокос. Моим главным врагом при этом были комары. У поэта Некрасова в стихах о крестьянском труде есть такие строчки: «Бедная баба из сил выбивается, столб насекомых над ней колыхается – жалит, щекочет, жужжит».

Только там я по-настоящему понял, что такое «столб насекомых»: одного такого разгона их веником хватало мне для того чтобы в журнале учета написать одну цифру.

Несмотря на все эти трудности, я быстро освоил систему учета сделанного косарями за предыдущий день. Подсчитывал и отмечал – сколько скошено, сколько закопнено и, если был поставлен стог, то измерял его окружность, «перекидку» (высоту стога) и даже плотность укладки. Имея эти данные, рассчитывал массу сена в тоннах. На карте отмечал расположение скошенного массива относительно ближайшего населенного пункта.

О полученных данных докладывал Соломину. На похвалы он был скуп, но по выражению лица было видно, что доволен.

Однажды на тропинке, по которой я обычно ходил, меня встретила змея – обычная серая гадюка. Увидев меня, она подняла голову и угрожающе «заиграла» язычком. От греха подальше, я обошел ее стороной. Так на одном и том же месте повторилось раза два. На третий она уже перестала мне угрожать. Видать, умное животное.

В общем, несмотря на производственные трудности, в остальном жизнь моя была насыщена разными интересными событиями.

Август. Жара спала. Ночи стали прохладными, комарья побавилось. Вот уже три дня, как мы на новом – уже третьем месте кошения. Вода рядом. Веревкин заготавливает дрова для своей кухни. Для сна и отдыха мы быстро поставили простенькие шалашики. Все знакомо, все отработано.

Ребята уже сходили на разведку окружающей местности. Вернувшись, сообщили, что в двух-трех километрах от нас расположена небольшая деревушка, главной достопримечательностью которой был петух. По утрам он так громко будил рабочий люд, что было слышно даже у нас.

А подальше, километрах в пяти, находилось крупное село. В нем по выходным даже бывали танцы, в чем мы вскоре убедились сами. Человека четыре (из штрафников) в ближайшую субботу решили сходить туда. Пригласили меня. Я не отказался – как-никак все-таки цивилизация, от которой за лето в этих болотах мы уже отвыкли. Соломину решили ничего не говорить.

На танцах особенно популярной была полька-кольцо. При ее исполнении по команде ведущего: «Кольцо!» мужчины меняли своих партнерш на следующих, что были в круге. Продолжалось это до тех пор, пока не сменялись все, что были в начале танца. Один раз в такую круговерть попал и я. О! Боже! В качестве моих партнерш побывали и худенькие, и поплотней, и постарше, и помоложе, и повыше, и коротышки. После окончания танца одни утирали пот с лица, другие валились на траву. Я с непривычки

повис на ближайшей изгороди.

В перерывах под эту же музыку дружно звучали песни: «Ой Лявон до Лявониhi ходил». И разные другие – всего не помнишь.

Интересно, сохранились ли эти добрые традиции до наших дней в век Интернета и электроники?

В какой-то момент в перерывах между танцами ко мне подошел один паренек из местных, но который живет в Слуцке. Сюда приезжает к родным. Разговорились. И он по секрету сообщил мне следующее:

– В войну, недалеко от села располагался партизанский отряд. На него частенько нападали местные националисты, иногда вместе с немцами. Были потери с той и другой стороны. После войны немцев не стало, а националисты ушли вглубь болот и лесов и попрятались в «схронах». Сейчас они охотятся за армейской одеждой и документами. Деваться им некуда – заматают следы.

– А зимой? – спросил я.

– Зимой по глухим деревням спасаются у своих дальних родственников.

– А соседи знают об этом?

– Знают, но молчат: побаиваются – могут и «красного петуха» напустить. Так что будьте поосторожней.

После танцев спутники мои ушли ночевать на какой-то сеновал. А я, соблюдая еще незабытую военную осторожность, учитывая предупреждения парня и наступившую ночь, поплелся к своим. Дорога была, вроде, знакомая, но я никак не мог найти той тропинки, по которой мы шли сюда утром, и на дорожке видел чьи-то следы. Всмотревшись в них повнимательней, обнаружил, что это были мои следы. Выходит, что я хожу по кругу. Сразу припомнились слова того парня. Что делать?

Полагая что я иду правильно, все-таки пошел по следу, но лагерь свой никак не находил. Близился рассвет. И в этот момент вдруг услышал голос соседского горластого петуха. Это было спасение. Без всякой дороги, напрямик свернул на его голос и вскоре был у своих.

В сентябре все работы по заготовке сена были закончены и нас всех перевезли в Слуцк. В первые же дни Свиридов собрал всех руководителей сенокосных групп и попросил их отчитаться о проделанной работе. И тут обнаружилось, что почти все они не могли достаточно точно указать ни места кошения, ни количества накошенного сена (стогов).

Соломин, предвидя эту ситуацию, на данное совещание привел меня. И, когда очередь дошла до него, он ничего не стал говорить сам, а обо всем попросил отчитаться меня. Я на карте показал Свиридову все места наших стоянок, количество стогов и даже приблизительную массу сена.

Все, включая Свиридова, смотрели на меня с удивлением. А, когда я закончил свой доклад, Свиридов попросил меня сесть и, обращаясь к остальным, сказал:

– Все слышали? Вот как надо было работать.

И, обращаясь к Юрчаку, попросил его оформить на меня домашний отпуск на десять дней.

Юрчак с явной неприязнью посмотрел на меня (как быть со штрафом?), но перечить Свиридову не решился.

В течение двух дней мне оформили всю необходимую документацию на отпуск, и я, не задерживаясь, отправился домой. Шутка ли – шесть лет не был дома.

Десять дней – срок не велик, много не разгуляешься. Но все-таки за эти дни я успел сделать многое. Повстречался с бывшими школьными друзьями, из тех, что остались живы. Повидался с девочками, многие из которых за это время стали мамами. Даже заглянул в школу, где учился, пообщался со своими бывшими преподавателями. Остальное время проводил дома с родителями. В первую очередь помянули Бориса, погибшего под Курском.

По вечерам, когда с работы приходил отец, я рассказывал родителям о своих воинских злоключениях. Поинтересовался – как жили они без нас? Печальным был их рассказ.

Но был немало удивлен, когда узнал, что в последние годы родителей моих письмами поддерживала моя Надюшка (Русина). Она сообщила им, что место падения нашего самолета до сих пор не найдено и поэтому никаких достоверных сведений о судьбе

экипажа не имеется. Просила не падать духом: в жизни всякое может случиться. Спасибо тебе, моя дорогая.

Быстро пролетели дни отпуска, пора было возвращаться в Слуцк.

Накануне отъезда отец сделал прощальный вечер. Пригласил соседских мужичков. Угощение, по тем временам, было довольно богатым: картошка во всем ее разнообразии, грибы соленые, капуста квашеная. Разговор, естественно, зашел о войне. Пожелали «царства небесного» всем, кого не стало в нашем «околотке». Узнав о моих военных передрягах, удивлялись – как я смог все это вынести и не «сломаться». Глубокомысленно добавляли: «Каждому, видать, свое». Под конец пожелали мне поскорей вернуться к мирной жизни: старики-то не молоды.

Назавтра отец с шофером на старенькой потребсоюзовской полуторке отвезли меня до железнодорожной станции Пермь-2, а сами уехали по своим торговым делам.

На вокзале (не скрою, в состоянии тяжелого похмелья) я обошел все билетные кассы. Во всех пусто. И только в одной на проходящий поезд до Москвы было 12 мест. До прихода поезда часа два. Очередь уже большая. Встал в нее и я. Положил на пол рюкзак, уселся на него и тотчас же уснул.

Когда поезд пришел, очередь распалась. Меня, одиноко сидящего на рюкзаке посреди зала, разбудил дежурный милиционер. И вежливо попросил перейти на скамейку. Но я пошел на перрон, чтоб узнать – что там творится. Посадка уже началась. Около тамбура – толпа. Понял, что на этот поезд мне не попасть. Но тут я заметил, что с противоположной стороны вагона тамбур был тоже открыт. Решение пришло мгновенно.

Отойдя подальше от места посадки, уже под соседним вагоном я переполз на противоположную сторону состава. С задней стороны подошел к «своему» вагону. Оценил обстановку и, улучив удобный момент, быстро шмыгнул в вагон. Уселся около окна, подальше от входа. На единственное свободное место.

Как только тронулся поезд, со второй полки ловко спрыгнул между сидений военный – младший лейтенант. Мне повезло: им оказался летчик – и тоже штурман. Уселся рядом, мы разговорились. Он на фронте не был, поэтому сразу заинтересовался моим

военным прошлым. Как я с ПЕ-2 оказался на ИЛх в штурмовой авиации? Как воевали, как попал в пехоту и т.д. Я охотно отвечал на все его вопросы. Даже рассказал об английском летчике Томе, с которым мы встретились в Саганском лагере союзных летчиков. Рассказал ему, что у них на Бостонах бомбардировочные прицелы уже в то время были оборудованы радарными установками, чего у нас даже в помине не было. Беседа затянулась. И продолжалась бы и дальше, но в этот момент в вагон вошла проводница и громко объявила

Всем приготовить проездные билеты для контроля.

Сразу началось общее оживление. И только я сидел недвижно. Сосед, видя мое растерянное выражение лица, коротко спросил: «Есть?». Я отрицательно качнул головой. Он спокойно, без спешки, как бы между прочим, стянул со второй полки свою шинель, что-то вытащил из карманов и расстелил ее под собой и, частично, под соседкой, слегка опустив полы вниз. Молча, глазами предложил мне место под сиденьем. Вполголоса добавил: «Извини, конечно».

Испытывая мучительное чувство стыда, не глядя на окружающих, я неловко полез под сиденье за полы шинели, прихватив с собой и рюкзак.

Острое чувство обиды, несправедливости и еще чего-то, даже не знаю, как его и назвать, охватило все мое существо.

ЗА ЧТО все эти унижения??? Ведь отпуск мой – это благодарность командования за хорошую службу. Что могут подумать окружающие пассажиры?

В глубине души я понимал, что после войны в стране царит разруха, всего не хватает, мои личные переживания по сравнению с этим – ничто! Но я – человек и живу по своим человеческим законам, от которых тоже не уйти. Я слышал, как контролерши проверяли билеты у присутствующих, чувствовал, как они приближаются к моему лежбищу и с тревогой ждал – сейчас приподнимут полы шинели и вытащат меня на свет божий: на всеобщее обозрение, на мучительный стыд. Но обошлось.

Допускали ли они под сиденьем «зайцев» вроде меня? Конечно, не первый год работают. Но никаких агрессивных мер против них не принимали. Понимали, что ехать надо всем, а ни

поездов, ни вагонов не хватает – пусть себе едут, никому не мешают. В войну люди были добрее. Позже я обнаружил, что в вагоне, кроме меня, были и другие «зайцы». Это меня даже немного развеселило – слава Богу, не я один. Без особых происшествий мы проехали Киров. Впереди – Горький. Но в это время в противоположной стороне вагона послышался какой-то шум, крики, беготня, женский визг. Весь вагон всполошился. Летчик пошел в том направлении, чтоб узнать - в чем дело. Вернувшись, сообщил, что матросы, ехавшие в первом купе, изрядно поднабравшись, выясняют свои отношения с пехотой. Помолчав, добавил:

– Нам в это дело лучше не вмешиваться...

По-моему, это было сказано больше для меня, чем для остальных.

В Горьком в вагон зашли сотрудники транспортной милиции и, выявив зачинщиков драки, сняли их с поезда. В вагоне сразу стало поспокойнее.

... Москва. Ярославский вокзал. Метро. И я на Белорусском вокзале. А на каком же еще быть мне, если я еду в Белоруссию? Но здесь меня поджидал еще один удар: ни в одной из касс, ни на один поезд не было никаких билетов. Мамочки с детьми штурмовали «Комнату матери и ребенка». Военные, рангом не ниже полковника, с какими-то удостоверениями ходили то к одному, то к другому администратору – но все безрезультатно.

И только под вечер громогласный динамик объявил о приходе какого-то проходящего поезда. Стоянка пять минут. Несколько пассажиров вышли на перрон. В их числе и я. Посадки нет. Но вижу, как в тамбур последнего вагона спешно заходят безбилетники вроде меня. Буквально в последние секунды в тамбур запрыгнул и я. Машинист дал гудок, поезд тронулся. Куда он тронулся, меня почему-то не интересовало. Главное – на запад, куда и мне. А там видно будет.

В открытом, продуваемом всеми ветрами тамбуре, нас набралось четыре человека: один солдат, один сержант, старший лейтенант и я. У всех ехать на запад свои причины. Дорогой разговорились, откровенничали. Особенно возмущался старлей. По знакам отличия, он был из ВВ. Ругался, что едет по срочному заданию. А билетов нигде не дают.

Все бы ничего, но стоять в открытом тамбуре на ветру было прохладно (октябрь ведь). Поэтому на первой же остановке у какой-то большой станции все вышли на перрон, чтоб согреться. Прогуливаясь по перрону, я обратил внимание на то, что немного в стороне, почти в тупике, стоит поезд. В вагонах свет. Никаких признаков посадки не наблюдается. К одному тамбуру я подошел. Из вагона с небольшим ведерком вышла проводница, свернула налево в какую-то кладовку. По звуку понял, что она набирает в ведерко уголь. Сколько-то набрала и унесла в вагон. Жду – что будет дальше. Проводница вышла за углем еще раз. И опять свернула в кладовку. В этот момент я заскочил в вагон. Тут же у «самовара» перед окном быстро снял шинель и накинул ее на плечи. Пилотку сунул в карман. Рюкзак положил на пол между ног. Спокойно смотрю в окно. Проводница, не обратив на меня никакого внимания, подкинула в топку самовара немного угля и ушла в свою комнатку тут же рядом. Немного поразмыслив, я решил, что мне, пожалуй, надо перейти в соседний вагон. Не снимая шинель с плеч, подхватив на руку рюкзак, я спокойно направился в конец вагона.

Вагон был еще старого образца. Купе открытого типа на три полки Пассажиры не спеша занимались своими делами: одни что-то читали, другие готовились к чаепитию, кое-кто уже отдыхал на чистых вагонных постелях. Меня приняли за нового пассажира, поэтому я прошел около них никем особенно не замеченным.

Пройдя в конец вагона, я обнаружил, что дверь в соседний вагон была закрыта. Рядом – туалет. Небольшая площадка для ожидания и половина никем не занятого купе.

Это был капкан. Что делать? Не бежать же обратно. Не придя ни к какому решению, я забрался на верхнюю полку, привычно расстелил под себя половину шинели, вторую – на себя и, несмотря на тяжелые раздумья, все-таки заснул.

Я бы, наверное, спал долго, но к утру пришлось встать по малой нужде. Когда все было сделано, я хотел было подняться на свою полку. Но увидел, что почти рядом с моим полукупе на боковом сиденье у столика сидит старший лейтенант и внимательно смотрит на меня. Каким-то чутьем я уловил, что сейчас передо

мною находится уже не тот «товарищ по несчастью», с которым мы совсем недавно стояли в тамбуре, а другой, и, наверное, при деле.

Но я спокойно подошел к нему. Поздоровался и попросил разрешения сесть (все было выполнено по чести, без какого-либо панибратства).

– Да садись.

И, помолчав, спросил:

– Как ты здесь оказался?

– Очень просто, как и все. Вижу – стоит состав. В одном из вагонов горит свет. Контроля нет. Спокойно зашел в вагон. Прошел сюда и завалился спать.

– А билет проводнице показал?

– Нет, так как никто не спрашивал.

– А ты хоть, знаешь, что это за вагон?

– Нет.

– Это – вагон ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ! И посадка в него разрешается только по особым литерам.

– Я спокойно прошел рядом с пассажирами и никто на меня не обратил никакого внимания – приняли за очередного пассажира. А кроме того, у меня, ведь тоже есть «Отпускной литер».

Твой литер - это «филькина грамота».

Защищая свое право на проезд в этом вагоне, я решил выложить ему еще один «козырный довод»

Товарищ старший лейтенант, война кончилась, мы живем по законам мирного времени. И что, «защитники отечества» уже не в моде?

Мужик он, видать, был не глупый – быстро понял скрытый смысл моего вопроса.

– Ты этим не козыряй: жить надо по настоящим законам.

Но все-таки, быстро сменив тему разговора, спросил меня:

– Тебе, хоть, куда ехать-то?

– В Слуцк.

– Ха-ха! Ха-ха! Тогда слушай меня внимательно. Поезд наш идет до Минска – на то он и правительственный. Тебе там делать нечего. Ближайшей железнодорожной станцией будет Бобруйск. Вот на ней ты обязательно сойди. Из Бобруйска до Слуцка железнодорожного сообщения тоже нет.

– Я хорошо знаю Бобруйск.

– Каким образом?

– Я там служил почти год.

– Ну, тогда вопрос упрощается. Из Слуцка по утрам каждый день ходит дачная «Кукушка»: она развозит дачников, садоводов и прочий рабочий люд по своим участкам. Но иногда «проскакивает» до Бобруйска на «шабашку». В таких случаях поездом можно без хлопот доехать до Слуцка. Когда поезд пришел в Бобруйск и я направился к выходу, старлей решил проводить меня и тоже вышел на перрон. Проходя мимо проводницы, я не удержался и попрощался с ней:

– Спасибо Вам за все. До свидания.

Старлей все слышал, ехидно улыбнулся. На перроне он прочитал мне небольшое напутствие:

– Парень ты, вроде, неглупый, но особенно не хорохорься: ни к чему это. Около Нового года – демобилизация. Постарайся завершить армейскую службу с положительной характеристикой: это тебе не помешает. Дерзостью своей не кичись: «на гражданке» другие методы оценки личностей. Честно признаюсь, мне было приятно с тобой познакомиться. Пока. Всего доброго.

Честно говоря, я не ожидал от него такого поступка и был приятно удивлен и тронут. От души поблагодарил его за это. Но одна мыслишка не давала мне покоя: «А КАК ОН ОКАЗАЛСЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ вагоне? Откуда он знает расписание поездов и прочее? По делам службы, наверное.

Я послушался старлея, не стал разыскивать автотранспорт, а дождался прихода «Кукушки» и через пару часов был уже на Слуцком вокзале.

Я снова в полку

С вокзала я сразу направился в полк. Здесь все было знакомо и даже как бы родное. Недаром говорят, что даже зверь в неволе привыкает к своей клетке. Но заметил и некоторые изменения. Так, около входного шлагбаума появилась небольшая крытая будочка для часового.

В казарме под руководством Иванова по-прежнему трудилась его бригада. Некоторые комнаты были уже обитаемы. Пило-рама по-прежнему работала, но с перебоями: не хватало исходного пиломатериала.

Отметку о своем возвращении я сделал в штабе полка. Для прохождения дальнейшей службы меня направили к Соломину, который, якобы, формирует новое подразделение под названием «Управление». В него предполагалось включить военнослужащих из числа рядового и сержантского состава, не входящих в стрелковые (ротные) подразделения.

Увидев меня, Соломин искренне обрадовался:

– Вот хорошо, что ты появился. Надо срочно установить фамильный состав будущего подразделения. Вся твоя «канцелярия» у Мурвалова, свяжись с Федей, он в «курсе», поможет во всем.

Найти Федю (Борохова) и Мурвалова было не сложно. А вот как Мурвалову удалось сохранить в целости всю мою писарскую канцелярию – бумагу, чернила, списки ротных и сенокосных бригад и прочее – не представляю.

Соломину для ведения разных дел выделили небольшой закуток в одной из отремонтированных комнат. Мы с Федей приютились здесь же. Не без труда, но в состав подразделения нам удалось ввести и Мурвалова – на должность посыльного. В данной ситуации эта должность была более чем необходима.

Не «мудрствуя лукаво» мы с Федей в предполагаемое подразделение включили: часть сапожников из группы Григоряна, оружейного мастера со своим помощником, некоторых работников столовой и медпункта, обе группы Иванова и Сеницына, денщиков начальства, почтальона, музыкантов, (трубачей – без них и Армия – не Армия), и других.

И начались бесконечные хлопоты по самым различным вопросам. Некоторые служили в армии уже не один год и подзабыли номера своих воинских частей, или госпиталей, в которых служили или лечились ранее. Кто-то потерял свою Красноармейскую книжку. У кого-то родители развелись и неизвестны места

их нового проживания и т. д. Особенно трудно было решать эти вопросы при заполнении Формы-2-УР.

Обо всем этом я сообщил Соломину. Он приказал: «Оставь эти графы пустыми с указанием причин».

О друзьях-товарищах

Были ли у меня как в Бобруйске, так и в Слуцке хорошие друзья?

Сложный вопрос: смотря по тому, кого считать таковыми. Будучи писарем, я многим – и рядовым и офицерам – оказывал самые разные услуги. Поэтому со многими сослуживцами у меня складывались теплые и дружеские отношения.

Но настоящим, закадычным другом был только один – Володя Качанов. С ним мы подружились еще в войну, когда воевали в разведке под Берлином в батальоне Варьяна. Володя был из тех, на кого можно было положиться в любой ситуации. Даже после того, как я демобилизовался мы продолжали с ним активную переписку в течение нескольких лет. Родом он из Ростова. Не могу умолчать и о своих отношениях и с Мурваловым. Читатель помнит – все началось еще в Бобруйске. В Слуцке продолжилось, особенно после того как мы включили его в состав управления. Он стал мне близким без всяких усилий с моей стороны. Мы никогда ни о чем не беседовали с ним. Я не имел представления о его родословной. По службе я часто давал ему самые различные поручения. Он выполнял их безупречно. Так, например, Соломин по каким-то причинам не захотел жить в ДНС и попросил нас подыскать ему съемную квартиру в городе. Мурвалов искал ее дня три и все-таки нашел то, что надо.

Несмотря на наши дружеские отношения, у него хватило такта не лезть ко мне в друзья. Таким образом, несмотря на разные положения по службе, в наших личных отношениях установилось некоторое доброе равновесие. В армии это бывает не часто. У нас – было.

В конце сентября началась лихорадочная подготовка к демобилизации. В первую очередь, на каждого демобилизуемого надо было уточнить все его данные, хранившиеся в Форме-2-УР. Дело не сложное, привычное. У всех проверить наличие воинских документов: красноармейские книжки, удостоверения к ор-

денам и медалям, справки о ранениях и др. Надо отметить что далеко не у всех в этом отношении все было в порядке. Например, Знак (медаль, или орден) были в наличии, а документы – утеряны. Это не считалось каким-то ЧП из ряда вон. Мы в то время как-то не очень строго относились ко всем этим, как мы говорили, «бумажкам»: главное – живы остались, остальное – мелочь.

Наиболее хлопотным был вопрос о солдатском обмундировании. Каждый из увольняемых в запас должен быть одет и обут во все то, что положено по уставу – ни больше, ни меньше. В стандартных ведомостях, например, значилось: шапка-ушанка, шинель армейская, гимнастерка, брюки х/б, ремень кожаный, сапоги кирзовые и. т. д. – вплоть до нижнего белья и портянок. В наличии всего этого имущества он должен был расписаться.

А было так.

Солдат или сержант прошел всю войну, дважды ранен, ремень на нем кожаный, но не солдатский, сапоги хромовые и т. д. Как быть? Или взять того же старшину Борохова – на голове у него уже порядочная шевелюра волос, ремень офицерский, сапоги хромовые. На груди – ордена и медали, в том числе – орден Ленина. Что – раздевать? Переобуваться?

Абсурд. Впрочем, я и сам был не без греха.

Дембель

Плохо ли, хорошо ли, но свою работу мы сделали – подготовили весь исходный материал для дальнейших действий.

Указ Правительства о демобилизации появился в начале 1947 г. Воинские подразделения в стране были расположены повсеместно – от западных границ до Дальнего Востока, от Ледовитого океана до Каспия. Поэтому, планируя демобилизацию в масштабах страны, приходилось учитывать уйму самых разных, порой проблемных вопросов на всех уровнях власти. Главным, конечно, был транспорт, преимущественно железнодорожный.

Из Слуцка нас перевезли в Бобруйск. Я оказался в группе уральцев и сибиряков.

По простоте душевной мы полагали, что нас повезут в комфортабельных пассажирских вагонах: как-никак это были за-

служенные защитники Отечества. Но – не тут-то было. Вместо комфортабельных вагонов нам подали товарный состав «телячьих» вагонов, вместо мягких постелей – солома... не первой свежести. Но мы особенно не переживали: не привыкать.

Моим соседом по «постели» оказался чудаковатый паренек, которого все обитатели вагона сразу обозвали «чокнутым». С утра до вечера, под несмолкаемый стук колес, он задавал мне (а значит, и остальным) самые разные вопросы преимущественно на военные темы: «Можно ли определить численный состав Армии?», «Почему в Армии есть Устав пехоты, а нет Устава других родов войск» и т. д.

Прозвище «чокнутый» он, конечно, оправдывал, но в его любопытстве, на мой взгляд, было какое-то рациональное зерно.

Подъезжая к Казани, мы узнали, что поезд наш идет не по северной ветке (Горький, Киров, Пермь), а по южной (Казань, Ульяновск, Свердловск).

Пермяки (нас было трое) на этот раз без особых хлопот на пассажирском поезде через Ижевск добрались до Кирова, а там до Перми – рукой подать. И через сутки мы были уже дома, в Перми.

Послесловие

Великая Отечественная война описана, наверно, в сотнях книг и воспоминаниях ее участников. О ней снято много фильмов, сложено много песен. Я же рассказал о том, что мне в ней запомнилось более всего.

Война многолика, и каждый из ее участников видел ее по-своему. Меня, например, всегда поражало магическое слово «ПРИКАЗ», идущее от вышестоящего командования и, повинаясь ему, шестерка штурмовиков, бомбардировщиков, или других самолетов беспрекословно летело на его выполнение. В чем сила этого слова? Я и сейчас удивляюсь этому.

В остальном – в войну мне всегда было мучительно больно терять своих боевых товарищей, с которыми, например, еще утром в столовой мы сидели рядом за одним столом, а вечером напротив его стула на столе стоял стакан с его «боевыми стаграммами», накрытый корочкой хлеба (так было у нас принято)... К этому нельзя привыкнуть. И это невозможно забыть.

Было также тяжело видеть обожженные лица летчиков, которым пришлось лететь на уже горящем самолете. У некоторых, например, веки на столько обгорали, что во время сна их не хватало, чтобы прикрыть глаза. Так и спали с открытыми глазами. Невыносимое зрелище.

Я уж не говорю о бомбежке наших сел и деревень. О слезах и причитаниях жителей, оставшихся в живых, хотя без крова.

В перерывах между боями мы частенько заводили разговор о том, какая жизнь будет после войны? Почему-то всем казалось, что она будет прекрасной. Наверное, потому, что нам так хотелось.

Какими наивными мы были! Жизнь показала, что мирное, без войны время пришло к нам «не в светлых ризах». Примеров того множество. Так я, поступив в 1947 году в Пермский СХИ и получая стипендию 240 рублей в месяц, – не жил, а бедствовал.

На село, в колхозы, вернулось далеко не все мужское население, поэтому все тяготы сельской жизни легли на женские плечи. Была бы моя воля, я бы им в центре столицы поставил памятник, чтобы помнили люди.

Многие из мужчин вернулись с войны калеками – без рук, без ног. Они остро переживали свое бедственное положение. Спивались.

В 1950 году я с отличием окончил Пермский СХИ и был направлен на работу в Оренбургскую (Чкаловскую) область в комплексную землеустроительную партию Министерства совхозов РСФСР. Работа нравилась. Казалось, война кончилась, все впереди. Ан нет! Эхо войны громыхнуло и в эти годы самым неожиданным образом. Профессор Н.Я. Коротаев пригласил меня поступить в аспирантуру при кафедре почвоведения в родном институте. Я согласился, и взяв отпуск без содержания, к указанному сроку приехал в Пермь. Экзамены сдал на «отлично», но в списке принятых своей фамилии не обнаружил. Причина ясна – пребывание в немецком плену. Я вернулся в Оренбург. Но путь в науку мне оказался не заказан. Но это уже другая история...

Фотоархив

Уважаемый Анатолий Иванович!

Сердечно поздравляю Вас с юбилеем.

Вы выстояли в годину тяжёлых испытаний, сохранили веру в правое дело, в добро и справедливость. Опалённая войной молодость, вся Ваша жизнь всегда будут служить для нас и для будущих поколений ярким примером беззаветной любви к Родине, силы духа и нестигаемой воли.

Желаю Вам здоровья, благополучия и всего самого наилучшего.

Президент
Российской Федерации

В.Путин

А.И. Паутов, 1941 год

Майор Вахтанг Квелидзе

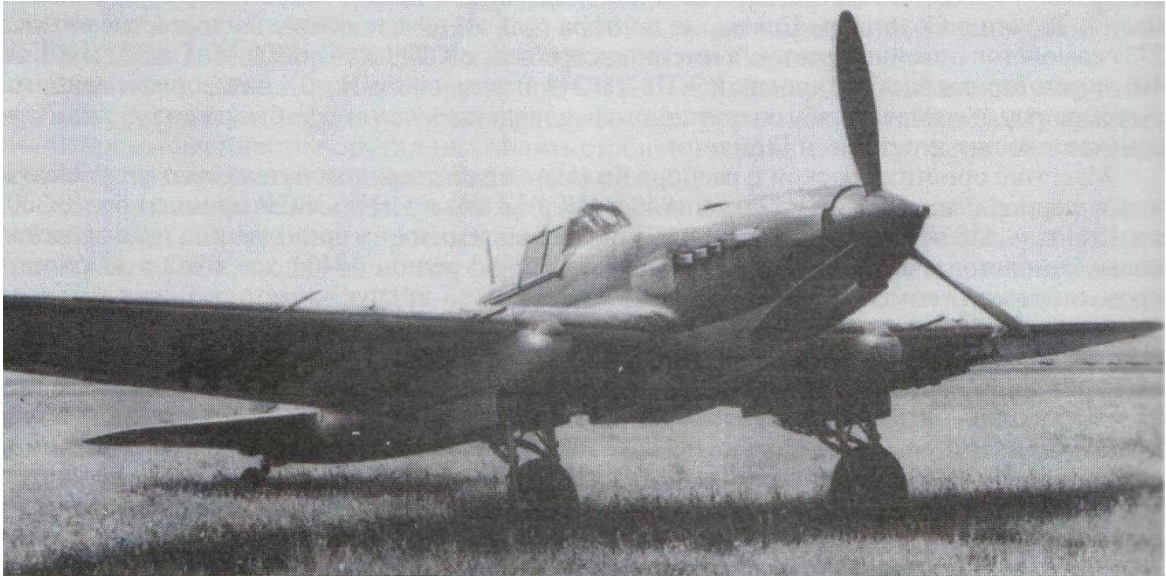
А.И. Паутов в годы войны

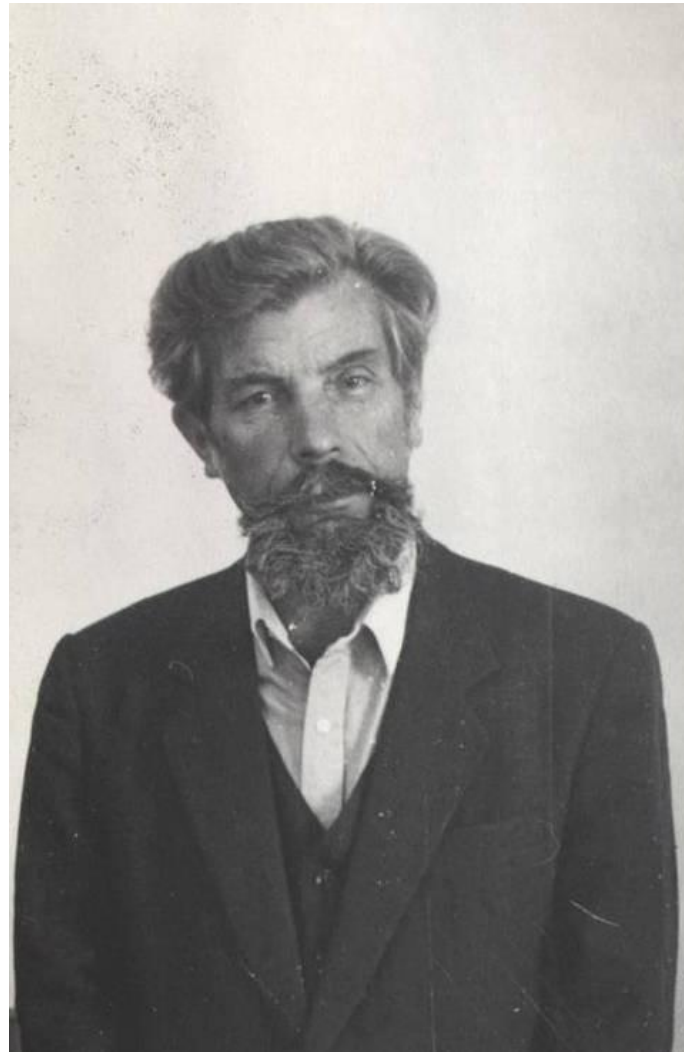
А.И. Паутов. 1948 год

Лагерный жетон А.И. Паутова

Штурмовик Ил-2. На такой машине летал А.И. Паутов.

А.И. Паутов. 60-е годы

Встреча однополчан. Лесное. 1978 г. В центре – Надежда Русина

А.И. Паутов и Надежда Русина. Лесное. 1978 г.

Капитолина Ивановна Юсупова и А.И. Паутов, 1981 г.

Встреча однополчан. Лесное. 80-е гг.
В среднем ряду справа А.И. Паутов.

Встреча однополчан. Второй справа А.И. Паутов.

Встреча однополчан. У колодца для полива винограда сорта Изабелла.
Слева А.И. Паутов.

Однополчане и группа «Поиск». Лесное. 1986 г.
В заднем ряду третий справа А.И. Паутов

Ставрополь, октябрь 1986 г. У мемориала. Дивизия.
Во втором ряду крайний справа А.И. Паутов.

Однополчане. 9 мая 1988 г.
Четвертый справа А.И. Паутов.

Минводы, 90-е годы. Встреча ветеранов.
Слева направо: А.М. Заболотнов, Л.И. Паутова, В.В. Гладилин

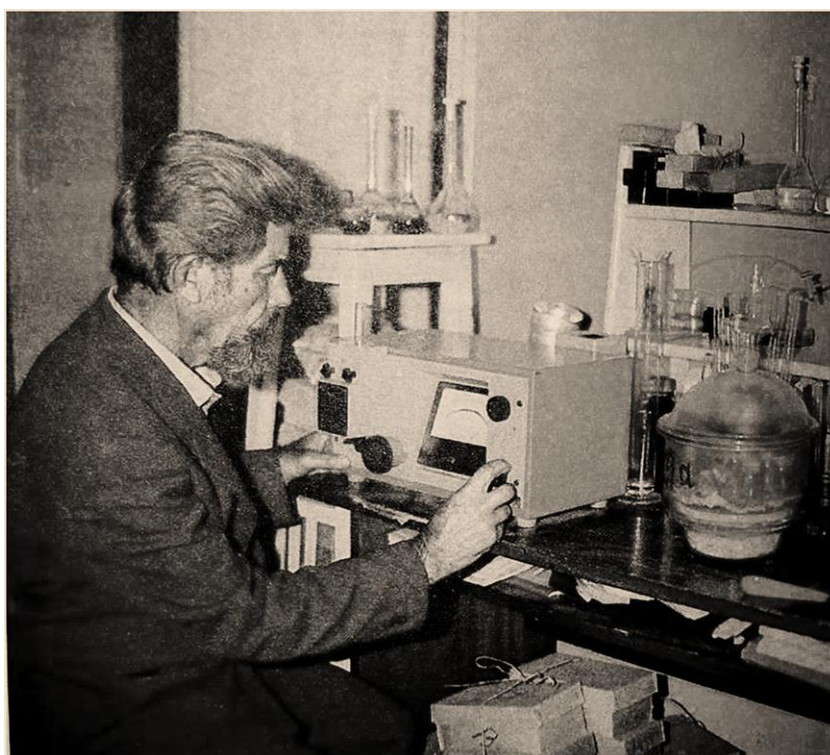
Однополчане. Кривой Рог. 1992 г. Второй слева А.И. Паутов.

А.И. Паутов с сотрудниками кафедры почвоведения

А.И. Пауров проводит занятие

Доцент кафедры почвоведения А.И. Пауров ведет определение доступных форм элементов минерального питания растений в почвах Предуралья

Красино. В гостях у Клавдии Мешковой, руководительницы группы «Поиск». 2007 г. Сидит крайний справа А.И. Паутов.

В музее КИЦ ПГСХА

А.И. Паутов выступает с воспоминаниями перед студенческой аудиторией.

А.И. Паутов беседует со студентами.

А.И. Паутов и Александр Тиунов. 2010 г.

Встреча ветеранов ПГСХА. Слева направо – П.И. Соловьев,
А.И. Паутов, В.М. Макарова, В. Лаищев, М.Т. Митянин

Встреча ветеранов ПГСХА. В центре А.И. Паутов.

9 мая 2011 г.

9 мая 2011 г.

В.В. Гладилин в полку стратегической авиации по случаю присвоения самолету Ан-124-100 Руслан имени «Владимир Гладилин». 2013 г.

Содержание

Предисловие.....	3
Начало.....	5
Боевое крещение.....	6
На войне как на войне.....	11
На отдыхе.....	24
Фронтовые будни и наши полковые девушки.....	27
Пленение.....	37
По ту сторону.....	42
Перелет.....	50
Допрос.....	54
В лагерном госпитале.....	66
Размышления.....	81
Прощай, Родина.....	85
Кто мы?.....	90
Серьезный разговор.....	103
Сибиряк.....	110
Из рассказа Сибиряка.....	115
В людях. Продолжение рассказа.....	119
Неутешительный прогноз.....	135
Нам песня жить помогала.....	139
Побег.....	144
В лапах ГЕСТАПО.....	157
Устройство, конституция и архитектура лагерей.....	159
Охрана лагеря.....	160
Опять допрос.....	165
Я – мастеровой.....	170
Допрос. Продолжение.....	173
После допроса.....	177
Союзники и мы.....	180
Руководство и администрация лагеря.....	183
Переводчик.....	184
Унтер-офицер Форстер.....	185
В бараке.....	185
Миф и легенда о Лепковиче.....	188
Распорядок дня, быт, культура и прочее.....	189
Опять госпиталь.....	191
Побег союзников.....	197
Российские беглецы.....	200
Самосуд.....	210

Музыка в плену.....	212
Карцер	217
Концерт.....	222
Будни. Степан.....	227
Наша «командо».....	232
Дела текущие.....	240
Шумовой оркестр и тревожные ожидания.....	241
Тяжелые дни репетиций.....	242
Новогодние концерты 1944-1945 годов.....	246
45-й победный.....	257
Побег.....	263
Неожиданная преграда.....	278
Немцы рядом	291
Допросы. Допросы.....	317
На крутых поворотах.....	324
Лейтенант.....	327
Аэродром.....	331
У позорного столба.....	334
Опять повороты.....	336
Военные будни.....	345
Солдаты.....	352
Последние бои.....	359
Триумф победителей.....	366
Враг коварен.....	368
Последнее задание.....	370
Новые приключения.....	380
Триумфальное шествие.....	385
Новые приключения.....	386
На отдыхе.....	388
Далекий путь на Родину.....	395
Немного о личном.....	399
Вновь крутые повороты.....	413
Пилорама, казарма и прочее.....	416
Снова крутые повороты.....	424
Сенокос	427
Я снова в полку.....	441
О друзьях-товарищах.....	443
Дембель.....	444
Послесловие.....	445
Фотоархив.....	447